

СТАТЬИ

СОВЕТИЗАЦИЯ КАЗАХСКОГО АУЛА (1926—1929 гг.)

А. Кучкин

I

Маркс и Энгельс неоднократно указывали на возможность некапиталистического пути развития отсталых народов при наличии пролетарской диктатуры в передовых странах. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла такую возможность перед бывшими в колониальном угнетении узбекским, таджикским, киргизским, казахским и другими народами СССР. Перед ними открывался путь перехода от полупатриархальщины и полуфеодализма к социализму, минуя мучительную стадию общественного развития — капитализм. Главную роль в разрешении проблемы некапиталистического пути развития этих отсталых народов должна была сыграть советская государственность. Ленин, выступая на II конгрессе Коммунистического интернационала, говорил, что крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить её на деле, что крестьянские советы отсталых народов «являются средством» для переделки их общественных отношений и что благодаря советскому строю и помощи пролетариата передовых стран отсталые народы могут вступить в социализм. «С помощью пролетариата наиболее передовых стран,— указывал Ленин,— отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определённые ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

Практическое применение к отсталым народам этой марксистско-ленинской теории обеспечивалось национальной политикой большевистской партии, ставившей задачей помочь «отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях»².

Первым шагом в разрешении этих задач являлись классовое расслоение в среде отсталых народов, ликвидация патриархально-феодальных отношений, отстранение эксплуататоров от влияния на массы, устранение их из органов «советского самоуправления, лишение их классовых привилегий путём самоорганизации туземных масс в Советы трудящихся»³.

Задачи некапиталистического пути развития отсталых народов и проведения в жизнь национальных принципов партии Ленина—Сталина особенно остро встали в период индустриализации СССР. Именно в это время товарищ Сталин указывал на внедрение советской государственности в отсталых национальных советских республиках как на очередную задачу.

Чтобы приобщить народы этих республик к строительству социализма, необходимо было «приблизить советы к массам, сделать их нацио-

¹ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 354.

² И. Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 76. М. 1934.

³ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1-я. 1898—1925, стр. 395. М. 1935. Разрядка моя. — А. К.

нальными по составу и насадить, таким образом, национально-советскую государственность, близкую и понятную трудящимся массам»⁴.

Ленин указывал, что если в эпоху феодализма строителями общества являлись сотни, а в эпоху капитализма — тысячи и десятки тысяч, то в советских условиях строителями социалистического общества должны быть десятки миллионов людей⁵. Организованные в советы трудящиеся массы могут творить чудеса. Без втягивания же в социалистическое строительство миллионов масс крестьянства не могло быть и речи о победе социализма в нашей стране. Чтобы решить проблему социализма, надо было укрепить советскую государственность, начиная с самых первичных, низовых звеньев. Поэтому ещё в октябре 1924 г. ЦК РКП(б) на своём пленуме подчеркнул, что «задача — оживления советов в деревне, связанная с общим вопросом об оживлении работы советов, является одной из основных и наиболее острых задач момента»⁶.

Таким образом, вопрос об укреплении советской государственности выдвигался партией как центральный вопрос в проблеме индустриализации, в проблеме социализма и в проблеме некапиталистического пути развития отсталых народов.

В деревнях (русских, украинских и т. п.) передовых советских республик кулак к этому времени в основном был политически изолирован от бедняка и середняка. Как правило, советы в деревнях были в руках бедняков и батраков. Поэтому вопрос об оживлении советов стоял здесь как вопрос о поднятии работы деревенских советов на новую высоту.

Совсем иное положение было в таких отсталых братских республиках, как Казахская, Узбекская, Таджикская и др., где царили «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»⁷. В ауле и кишлаке этих республик были сильны остатки патриархальщины, феодализма, родовые связи и значительно слабее — классовое расслоение и классовая борьба. И если формально здесь и существовали советы, то в действительности в большинстве из них бесконтрольно властвовали бай и манапы. Вот почему тов. Молотов, выступая на XV съезде партии в декабре 1927 г., говорил о создании в республиках Востока аульных и кишлачных советов как о задаче дня. «По отношению к деревне, — указывал он, — мы много говорим об оживлении советов. Между тем по отношению к ряду районов, в особенности советского востока, нам приходится говорить не об оживлении советов, а о создании советов»⁸.

Для создания в аулах и кишлаках подлинных советов требовалось немало времени и сил. В той же речи тов. Молотов говорил: «Наверно потребуются ещё ряд лет, для того чтобы там действительно создалась подлинная советская власть»⁹.

II

В число отсталых республик Востока, о которых говорил тов. Молотов, входил и Казахстан. Здесь трудности социалистического строительства были особенно велики. Социально-экономические отношения в ауле не были ещё затронуты революцией. В ауле не было ни национализации земли, ни периода комбедов, ни раздела байского имущества, ни острой классовой борьбы. Бай владел лучшими, обширными землями, лучшими пастбищами, имел сотни и тысячи голов скота. Эти материальные средства в его руках являлись сильнейшим орудием закабаления батраков и бедняков. Ведя своё хозяйство на основе патриархально-родовых полукрепостнических отношений, бай жестоко эксплоа-

⁴ И. Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 156.

⁵ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 491—492.

⁶ ВКП(б) в резолюциях. Ч. I-я, стр. 646.

⁷ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 338.

⁸ XV съезд ВКП(б). Стенографический отчёт, стр. 1017. М. и Л. 1928.

⁹ Там же.

тировали батраков и бедноту. Империалистическая и гражданская войны, неурожай в 1921 г., джуты¹⁰ и, в связи со всем этим, страшный голод в 1921—1922 годах разорили аульную бедноту до крайности. Не преминувший воспользоваться этим бай ещё сильнее закабалил голодную бедноту экономически и политически. В силу этого беднота и батраки, составлявшие до 60% казахского населения, находились в экономической и политической зависимости у каких-нибудь 10% баев; 30% середняков также тянулись к баям.

Фактически единственной властью в ауле был бай, так как аульная беднота почитала бая как своего родового начальника и подчинялась ему одному безропотно и беспрекословно. Состав аульного совета избирался по указке бая, и председателями аулсоветов, часто даже волисполкомов, были или ставленники баев или сами бай. Управлявший жизнью аула председатель аулсовета в действительности являлся прежним старшиной, и жители аула обычно так и называли его «аульный болус»¹¹.

Характеризуя аул и положение советской власти в нём, Казкрайком ВКП(б) в докладе ЦК ВКП(б) в 1926 г. писал:

«Советское строительство в ауле было воспринято по форме, а не по существу, социальная основа власти осталась прежней: советы были орудием в руках баев — родовичей»¹².

Коммунистическая партия и центральные органы советской власти в то время не могли ещё добраться до аула. На отсутствии подлинной советской власти в ауле особенно сильно сказалась малочисленность рабочего класса в Казахстане. Казахстан был страной сугубо сельскохозяйственной. В 1925—1926 гг. на долю промышленности здесь приходилось не более 12% валовой продукции, на долю сельского хозяйства — 88%, из них на животноводство падало 57% и на полеводство — 31%. Животноводством занималось 90% коренного населения¹³. В ценовой промышленности Казахстана, подведомственной ВСНХ и КазВСНХ, был занят в это время 8171 чел., из них казахов — всего 1875¹⁴. Коммунистическая организация Казахстана была слаба. Казахской советской интеллигенции почти не было. Казахский народ веками держался царизмом в темноте и невежестве. К моменту великого Октября грамотность среди казахов составляла не более двух процентов. Имевшаяся же в незначительном количестве старая казахская интеллигенция в подавляющем большинстве к советской власти относилась враждебно. Часть её, пробравшись в партию большевиков, заняла ответственные посты в партийных и советских органах и всячески старалась сорвать мероприятия партии и советской власти по социалистическому переустройству Казахстана.

Советские кадры Казахстана были крайне слабы, и коммунистам, опиравшимся на них, строительство и укрепление советских органов были под силу главным образом в городах, рабочих посёлках, железнодорожных станциях и ближайших к ним аулах. Большинство же казахских аулов, находясь далеко от городов и промышленных центров, оказались вне непосредственного влияния партии и советской власти, чему в немалой степени способствовала также и территориальная разобщённость аульного населения. Уезд в среднем занимал здесь площадь в 60 тыс. кв. км, волость — в 6 тыс. кв. км, аул от аула отстоял на десятки, а иногда и на сотни километров. Всё это в условиях бездорожья, отсутствия

¹⁰ Джут — падёж скота от бескормицы вследствие обледенения пастбища.

¹¹ Болус — волостной управитель при царизме.

¹² Царташхив Института истории партии при ЦК КП(б) Казахстана, ф. 141, оп. 1—141, ед. хр. 501, л. 44.

¹³ См. стенографический отчёт VI Всеказахского съезда советов. Изд. 1927 г., стр. 22.

¹⁴ «Народное хозяйство Казахстана» № 1—2 за 1929 г., стр. 129.

телеграфа и радиосвязи затрудняло распространение влияния советского государства на аулы.

Известным препятствием к созданию подлинной советской власти в аулах являлась разобщённость казахских земель и казахского народа. До 1925 г. территории Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей, населённых главным образом казахами, входили в Туркестанскую советскую республику. Только проведённое в 1924 году правительством СССР национальное государственное размежевание Средней Азии завершило воссоединение казахов в единое национальное советское государство и явилось крупнейшим шагом вперёд в деле экономического возрождения Казахской республики и укрепления в ней советской государственности.

Таковы основные причины отсутствия подлинной советской власти в ауле.

Для того чтобы приобщить казахов к строительству социализма, к индустриализации СССР и развязать производительные силы аула, а следовательно, и всего Казахстана, необходимо было создать подлинные советы в ауле. Надо было ликвидировать власть бая и обеспечить влияние рабочего класса в политической жизни аула, ибо, как разъяснил товарищ Сталин в своём докладе XIV съезду партии, «никакая советская демократия не может быть названа настоящей советской и настоящей пролетарской, если там нет руководства пролетариата и его партии»¹⁵.

Вот почему в период индустриализации вопрос о советизации аула в Казахстане явился одним из основных вопросов социалистического строительства и национальной политики партии Ленина—Сталина.

Советизация аула означала: усиление влияния коммунистической партии на аул; создание в ауле подлинных органов диктатуры пролетариата; пробуждение творческой самостоятельности аульных масс; освобождение их от байского влияния, от родовых и феодальных пережитков; включение в активное строительство социализма; переделку аула на социалистический лад. Вместе с тем советизация аула являлась ключом к разрешению задач реконструктивного периода в Казахстане и проблемы некапиталистического пути развития казахского народа.

Для Казахстанской парторганизации разрешение этих задач было связано с серьёзными трудностями. Парторганизация Казахстана в конце 1925 г. состояла из 30 тысяч, преимущественно молодых, неопытных членов и кандидатов партии, причём кандидаты составляли 52,7% общего числа; русских в парторганизации было 46%, казахов — 34% (до 10 тыс. чел.); 20% приходилось на другие национальности. Неграмотных в организации насчитывалось около 22%. Особенно много неграмотных было среди казахов.

Состоявшийся в апреле 1926 г. пленум Крайкома ВКП(б) отметил, что «в казахских аулах... мы имеем 6374 человека»¹⁶ членов и кандидатов партии. Это означало, что на одного аульного коммуниста (члена или кандидата партии) приходилось до 1000 чел. аульного населения. Аульные ячейки в своём большинстве состояли из людей технически и политически безграмотных. К тому же ячеек в аулах было мало, и они были оторваны от руководящих центров. Волостные комитеты партии были слабо связаны с уездными. Обычно корреспонденция из уездного комитета доходила до волостного через два—три месяца. Сами уездные комитеты также имели недостаточную связь с губерскими комитетами. Инструкторское дело поставлено было весьма слабо. Фактически волостные парторганизации и аульные ячейки, особенно одиночки-коммунисты

¹⁵ XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчёт, стр. 45. М., 18—31 декабря 1925 года.

¹⁶ Парторхив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 7, д. № 70, л. 23.

в аулах, были предоставлены самим себе. В результате ячейки почти никакой политической работы среди жителей аула не вели.

Трудности усугублялись ещё тем, что проникшие в Казахстанскую парторганизацию и на руководящие посты алашордынцы¹⁷ стремились насаждать под флагом ячеек ВКП(б) свои контрреволюционные организации и по указке баев раздавали партбилеты своим сторонникам. В информационной сводке ЦК ВКП(б) о состоянии Семипалатинской парторганизации в 1926 г. сообщалось, что «некоторые из казаческ насажденные баями». То же явление имело место в Мендешевской волости, Семипалатинского уезда, и в Павлодарском уезде¹⁸.

Все эти трудности Казахстанская парторганизация должна была преодолеть; с помощью ЦК ВКП(б) и под его руководством она и преодолела их.

В декабре 1924 г. ЦК ВКП(б) дал в директивном письме следующее указание партийной организации Казахстана:

«ЦК, учитывая, что в Кирреспублике (Казахстане. — А. К.) советы находятся в особо тяжёлом положении и что фактически в аулах советов нет, считает необходимым принять все меры к действительному созданию советской власти в аулах и кишлаках, создавая советы там, где их нет, и оживляя их работу там, где они существуют»¹⁹.

На апрельском пленуме 1925 г. Краевой комитет ВКП(б) наметил очередные задачи парторганизации. Пленум указал, что «вопросы советского строительства и усиления советской общественности приобретают в наших условиях первостепенное значение»²⁰. Для разрешения этой важнейшей задачи партийным организациям на местах вменялось в непременную обязанность развернуть работу среди батраков, бедняков и середняков аула, организуя их в союзы бедноты; эти союзы должны были воспитывать кадры работников советского аппарата и его руководителей.

В конце 1925 г. советское правительство Казахстана вынесло решение о советизации аула и приняло ряд организационных мер. Одним из важнейших мероприятий правительства было создание по всему Казахстану бедняцкой организации — союза «Кошчи». До этого союз «Кошчи» существовал только в Джетысуйской и Сыр-Дарьинской губерниях, входивших ранее в Туркестанскую республику и присоединённых к Казахстану при размежевании Средней Азии в 1925 году. На территории Казахстана бедняцкая организация «Жарлы» реорганизовалась в союз «Кошчи». ЦИК Казахстана принял «Положение об организации союза «Кошчи»²¹ и утвердил устав. В параграфе первом устава задачи союза были сформулированы так: «Союз «Кошчи» ставит своей основной целью сплочение бедноты, освобождение её от произвола, эксплуатации и патриархально-родового гнёта, а также выявление и развитие её самостоятельности как в деле восстановления хозяйства, так и в деле широкого привлечения бедноты в советское строительство»²². Союз «Кошчи» охватил в начале 1926 г. до 100 тыс. аульной бедноты, батраков и середняков.

Вопрос о советизации аула занял одно из первых мест в работах V партийной конференции Казахстана, собравшейся в декабре 1925 года. «Основным лозунгом, — говорится в резолюции конференции, — должна быть советизация аула, где необычайная слабость советской власти со-

¹⁷ Алаш-орда — националистическая контрреволюционная организация.

¹⁸ Партерхив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 31, д. № 326, л. 21.

¹⁹ Казахстанская организация ВКП(б) в решениях её конференций и пленумов. Вып. 1, стр. 8, 1931.

²⁰ Казахстанская организация ВКП(б) в решениях её конференций и пленумов. Вып. 1-й, 1931, стр. 133.

²¹ ЦАОР КазССР, ф. 5, оп. 7, д. № 1, св. 55, л. 25.

²² Газета «Красный Урал» от 21 марта 1926 года.

здаёт господство родового начала и патриархальных отношений»²³. Конференция подчеркнула, что «советизация аула — решающий вопрос национального самоопределения казахской нации»²⁴.

Таким образом, советизация аула к началу 1926 г. оказалась в центре внимания партийной организации и правительства Казахстана.

III

Практическое осуществление лозунга «Советизация аула» началось в предвыборную кампанию зимой 1925—1926 года. Президиум Казахского ЦИК 27 сентября 1925 г. вынес решение: «Установить срок перевыборов 1925—1926 года с 1 ноября 1925 года по 28 февраля 1926 года, причём на подготовительную предвыборную работу употребить не менее двух месяцев»²⁵.

На основе директив Казахского ЦИК были созданы избирательные комиссии: центральная, губернская, уездные, волостные, аульные. В помощь им был выделен актив из членов партий и беспартийных. Были даны указания об устройстве расширенных заседаний волисполкомов и аулсоветов и о созыве собраний аульного населения.

Однако партийные и советские органы на местах плохо подготовились к выборам. Разъяснительная и организационная работа велась слабо, имели место случаи командования, навязывания нежелательных кандидатур, назначенчества и т. п. Предвыборные собрания были созваны в недостаточном количестве, актив из аульной бедноты был сколочен слабо. В то же время байство готовилось к перевыборам весьма активно. Ещё в июле и августе 1925 г. «по степи стали разъезжать аткамынеры²⁶ и готовить группировки казахского населения к предстоящим перевыборам аулсоветов и волисполкомов»²⁷.

Бай устраивали свои предвыборные совещания и на них намечали своих людей кандидатами в аульные и волостные советы. При этом они всюду подкупали избирателей угощением, раздачей скота и т. п. Так, в Тургеневской волости, Алма-Атинского уезда, бай раздавал избирателям скот. В № 2 аула Бултуртинской волости, Уральской губернии, бай, стараясь пролезть в совет, резал баранов и перед выборами угощал избирателей²⁸.

Борьба за власть шла обычно по родовой линии. Заворг Джетысуйского губкома докладывал ЦК ВКП(б) в июле 1926 г. о том, что избирательная борьба «проявлялась в казахском ауле главным образом на почве родовой борьбы: «Моему роду быть у власти». Доходило до того, что иногда кончали борьбу по миролюбивому соглашению: «Ваш род в прошлом году правил, в этом году нужно править нашему роду». Родовая борьба затухивала классовую борьбу»²⁹. ЦИК Казахстана сообщал ВЦИК РСФСР, что «активность казахского населения при перевыборах имеет в своей основе родовую борьбу. Все слои казахского населения — батраки, беднота, середняки, байство — проявляют при перевыборах максимальную активность». Но «эта активность не классовая, а родовая»³⁰.

Центральная избирательная комиссия Казахстана, подводя итоги перевыборов советов, отмечала: «В эту кампанию... родовая борьба достигла особенно большого напряжения»³¹.

²³ Стенографический отчёт и резолюции 5-й Всеказахской конференции РКП(б). Резолюция по докладу Казкрайкома, стр. 3.

²⁴ Там же, стр. 4.

²⁵ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 105, д. № 141, л. 42.

²⁶ Организаторы общественного мнения, агенты бая.

²⁷ Партархив Института истории партии при ЦК КП(б)К, ф. 141, оп. 1—141, ед. хр. 728, л. 13.

²⁸ Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 17, д. № 56, л. 251.

²⁹ Там же, оп. 31, д. № 150, л. 13—14.

³⁰ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 105, д. № 287, л. 130.

³¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП(б)К, ф. 141, оп. 1—141, ед. хр. 170, л. 194.

В родовую борьбу были втянуты члены партии и комсомольцы. Стараюсь дипломатически прикрыть своё господство, баи намечали некоторые кандидатуры в совет из их числа. По этим же соображениям они выдвигали в советы и беспартийных бедняков и батраков-активистов, отбирая при этом только тех, кто готов был беспрекословно выполнять волю баев. Чтобы устранить от участия в выборах в волостной совет неугодную им бедноту, баи прибегали к другим уловкам: волостной съезд избирателей назначался иногда вдали от аулов, и в виду бездорожья, при отсутствии лошадей и тёплой одежды бедняки не могли туда прибыть на перевыборы. Баи оставались в этих случаях господами положения и без особого труда добивались избрания в состав волисполкома своих сторонников.

Во время перевыборов 1925—1926 г. союз «Кошчи», как правило, оказался в стороне от борьбы за советы, а местами даже содействовал баям. Так, в Жетысуйской губернии союз «Кошчи» поддерживал баев³². Такое же положение отмечалось и в Сыр-Дарьинской губернии. Организатором бедноты во время перевыборов союз «Кошчи» выступал только в редких случаях.

В результате слабости партийного и советского руководства союзом и плохого контроля за его организацией он оказался засорённым байским элементом. Запись в члены союза «Кошчи» часто проводилась заочно; особенно это практиковалось в тех случаях, когда союзом управлял бай или его ставленник. «Принимаются волкомами и ячейками, даже и укомами союза «Кошчи» по 200—300 человек сразу»³³, — констатировала 8-я Талды-Курганская уездная партконференция Жетысуйской губернии.

О том, что классовый враг использовал советскую демократию в своих злых целях, Казахстанская центральная избирательная комиссия в докладе ВЦИК РСФСР писала: «В кампанию 1925—26 года байство показало большое умение приспособляться к советской демократии и пользоваться ею в своих незаконных целях»³⁴.

Бай сумел мобилизовать аульное население на перевыборы советов лучше, нежели партийные и советские органы. Если в выборах 1924—1925 г. участвовало 45% населения, то в выборах 1925—1926 г. участвовало 62%. Но это повышение активности среди населения нельзя отнести к успехам партии и советской власти. Это был успех баев, мобилизовавших свои роды на борьбу за власть. Пленум Жетысуйского губкома ВКП(б), подводя итоги перевыборов советов, правильно отметил: «Мы до сих пор восхищались той активностью, которую мы имеем в казахском ауле, исходя из процента участия на перевыборах населения». Эта активность была высокой и раньше, в 1921—1925 годах. «Весь вопрос заключается не в том, чтобы поднимать активность аульной массы, а в том, чтобы эту активность организовать под своим руководством»³⁵.

Итак, баи в перевыборную кампанию 1925—1926 г. в большинстве случаев оказались победителями. Однако в тех аулах и волостях, где партийные и советские органы провели большую организационную работу и где борьба шла по классовой линии, на выборах всё же победила беднота. Так, например, в Карабинской волости, Уральского уезда, казахская беднота дала решительный отпор вкоренившимся в казахский быт засилью аксакалов и родовым группировкам. В аулах №№ 1, 6, 10 при перевыборах победила беднота. В той же Карабинской волости произошёл знаменательный случай. На волостном съезде в председатели вол-

³² Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 31, д. № 152, л. 6.

³³ Партархив Института истории партии при ЦК КП(б)К, ф. 141, оп. 1—141, ед. хр. 591, л. 20.

³⁴ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 41, д. 53, л. 1.

³⁵ Там же, ед. хр. 1142, л. 11.

исполкома ни одному из родов не удалось провести своего кандидата. Председателем волисполкома был избран «не ставленник байства и аксакалов, а недавно переселившийся из Букеевского уезда демобилизованный красноармеец-казах, не имеющий в волости никакого родства»³⁶.

Семипалатинский губком так характеризовал положение:

«В деле перевыборной кампании бай явились руководителями. Используя ещё весьма сильные в ауле пережитки родового строя, бай подчинили своему влиянию бедноту и середняков»³⁷. Аналогичную оценку итогов выборов в аульные советы в 1925—1926 г. дал Актюбинский губком ВКП(б), который отметил слабость партийного влияния в аулах, руководство баев в перевыборной кампании и «полную несостоятельность бедноты»³⁸.

Пленум Уральского губкома ВКП(б), подводя итоги перевыборов советов, констатировал: «Прошедшая перевыборная кампания советов служила политическим экзаменом для аульных ячеек. Ячейки этого экзамена не выдержали»³⁹.

Собравшийся в апреле 1926 г. пленум Казкрайкома ВКП(б) в своём решении записал: «На перевыборах господствующую роль играло байство (аткамынеры), подчинившее себе все слои аула, вплоть до аульного коммуниста. Это влияние обнаруживалось и на некоторых уездных съездах»⁴⁰. Пленум вскрыл и причины такого исхода перевыборов советов. Основные из них — слабость, а местами и отсутствие партийного руководства перевыборами; отсутствие аульного актива, на который можно было бы опереться в борьбе с байским влиянием; игнорирование отдельными парторганизациями силы и значения родовых отношений в ауле и недооценка политического влияния бая на аул; незнание особенностей аула и его развития за последнее время.

Таким образом, перевыборы со всей ясностью показали силу влияния бая в ауле и волости и отставание руководства аульной жизнью со стороны партийной организации Казахстана.

ЦИК Казахстана на декабрьской сессии 1926 г., учитывая результаты перевыборов советов в 1925—1926 г. и основываясь на материалах обследования положения в аулах членами Каз. ЦИК, констатировал, что фактически хозяйственной и общественной жизнью аула руководит бай⁴¹.

Такое положение было совершенно нетерпимо. Необходимо было принимать срочные меры для изменения политической обстановки в ауле. Надо было лишить бая его экономической мощи.

Казахское население не имело никаких земельно-правовых норм, установленных законом. Существовало только захватное право на землю. Поэтому большая часть земли, и притом самая лучшая, находилась в руках баев. В 1926 г. правительство Казахстана провело крупнейшее мероприятие в деле экономического раскрепощения бедноты — передел сенокосных угодий в пользу бедноты. Это мероприятие наглядно показало бедноте, что советская власть действительно защищает её интересы. «Распределение сенокосов по едокам вполне соумовестно принято населением», — сообщал Семипалатинский губисполком⁴².

Передел подрезал экономическую силу баев, активизировал бедноту, усилил её позиции и поднял авторитет советской власти в ауле.

³⁶ Газета «Советская степь» от 2 февраля 1926 года.

³⁷ Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 31, д. № 116, л. 33.

³⁸ Там же, д. № 1, л. 5.

³⁹ Партархив Института истории партии при ЦК КП(б)К, ф. 111, оп. 1—141, ед. кр. 582, л. 510.

⁴⁰ Сборник важнейших решений Казкрайкома. Пред. 1927 г., стр. 11.

⁴¹ См. статистический отчет 3-й сессии Каз. ЦИКа 5-го созыва 1926 г., стр. 4.

⁴² ЦАОР, КазССР, ф. 5, оп. 7, д. № 153, св. 68, л. л. 111.

В области партийной работы было в то время два основных звена, ухватившись за которые можно было разрешить очередные задачи партийной организации в Казахстане; первое звено — аульный коммунист, второе — союз «Кошчи». Этим обоим звеньям Крайком ВКП(б) уделил теперь большое внимание. Крайком дал директиву партийным организациям: на местах усилить роль коммуниста в ауле, теснее связаться с ним, конкретнее руководить им, поднять его идейно-политический уровень. Чтобы обеспечить партийное влияние в ауле, Крайком мобилизовал часть городских коммунистов и перебросил их на работу в аул. В партийно-просветительную сеть Казахстана в 1926 г. было вовлечено 75% членов партии из казахов — будущих аульных работников. Была усилена в ауле и политпросветительная работа передвижных красных юрт. Красные юрты, имевшие библиотеки, справочники распоряжений советского правительства, газеты, плакаты и т. п., вели также работу и по ликвидации неграмотности.

В это же время была проведена чистка союза «Кошчи» от байских элементов. Однако чистка эта должных результатов не дала, так как ей сплошь и рядом предшествовала так называемая «бата» — обязательство никого не выдавать, а тем самым скрывать и защищать баев. Благодаря этому многие баи оказались во время чистки «незамеченными» и не только остались членами «очищенных» союзов, но при выборах руководящих органов союзов сохранили за собою руководство. «Особых успехов, — сообщал в ЦК ВКП(б) ответственный секретарь Сыр-Дарьинского губкома о чистке союза «Кошчи», — мы не имеем... И приглядываясь к тому, как прошла работа по чистке союзов «Кошчи», нужно прямо сказать, что в этих организациях мы сейчас недостаточно имеем руководства, баи и тут играет главенствующую роль»⁴³.

Положительная сторона чистки союза «Кошчи» заключалась в том, что беднота почувствовала предпринимаемые партией и правительством шаги к ограждению её интересов и к ликвидации байского господства в ауле. Особенно благотворно сказалось влияние это на те аулы, где партийные и советские органы сумели очистить союзы «Кошчи» от баев и их ярых сторонников. Так, например, в Чимкентском уезде «при чистке исключено около 4000 членов из общего числа 10512»⁴⁴.

Очищенные союзы «Кошчи» окрепли и постепенно превращались в массовые организации бедноты, становились проводниками большевистского влияния на аульные массы. Это предвещало наступление конца господства баев в ауле.

Мероприятия Крайкома ВКП(б) и советского правительства Казахстана привели к более положительным результатам в перевыборную кампанию 1927 года. Подготовка к перевыборам проводилась президиумом Казахского ЦИК с 15 декабря 1926 г. по 20 января 1927 г., а перевыборы — с 20 января по март 1927 года⁴⁵.

Партийные и советские органы на местах к этим перевыборам подготовились значительно лучше. К активной подготовке к выборам советских органов призвал в первую очередь циркуляр ЦИК СССР от 26 ноября 1926 г. за подписью М. И. Калинина. В циркуляре была отмечена «крайне недостаточная активность» в минувших перевыборах «именно бедняцких слоёв в деревне»⁴⁶.

В декабре 1926 г. было разослано на места письмо ЦК ВКП(б) по поводу перевыборов советов. В этом письме ЦК указывал партийным организациям на огромное значение перевыборов и на необходимость проведения серьёзной подготовительной работы к ним⁴⁷.

⁴³ Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 31, д. № 115, л. 11--12.

⁴⁴ ЦГАОР КазССР, ф. 196, оп. 3, д. № 29, св. 2, л. 12.

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 45, д. № 88, л. 111.

⁴⁶ Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 31, д. № 155, л. 313.

⁴⁷ Там же, л. 332.

Тогда же Казахстанский ЦИК и Казахстанский СНК выпустили обращение к трудящимся Казахстана. В нём говорилось: «Чтобы управлять государством и строить новое, лучшее человеческое общество (социализм), трудящиеся создали свои органы власти — советы и исполкомы, — в которые должны выбирать лучших товарищей и проверять их на практической работе»⁴⁸. Казахстанский ЦИК и СНК призывали «взять руководство аульной жизнью в руки трудящихся, чтобы сделать аульные советы и казволисполкомы действительными выразителями и защитниками интересов трудового аульного населения»⁴⁹.

В декабре 1926 г. краевое бюро союза «Кошчи» обратилось ко всем комитетам и ячейкам союза с призывом самым активным образом включиться в перевыборы советов.

«Под руководством партии, — говорилось в обращении, — каждая ячейка союза «Кошчи» должна открыто и широко использовать все организационно-политические возможности к тому, чтобы дать решительный отпор байству, обеспечить единый фронт трудящихся всех родов, сплотить всю массу аульной бедноты и перетянуть на сторону бедноты середняков, дабы вновь выбранный совет был действительно советом трудящихся»⁵⁰.

Местные партийные и советские органы Казахстана на сей раз действительно более конкретно руководили подготовкой к перевыборам советов. Аульные ячейки и отдельные коммунисты получали от вышестоящих партийных органов указания, как вовлечь в борьбу за советы аульную бедноту, организовать её и противопоставить партийное влияние байскому. В аулах устраивали собрания бедноты, создавался актив, проводилось инструктирование. К проведению предвыборной кампании был привлечён мугаллим (учитель), который во время выборов сыграл большую роль в борьбе с баем.

Одновременно с этим проводилась кампания по лишению полуфеодалов-баев избирательных прав, выселению их из аулов в отдалённые районы. Некоторые наиболее злостные байы, скрыто или явно ведущие антисоветскую борьбу, были арестованы.

Но при подготовке к выборам советов были допущены ошибки в отношении середняка. В обзоре информотдела ЦК ВКП(б) о состоянии партработы в Казахстане записано: «В своей работе Крайком исходил из той основной установки, что в ауле имеются два сильных полюса: байство и беднота, а середняк, как социальная фигура, какой-либо заметной роли в ауле не играет»⁵¹. В результате середняк не был вовлечён в аульный актив; местами середняков зачисляли в байы и даже лишали избирательных прав. Такое головопатыство, а порою и сознательная вредительская деятельность классовых врагов, прикрывшихся партбилетом, насторожили середняка. Он занял пассивную, выжидательную позицию. Воспользовавшись этим, бай в ряде мест привлёк середняка на свою сторону.

В этой избирательной борьбе байы значительно изменили свою тактику. Если во время предыдущих выборов байы боролись за захват советов тем или иным родом, то теперь, видя надвигающуюся угрозу их классовому господству, они перестроили свои ряды и заключили между собой мир, выступая во многих районах общим фронтом — как класс против класса — против аульной бедноты, руководимой коммунистами.

Однако родовая борьба наблюдалась и во время этих выборов. Об этом, например, сообщал ВЦИК РСФСР Акмолинский губисполком: «Петропавловский УИК отмечает особенно резкое отражение родовой

⁴⁸ ЦАОР КазССР, ф. 5, оп. 7, д. № 76, св. 62, л. 76.

⁴⁹ Там же, л. 77.

⁵⁰ ЦАОР КазССР, ф. 511, оп. 1, д. № 81, св. 6, л. 8—9.

⁵¹ Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 49, д. № 55, л. 131.

вражды в период прохождения волостных съездов»⁵². Родовая борьба имела также место в Атбасарском и Акмолинском уездах и в некоторых волостях Уральской губернии.

Используя родовые пережитки и политическую безграмотность аульных коммунистов, бай даже втягивали их в свои группировки. На помощь баям, которые попрежнему широко использовали подкуп, лесть, угрозы и террор, пришли их идеологи — буржуазные националисты. Некоторые из них, прикрываясь званием члена партии, пролезли на ответственные посты в Крайкоме ВКП(б) и в члены правительства Казахстана. Они публично заявляли, что никаких баев в ауле нет, что бай — не эксплуататоры, а усердные труженики и самая культурная сила в ауле, и что при строительстве советской власти в аулах без баев, откамынеров и аксакалов не обойтись⁵³.

Перевыборы советов в ауле и волости в 1927 г. прошли под влиянием и руководством местных партийных организаций. «Подавляющее большинство низовых съездов, не говоря уже об уездных, прошли под руководством партии», — констатировал пленум Актюбинского губкома ВКП(б)⁵⁴.

Аульная беднота, ломая родовые пережитки, впервые выступила против бая как классовая сила и в этой борьбе достигла довольно значительных успехов. Собравшийся в марте 1927 г. пленум Крайкома Казахстана, подводя итоги перевыборов, записал в своей резолюции: «Значительная часть бедняков и середняков аула заняла твердую позицию» против бая⁵⁵.

Но Крайком отметил и недостатки перевыборов: в ряде мест середняки из-за допущенных по отношению к ним ошибок «заняли пассивно-выжидательное положение», а «батрачество оказалось слабо вовлечённым в кампанию»⁵⁶. Немало аульных коммунистов участвовало и в байских группировках. В них приняли участие и ответственные работники города, «становясь часто организаторами» группировок. В тех случаях, «где партия и «Кошчи» не проявили своё влияние», успех перевыборов оказался на стороне бая⁵⁷.

Необходимо отметить, что союз «Кошчи» в эту кампанию впервые проявил себя как активная сила и в ряде мест показал себя подлинной организацией бедноты. «Решения союза «Кошчи» предопределяли в подавляющем большинстве исход выборов», — отмечал Уральский губком ВКП(б)⁵⁸.

Союз «Кошчи» в это время включал в себя более 170 тыс. членов — большую в условиях Казахстана силу. Но байское влияние в союзе «Кошчи» было ещё сильно. Отдельные союзы во время перевыборов или были пассивны или защищали баев. Бюро Семипалатинского губкома ВКП(б) на своём заседании 9 февраля 1927 г. констатировало: «Байство в момент перевыборной кампании использовало союз «Кошчи» в своих интересах... и как характерное явление байского влияния следует отметить, что вновь избранные аулсоветы в большинстве своём состоят из лиц, недавно записавшихся в «Кошчи»⁵⁹.

Но как ни старались бай, они всё же в перевыборную кампанию 1927 г. потерпели поражение.

⁵² ЦГАОР, ф. 1235, оп. 44, д. № 53, л. 86. См. также ЦАОР КазССР, ф. 5, оп. 8, д. № 93, св. 82, л. 71.

⁵³ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 45, д. № 88, л. 5.

⁵⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КП(б)К, ф. 141, оп. 1—141, ед. хр. 1334, л. 39.

⁵⁵ Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 7, д. № 71, л. 193.

⁵⁶ Там же, л. 192.

⁵⁷ Там же, л. 194.

⁵⁸ Партархив Института истории партии при ЦК КП(б)К, ф. 141, оп. 1—141, ед. хр. 1334, л. 77.

⁵⁹ Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 7, д. № 187, л. 50.

На собравшемся в марте — апреле 1927 г. VI Всеказахском съезде советов были отмечены значительные достижения в борьбе с байским влиянием во время перевыборной кампании. На съезде говорилось, что в этом году беднота аулов воочию убедилась в действительной борьбе советской власти против всяких эксплуататоров⁶⁰. Съезд подчеркнул также, что «современный аул требует к себе исключительных забот для того, чтобы его сделать действительно советским»⁶¹.

В перевыборную кампанию 1927 г. аульские и волостные советы были значительно обновлены. В них влились свежие силы из деревенской бедноты, батраков и середняков. Коммунистическое влияние в советах усилилось. Если в 1926 г. коммунистов в аулсоветах было 4,7%, то в 1927 году — 7,3%; в волостных исполнительных комитетах в 1926 г. — 36,5%, а в 1927 г. — 47,7%⁶².

Увеличение числа коммунистов в составе советов — результат улучшения работы парторганизаций и прямое доказательство роста доверия к коммунистической партии со стороны трудящихся масс.

Активную роль в перевыборах 1927 г. играла женщина-казашка. Её возросшая активность в политической жизни также сказалась на изменении состава советов. Количество женщин в аулсоветах увеличилось с 6% в 1926 г. до 9,7% в 1927 г., а в волысполкомах — с 5% до 7,6%⁶³. Правда, эту активность надо отнести отчасти за счёт родовых группировок. В ряде случаев женщины-казашки шли на перевыборы по приказу своего родового начальника, чтобы обеспечить на выборах победу данному роду. Этот байский метод борьбы был отмечен на совещании заведующих орготделами ЦИК автономных республик, состоявшемся в мае 1928 г. при ВЦИК РСФСР⁶⁴.

Несмотря на имевшие место отрицательные явления всё же вовлечение женщины-казашки в перевыборную кампанию было огромным достижением партии и советской власти. Женщина-казашка, бывшая ранее забитым и угнетённым существом, впервые втягивалась в общественную жизнь и становилась в ряды активных строителей советского государства и социализма.

Обновление состава советов повлекло за собой и улучшение его качества. При перевыборах многие бай и их сторонники были исключены из советов. Пленум Актюбинского губкома ВКП(б), собравшийся в марте 1927 г. по вопросу о перевыборах советов, записал в своём решении: «Почти повсеместно заменён старый состав аульно-волостных советов людьми более или менее близкими интересам трудового населения и более работоспособными, особенно в ВИАх. Характерно отметить, что значительная часть старого состава оказалась лишённой права голоса»⁶⁵.

Итак, перевыборы советов в 1927 г. значительно укрепили советскую государственность в Казахстане. Советы на местах улучшили свою работу. Казахстанский ЦИК сообщил ВЦИК РСФСР, что «уже есть отдельные аульские советы, становящиеся действительными руководителями аульной жизни»⁶⁶.

Но успехи перевыборов не везде удалось закрепить. Крайком ВКП(б) и правительство Казахстана не обратили внимание губернских и уездных органов на необходимость конкретного и повседневного руководства аулсоветами; они не дали указаний о содержании работы вновь избран-

⁶⁰ См. stenографический отчёт VI Всеказахского съезда советов 1927 г., стр. 91—95.

⁶¹ Постановление VI Всеказахского съезда советов, стр. 6. 1927.

⁶² «Казахстан к 10-летию Октября», стр. 9. Изд. 1927 года.

⁶³ Там же, стр. 7.

⁶⁴ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 48, д. № 18, л. 63.

⁶⁵ Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 7, д. № 95, л. 31.

⁶⁶ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 49, д. № 126, л. 37.

ных аулсоветов. Не проявили инициативы в этом отношении и губернские органы.

Президиум Казахстанского ЦИК на своём заседании от 3 ноября 1927 г. констатировал «отсутствие массовой и крайнюю слабость коллегияльной работы аульных советов»⁶⁷.

В своём докладе ВЦИК РСФСР о состоянии в 1927 г. низовых советов в Казахстане Казахстанский ЦИК сообщал: «В подавляющем большинстве случаев аульного совета, как коллегияльного органа, ещё не существует — всю работу ведёт один председатель»⁶⁸. В подобных случаях председатель часто вёл работу по диктовке бая. В том же докладе говорилось: «В ауле байство проводит своё влияние через единовластвующего председателя аулсовета»⁶⁹. Так, например, самообложение на различные нужды часто проводилось в ауле не по имущественной, а по душевой раскладке, что являлось одним «из самых ярких выражений байского влияния»⁷⁰.

По директивам руководящих органов аульные советы в 1927 г. получили более широкие права при разрешении ими земельных споров и гражданских дел; чётко был определён круг вопросов, решение которых входило в функции пленума аульного совета. Усилено было внимание к коренизации советского аппарата. «В 1927 г. казахи составляли в волисполкомах 67%, в уисполкомах — 70%, в губисполкомах — 53,3%. Во всех аульных советах, в волостях и уездах с казахским населением советский аппарат работал на казахском языке»⁷¹.

Скрытые враги народа активно помогали баям сохранять свои позиции в аульных и волостных советах. Так, например, национал-уклонист Садвокасов, выступая на VI партийной конференции Казахстана (ноябрь 1927 г.), упрекал в отступлении от ленинизма тех, кто проводит «Октябрь в ауле». Он и его единомышленники утверждали, что нет никакой разницы между русской деревней в СССР и казахским аулом и что если в русской деревне речь идёт об оживлении советов, а не о создании их, то и в казахском ауле нужно проводить политику не советизации аула, а оживления аулсоветов.

Присутствовавший на конференции секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев разоблачил националистические уловки рядившихся в тогу ленинизма байских агентов и идеологов. «Кто сильнее, — спрашивал тов. Андреев, — кулак в русской деревне или бай в ауле?» И отвечал: «Бай безусловно до сих пор является гораздо более сильной фигурой в ауле, чем кулак в нашей русской деревне. Почему?» Да потому, что в ауле «другая ступень экономического развития, более отсталая, наличие остатков феодализма, родовых связей и т. д. Октябрьской революции в ауле не было... В деревне мы добились того, что кулак изолирован политически» и там «имеется господствующее положение середняка и бедняка в советских и кооперативных органах». А «влияние бая в ауле настолько сильно, что он влияет на всю нашу низовую советскую работу, держит в своих руках всех низовых советских работников и даже иногда держит, как правильно здесь указывали, в своих руках и некоторых коммунистов»⁷².

Вот с этим-то влиянием бая и надо было покончить, чтобы приблизить казахский народ к социалистическому строительству и перетащить его через ступень экономического развития — через капитализм — на

⁶⁷ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 49, д. № 122, л. 97.

⁶⁸ Там же, д. № 126, л. 3.

⁶⁹ Там же, л. 5.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Брайнин С. «Из истории борьбы за советизацию казахского аула (конфискации скота и имущества и выселение без-полуфеодалов) 1926—1927 гг.». «Пролетарская революция» № 3 за 1940 г., стр. 112.

⁷² Стенографический отчет VI Всекитайской конференции ВКП(б), стр. 228—229. 1927.

высшую ступень, в социализм. Для этого надо было форсировать наступление на бая и усиленно продолжать наращивать условия, при которых сама аульская беднота расправилась бы с баем — хитрым и пронырливым классовым врагом.

IV

ЦК ВКП(б) внимательно наблюдал за всем, что происходило в Казахстане. Он своевременно оказывал помощь Крайкому ВКП(б) в проведении им национальной политики партии в условиях отсталой республики. 3 мая 1928 г. ЦК ВКП(б) заслушал доклад Казкрайкома и признал политическую линию правильной, а работу удовлетворительной. «ЦК отмечает, — говорилось в решении, — что за последние два — три года, на основе правильного проведения национальной политики... партийная организация Казахстана имеет ряд достижений... Крайком сумел своевременно и правильно поставить ряд политических и хозяйственных вопросов, имеющих решающее значение для дальнейшего развития Казахстана. Из этих вопросов особенно необходимо отметить вопрос о работе в ауле (советизация аула), к которой Крайком уже подошёл вплотную, мероприятия по борьбе с экономическим и политическим влиянием бая в ауле, по организации и высвобождению из-под влияния бая аульской бедноты»⁷³.

ЦК указал Крайкому, что в центре его внимания должно быть «проведение ряда серьёзных мероприятий по борьбе с экономическим влиянием бая в ауле (конфискация имущества и выселение наиболее крупных скотоводов, земреформа и т. д.), организуя вокруг этой борьбы бедноту и батрачество, осуществление на деле советизации аула, развития и укрепления в нём советов и усиление руководящей роли партийных ячеек»⁷⁴.

Вооружённый директивами ЦК партии, Казкрайком ВКП(б) приступил к подготовке новой перевыборной кампании 1928—1929 года.

Эта подготовка партийными и советскими органами Казахстана проводилась ещё более интенсивно и серьёзно, чем в предыдущие кампании. Крайком ВКП(б) усиленно укреплял низовые парторганы и выращивал кадры аульных коммунистов. Он развёртывал партийно-просветительную сеть в ауле и волости. Через летние парткурсы в 1928 г. было пропущено более тысячи человек низового партактива, среди которых более половины составляли казахи. Мероприятия по укреплению аульных ячеек и политическому воспитанию аульных коммунистов дали свои результаты: число коммунистов и ячеек в аулах постепенно увеличивалось.

Учтя положение отдельных аулсоветов, снова подпавших после перевыборов в 1927 г. под влияние баев, Крайком ВКП(б) предложил местным парторганам обратить серьёзное внимание на такие советы и вырвать их из-под влияния баев. Отметив крайнюю слабость коллективной работы и почти полное отсутствие массовой работы во многих аулсоветах, Крайком предложил оживить их работу. 28 августа 1928 г. Бюро Крайкома, указав на засорённость союза «Кошчи» и неумение его закрепить свои позиции в ауле, вынесло решение: «1) Оживить и усилить работу партии в союзе «Кошчи», прежде всего путём вовлечения в него аульных коммунистов... 2) Очистить аппарат союза «Кошчи» от служилого и актамынерского элемента... 3) Перестроить союз «Кошчи» на действительно бедняцком, батрацком фундаменте, путём массовой вербовки новых членов»⁷⁵.

Крайком обратил внимание на ряд парторганизаций, в которых партийная работа стояла на низком уровне, а советы и другие органы оставались без партийного руководства.

⁷³ Казахстанская организация ВКП(б) в решениях её конференций и пленумов. Вып. I, стр. 13. 1931.

⁷⁴ Там же, стр. 14.

⁷⁵ Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 7, д. № 6, л. 171.

Мероприятия Крайкома ВКП(б) значительно поднимали авторитет партии среди аульных масс, пробуждали и развязывали их инициативу и активность.

Об оживлении деятельности низовых советских органов и поднятии их авторитета были даны указания и по советской линии. Так, в конце 1927 г. Казахстанский ВЦИК предложил местным исполкомам Казахстана провести ряд мероприятий для решительного усиления и улучшения живого руководства низовыми советскими органами, улучшения коллегияльной и массовой работы советов и низовых исполкомов: «Регулярный созыв пленумов, применение отзыва бездеятельных депутатов, периодическая ответственность (отчётность? — А. К.) депутатов перед избирателями, переход к постоянным секциям через работу временных комиссий»⁷⁶.

В то же время на основании директивы ЦК ВКП(б) по советской линии осуществлялись мероприятия, значительно подрезавшие силу бая и укреплявшие позиции советской власти в ауле. В 1927 г. продолжался передел сенокосных угодий и проводился передел пахотных угодий. У баев было отобрано и передано батракам, беднякам и середнякам до 1250 тыс. гектаров пахотных и около 1360 тыс. гектаров сенокосных угодий.

О соотношении классов в землепользовании в результате передела угодий можно судить на примере Кустанайского округа. «Передел произведён, — констатирует Кустанайский окружной комитет ВКП(б), — в разрезе максимального удовлетворения ценными угодиями бедноты: бедняки получили 72% общего количества угодий, середняки 23,6% и баи 4,4% вместо имевшихся до передела (соответственно) 51,5%, 26,2% и 22,3%»⁷⁷.

Бай лишался земли — могущественного средства закабаления бедноты. Правительство Казахстана оказывало бедноте помощь кредитами, снижением налогов и т. п.; увеличивало тяжесть налогов на баев. Беднота, почувствовав силу и заботу советской власти о трудящихся, ещё больше спланивалась вокруг советов и партии.

Все такого рода мероприятия советского правительства разрушали патриархально-феодалные пережитки в ауле и развязывали производительные силы республики. Так, например, из года в год увеличивалась посевная площадь Казахстана. В 1925 г. она составляла 3 с лишним миллиона десятин, в 1926 г. — 3515 тыс. дес., в 1927 г. — 3800 тыс. дес., в 1928 г. — 3809 тыс. дес.⁷⁸

Поголовье скота также росло из года в год: в 1925 г. — 22 млн. голов, в 1926 г. — 30 млн., в 1927 г. — 38 млн., в 1928 г. — 39 млн., в 1929 г. — 40 млн. (цифры округлены)⁷⁹.

Но у баев всё ещё оставалось много скота, который являлся в их руках средством закабаления бедноты. У некоторых баев насчитывалось до 10 и более тысяч голов скота. Используя пережитки родовых отношений, полуфеодалы-баи в кочевых районах раздавали скот своим сородичам на выпас на условиях полного присвоения естественного прироста скота. Рабочий и молочный скот они предоставляли в пользование бедноте за отработки. В оседлых земледельческих районах жили крупные баи, которые вели своё хозяйство капиталистическим способом и имели крупные зерновые хозяйства, основанные на применении наёмного труда и сложных машин.

До тех пор пока в руках баев находились могучие материальные средства, дававшие им возможность господствовать в экономическом

⁷⁶ ЦАОР КазССР, ф. 5, оп. 9, д. № 154, св. 94, л. 3.

⁷⁷ Партакхив Института истории партии при ЦК КП(б)К, ф. 141, оп. 1—141, ед. хр. 1667, л. 30.

⁷⁸ Стенографический отчёт VII Всесоюзного съезда советов 1929 г., стр. 19.

⁷⁹ «Весь Казахстан». Справочная книга, стр. 138. Изд. 1931 года.

отношении над аульной беднотой, жестоко эксплуатируя её, нечего было и думать о полном политическом освобождении аульных масс из-под влияния бая. «Пока существуют крупные полуфеодалы и предпринимательские хозяйства на одном полюсе аула и огромные кадры мало-мощной крестьянской массы на другом,— сообщал Казкрайком Центральному Комитету ВКП(б),— не может быть никакой речи о ликвидации остатков полукрепостнической зависимости, угнетения и эксплуатации, составляющей оплот не только экономического, но и политического господства ранее привилегированных групп в ауле, а, тем самым,— и о таком развитии производительных сил аула, которое обеспечивало бы возможность социалистической реконструкции аульного хозяйства»⁸⁰.

Президиум ВЦИК РСФСР на своём заседании 20 августа 1928 г., обсуждая внесённый правительством Казахстана вопрос о конфискации имущества и выселении крупных скотоводов, отметил, что они, скотоводы, «сохраняя полуфеодалы, патриархальные и родовые отношения, своим имущественным и общественным влиянием препятствуют советизации аула»⁸¹.

Правительство Казахстана на объединённом заседании Казахстанского ЦИК и Казахстанского СНК 27 августа 1928 года приняло «декрет о конфискации и выселении крупнейших байских хозяйств и полуфеодалов»⁸². На этом же заседании было принято обращение к трудящимся Казахстана, в котором разъяснялась цель конфискации скота крупных баев и выселения их в отдалённые районы.

Кампания длилась три месяца. Конфискации и выселению подверглись до 700 баев. У них было отобрано 150 тыс. голов скота (в переводе на крупный скот). Конфискованным скотом были наделены 25 тыс. бедняцких и батрацких хозяйств, «создано 293 новых колхоза, укреплено значительное количество имевшихся колхозов и организовано 5 новых совхозов»⁸³.

Процесс конфискации благотворно отразился на аульных и волостных советах, на оживлении и очищении их от чуждых и бездеятельных членов. Уральский окружком отметил: «Впервые в ауле во время конфискации осуществлено отозвание избирателями недостойных членов совета»⁸⁴.

Конфискация нанесла решительный удар по пережиткам родовых и феодальных отношений в ауле. Экономические позиции баев были сильно подорваны. Политическое влияние их в значительной мере было ослаблено. Наряду с этим выросло политическое сознание бедноты аула. Сотни тысяч трудящихся, переживая исключительный подъём, приняли активное участие в кампании по конфискации скота и прочего имущества у самых заклятых классовых врагов бедноты и батрачества. Небывало высоко поднялся авторитет советской власти и партии.

В ходе кампании по конфискации скота значительно окрепла и партийная организация Казахстана. Отсеялись чуждые и враждебные элементы. Партийные ряды пополнились за счёт притока активных участников кампании из аульной бедноты и батраков. Но далеко не полным данным, к декабрю 1928 г. по Казахстану бедняками и батраками было подано 2 тыс. заявлений о приёме в партию. В Гурьевском округе было подано до 200 заявлений, в Кызыл-Ордынском — свыше 300, в Алма-Атинском — 400.

Кзыл-Ордынский окрисполком, обзвывая мероприятия советской власти Казахстана в 1927—1928 гг., отметил, что «самые сильные удары

⁸⁰ Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 49, д. № 56, л. 30.

⁸¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 147, д. № 63, л. 120. Разрядка моя. — А. К.

⁸² Там же, оп. 49, д. № 122, л. 11.

⁸³ Партархив Института истории партии при ЦК КП(б)К, ф. 111, ол. 1—141, ед. хр. 2063, л. 135.

⁸⁴ Там же, ед. хр. 1687, л. 100.

по основным устоям байской власти: отнятие у баев средств производства — пахотных и сенокосных угодий и конфискация байского скота, выселение баев-феодалов за пределы округов, где они пользовались влиянием, завершают путь к преобразованию аула в советский⁸⁵.

Правительство Казахстана провело ряд и других важнейших мероприятий: ещё более усилило коренизацию советского аппарата и провело чистку его от чуждых и враждебных элементов. Из советского аппарата было вычищено чуждых элементов до 20% всего состава работников⁸⁶. Союз «Кошчи» всё ещё включал в себя классово-враждебные элементы. На 1 сентября 1928 г. всего членов в союзе было 230 тыс. человек⁸⁷. Баи в союзе имели немалое влияние. Некоторые из них, будучи членами союза, занимали в нём ответственные посты. Поэтому Президиум Казахстанского ЦИК на своём заседании 11 октября 1928 г. вынес решение «очистить аппарат союза «Кошчи» от служилого аткамынерского элемента. Выдвинуть на руководящие посты в союзе «Кошчи» подлинных представителей батрачества и бедноты»⁸⁸. В результате такой чистки из союза «Кошчи» было выброшено до 2 тыс. баев и аткамынеров.

В целях приближения советского аппарата к массам и развития производительных сил Казахстана летом 1928 г. было проведено районирование республики: вместо губерний, уездов и волостей были введены округа и районы. Раньше Казахстан делился на 6 губерний, 2 округа, 32 уезда и 410 волостей; теперь стало 13 округов и 198 районов. Важнейшие из общих задач районирования, как указывали центральные органы Казахстана, это: «Возможно более полное развитие производительных сил данной области (округа, района); ...приближение власти к населению и передача низовым органам управления возможно большего объёма прав» и т. д.⁸⁹.

Аульные советы были разукрупнены и построены по территориальному принципу. Постоянным местопребыванием аулсовета стал наиболее населённый пункт его административной территории. Были созданы национально однородные советы. В 1928 г. было создано 2175 казахских аульных советов, 1207 русских и украинских, 114 казахских сельских советов, 45 уйгурских, 31 узбекских и т. д.⁹⁰.

В связи с районированием усилилось руководство партии советским строительством, значительно быстрее стали развиваться производительные силы района и аула.

Все мероприятия Крайкома ВКП(б) и правительства Казахстана создали благоприятные условия для активизации масс и успешной борьбы с баем, с родовыми и феодальными пережитками в ауле. О достижениях Казахстана в этой области М. И. Калинин, закрывая декабрьскую 1928 года сессию ВЦИК, сказал: «Мне здесь при закрытии нашей сессии хочется на примере Казахской республики подчеркнуть, как за какие-нибудь 11 лет, а то и того меньше, кочевое, патриархальное, неграмотное, буквально забытое население становится культурное, выделяет свою интеллигенцию и последнее время предпринимает ряд мер к обузданию и к совершенному изживанию своих феодалов-помещиков; как это население постепенно разгибает свою спину, превращаясь в равноправных, независимых советских граждан. Безусловно — это есть результаты советского строительства, результаты победы

⁸⁵ ЦАОР КазССР, ф. 493, оп. 1, д. № 4а, св. 1, л. 6.

⁸⁶ Стенографический отчёт VII Всеказахского съезда советов, стр. 108, 1929.

⁸⁷ См. партиархив Института истории партии при ЦК КП(б)К, ф. 141, оп. 1—141, ед. хр. 1290, л. 2, а также материалы к отчёту ЦИК КазССР на 3-й сессии ВЦИК 13-го созыва 1928 г., стр. 20.

⁸⁸ ЦАОР, ф. 1235, оп. 49, д. № 122, л. 226.

⁸⁹ «Советская степь» от 16 августа 1928 года.

⁹⁰ «Большевик Казахстана» № 12 за 1933 г., стр. 53.

рабочего класса в союзе с крестьянством над капиталистами и помещиками»⁹¹.

Достижения в области политического роста масс предстояло закрепить и развить в новой перевыборной кампании, к которой усиленно готовились партийные и советские органы.

Классовый враг тоже не дремал. Баи с исключительной настойчивостью обрабатывали массы и в этих целях двинули в бой духовенство, которое играло на религиозных чувствах казахов. Отдельных активистов-бедняков и коммунистов баи долго и упорно обхаживали, склоняя их на свою сторону и готовя их в качестве своих агентов в советах. Используя прежние излюбленные методы борьбы — подкуп, угощение, спавание, развращение, угрозы и т. п., — баи наряду с этим особенно усилили террор. Аульных коммунистов и активистов избивали, убивали и т. д.

Крайком ВКП(б) в своей телеграфной директиве от 22 декабря 1928 г. указывал окружкам ВКП(б), что энергия байства в подготовке к перевыборам «местами далеко превосходит подготовительную работу партийных организаций»⁹². На всю серьёзность предстоящих перевыборов Крайком указывал окружкам и в своей ноябрьской 1928 г. директиве. Крайком писал: «Предстоящая кампания перевыборов советов потребует от партийных организаций огромного напряжения сил, чёткого понимания стоящих задач и качественно высокого и твёрдого руководства»⁹³. Он указал, что в результате наделения бедноты землёй, раздачи ей конфискованного у баев скота и ряда других мероприятий часть бедноты поднялась до уровня середняка. Средняк в количественном отношении вырос. В кампаниях по переделу угодий и конфискации скота середняк «выявился, как самостоятельная сила, отделяя себя от бая». Поэтому «сейчас выпячивается вопрос о середняке в ауле», которого необходимо «привлечь на свою сторону»⁹⁴.

Собравшийся в декабре 1928 г. Казахстанский ЦИК указал также на роль в перевыборах середняка и женщины: «Особое внимание, — говорилось в решении Казахстанского ЦИК, — в предстоящих перевыборах обратить на выдвижение лучшей активной части батрачек и беднячек в Советы»⁹⁵.

Таким образом, партийные и советские органы на местах были ориентированы в обстановке, в важности предстоящих перевыборов советов, инструктированы о формах и методах работы с массами и борьбы с баями. Казахстанский ЦИК командировал 21 члена правительства и ответственных работников центрального аппарата «для отчётности перед населением и участия в проведении избирательных собраний»⁹⁶. С этой же целью был командирован на места ряд работников. Всё же живое инструктирование местных органов, особенно волостных, не говоря уже об аульных, было далеко не достаточным. Но несмотря на эти недочёты кампания по перевыборам советов в 1928—1929 г. прошла с большим успехом.

В отчётах по перевыборам этот успех особенно подчёркивался в тех районах, где проходила конфискации крупных скотоводов и выселение их. «По всем материалам. — сообщал Уральский окрисполком, — виден сдвиг небывалой активности батрачества и бедноты именно в тех районах, где это мероприятие (конфискация) проводилось»⁹⁷. Об этом же

⁹¹ «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» от 3 декабря 1928 г. Разрядка моя.— А. К.

⁹² Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 7, д. № 32, л. 26.

⁹³ Бюллетень Казахского краевого комитета ВКП(б), ноябрь 1928 г., стр. 6.

⁹⁴ Там же, стр. 7.

⁹⁵ Постановление 4-й сессии ЦИК Казахстана, 1929 г., стр. 46.

⁹⁶ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 50, д. № 59, л. 8.

⁹⁷ Там же, д. № 60, л. 531.

свидетельствовали и Павлодарский, и Семипалатинский, и Гурьевский⁹⁸, и Сыр-Дарьинский, и ряд других окрисполкомов⁹⁹.

Окризбиркомы устраивали перед выборами собрания бедноты, смотр сил трудящихся аула, созывали конференции групп бедноты. Аул во время перевыборной кампании кипел и бурлил.

В четырёх районах Каркалинского округа: Аксаринском, Балхашском, Беркаринском и Кувском — было проведено 265 отчётных собраний, на которых присутствовало 54 548 человек; задано было 2165 вопросов. По докладам выступило 822 избирателя, из них — 63 женщины.

Более активно, нежели в предыдущую кампанию, включился в перевыборы и союз «Кошчи». В своём отчёте о перевыборах 1928—1929 г. Уральский окружной исполнительный комитет советов отмечал: «Местами предвыборные собрания бедноты, под руководством «Кошчи» и комсомола, превращались в массовые демонстрации (аулы №№ 1, 4, 7 Зауральского района), бедняки и батраки одних хозаулов являлись в другие и призывали батрацко-бедняцкие массы этих аулов к борьбе с байством целого административного аула (аулы №№ 2, 3, 4)»¹⁰⁰.

Классовая активность бедняков, батраков и середняков во время этих выборов значительно повысилась. Попытки баев подчинить своей воле избирателей встречали решительный отпор. Казахский Центризбирком сообщал, что «в ауле № 1, Меркенского района, Сыр-Дарьинского округа, когда на отчётное собрание явились аткамынеры и байские приспешники, беднота потребовала перенести собрание на следующий день, чтобы побольше собрать избирателей и таким образом парализовать байские стремления»¹⁰¹.

Впервые в истории перевыборов советов в ауле развернулась острая классовая борьба. Бюро Казкрайкома ВКП(б), подводя итоги перевыборов советов, на заседании 16 июля 1929 г. записало в решении: «Перевыборы аулсоветов в 1929 г. в основном протекали в обстановке развёрнутой классовой борьбы против бая, против аульного эксплуататора. В этих условиях лозунги родовой борьбы в подавляющем большинстве аулов сменились на лозунги классовой борьбы»¹⁰².

Об этом же говорила и резолюция президиума Казахстанского ЦИК от 15 августа 1929 г., которая отметила, что «в результате улучшившейся организации и работы с беднотой, особенно в ауле (собрание бедноты, смотр, организация и конференции групп бедноты), выросла классовая сознательность бедноты и укрепился её союз с середнячеством»¹⁰³.

Процент избирателей, явившихся на перевыборы, по сравнению с перевыборами 1927 г. значительно повысился. Если в 1927 г. в перевыборах советов участвовало около 55% аульного населения, то в 1928—1929 г. процент этот повысился до 60,9¹⁰⁴.

Особенно активное участие в перевыборах приняли женщины-казашки, процент участия которых по сравнению с предыдущими выборами повысился в полтора — два раза.

В результате перевыборов изменился состав аульных и волостных советов. К управлению аулом и волостью пришли новые люди — активные, преданные советской власти, настроенные против бая. «В конечном счёте, — говорится в решении Бюро Казкрайкома по итогам перевыборов, — качественный состав аульно-сельских советов значительно улучшился»¹⁰⁵.

⁹⁸ ЦГАОР, ф. 1235, д. № 59, лл. 13 и 14.

⁹⁹ Там же, д. № 59, л. 35, д. № 60, лл. 174 и 175.

¹⁰⁰ Там же, д. № 60, л. 530.

¹⁰¹ Там же, оп. 50, д. № 59, л. 35.

¹⁰² Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 7, д. № 11, л. 19.

¹⁰³ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 56, д. № 40, л. 50.

¹⁰⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КП(б)К, ф. 141, оп. 1 — 121, ед. хр. 2386, л. 89.

¹⁰⁵ Партархив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. 7, д. № 11, л. 21.

Число женщин в советах, избранных в 1929 г., повысилось с 9,7% до 21,39%; число батраков — с 6—7% до 13,5% в советах, до 14,9% в их президиумах, до 16% в составе председателей; число членов и кандидатов ВКП(б) — с 7,3% до 9,6% в советах, до 25% в их президиумах и до 38,6% в составе председателей.

Состав советов был обновлён в 1929 г. на 65%, их президиумов — на 66% и председателей — на 68,2%.

В советы в значительной мере был вовлечён и середняк. Из нейтрального, колеблющегося состояния он перешёл на позицию активной поддержки советской власти. Земельная и скотоводческая реформы (1926—1928 гг.), основательно подрывавшие силу бая и подорвавшие феодально-родовые отношения в ауле, убедили середняка-казаха в силе и непобедимости советской власти и в том, что она, решительно наступая на бая, защищает его интересы. Средняк активно включился в политическую жизнь и социалистическое строительство. Уральский, Акмолинский, Семипалатинский окрисполкомы отмечали, что середняк в перевыборную кампанию был активен, что он в массе своей блокировался с беднотой и батрачеством, что середняк стоит теперь горой за советскую власть»¹⁰⁶.

Успехи в деле советизации аула были отмечены VII Всеказахским съездом советов, проходившим в апреле 1929 года. Но как VII съезд советов, так и партийные и советские органы Казахстана отметили ряд крупных недочётов в прошедшей перевыборной кампании. Были случаи предоставления голоса баю. Кое-где бай сумели завоевать на свою сторону избирательные комиссии. В иных местах баям удалось сорвать выборы собрания.

Все подобного рода факты показывали, что бай в ауле ещё силен, что во время перевыборной кампании он был весьма активен, хорошо организован и с большим ожесточением боролся за своё влияние на аул.

Однако как ни старались классовые враги удержать под своим влиянием аул, как ни активизировали они свои силы, изобретая новые средства и методы в борьбе с рабочим классом и его партией за влияние на аульские массы, им это не удалось. Из ожесточённой схватки во время перевыборов советов победителем вышел рабочий класс и его опора и союзник в ауле — бедняк и середняк. Бай снова оказался битым.

Перевыборы советов в 1928—1929 г. закончились блестящей победой коммунистической партии и советской власти: казахский аул в основном был советизирован.

Казахстанский ЦИК сообщал ВЦИК РСФСР, что в результате перевыборной кампании 1928—1929 г. и проделанной организационно-массовой работы «аул в основном стал советским», что теперь в порядке дня стоит только «завершение советизации аула, оживление работы аулсоветов и введение чёткости в их работу»¹⁰⁷.

Советская государственность в Казахстане в период индустриализации прочно укрепилась. Казахский народ окончательно самоспециализировался в самостоятельную и независимую нацию. Беднота, батраки и середняки взяли управление аулом в свои руки, приобщились к управлению государством. Родовым и феодальным пережиткам был нанесён сильнейший удар. Трудящиеся массы аула активно включились в построение социализма в СССР, в переделку своей отсталой экономики на социалистический лад. Развязанные производительные силы аула стали быстро развиваться. Народное хозяйство Казахстана благодаря материальной помощи государства неуклонно шло вперёд невиданными дотоле темпами.

¹⁰⁶ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 50, д. № 59, л. 15, 16.

¹⁰⁷ Там же, оп. 56, д. № 212, л. 2. Разведка мол. — А. К.

Нижеприводимая таблица показывает, какая помощь была оказана советским правительством сельскому хозяйству Казахстана¹⁰⁸.

Г о д ы	Общая сумма ассигнований на сельское хозяйство по Казахстану (в тыс. руб.)				Ввезены с.-х. машины на сумму (в тыс. руб.)
	по системе с.-х. кредита	по госбюджету	по местн. бюджету	на ирригац. строительство	
1924—1925	8 295	1 951	491	1 017	2 686
1925—1926	7 481	3 779	931	2 011	5 236
1926—1927	10 723	5 881	1 928	2 491	8 523
1927—1928	17 318	7 043	2 707	6 755	10 565
Итого	44 047	18 607	6 060	12 274	27 019

Оказанная государством помощь наглядно сказалась на росте скота и увеличении посевной площади Казахстана. поголовье скота в 1929 г. достигло 40 млн. голов (округленно) и превышало довоенный уровень на 35,5%, а по сравнению с 1920 г. — на 148,5%¹⁰⁹. Посевная площадь в 1929 г. составляла 4539 тыс. га и выросла по сравнению с посевной площадью 1925 г. почти на 42%¹¹⁰.

Быстро развивалась и промышленность Казахстана. Восстанавливались, реконструировались и строились крупнейшие промышленные предприятия, как, например, Риддер, Эмба нефть, Карсакпай и др. На один только Риддеровский комбинат было израсходовано более 10 млн. рублей. Благодаря этой помощи Казахстан развивал свою промышленность высокими темпами. Так, например, Эмба нефть в 1913 г. дала 117,6 тыс. т. нефти, а в 1929 г. добыча нефти достигла уже 270 тыс. тонн¹¹¹. Черновой меди было произведено в Казахстане в 38 раз больше, нежели в 1913 году. Металлообрабатывающая промышленность увеличила свою продукцию в 2,5 раза по сравнению с 1913 годом. Валовая продукция ценовой промышленности в 1929 г. превысила довоенный уровень на 230%.

В Казахской советской республике происходили огромные сдвиги. Казахстан превращался из глубоко отсталой, аграрной страны в страну индустриально-аграрную.

Большой шаг вперед сделало колхозное строительство в Казахстане. До 1928 г. оно было совсем незначительно. Даже в 1928 г. в Казахстане было всего около 2 тыс. колхозов, объединявших до 2% всех крестьянских хозяйств. К октябрю 1929 г. колхозами было охвачено уже 7% всех хозяйств Казахстана, а с 1 октября по 31 декабря 1929 г. в колхозы вступило более 100 тыс. крестьянских хозяйств. Это было начало массового колхозного движения. Социализм в Казахстане побеждал.

Казахский народ при беззаветной братской помощи великого русского народа и под руководством партии большевиков, под руководством великого Сталина перешагивал через самую мучительную ступень общественного развития — через капитализм — и из полупатриархальщины и полуфеодализма вступал в социалистическое общество. Такой небывалый в истории человечества гигантский шаг был возможен только в условиях советской власти, под руководством ВКП(б) и благодаря неуклонному проведению в жизнь принципов её национальной политики.

¹⁰⁸ «Весь Казахстан». Справочная книга, стр. 127—128. Изд. 1931 года. Цифры в третьей колонке перенутаны, но так в источнике. — А. К.

¹⁰⁹ Там же, стр. 138.

¹¹⁰ «Соцстроительство Казахстана». Эконом. ст. справочник за 1920—1935 гг., стр. 97. Изд. 1936 года.

¹¹¹ Там же, стр. XXXIII.

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

И. Володарский

В шестидесятых годах прошлого века, когда освободительное движение против царизма достигло особенно высокого подъёма, русский революционно-демократический лагерь, возглавлявшийся П. Г. Чернышевским, объединял многих выдающихся деятелей. К их числу принадлежал и широко известный в то время революционер, разносторонне образованный публицист Николай Александрович Серно-Соловьевич.

Идейно-политические взгляды Н. А. Серно-Соловьевича подверглись сложной и характерной для того времени эволюции. После напряжённых исканий и внутренней борьбы он от дворянско-либеральных воззрений «маркиза Позы» безбоязненно перешёл на позиции мужицкого демократизма¹, став близким соратником Чернышевского.

В литературе, касающейся личности Н. А. Серно-Соловьевича, мы находим обычно лишь краткие биографические сведения или общие, нередко ошибочные замечания о его мировоззрении и деятельности.

Впервые в исторической литературе сделал «набросок беглого контура» фигуры Н. А. Серно-Соловьевича М. Лемке, опубликовавший некоторые материалы судебного «Дела о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами»². В работе М. Лемке Н. А. Серно-Соловьевич предстаёт перед читателями как общественный деятель, который, в сущности, всю жизнь верил в возможность мирного преобразования России сверху³. А. Корнилов в своих исследованиях также ошибочно утверждает, что вплоть до отмены крепостного права Н. А. Серно-Соловьевич разделял «либеральный образ мыслей», а после отмены крепостного права в своей брошюре «Окончательное решение крестьянского вопроса» он требовал немедленного введения обязательного выкупа, то есть и в этот период не шёл дальше буржуазно-дворянского либерализма⁴.

Другие авторы считают Н. А. Серно-Соловьевича «просвещённым представителем интересов нарождающегося торгово-промышленного капитала»⁵ или радикальным деятелем, вступившим на путь революционной борьбы только накануне своего ареста летом 1862 г.⁶ Все эти характеристики искажают политическое лицо этого крупного революционного деятеля.

Настоящая статья имеет своей целью по возможности восстановить образ Н. А. Серно-Соловьевича во всей его сложности и многогранности и вместе с тем показать историческое значение и роль его среди выдающихся деятелей революционной демократии 60-х годов.

¹ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 467.

² Лемке М. «Очерки освободительного движения шестидесятых годов». СПб. 1908.

³ Там же, стр. 45.

⁴ Корнилов А. «Общественное движение при Александре II. Исторические очерки», стр. 109—110. М. 1909; его же «Крестьянская реформа 1861 года», стр. 165. М. 1909. Эту точку зрения с некоторыми оговорками разделяет и Ю. Стеклов.

⁵ Барриве Л. «Освободительное движение в царствование Александра II». «Исторические очерки», стр. 52, 54. М. 1909.

⁶ Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 52. М. 1932.

I

Н. А. Серно-Соловьевич родился 13 декабря 1834 г. в Петербурге. Его отец Александр Павлович за свою долговременную и «ревностную» службу в Сенате и в Военном министерстве был зачислен в дворянское сословие. Социальная среда, в которой рос и воспитывался Н. А. Серно-Соловьевич, состояла из чиновников среднего достатка и служилых дворян.

В 1847 г. Н. А. Серно-Соловьевич успешно закончил среднее образование в Ларинской гимназии, а через 6 лет, девятнадцатилетним юношей, окончил Александровский лицей, где «выказывал отличные успехи и примерную нравственность»⁷. В этот период он был ещё убеждён в нерушимости существующего общественно-политического порядка.

Год окончания Н. А. Серно-Соловьевичем лицея и определения на государственную службу совпал со вступлением России в Крымскую войну. Борьба с коалицией буржуазных государств показала, по известному выражению Ленина, «...гнилость и бессилие крепостной России»⁸. Война явилась переломным моментом в историческом развитии России, исходным пунктом широкого общественного возбуждения в стране.

В самом начале 1855 г. в Петербург приехала известная общественная деятельница М. В. Трубникова, обладавшая редким умением объединять вокруг себя передовых людей. Вскоре вокруг неё организовался кружок из образованной, много читавшей молодёжи. Члены кружка, помимо филантропической деятельности, много времени посвящали самобразованию, в частности чтению исторической и социалистической литературы. Особенно большое хождение имели сочинения Герцена, Сен-Симона, Луи Блана, Прудона, Вико, Мишле⁹.

Братья Серно-Соловьевич, Николай и Александр, были активными членами этого кружка. Здесь они впервые познакомились с социалистической литературой. Именно тогда увлекающийся и умный Н. А. Серно-Соловьевич стал серьёзно задумываться над окружающей действительностью и выработал сознательное, критическое отношение к существующему общественному порядку.

В автобиографической поэме «Исповедь», написанной в Алексеевском равелине, Н. А. Серно-Соловьевич связывал формирование своих критических взглядов с периодом героической обороны Севастополя. В это время он пришёл к отчётливому пониманию необходимости отмены крепостной зависимости и к решению посвятить свою жизнь бескорыстному служению родине и борьбе за правду. Н. А. Серно-Соловьевич признаёт, что с этого времени в основе всех его дум и действий лежало бесстрашное искание истины¹⁰.

По возвращении в Петербург из кратковременной поездки в Германию, Бельгию и Францию Н. А. Серно-Соловьевичу пришлось стать участником подготовки центрального события эпохи — «крестьянской реформы». Отделение дел государственного секретаря государственной канцелярии, в котором служил Н. А. Серно-Соловьевич¹¹, занималось перепиской и приведением в порядок материалов Секретного, затем Главного комитета по крестьянскому делу. Поэтому Н. А. Серно-Соловь-

⁷ Ленинградский областной исторический архив (ЛОИА), ф. 11, д. № 913 «Дела императорского Александровского лицея о приёме воспитанников за 1847 г.», лл. 9, 66; ф. 71, д. 987 «О выпуске воспитанников», л. 218. «Памятная книжка императорского Александровского лицея на 1825—1853 гг.», стр. 19.

⁸ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 143.

⁹ Буланова-Трубникова О. «Три поколения», стр. 74. М. 1928.

¹⁰ «Литературное наследство», Ки. 25-26, стр. 430—431. М. 1926.

¹¹ Центральный государственный архив внутренней политики, культуры и быта (ЦГАВПК и Б.), ф. «Чины государственной канцелярии», оп. 28, 1853, дело «О службе старшего помощника экзекутора государственной канцелярии надворного советника Н. А. Серно-Соловьевича», л. 1—2, 4, 20; «Формулярный список о службе», л. 18—23.

евич с самого начала был хорошо осведомлен о ходе подготовки отмены крепостного права.

По свидетельству Г. Щербачёва, Н. А. Серно-Соловьевич «полагал, что все работы комитета окончатся какими-либо пустыми мероприятиями по облегчению крепостной зависимости крестьян или что дело освобождения будет отложено в долгий ящик»¹². Сам Н. А. Серно-Соловьевич в это время был ещё в плену либеральных воззрений: он искренно верил, что монархическая власть способна провести освобождение крестьян в интересах последних¹³. Н. А. Серно-Соловьевичем была составлена записка, представлявшая, по его выражению, «очерк общего положения в государстве, очерк далеко не светлый»¹⁴, её в сентябре 1858 г. он собственноручно вручил Александру II¹⁵.

Через два месяца после составления записки Н. А. Серно-Соловьевич был переведён в министерство внутренних дел и вскоре назначен делопроизводителем Калужского губернского комитета «по устройству быта помещичьих крестьян»¹⁶.

В Калуге Н. А. Серно-Соловьевич примкнул к прогрессивной группе, в состав которой входили амнистированные декабристы Г. С. Батенков, П. Н. Свистунов, Е. П. Оболенский, С. Н. Кашкин и амнистированный петрашевец Н. С. Кашкин. Позднее Н. А. Серно-Соловьевич писал, что с этим «задушевым кружком людей» он «сроднился по чувствам и убеждениям»¹⁷.

Во время дискуссий по крестьянскому вопросу Н. А. Серно-Соловьевич настаивал на предоставлении крестьянам земельных наделов и на обязательности выкупа. «Я отдаю предпочтение, — писал Н. А., — выкупу обязательному, отменяющему немедленно барщину»¹⁸. Серно-Соловьевич тогда не видел ещё иных путей освобождения крестьян, кроме реформы сверху, оставаясь, таким образом, на позициях буржуазно-дворянского либерализма.

Закончив в июле 1859 г. работу в Калужском комитете, Н. А. Серно-Соловьевич возвратился в Петербург.

С этого времени в жизни Н. А. Серно-Соловьевича начинается новый период — период всесторонней, последовательной «переоценки ценностей». Формирование его идейных взглядов ускорялось нараставшим обострением общественно-политической борьбы, достигшей исключительного напряжения в 1859—1861 годах. В это время, по определению В. И. Ленина, Россия впервые переживала революционную ситуацию¹⁹.

Н. А. Серно-Соловьевич внимательно следит за демократической литературой, читает Н. Чернышевского, знакомится с «Современником». Став постоянным сотрудником «Журнала для акционеров», издателем которого был К. В. Трубников, он ведёт в этом органе отдел иностранной хроники. Знакомство с общественно-политической жизнью Западной Европы значительно обогащает Н. А. Серно-Соловьевича идейно и помогает ему более глубоко понять смысл совершающихся событий.

Во второй половине 1859 г. имя Н. А. Серно-Соловьевича стало широко известно. Оно появилось на страницах почти всей центральной прес-

¹² Щербачёв Г. «Идеалы моей жизни», стр. 198. М. 1895.

¹³ Лемке М. Указ. соч., стр. 144.

¹⁴ Шелгунова Л. «Из далёкого прошлого», стр. 110—111. СПб. 1911.

¹⁵ ЦГАВПК и Б. Дело «О службе старшего помощника экспедитора ГКИС Н. А. Серно-Соловьевича», л. 14.

¹⁶ ЦГАВПК и Б. Оп. 902, д. № 6 «О командировании надв. сов. Серно-Соловьевича в г. Калугу для занятия должности делопроизводителя губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян», л. 3.

¹⁷ Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 105.

¹⁸ Там же, стр. 109.

¹⁹ Ленин В. Соч. Т. XVIII, стр. 244.

сы в связи с выступлением его в печати против руководителей акционерного общества «Сельский хозяин»²⁰.

Не разобравшись в буржуазном характере акционерной горячки середины XIX в., Серно-Соловьевич стремился противопоставить капиталистическому принципу наживы принцип общественной пользы, демократизации акционерных обществ²¹. Он считал, что акционерные компании призваны были сыграть прогрессивную роль в экономическом развитии России. В конечном счёте он приходит к определённом убеждению, что «печальная участь»²², постигшая акционерные компании, кроется не в отдельных лицах, а в «несостоятельности общественного устройства России»²³.

Н. А. Серно-Соловьевич становится убеждённым противником самодержавия. К числу прогрессивных форм государственного правления он относит те, которые установились в Бельгии и Англии²⁴.

На примере австрийской монархии Н. А. Серно-Соловьевич разоблачает тех, кто считает, что при абсолютизме возможно осуществить серьёзные мероприятия, удовлетворяющие интересы народа²⁵.

Тяжёлое экономическое положение Франции объясняется, по его мнению, тем, что «единственной гарантией всеобщего спокойствия служит усмотрение одного лица»²⁶. Вполне понятно, что цензура вынуждала его говорить об Австрии и Франции, когда он думал о России, понимая, что между Францией и Россией «много аналогичных условий»²⁷. Характерно, что и Н. Чернышевский в своих статьях разоблачал русское самодержавие на примерах французской и австрийской монархий.

Во время своей служебной деятельности Н. А. Серно-Соловьевич окончательно убедился в том, что подготовляемая реформа не послужит действительному освобождению крестьян и что его собственные воззрения на крестьянский вопрос противоположны взглядам идеологов дворянского класса. В ноябре 1859 г. он писал: «В бесчисленных комиссиях дела подвигаются крайне медленно или вовсе не подвигаются. Просто безвыходное положение. Между тем мысль развивается и берёт своё; требования становятся с каждым днём сильнее. Всё это выработало во мне убеждение, что оставаться теперь на службе, подавать руку направлению, которому не сочувствуешь и в которое не веришь, решительно не следует»²⁸. Это письмо ярко свидетельствует о том огромном шаге вперёд в понимании политических событий, который сделал Н. А. Серно-Соловьевич со времени своего обращения к Александру II.

По мере обострения общественной борьбы в стране, в кружке М. В. Трубниковой, к которому продолжал примыкать Н. А. Серно-Соловьевич, всё более и более образовывались два течения: из его либерального большинства выделялись революционные элементы, которые «рекомендовали действовать теперь же, борясь с правительством. Из последних вылазались братья Серно-Соловьевич, кончившие ссылкой и эмиграцией»²⁹.

²⁰ Серно-Соловьевич Н. «Акционерное общество «Сельский хозяин». Журнал для акционеров № 143 за 1859 год. Серно-Соловьевич Н. «Акционерное общество «Сельский хозяин». Огаст гг. Кокореву, Байкову и Фон-Дезину». СПб. 1859.

²¹ Серно-Соловьевич Н. «Акционерное общество «Сельский хозяин», стр. 2. СПб. 1859.

²² Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 87—88.

²³ Серно-Соловьевич Н. «Акционерное общество «Сельский хозяин», стр. 8.

²⁴ Серно-Соловьевич Н. «Иностранная хроника». Журнал для акционеров № 141, 145 за 1859 год.

²⁵ Там же, № 142.

²⁶ Там же.

²⁷ Серно-Соловьевич Н. «Разбор трудов комиссии для устройства земских банков». «Современник». Т. 82, стр. 107. 1860.

²⁸ Серно-Соловьевич Н. Письмо Н. С. Кашкину от 25 ноября 1859 г. Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 117.

²⁹ Буланова-Трубникова О. Указ. соч., стр. 74—75.

В развёртывавшейся борьбе Н. А. Серно-Соловьевич занял определённую позицию. Он признал справедливость политических устремлений революционно-демократического лагеря и «сообразно этому» определил свой «образ действий»³⁰. «Современнику», — писал Н. А., — отдаю полное предпочтение перед «Русским вестником», говоря собственно о политике, Чернышевского ставлю положительно во главе наших публицистов»³¹.

В январе 1860 г. Н. А. Серно-Соловьевич оставил государственную службу³² и выехал на время за границу. Оживление рабочего движения в ряде стран Западной Европы, национально-освободительная борьба итальянского народа во главе с Гарибальди, вызывавшая восхищение Н. А. Серно-Соловьевича³³, активизация демократического движения в Польше, наконец, личное общение с «лондонскими пропагандистами» — Герценом и Огарёвым³⁴ — всё это содействовало укреплению его новых, демократических воззрений. На «лондонских пропагандистов» Н. А. Серно-Соловьевич произвёл глубокое впечатление. «Да! Это деятель, а может и организатор»³⁵, — писал Н. Огарёв.

Горячее желание принять непосредственное участие в общественно-политической борьбе побудило Н. А. Серно-Соловьевича ускорить своё возвращение на родину³⁶. Он прибыл, видимо, в Россию в конце 1860 или в начале 1861 года. С момента возвращения в Петербург между Н. А. Серно-Соловьевичем и Н. Г. Чернышевским устанавливаются узы самой тесной дружбы. Ещё в начале 1860 г. Чернышевский в переписке с Н. А. Добролюбовым упоминает имя Н. А. Серно-Соловьевича. В письме к нему от 7 февраля 1861 г. Н. Чернышевский с удовлетворением заметил: «Порадуйтесь: я в закадычной дружбе с Ник. Серно-Соловьевичем»³⁷.

Н. Г. Чернышевский «очень любил Серно-Соловьевича и хотел непременно, — вспоминала Л. Шелгунова, — чтобы мы с ним познакомились»³⁸. К моменту, когда установились дружеские отношения между Н. Г. Чернышевским и Н. А. Серно-Соловьевичем, последний был уже политически зрелым человеком, на которого можно было серьёзно рассчитывать в предстоящей борьбе.

Представители господствующего класса предсказывали Серно-Соловьевичу блестящее восхождение по «лестнице почестей» в дворянском государственном аппарате³⁹. Однако, не оправдав в этом отношении надежд либеральных друзей своей молодости, Н. А. Серно-Соловьевич нашёл в себе достаточно мужества «перекалить закал»⁴⁰ своей юности и решительно порвать с дворянским классом и служебными связями, смело перейти в лагерь русской революционной демократии.

II

С возвращением в Петербург началась активная революционная и литературно-публицистическая деятельность Н. А. Серно-Соловьевича.

³⁰ Серно-Соловьевич Н. Письмо Н. Кашкину от 4 мая 1860 года. Указ. сборник, стр. 121.

³¹ Там же, стр. 117.

³² Журнал министерства внутренних дел. Кн. 40 за 1860 г., стр. 128.

³³ Серно-Соловьевич Н. Указ. сборник, стр. 121.

³⁴ Огарёва-Тучкова Н. «Воспоминания», стр. 252. М. 1903.

³⁵ Огарёв Н. Письма А. И. Герцену от 31 августа 1860 года. «Русские пропагандисты». Т. IV, стр. 233. М. 1917.

³⁶ Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 123.

³⁷ Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и Зелёным, стр. 87—88. М. 1925.

³⁸ Шелгунова Л. Указ. соч., стр. 111.

³⁹ Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 117—118.

⁴⁰ Серно-Соловьевич Н. «Дети», л. 29. За указание на поэму «Дети», хранящуюся в Государственном литературном музее, приношу свою благодарность Б. П. Козьмину.

Анализ его литературного наследия свидетельствует о том, что его философские и общественно-политические взгляды формировались под воздействием А. И. Герцена и окончательно сложились под влиянием Н. Г. Чернышевского.

Значительно уступая по глубине и последовательности Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Серно-Соловьевич всё же примыкает в своих философских воззрениях к материалистическому миросозерцанию революционных демократов. По мнению Н. А. Серно-Соловьевича, внешний мир, который существует «от века»⁴¹, находится в непрерывном движении и развивается по определённым, присущим природе законам. Эти закономерности открываются человечеством в процессе длительного умственного развития⁴². Взгляды Н. А. Серно-Соловьевича далеки от агностицизма, они проникнуты глубочайшей верой в безграничные возможности познания объективного мира человеческим разумом⁴³.

Бичуя идеалистическую философию, которая, по его мнению, «хуже всякого незнания», Н. А. Серно-Соловьевич считал, что «абстрактная философия в руках обскурантов» служила своекорыстным целям последних, отвлекая внимание людей от их действительных интересов. Столь же гневные строки он направляет и против метафизики. Естественные науки лишь потому достигли серьёзных успехов, по мнению Н. А., что уложили метафизику в «архив ненужного хлама»⁴⁴.

Н. А. Серно-Соловьевич последовательно распространяет идею развития не только на природу, но также и на общество и человеческое мышление, считая основным принципом последнего — «постоянное совершенствование своих начал, ...непрерывное движение»⁴⁵. В своих работах Н. А. не употребляет термин «диалектика», не говорит об её отличительных чертах, однако его подход к явлениям природы ясно показывает, что в основном он придерживался диалектического метода познания.

Однако, как и все революционные просветители, Н. А. Серно-Соловьевич истолковывал исторический процесс развития общества чисто идеалистически. Понимая движение общества как «постоянное обновление человеческой жизни»⁴⁶, как прогрессивное развитие «народов и всего человечества»⁴⁷, главный источник этого процесса он видел в прогрессе человеческих знаний. Большое влияние на исторические взгляды Н. А. Серно-Соловьевича оказали воззрения английского буржуазно-радикального историка Ш. Бокля, что сказалось, например, в его попытках построить позитивистскую социологию. Однако, прочно встав на позиции революционной демократии, Н. А. отверг буржуазный радикализм Бокля.

Впрочем, в рассуждениях Н. А. Серно-Соловьевича по общественным вопросам имеются материалистические тенденции. Он придаёт большое значение в развитии общества, в накоплении его богатства труду⁴⁸, он понимает, что смена идей «вызывается изменением общечеловеческих отношений»⁴⁹ и что в основе исторического развития лежит не только прогресс знаний⁵⁰.

⁴¹ Серно-Соловьевич Н. Указ. сборник, стр. 75.

⁴² Серно-Соловьевич Н. «Не требует ли нынешнее состояние знания новой науки». «Русское слово» № 1 за 1865 год. Статья перепечатана М. Лемке в «Очерках».

⁴³ Серно-Соловьевич Н. Указ. сборник, стр. 75.

⁴⁴ Серно-Соловьевич Н. «Русское слово» № 1 за 1865 год. Лемке М. «Очерки», стр. 496—505.

⁴⁵ ЦАР, ф. III отделения, 1 экзп. № 230, ч. 54, 1862 г. «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний. О братьях Серно-Соловьевичах и г-же Энгельгардт», л. 247.

⁴⁶ Серно-Соловьевич Н. «Не требует ли нынешнее состояние знания новой науки»; см. Лемке М. «Очерки», стр. 496.

⁴⁷ Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 73.

⁴⁸ Там же, стр. 73.

⁴⁹ «Русское слово» № 1 за 1865 г., стр. 126—127.

⁵⁰ Там же.

Изучая русскую действительность с присущими ей в то время классовыми противоречиями, Н. А. Серно-Соловьевич указывает как на её характерную черту на отсутствие единства интересов. «Общности интересов, — писал он о современной ему общественной обстановке, — не существует, её коренное основание — их разрозненность и взаимная враждебность»⁵¹. Несмотря на идеалистическое понимание истории, Н. А. Серно-Соловьевич нередко правильно оценивал подлинный характер событий и фактов. Это особенно ярко проявилось в критике общественно-политического строя России и реформы 1861 г., в подходе к разрешению проблемы крестьянской революции.

В рассматриваемый период Н. А. Серно-Соловьевич подвергает всестороннему анализу общественно-политические условия России. Он пишет: «Ни одно коренное и дельное преобразование невозможно у нас при настоящем канцелярском порядке. Он неспособен и несостоятелен — он — анахронизм; он — живая руина, соприкосновение с которой мертвит и губит самые лучшие мечты и планы. Ход и исход крестьянского вопроса и всех предпринятых в последнее время реформ окончательно доказали это»⁵². Русский общественный строй основан «на угнетении всего народа ради династических соображений и выгод небольшой привилегированной касты»⁵³ и буквально «растлеивает Россию»⁵⁴.

4 декабря 1861 г. в речи на заседании политико-экономического комитета при Русском географическом обществе о гласности в финансовом вопросе Н. А. Серно-Соловьевич выразительно обрисовал исторически преходящий характер самодержавия⁵⁵. Государственный строй, существовавший в это время в России, Н. А. уподоблял деспотии, господствовавшей в отсталой Турции⁵⁶.

Уничтожающей критике «крестьянской» реформы Н. А. Серно-Соловьевич посвятил замечательную брошюру «Окончательное решение крестьянского вопроса», изданную за границей под его собственным именем. Она представляла собой, по меткому замечанию А. И. Герцена, начало борьбы против царизма с «открытым забралом»⁵⁷. «В Положениях, писанных ради народа, для народа, — утверждает Н. А. Серно-Соловьевич, — всё — от редакции до содержания — чуждо и непонятно ему. Он должен был встретить на каждом шагу противоречие своим понятиям, своим верованиям, своей жизни»⁵⁸. Иначе, впрочем, подчёркивает Н. А. Серно-Соловьевич, это и не могло быть, так как реформа была проведена полностью в интересах дворян⁵⁹. И именно потому, что реформа имела в виду ограждение дворянских привилегий, «крестьянский вопрос» оказался «нерешённым или, правильнее, искажённым Положениями 19 февраля»⁶⁰, т. е. вместо подлинного освобождения крестьян было установлено новое «крепостное право»⁶¹.

Крестьянский вопрос в 1861 г. получил, по мнению Н. А. Серно-Соловьевича, известную «развязку», но она носит чисто «канцелярский»,

⁵¹ Серно-Соловьевич Н. «Кредитное общество для городских домовладельцев». «СПб Вестник» № 218 за 1861 год.

⁵² Серно-Соловьевич Н. «Окончательное решение крестьянского вопроса», стр. II. Берлин. 1861.

⁵³ Серно-Соловьевич Н. «Мысли вслух»; см. Лемке М. «Очерки», стр. 60.

⁵⁴ «Колокол» № 107 за 1861 г. Серно-Соловьевич Н. «Ответ «Великоруссу».

⁵⁵ «Записки императорского Русского географического общества». Кн. 2-я за 1862 г., стр. 63—64.

⁵⁶ «Современник» за 1861 г., стр. 285. Серно-Соловьевич Н. «Размышление по поводу статьи г. Шилля о государственном или земском заёмном банке».

⁵⁷ Герцен А. Соч., Т. XV, стр. 70.

⁵⁸ Серно-Соловьевич Н. «Окончательное решение крестьянского вопроса», стр. 61.

⁵⁹ Там же, стр. 4.

⁶⁰ Там же, стр. III.

⁶¹ Там же, стр. II.

самодержавно-крепостнический характер. Крестьяне должны были заплатить выкуп, куда входила и цена их личности; крестьянские наделы, как правило, были уменьшены; сверх того «новые тягости» легли на крестьян в связи с «расходами на содержание учреждений по крестьянскому делу — составлением уставных грамот, размежеванием, содержанием сельского управления»⁶².

Таким образом, не решив правильно крестьянский вопрос, реформа не могла повести к «созданию правильного экономического устройства»⁶³. Вместо этого она привела к тому, что народ испытывает тройной гнёт: помещичий, чиновничий, буржуазный. Проведённая реформа «разовьёт ажиотаж, усилит значение банкократии, отдаст Россию в кабалу денежному барству, подчинит её более прежнего чиновничеству, сделает её добычей привилегий, монополий, паразитизма, гнёт которых переживёт века, а господство не уничтожится по указу»⁶⁴.

В эпоху падения крепостного права «были... в России революционеры,— писал Ленин,— стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, всё убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь её крепостнический характер»⁶⁵. К числу этих революционеров принадлежал и соратник Н. Г. Чернышевского — Н. А. Серно-Соловьевич.

Н. А. Серно-Соловьевич в поисках правильного решения крестьянского вопроса исходит прежде всего из принадлежности земли народу. «Право народа на землю, — писал он по этому поводу, — освящено первоначальным занятием, давностью владения, фактическим пользованием, валовым трудом, общим сознанием. Каждого из этих условий в отдельности достаточно, чтобы оправдать его и с юридической, и с нравственной стороны. За право помещиков — только злоупотребления да предрасудок господствующего сословия»⁶⁶. Крепостное право не может быть отменено полумерами, для его уничтожения необходимы такие преобразования, которые бы разом отменили «всякое право одного сословия на другое»⁶⁷.

Провозгласив, что крестьянский вопрос «разрешим только двумя способами: или общесою выкупною мерою, или топорами»⁶⁸, Н. А. Серно-Соловьевич убедительно доказал невозможность проведения «общей выкупной меры» при данном общественном порядке. «Вся клика помещиков,— писал он, — противившихся освобождению вообще и освобождению с землею в особенности, не пойдёт на добровольные соглашения; крестьяне в громадном большинстве не пойдут ни на какие соглашения, по весьма простой причине: недоверию»⁶⁹. Н. А. Серно-Соловьевич приводил читателя к выводу, что единственный путь правильного и справедливого решения крестьянского вопроса — «путь топоров», т. е. путь крестьянской революции. Он закончил свою брошюру страстным призывом к революции, которая водворит в России новый общественный строй. «Настоящий общественный быт,— писал он,— окончательно сгнил на корне, и людям, достаточно смелым, чтобы осознать это, ничего не остаётся делать, как собирать силы для создания вместо него нового, лучшего порядка»⁷⁰.

Революционная ситуация, которая имелаась в это время в России, толкала боевых демократов к последовательно-революционным выводам.

⁶² Серно-Соловьевич Н. «Окончательное решение крестьянского вопроса», стр. 65, 66, 67.

⁶³ Там же, стр. 60.

⁶⁴ Там же, стр. 66.

⁶⁵ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 143.

⁶⁶ Серно-Соловьевич Н. «Окончательное решение крестьянского вопроса», стр. 45.

⁶⁷ Там же, стр. 32.

⁶⁸ Там же, стр. 84.

⁶⁹ Там же, стр. 21.

⁷⁰ Серно-Соловьевич Н. «Окончательное решение крестьянского вопроса», стр. 84.

В условиях, когда «неудовольствие господствует всюду и весьма сильное»⁷¹, многие были уверены, что «возможность революционного взрыва стала весьма вероятной»⁷². В это время «никто не мог,— по выражению Ленина,— определить действительной силы сопротивления у правительства, действительной силы народного возмущения»⁷³.

Естественно, что ставка боевых демократов на крестьянскую революцию в этих исторических условиях была единственно правильной революционной тактикой. «Трудность задачи,— отмечал П. А. Серно-Соловьевич,— не должна пугать нас, если мы дружно и смело примемся за её решение»⁷⁴. Он горячо верил в силы «могучего несокрушимого»⁷⁵ русского народа и был глубоко убеждён в том, что преобразованной России предстоит великая будущность. «Россия может и должна,— писал Н. А.,— занять первенствующее место в мире при развитии сил,— свободы и знаний, когда в деятельности государственной жизни, вместо нескольких десятков тысяч примут участие 70 миллионов её смышлённого и способного народа»⁷⁶.

Наиболее полно свои взгляды по вопросу о крестьянской революции Н. А. Серно-Соловьевич изложил в работах, написанных им в течение 1861—1862 гг., из которых решающее значение для характеристики его воззрений имеют две: «Ответ «Великоруссу» и «Мысли вслух».

В исторической литературе было высказано мнение о принадлежности «Ответа «Великоруссу», опубликованного в «Колоколе»⁷⁷ за подписью «Ваш один из многих», поэту М. Л. Михайлову⁷⁸. Однако согласно свидетельству А. Слепцова, автором «Ответа» является П. А. Серно-Соловьевич.

Содержание этой статьи полностью совпадает с политическими воззрениями Н. А. Серно-Соловьевича, известными из других его работ как опубликованных, так и неопубликованных. Местами имеется даже известное текстуальное сходство между «Ответом» и некоторыми работами Серно-Соловьевича, например брошюрой «Окончательное решение крестьянского вопроса».

Авторство Н. А. Серно-Соловьевича подтверждается и другими данными. 1 сентября 1861 г. Герцен писал Огарёву относительно присланной Н. А. Серно-Соловьевичем рукописи: «Статьи Серно-Соловьевича я никак бы не напечатал. Смотри, у меня есть инстинкт, и до сих пор всякий раз я, уступая, делал беду»⁷⁹. Через две недели, то есть в ближайшем очередном номере «Колокола», был помещён «Ответ «Великоруссу», но с ремаркой от редакции, в которой выражалось некоторое несогласие с автором статьи. Повидимому, это и была рукопись, о которой Герцен писал Огарёву. Наконец, из одного сохранившегося жандармского документа видно, что Н. А. Серно-Соловьевич, находясь ещё в Калуге, свою первую статью опубликовал под псевдонимом «Один из многих»⁸⁰. Все приведённые соображения позволяют сделать заключение, что автором «Ответа «Великоруссу» был именно Н. А. Серно-Соловьевич.

Значение «Ответа «Великоруссу» в наследстве революционной демократической идеологии исключительно велико. Характер затронутых во-

⁷¹ Феоктистов Е. «За кулисами политики и литературы 1848—1896 гг.», стр. XVIII. Л. 1929.

⁷² Пантелеев Л. «Из воспоминаний прошлого», стр. 235. М. 1934.

⁷³ Ленин. Соч. Т. IV, стр. 126.

⁷⁴ ЦАР, ф. особого производства правительствующего Сената, № 17. 1862, дело «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». Т. I, л. 236.

⁷⁵ Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 85.

⁷⁶ Там же, стр. 100.

⁷⁷ «Колокол» № 107 от 15 сентября 1861 года.

⁷⁸ Хоментовская А. «Н. Г. Чернышевский и подпольная литература 60-х гг.».

⁷⁹ Герцен А. Соч. Т. XI, стр. 226.

⁸⁰ «Литературное наследство». Кн. 25, 26-я за 1936 г., стр. 422.

просов и последовательно-революционное их разрешение позволяют поставить «Ответ» Н. А. Серно-Соловьевича в один ряд с такими выдающимися произведениями революционно-демократической мысли, как прокламация «Барским крестьянам» Н. Г. Чернышевского и письмо в «Колокол» за подписью «Русский человек», написанное, очевидно, Н. А. Добролюбовым⁸¹. «Ответ «Великоруссу» — подлинное политическое кредо революционного демократа Н. А. Серно-Соловьевича.

Н. А. Серно-Соловьевич видел великую силу в народе, сохранившем, несмотря на вековой гнёт и насилия, свою жизненность и энергию. На многомиллионные массы крестьянства как на главную движущую силу в предстоящей демократической революции и рассчитывали вожди и организаторы революционной борьбы. На них «мы и обопремся», — писал Н. А. Серно-Соловьевич в «Ответе «Великоруссу».

Орудием же, способным подготовить крестьянское восстание, может быть только нелегальный революционный союз, спаянный единством цели, суровой дисциплиной, действующий «как один человек». Союз должен объединить не только давно уже ставшее враждебным существующему строю образованное меньшинство богатых классов, но и выходцев непосредственно из народа.

Характерно, что Н. А. Серно-Соловьевич ссылается на восстание декабристов 1825 г. как на пример, убедительно доказавший, что невозможно «достичь чего-либо силами одного общества». Таким образом, революционные демократы ясно представляли себе коренные пороки своих предшественников, делавших ставку не на народную, а на военную революцию.

Созданный революционный союз, широко и умело развернув подпольную, а также разветвлённую легальную деятельность, призван открыть народу «все преступления правительства и внушить правую ненависть». «К чему стремиться союзу: к конституции, или к чему другому?» — спрашивает Н. А. Серно-Соловьевич, определяя политические цели подпольной организации. «За конституцию, — говорит он, — стало бы, вероятно, почти всё дворянство». К лицу ли революционерам в момент, когда столько шансов на возможность повсеместного крестьянского восстания, призывать к конституции? Разумеется, нет. Тактика по отношению к конституционалистам в период революционного подъёма должна состоять в том, чтобы им «ни мешать, ни помогать». Н. А. Серно-Соловьевич сознаёт, однако, что при изменившейся политической ситуации революционеры в целях достижения большего «простора для действия», то есть лучших условий для революционной деятельности, могут и должны поддерживать конституционалистов, рассматривая их как добавочную силу в борьбе против царизма.

Н. А. Серно-Соловьевич не только не зло высмеивал «прекраснодушных» либералов, больше всего боявшихся движения самих угнетённых масс. Он хорошо понимал, что по своей природе либерализм глубоко враждебен интересам народа. Для либералов, говорил он, «народ — дело второстепенное. Они говорят теперь: всё для народа, а заканчивают: но не народом. Стало быть, программа их будущей системы, в сущности, мало чем разнится от настоящей. Формулой «всё для народа, но не народом» ясно говорится «мы не народ». А народ никогда не будет ни с кем, кто не он. Его здравый смысл указывает ему, что те, которые хотят быть его благодетелями, не знают и не любят его, а хотят им пользоваться как орудием для собственных выгод»⁸².

Н. А. Серно-Соловьевич противопоставляет либералам тех, кто стремится преобразовать Россию, опираясь на народ. Это «способнейшая

⁸¹ См. Печкина М. «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации». «Исторические записки» АН СССР № 10 за 1940 год.

⁸² Серно-Соловьевич Н. «Мысли вслух»; Лемке М. «Очерки», стр. 61.

часть» молодого поколения, «сильные, энергичные личности», «которых нельзя ни купить, ни застрашать, люди стойких убеждений, хотя обыкновенно, не сходных с понятиями старого времени, враги всякой неправды», причём этот характер «становится всё более и более господствующим в способной части молодёжи»⁸³. Их девиз: «Рядом со словом нужно дело»⁸⁴. Революционные демократы, обратившись непосредственно к народу, прямо заявят ему, что «жить далее при настоящем порядке невозможно, а лучше быть не может, пока власть в царских руках»⁸⁵.

Крестьянская революция, которую так страстно проповедовал Н. А. Серно-Соловьевич, должна была полностью уничтожить крепостничество, свергнуть самодержавие, привести к национальному равенству и свободному союзу народов. «Наша цель, — писал Н. А. Серно-Соловьевич, — полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собою, освобождение и свободный союз областей»⁸⁶. Борьба, однако, предстоит нелёгкая, она должна быть «непрерывной и беспощадной» и будет вестись «до последнего издыхания враждебной силы». Таков непрременный закон гражданской войны.

Демократическая революция не представлялась революционным демократам делом далёкого будущего. Наоборот, они считали её своей первейшей практической задачей. В течение ближайших двух лет — с 1861 по 1863 г. — революционеры должны были организовать тайный революционный союз, связаться с народом, подготовить его к революции. «В этот промежуток, — считал Н. А. Серно-Соловьевич, — меньшинство должно сделать дело»⁸⁷.

«С ребяческим доверием ждёт обманутый народ через два года полной воли и найдёт — новое крепостное право», — писал Н. А. Серно-Соловьевич о 1863 г., то есть о моменте, когда должно было быть закончено составление уставных грамот.

Подобно всем революционным просветителям, Н. А. Серно-Соловьевич был социалистом-утопистом⁸⁸. Сосредоточив землю в руках крестьян, Россия «может, — писал Н. А. Серно-Соловьевич, — доказать возможность осуществления у т о п и и — распространения права собственности на всю массу населения» — и привести, таким образом, к уравниению «права труда... в правах с капиталом»⁸⁹. При этом общественном строе, установление которого требуют насущные «потребности и понятия народа»⁹⁰, господствующий характер приобретёт «принцип взаимности», а «равным обязанностям» будут соответствовать «равные права»⁹¹. Разумеется, новый строй, основанный на высоком развитии техники и культуры, требует всесторонней европеизации России⁹², небывало энергичной «народной деятельности»⁹³.

Н. А. Серно-Соловьевичу была свойственна переоценка роли земледельческой общины не только в прошлом русского народа, но и в будущем развитии России. Мирское устройство «пережило века, — подчёркивал Н. А., — устояло против всевозможных невзгод, сохранило народ

⁸³ Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 71.

⁸⁴ Серно-Соловьевич Н. «Кредитные общества для городских домовладельцев». «СПБ Ведомости» № 218 за 1861 год.

⁸⁵ Серно-Соловьевич Н. «Ответ «Великоруссу».

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ «Современник». Т. 87 за 1861 г., стр. 289.

⁸⁹ Там же, стр. 289 — 290.

⁹⁰ Серно-Соловьевич Н. «Окончательное решение крестьянского вопроса», стр. 61.

⁹¹ Серно-Соловьевич Н. «Первое общее собрание СПб городского кредитного общества». «СПБ Ведомости», стр. 225, 1861 год.

⁹² Серно-Соловьевич Н. «Окончательное решение крестьянского вопроса», стр. 26—27.

⁹³ Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 80.

среди рабства от рабства, исказить его было бы и неразумно и преступно»⁹⁴.

Признав неизбежность «коренных перемен» в Европе, Н. А. Серно-Соловьевич возлагал надежды на возможность перехода Европы к социализму через преобразованную русскую общину. Он считал, что день, когда крестьяне приобретут право на землю, будет первым днём новой России, а это, в свою очередь, окажет громадное влияние на европейскую жизнь.⁹⁵ Идейным источником взглядов Н. А. Серно-Соловьевича по этому вопросу, бесспорно, являются воззрения А. И. Герцена.

Осуществление «социалистических мечтаний» Н. А. Серно-Соловьевич неразрывно связывал с победоносным исходом крестьянского восстания, призванным создать условия «мирекому началу развиваться во всех проявлениях»⁹⁶, что в конечном счёте привело бы к победе социалистического общества.

К Н. А. Серно-Соловьевичу можно применить слова Ленина, сказанные им о Чернышевском, который «мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодалную, крестьянскую общину» и который «не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»⁹⁷. Однако для Н. А. Серно-Соловьевича, как и для всех революционных демократов, готовивших решительную битву против крепостничества и самодержавия, самым важным делом было не защищать общину, а проповедовать «идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»⁹⁸.

III

Н. А. Серно-Соловьевич, сочетавший в себе редкое благородство, настойчивость, самоотвержение, обладал большим умением претворять свои общественные устремления в революционное дело. «В то время, — богатое людьми смелыми, энергичными и решительными, людей почина, — вспоминал Н. Шелгунов, — было не особенно много. К этим людям принадлежал Н. А. Серно-Соловьевич»⁹⁹.

Вся его нелегальная революционная деятельность была связана с крупнейшей подпольной организацией 60-х годов — «Землёй и волей».

Революционные демократы, видевшие в подпольном революционном обществе силу, которая способна подготовить и возглавить крестьянскую революцию, не могли, естественно, безразлично относиться к идейно-политической платформе нелегальной организации.

А. Слепцов в своих воспоминаниях указывает на то, что статья-прокламация Н. Огарёва «Что нужно народу?», написанная, повидимому, в июне 1861 г., являлась именно такой платформой¹⁰⁰. М. Лемке в комментариях к сочинениям А. Герцена заметил, в свою очередь, что прокламация написана «не без советов и указаний» Н. А. Серно-Соловьевича¹⁰¹.

Однако бесспорные факты жизни и деятельности Н. А. Серно-Соловьевича убеждают нас в том, что он не принимал участия в составлении названной статьи Н. Огарёва. Хорошо известно, что вплоть до конца июля

⁹⁴ Серно-Соловьевич Н. «Окончательное решение крестьянского вопроса», стр. 64.

⁹⁵ «Современник». Т. 82 за 1860 г., стр. 95.

⁹⁶ Серно-Соловьевич Н. «Мысли вслух»; Лемке М. «Очерки», стр. 63.

⁹⁷ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 144.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Шелгунов Н. «Воспоминания», стр. 115.

¹⁰⁰ Статья Н. Огарёва была опубликована в «Колоколе» № 102 от 1 июля 1861 г.; Герцен А. Соч. Т. XVI, стр. 73.

¹⁰¹ Герцен А. Соч. Т. XI, стр. 136.

1861 г. Н. А. Серно-Соловьевич находился в Петербурге¹⁰². Кроме того, и это — главное, Н. А. Серно-Соловьевич и «лондонские пропагандисты» не были полными политическими единомышленниками. Факт их идейного расхождения был открыто подчеркнут Герценом и Огарёвым в известной ремарке к «Ответу «Великоруссу», в которой было отмечено, что они «не совершенно согласны»¹⁰³ с автором статьи. Это обстоятельство исключало, разумеется, возможность совместной выработки политической программы революционного общества.

«Ответ «Великоруссу» был опубликован в момент, когда революционные демократы развили многообразную и кипучую деятельность по созданию тайного общества. В «Ответе» отчётливо выражена идея беспощадного крестьянского восстания и ясно определены принципы организационного построения подпольного общества. Эта статья Н. А. Серно-Соловьевича, воспроизводящая во многом мысли прокламации «Барским крестьянам», нашедшая, повидимому, полное одобрение у Н. Г. Чернышевского, являлась, как нам кажется, подлинной идейной и организационной платформой подпольного революционного союза. Да и какой был смысл Н. Г. Чернышевскому, столь близко стоявшему к создаваемому обществу, и Н. А. Серно-Соловьевичу, строившему это общество, заимствовать идейную программу у политического деятеля, взгляды которого далеко не совпадали с их собственными убеждениями?

Н. А. Серно-Соловьевич принадлежал к руководящему ядру нелегальной организации¹⁰⁴, сложившемуся, вероятно, не позднее лета 1861 года. Он предпринял энергичные меры по собиранию революционных элементов, настаивая «на переносе работы именно в глубь страны». Для связи с созданными провинциальными комитетами был назначен А. Ничипоренко¹⁰⁵. Командированному в Поволжье А. Слепцову удалось организовать комитеты в Астрахани, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде и Твери¹⁰⁶.

Разносторонняя деятельность по созданию легальных опорных пунктов «Земли и воли» для распространения революционных идей среди широких слоёв народа была развита Н. А. Серно-Соловьевичем в 1861—1862 годах. Осенью и в начале зимы 1861—1862 г. Н. А. Серно-Соловьевич открыл на Невском проспекте книжный магазин, а при нём — общественную библиотеку и читальню¹⁰⁷. Он установил связи с теми немногочисленными книжными магазинами, которые были разбросаны по России, снабжая их книгами по значительно удешевлённой цене. А студенчество нередко получало книги по самым минимальным ценам¹⁰⁸. Н. А. Серно-Соловьевич открыл свои предприятия с ведома Н. Г. Чернышевского и при его содействии. Когда Н. А. Серно-Соловьевичу потребовался по-

¹⁰² Н. А. Серно-Соловьевич с момента своего возвращения из-за границы в декабре 1860 г. или в январе 1861 г. находился в Петербурге вплоть до июля 1861 года. Это подтверждается следующими фактами: 1) 7 февраля 1861 г. Чернышевский писал Добролюбову о том, что он находится с Н. А. Серно-Соловьевичем в закадычной дружбе; 2) 24 марта 1861 г. Н. А. Серно-Соловьевич написал статью «Судите же кассы для дворовых людей», которую поместил в «Северной пчеле» (№ 77 за 1861 г.); 3) 8 апреля 1861 г. он произнёс речь на заседании политико-экономического комитета при Русском географическом обществе («Экономист» за 1861 г., стр. 27); 4) Предисловие к брошюре «Окончательное решение крестьянского вопроса» он поместил: «С.-Петербург. Июль, 1861 г.»; 5) 25 июня 1861 г. он написал статью «Для физиологии воскресных школ», которую поместил в «Северной пчеле» (№ 145 за 1861 г.).

¹⁰³ «Колокол» № 107 от 15 сентября 1861 года.

¹⁰⁴ См. воспоминания А. А. Слепцова в соч. А. Герцена, Т. XVI, стр. 76; Слепцова М. «Штурман грядущей бури». Сборник «Звенья». Кн. 2-я за 1933 г., стр. 401—405; Пантелеев Л. Указ. соч., стр. 211.

¹⁰⁵ Герцен А. Соч. Т. XVI, стр. 76.

¹⁰⁶ Там же, стр. 83.

¹⁰⁷ «Московские ведомости» № 146 за 1862 год. Серно-Соловьевич Н. «Книжный магазин и библиотека для чтения Н. А. Серно-Соловьевича».

¹⁰⁸ Слепцова М. Указ. соч., стр. 408.

мощник для организации этого дела, он обратился за советом к Чернышевскому, который рекомендовал ему своего родственника С. Н. Пылина¹⁰⁹.

По свидетельству современников, книжный магазин, библиотека и читальня Серно-Соловьевича располагали «самым полным составом научных книг»¹¹⁰.

«По закрытии университета штаб-квартирою студенчества, — вспоминает активный участник известных студенческих волнений Николадзе, — стал книжный магазин и библиотека для чтения Н. А. Серно-Соловьевича. Сюда охотно стекалась революционно-настроенная молодёжь, имея возможность откровенно обсудить волновавшие её вопросы. Тут мы имели возможность читать что угодно. Здесь можно было узнать все политические и литературные новости, в печати не появлявшиеся, видеть почти всех знаменитостей, а нередко и знакомиться с ними»¹¹¹.

Н. А. Серно-Соловьевич выступил одним из инициаторов организации всероссийского «Общества издателей и книгопродавцев». На собрании литераторов, издателей и книгопродавцев в ноябре 1861 г. была учреждена комиссия для выработки проекта устава этого общества. Однако осуществить задуманное предприятие Н. А. Серно-Соловьевичу помешал арест. Общество же, которое предполагалось открыть в августе 1862 г.¹¹², так и не было создано.

Среди активных участников революционной борьбы летом 1861 г. зародилась идея организации литературного клуба, где литераторы могли бы обмениваться мнениями по волновавшим их вопросам. Чтобы отвести подозрения правительства, было решено создать Шахматный клуб, который, однако, должен был носить литературно-политический характер. В числе учредителей «шах-клуба», как его тогда называли, кроме Н. Г. Чернышевского, М. И. Михайлова, Н. В. Шелгунова, П. Л. Лаврова, был и Н. А. Серно-Соловьевич¹¹³. Клуб был открыт в январе 1862 г., но просуществовал недолго. В июне 1862 г., в связи с начавшимся наступлением реакции, правительством, как известно, было отдано распоряжение о закрытии клуба под тем предлогом, что из клуба исходят «не имеющие никакого основания толки о современных событиях».

Н. А. Серно-Соловьевич принимал самое деятельное участие в основании воскресных школ. Он участвовал в составлении программ для них¹¹⁴, приглашал учителей, выполнял работу преподавателей¹¹⁵.

В конце 1861 г. группа прогрессивно настроенных литераторов, в числе которых был Н. А. Серно-Соловьевич¹¹⁶, решила основать журнал на новых, артельных началах. Составившаяся с этой целью артель приобрела журнал «Век», издававшийся известным в то время литератором П. И. Вейнбергом¹¹⁷. Однако различие политических убеждений участников оказалось, по верному замечанию члена последней Арсеньева, пагубным для ассоциации¹¹⁸.

Позднее, находясь в Петропавловской крепости, Серно-Соловьевич

¹⁰⁹ «Литературное наследство». Кн. 25, 26-я за 1936 г., стр. 382--383.

¹¹⁰ Жуковская Е. «Записки», стр. 145—146. 1930.

¹¹¹ Николадзе Н. «Воспоминания о шестидесятих годах». «Каторга и ссылка» № 24 за 1927 г., стр. 32.

¹¹² ЦАР, указ. дело «О лицах», т. I, л. 142.

¹¹³ Штаркениш и Эйдер Е. «Дневник и записки (1854—1886)», стр. 293. М. — Л. 1931.

¹¹⁴ Следилова М. Указ. соч., стр. 407.

¹¹⁵ Серно-Соловьевич Н. «Для физиологии воскресных школ». «Северная пчела» № 145, ноябрь 1861 года.

¹¹⁶ Арсеньев К. «Из датских воспоминаний». «Голос минувшего» № 1 за 1913 г., стр. 168.

¹¹⁷ Козьмин Б. «Артельный журнал «Век»; см. в кн. «Русская журналистика. Шестидесятые годы». М. 1931.

¹¹⁸ Арсеньев К. Указ. соч., стр. 169.

относительно своей статьи «Мысли вслух» сообщал следующее: «Эта статья была мною написана для журнала «Век». Статья не была напечатана или потому, что была возвращена мне редакцией, или по случаю прекращения «Века»¹¹⁹. Н. В. Шелгунов утверждает, что Елисеев не принял какой-то статьи Н. А. Серно-Соловьевича¹²⁰. Вероятно, именно эта статья Н. А. Серно-Соловьевича, носившая революционный характер, обнажила те политические противоречия, которые назревали в артели.

Решающее заседание состоялось 27 марта 1862 г. в помещении Шахматного клуба¹²¹. «Собрание,— вспоминает Н. Шелгунов,— было бурное и горячее. Запальчивее всех говорил Серно-Соловьевич, настаивавший на том, что нам нужно иметь свой орган. Когда Елисеев спросил, для чего нам свой орган, Серно-Соловьевич ответил: «Для того, чтобы во всякую минуту, когда в нём будет нужда, он был готов»¹²². В другом месте своих воспоминаний Н. Шелгунов замечает: «Когда Елисеев спросил, для чего нам нужен свой орган, Серно-Соловьевич ответил, что нужен нам «на случай восстания». Может быть, Соловьевич ответил и не этими словами, но смысл был их тот»¹²³. В результате раскола Н. А. Серно-Соловьевич, Н. В. Шелгунов и некоторые другие вышли из состава артели¹²⁴.

Воспоминания Н. Шелгунова чрезвычайно ярко передают настроение Н. А. Серно-Соловьевича в начале 1862 г., его веру в неизбежность скорого возникновения повсеместного крестьянского движения. Этой верой были охвачены в то время все революционные демократы, считавшие себя, по выражению того же Шелгунова, буквально «накануне»¹²⁵.

Всю организационную работу по созданию «Земли и воли» и её легальных опорных центров революционные демократы рассчитывали завершить в 1861 г., вступив затем «на путь прямой пропаганды, концом которой, казалось им, должно было быть лето 1863 г., как срок для временнообязанных крестьян»¹²⁶. Этот возможный момент начала восстания с предельной ясностью был указан Н. А. Серно-Соловьевичем ещё в «Ответе «Великоруссу».

Однако Серно-Соловьевич, тоже рассчитывавший на всеобщее крестьянское восстание летом 1863 г., в 1862 г. в своей статье «Мысли вслух» должен был признать, что создать сильный нелегальный союз пока не удалось, что связи с народом ничтожны и что народ, следовательно, к организованной борьбе не подготовлен. Революционно-демократическая литература, по его мнению, «выражает стремления кучки людей честных, хороших, но незначительных по числу, не имеющих никаких корней в народе и потому положительно бессильных. Грустно делать такое сознание, не сделать его необходимо»¹²⁷.

Это «сознание» было сделано Н. А. в момент наступления в стране реакции, после жестокого подавления стихийного крестьянского движения 1861—1862 годов.

В складывавшейся общественно-политической обстановке Н. А. Серно-Соловьевич пришёл к заключению о необходимости более продолжительного времени для подготовки революции, чем предполагавшийся ранее двухлетний срок. Сознавая, что «сила обстоятельств» может заставить правительство пойти на политические уступки, Н. А. Серно-Соловьевич считал, что в условиях конституционного строя революционеры получат благоприятные условия для подготовки масс к «последнему слову»—

¹¹⁹ См. Лемке М. «Очерки», стр. 146.

¹²⁰ Шелгунов Н. Указ соч., стр. 146.

¹²¹ Арсеньев К. Указ. соч., стр. 168.

¹²² Шелгунов Н. Указ соч., стр. 146.

¹²³ Там же, стр. 34.

¹²⁴ Арсеньев К. Указ. соч., стр. 168.

¹²⁵ Шелгунов Н. Указ. соч., стр. 34.

¹²⁶ См. воспоминания А. Слепцова; Герцен А. Соч. Т. XVI, стр. 76.

¹²⁷ Серно-Соловьевич Н. «Мысли вслух»; см. Лемке М. «Очерки», стр. 60.

к революции, призванной водворить демократический, республиканский строй в России.

При аресте у Н. А. Серно-Соловьевича был найден «Проект Уложения императора Александра II», над которым он работал перед заключением в Алексеевский равелин. Повидимому, он предполагал вручить его царю вместе с начатым, но, к сожалению, неоконченным письмом¹²⁸. «Проект» он также не успел «вполне обработать», а лишь сумел набросать в самых «общих чертах»¹²⁹.

Конституционный проект, составленный Н. А. Серно-Соловьевичем, несмотря на сохранение императорской власти, а также частичное оставление помещичьего землевладения и сословности, предусматривал серьёзные демократические преобразования. Важнейшими из них были немедленное прекращение временнообязанных отношений крестьян, сохранение наделной земли за крестьянами, учреждение под верховным управлением императора «законодательной, исполнительной, судебной» власти, предоставление серьёзных национальных свобод народам, входящим в состав России, введение равенства людей «перед законом и судом»¹³⁰.

«Проект Уложения» Н. А. Серно-Соловьевича коренным образом отличался от многочисленных дворянско-либеральных проектов политических реформ 60-х годов, в основе которых было полное сохранение «имущественных интересов»¹³¹ господствующего класса. Н. А. Серно-Соловьевич, считавший, как и все революционные демократы, что «конституция лучше самодержавия»¹³², сумел в «Проекте Уложения» выразить свои взгляды на характер конституционного строя в России в качестве временного и предварительного условия для подготовки грядущей крестьянской революции.

Таким образом, наряду с руководством подпольной деятельностью «Земли и воли» и организацией её многочисленных легальных центров, Н. А. Серно-Соловьевич летом 1862 г. стал склоняться к мысли об использовании ошибочной, с точки зрения революционной борьбы, тактики, он предполагал (а позднее, в каземате, осуществил это) лично обратиться к царю, чтобы подтолкнуть его к проведению политических и иных реформ.

Это свидетельствует об известной непоследовательности политических взглядов Н. А. Серно-Соловьевича, хотя до конца своего жизненного пути он сохранил твёрдое убеждение в необходимости крестьянской революции для торжества нового общественного строя.

IV

Не имея ни одного факта, который дал бы юридическое основание обвинить Н. А. Серно-Соловьевича в криминальных замыслах или действиях, правительство, тем не менее, вскоре нашло внешний повод для его ареста.

Возвращавшийся из Лондона в Россию друг В. И. Кельсиева П. А. Ветошников был снабжён русскими эмигрантами многочисленными письмами на родину, в том числе от Н. П. Огарёва, А. И. Герцена и В. И. Кельсиева к Н. А. Серно-Соловьевичу. По телеграфному доносу, П. А. Ветошников был на границе арестован, а находившиеся при нём письма послужили поводом для обвинения Н. А. Серно-Соловьевича в незаконных сношениях с «лондонскими пропагандистами». Отобранные у Ветошникова письма, где упоминалось немало имён, дали возможность политической полиции привлечь к этому делу множество лиц. Первое место в этом круп-

¹²⁸ «Проект» вместе с письмом был опубликован с несущественными ошибками М. Лемке в «Очерках», стр. 50—59, 199; см. ЦАР. Указ дело «О лицах», т. IX, л. 135.

¹²⁹ Лемке М. «Очерки», стр. 144.

¹³⁰ Там же, стр. 51 и др.

¹³¹ «Веселоданнейший адрес тверского дворянства 1852 г.»: см. Лемке М. «Очерки», стр. 447.

¹³² Серно-Соловьевич Н. «Ответ «Великоруссу».

нейшем после осуждения Н. Г. Чернышевского политическом процессе 60-х годов, бесспорно, принадлежит Н. А. Серно-Соловьевичу.

Так же, как Н. Г. Чернышевский, он был арестован по личному распоряжению императора и заключён в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости¹³³.

Вплоть до ноября 1863 г. Н. А. Серно-Соловьевич придерживался тактики полного запирательства. Его ответы носили чисто формальный характер, не раскрывая сущности самого дела. Он не упоминал никаких лиц, кроме уже известных властям.

Судебный процесс Н. А. Серно-Соловьевича¹³⁴ длился около трёх лет.

Обладая энергичной и деятельной натурой, широкими познаниями в истории, политической экономии, правоведении¹³⁵, зная в совершенстве новые европейские языки¹³⁶, пробуя свои силы в поэзии, Н. А. Серно-Соловьевич проводил время заключения в сосредоточенных умственных занятиях. Известно, как неутомимо работал в каземате Н. Г. Чернышевский. Н. А. Серно-Соловьевич, подобно своему учителю и другу, проводил время в рavelине, постоянно «трудясь, читая, размышляя»¹³⁷.

Написанное Серно-Соловьевичем в каземате значительно по количеству и разнообразно по содержанию. Непосредственно после своего ареста Н. А. переводил «Всемирную историю» Ф. Шлоссера, продолжая работу, начатую ещё в конце 1861 г. совместно с Н. Г. Чернышевским¹³⁸. С начала 1863 г. Серно-Соловьевич сосредоточивает своё внимание главным образом на разработке экономических и политических вопросов. Им были написаны обширные статьи: «План финансовой и хозяйственной реформы» и «Метафизические галлюцинации криминалистов»¹³⁹. В июне 1863 г. он написал свою замечательную статью по социологии — «Не требует ли нынешнее состояние знаний новой науки», — которая увидела свет лишь в 1865 году¹⁴⁰.

Подобно Чернышевскому, имевшему в виду написать большие исторические исследования, Н. А. Серно-Соловьевич задумал написать труд «О законах исторического развития». Однако ему удалось составить лишь «краткую программу» и «оглавление одной первой части» этого труда¹⁴¹.

В своих многочисленных статьях, написанных в этот период (1863—1864 гг.), Н. А. Серно-Соловьевич, прибегнув к ошибочной тактике, развернул перед императором сумму доводов, которые, как ему казалось, должны были побудить самодержавие приступить немедленно к проведению политических реформ. Он ясно понимал, что проведение политических преобразований оставит всю полноту власти в руках дворян. Но в осуществлении политических реформ Н. А. Серно-Соловьевич видел условие для подготовки революции. Обращения Н. А. Серно-Соловьевича не могли, конечно, привести к желаемому результату.

Содержание недавно опубликованных стихотворений Н. А. Серно-Соловьевича¹⁴², написанных им в рavelине, и материалы, вышедшие из-под его пера в тюремный период, убеждают нас в том, что Н. А. Серно-Со-

¹³³ ЦАР, ф. III отд. Указ. дело «О революционном духе народа в России», л. 8.

¹³⁴ ЦАР, Указ. дело «О лицах», т. VI, л. I.

¹³⁵ «Литературное наследство», кн. 25/26-я за 1936 г., стр. 392.

¹³⁶ Шелгунов Н. Указ. соч., стр. 113—114.

¹³⁷ Серно-Соловьевич Н. Письмо к матери, 4/16 декабря 1864 года. Рук. отд. б-ки им. Салтыкова-Щедрина.

¹³⁸ ЦАР, Указ. дело «О лицах», т. VI, л. 127, 159, 260; Николадзе. Указ. соч., стр. 32.

¹³⁹ ЦАР, ф. III отд. Указ. дело «О революционном духе народа в России», л. 192.

¹⁴⁰ ЦАР, ф. III отд. Указ. дело, л. 208. М. Лемке ошибочно относит написание этой статьи к сибирскому периоду жизни автора. См. «Очерки», стр. 225.

¹⁴¹ Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 76.

¹⁴² «Литературное наследство». Кн. 25/26-я за 1936 г., стр. 426—441.

ловьевич сохранил в каземате свои прежние, революционно-демократические убеждения.

В стихотворениях, которые были задержаны жандармами, Н. А. Серно-Соловьевич, до конца уверенный в правоте избранного им революционного пути, необычайно смело говорит о том, что и теперь, если бы ему удалось выйти на свободу, он снова «отдал бы себя всецело борьбе с неправдой»¹⁴³. Каземат не сломил его революционного духа, не поколебал его веры в «святое дело», которое, несмотря на жертвы, «не умрёт»¹⁴⁴.

Письмо к матери, написанное Н. А. Серно-Соловьевичем 3 апреля 1865 г., также задержанное жандармами, с полной убедительностью рисует его внутреннее состояние в период заточения. «Я,— писал Н. А.,— твёрд и мужественен; я так покоен духом, как едва ли может быть кто-нибудь из преследующих меня. Суровая школа многому научила меня. Я нашёл в себе силу понять многие свои ошибки и сознаться самому себе в них. Но при этом, проверив все свои убеждения, остался верен им»¹⁴⁵.

Понимая, что он находится во вражеском стане, Н. А. Серно-Соловьевич решил, тем не менее, упорно бороться за своё освобождение.

В ноябре 1863 г. Александром II было предписано Сенату освободить из крепости тех политических подсудимых, которые «покажут раскаяние». Предписание императора послужило, видимо, непосредственным поводом для нового манёвра Н. А. Серно-Соловьевича — составления якобы искренних признаний, рассчитанных на возможное освобождение из каземата. Однако показания Н. А. Серно-Соловьевича попрежнему не раскрывали сущности дела, и он называл только лиц, известных судьям.

В прошениях 1863—1865 гг. Н. А. Серно-Соловьевич намеренно подробно излагает внешние факты своей государственной службы и легальный характер своей деятельности после возвращения из-за границы. «Что же касается,— писал он,— до предъявленного обвинения в сношениях с пропагандистами, то подобных слов вовсе не имеется в наших законах. Значит, подобного обвинения не может и существовать»¹⁴⁶.

Прошения Н. А. Серно-Соловьевича — настоящий обвинительный акт против действий следственной комиссии и всей политики самодержавного правительства. Н. А. Серно-Соловьевич указывает на факт «перехвата писем из заграничного почтамта»¹⁴⁷ следственной комиссией, на подлоги члена Комиссии Дурново¹⁴⁸, объясняя появление подобных средств, как и всего процесса, полным отсутствием в стране свободы. Подчеркнув, что вся его вина — «убеждения», которые «враждебны только тем, кто не дорожит благом отечества», Серно-Соловьевич настаивает на своём освобождении»¹⁴⁹.

В феврале 1864 г. Сенат вынес отрицательное определение по прошениям Н. А. Серно-Соловьевича на том основании, что они «не заключают в себе ни раскаяния, ни желания содействовать к обнаружению злоумышлений указанием своих сообщников»¹⁵⁰.

18 июня 1864 г. Сенат вынес своё определение: «За участие в злоумышлении с лондонскими пропагандистами против русского правительства, за распространение заграничных сочинений их преступного содержания, за дачу у себя убежища пропагандисту Кельсиеву с знанием преступных его замыслов и за дерзостное порицание действий правительства и самого образа правления» лишить Н. А. Серно-Соловьевича «всех

¹⁴³ «Литературное наследство». Кн. 25/26-я за 1936 г., стр. 429.

¹⁴⁴ Там же, стр. 440.

¹⁴⁵ Серно-Соловьевич Н. Письма к матери от 3 апреля 1865 года. Рук. отд. библиотеки им. Салтыкова-Шедрина.

¹⁴⁶ ЦАР. Указ. дело «О лицах», л. 138.

¹⁴⁷ Земке М. Указ. соч., стр. 188—190.

¹⁴⁸ ЦАР. Указ. дело «О лицах», т. IX, л. 141.

¹⁴⁹ Земке М. Указ. соч., стр. 206.

¹⁵⁰ ЦАР. Указ. дело «О лицах», т. IX, л. 191.

прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на 12 лет, а затем поселить в Сибири навсегда»¹⁵¹.

Дело из Сената поступило в Государственный совет, который смягчив приговор, постановил лишить Н. А. Серно-Соловьевича всех прав состояния и, не ссылая его в каторжную работу, поселить в Сибири¹⁵². 30 марта 1865 г. Александр II на «мнении» Государственного совета наложил резолюцию: «Быть по сему».

Не видя реальных путей к освобождению, Н. А. Серно-Соловьевич решил испытать ещё одно средство. 6 апреля 1865 г. он обратился к царю с просьбой о предоставлении ему возможности «трудиться»¹⁵³.

Обращение к императору,— недопустимое, конечно, для революционера,— было новым маневром со стороны Н. А. Серно-Соловьевича. «Не говорю,— писал Серно-Соловьевич,— чтобы стал отступником или изменил убеждения, чтобы стал хвалить, что порицал, и порицать, что хвалил. Нет. Пересмотрев заветнейшие чувства и мысли, я нашёл их верными в основаниях»¹⁵⁴. Обращение не оказало, конечно, никакого влияния на Александра II.

2 июня 1865 г. на Мытнинской площади Петербурга Н. А. Серно-Соловьевич был подвергнут унижительному обряду «гражданской казни». В сохранившемся жандармском документе замечено, что при объявлении приговора Н. А. «публики было значительно»¹⁵⁵.

На пути в Сибирь Н. А. Серно-Соловьевича не оставляла мысль о побеге¹⁵⁶. «Сосланный в Сибирь на поселение, — пишет о Н. А. Серно-Соловьевиче Пантелеев, — он по дороге близко сошёлся с многими выдающимися польскими деятелями 1863 г. и принял, как мне говорили некоторые поляки, самое горячее участие в проектах восстания поляков в Сибири, подавал им надежды на поддержку местного населения»¹⁵⁷.

Мыслям о восстании не пришлось, однако, сбыться. 10 марта 1866 г. делом Н. А. Серно-Соловьевича П. Кирилиным была получена депеша об его неожиданной трагической смерти¹⁵⁸.

Обстоятельства этой смерти остаются неясными. Один из спутников Н. А. Серно-Соловьевича утверждал, что недалеко от Иркутска он упал с подводы, которая вместе с седоками проехала по его телу¹⁵⁹. Другой очевидец прибавляет, что, «кроме падения, на бок в бок имел уже влияние удар в бок ружьём. Он, видите ли, заступился за своих спутников, и защитник отечества хватил его в бок»¹⁶⁰.

Н. А. Серно-Соловьевич умер в Иркутске 9 или 10 февраля 1866 года.

Немногим более двух лет протекала революционная деятельность Н. А. Серно-Соловьевича. Счастливо соединяя в себе высокое благородство мысли и твёрдую целеустремлённость, безграничную любовь к своему «богатырю-народу»¹⁶¹, личное мужество и талант блестящего организатора, Н. А. Серно-Соловьевич сумел в короткий срок снискать широкую популярность в революционных и демократических кругах русского общества. Разносторонняя творческая деятельность Н. А. Серно-Соловьевича поставила его в ряды выдающихся идейных вдохновителей и организаторов русской революционной демократии середины прошлого века.

¹⁵¹ ЦАР. Указ. дело «О лицах», т. IX, л. 515. Сохранён полностью текст подлинника

¹⁵² Там же, т. XII, л. 10.

¹⁵³ Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 101.

¹⁵⁴ Там же, стр. 100.

¹⁵⁵ ЦАР, ф. III отд. Указ. дело «О революционном духе народа в России», л. 351.

¹⁵⁶ Пантелеев Л. Указ. соч., стр. 225; Лемке М. «Очерки», стр. 226.

¹⁵⁷ Там же, стр. 264.

¹⁵⁸ ЦАР, ф. III отд. Указ. дело «О революционном духе народа России», л. 363.

¹⁵⁹ Лемке М. Указ. соч., стр. 227—228.

¹⁶⁰ Там же, стр. 228.

¹⁶¹ Сборник «Революционное движение 1860-х гг.», стр. 56. М. 1932.

В своих общественно-политических воззрениях он выступал как революционный просветитель, литературные работы которого проникнуты подлинным историческим оптимизмом¹⁶² и бодростью. Публицистика Н. А. Серно-Соловьевича, всесторонне обосновывавшая великую идею крестьянской революции и неизбежное утверждение в общественных отношениях между людьми социального равенства, социализма, является ценным и оригинальным вкладом в революционно-демократическую идеологию шестидесятых годов. Сыграв выдающуюся роль в истории борьбы против самодержавия и крепостничества, Н. А. Серно-Соловьевич являлся одним из виднейших предшественников русской социал-демократии.

В статье «Крестьянская реформа» и «пролетарски-крестьянская революция» Ленин писал: «Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и чем дальше мы отходим от неё, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов»¹⁶³.

Н. А. Серно-Соловьевич принадлежал к числу «великих деятелей» революционно-демократического движения, отдав, как и Н. Г. Чернышевский, свою короткую, но яркую жизнь трудной и самоотверженной борьбе за социальное освобождение народа.

¹⁶² См. Ленин, Соч. Т. II, стр. 324.

¹⁶³ Ленин, Соч. Т. XV, стр. 147.

РУССКО-КАБАРДИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI—XVIII вв.

Проф. Г. Кокиев

Кабардинцы относятся к черкесскому племени, которое было известно греческим и римским писателям под названием зихов¹. В древности зихи населяли азово-черноморское побережье. По сведениям генуэзца Георгия, в 1504 г. побывавшего на Западном Кавказе, владения зихов, или черкесов², простирались от Дона до Риона по азово-черноморскому побережью и непосредственно граничили с абхазами³.

В средние века, по сведениям византийских писателей, одно из черкесских племён, известное у Константина Багрянородного под названием кабаров, или кабардов⁴, передвинулось на восток и заняло нынешнюю территорию Большой Кабарды — от Кубани до Бештау, или Пятигорья.

В XIII—XV вв. кабардинцы вели оживлённую торговлю с итапо-генуэзскими торговыми факториями, располагавшимися по азово-черноморскому побережью — от Азова до Сухуми. Здесь насчитывалось свыше 40 итапо-генуэзских колоний, среди которых наиболее значительными были Азов, Сухуми, Копа и Матрега. Последняя находилась на Таманском полуострове и служила ещё в период существования Тмутарканского русского княжества важнейшим торгово-политическим центром для всего Западного Кавказа.

Судьба итапо-генуэзских колоний на азово-черноморском побережье решилась захватом Константинополя турками в 1453 г. и усилением влияния последних на Западном Кавказе.

В 1475 г. турки завоевали Каффу, которая являлась крупным торгово-политическим центром Генуи. По приказанию турецкого султана Магомета II, около 14 тыс. итальянцев, захваченных в Каффе, были записаны в турецкую армию, 300 итальянских купцов казнены, а город с населением в 60 тыс. жителей разграблен и разрушен до основания. Среди пострадавших в Каффе торговых людей немало было, повидимому, и русских купцов. Во всяком случае, русская летопись свидетельствует, что в 1475 г. «туркове взяша Каффу и гостей московских много побиша, а иных пойманна, а иных пограбив, на откуп даваша»⁵.

После захвата Константинополя и ликвидации итальянских колоний на азово-черноморском побережье турки начали длительную борьбу за усиление своего влияния на территории кабардино-черкесов, среди которых культурно-политическое влияние русских было весьма сильным. По

¹ Латышев «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе». Т. I. Вып. 1-й, стр. 130. СПб. 1893.

² Некоторые авторы термин «черкес» выводят из персидского языка и сближают его с термином «сер-кеш», что значит «мятежник» (см. «Путешествие Дюбуа де Моньера» в «Библиотеке для чтения». Т. 35—36, стр. 126. СПб. 1839; ср. Эйхвальд «Страбеновы известия о Кавказе и Южной России» в «Библиотеке для чтения». Т. 39, стр. 147. СПб. 1838; ср. «Русский вестник». Т. 48, стр. 846. М. 1863).

³ Кубанский сборник. Т. 5. Екатеринодар. 1899; ср. «Записки Русского географического общества по отделению этнографии». Т. 2, стр. 731. СПб. 1859.

⁴ Сочинения Константина Багрянородного о «фемах» и «народях». Предисловие и комментарии Г. Ласкина, стр. 150—151. М. 1890.

⁵ «Записки Одесского об-ва истории и древностей». Т. 5, стр. 828. Одесса. 1863.

крайней мере путешественник Герберштейн, на основании русских источников, сообщает, что кабардино-черкесы — «христиане, управляются своими законами, в исповедании и обрядах сходятствуют с греками, богослужение отправляют на языке славянском, на нём же и говорят»⁶.

Кабардинцы оказали упорное вооружённое сопротивление турецко-крымской экспансии. По свидетельству того же Герберштейна, кабардинцы не признавали над собою власти турецко-крымских завоевателей и вели с ними непримиримую борьбу. Венецианский посол Ванченсо Алессандро рассказывает, что в 1572 г. кабардинцы на 24 лодках причалили к турецкому берегу Чёрного моря, ограбили население, разорили турецкие виноградники, перебили много народу, захватили в плен женщины, забрали много ценных товаров. Вскоре после этого кабардинцы вновь предприняли поход на Трапезунд, но были встречены высланными султаном Селимом турецкими войсками на шести галерах и были вынуждены вернуться обратно.

Борьба кабардинского народа против турецко-крымских агрессоров длилась с переменным успехом на протяжении почти всего XVI века. Сопротивление кабардинцев было сломлено численно превосходившими, хорошо вооружёнными силами противника.

Успеху оружия турецко-крымских завоевателей способствовала феодальная раздробленность Кабарды. В описываемый период Кабарда делилась на множество феодальных княжеств, каждое из них управлялось своим удельным князем, в руках которого сосредоточивалась вся власть. Удельный князь, или пши, пользовался исключительным правом объявления войны и заключения мира. Права пши над зависимыми крестьянами были неограниченны, а его личность была неприкосновенна.

За кабардинскими удельными князьями следовало шесть разрядов средних и мелкопоместных дворян, находившихся в вассальной зависимости от князей.

В экономическом отношении княжеский удел представлял собой самодовлеющее, замкнутое хозяйство, находившееся в очень слабой связи с внешним миром.

Постоянная вражда кабардинских удельных князей между собой ослабляла борьбу против иноземных захватчиков. Часть феодалов ориентировалась на турецко-крымских завоевателей, при помощи которых она рассчитывала осуществить свои групповые интересы.

В первой половине XVI в. в результате внутренней борьбы кабардинские феодалы разделились на три враждебных группы: Восточную, куда вошли феодалы Малой и части Большой Кабарды, Баксанскую, куда вошли феодалы западной части Большой Кабарды, и Закубанскую, или Бесланию⁷.

Закубанская группа кабардинских феодалов ориентировалась на Крым и Турцию. Не случаен поэтому тот факт, что Беслания, или Бесленея, ещё в XVI в. становится исходным пунктом турецко-крымской агрессии на территории Кабарды. Бесленевские феодалы в вооружённой борьбе против феодальных группировок, ориентированных на Россию, опирались на турецких султанов и крымских ханов. Часто турецко-крымские войска появлялись в Беслании, откуда предпринимали свои опустошительные набеги против непокорных районов Кабарды.

Предательская роль бесленевских феодалов способствовала установлению над кабардинской землёй турецко-крымского гнёта. Турецкие султаны обложили кабардинское население тяжёлой данью. Взимали эту дань по поручению султанов крымские ханы. Ежегодно сборщики дани

⁶ Герберштейн С. «Записки о Московии», перевод с латинского издания 1556 г. И. Анонимова, стр. 153. СПб. 1866.

⁷ Кокнов Г. «К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов. «Убийце записки» Института этнических и национальных культур народов Востока. Т. II, стр. 76—77. М. 1953.

приезжали в Кабарду и угоняли громадные табуны лошадей, крупного рогатого скота и сотни людей⁸. Каждому вновь вступившему на престол хану кабардинцы обязаны были доставить 300 мальчиков и девочек⁹. Эта цифра систематически повышалась крымскими ханами. Хан Селим-Гирей (1577—1584) требовал от кабардинцев 700 мальчиков и девочек, а его преемник, хан Каплан-Гирей, по свидетельству османского историка Фундуклулу, требовал 3 тыс. ясырей¹⁰. Когда же кабардинцы отказались от уплаты непосильной дани, хан Каплан-Гирей направил в Кабарду 30-тысячную армию крымских татар, которая была полностью уничтожена кабардинцами. Однако это не прекратило дальнейших набегов крымских ханов на Кабарду.

Турецко-крымские насильники подвергали население Кабарды неслыханным унижениям и оскорблениям. Кабардинский князь Кургок-Атажукип обратился к крымскому хану Бахта-Гирею с просьбой облегчить участь придушенного непомерно высокой данью населения Кабарды. Когда князь доложил свою просьбу, хан сказал: «Ты и твой народ жалуетесь на непосильную дань и просите от меня грамоту. Вот возьми!» С этими словами он высыпал из своей большой трубки огонь на бритую голову князя Атажукипа. «Ступай и объяви своему народу о моей милости»¹¹.

Для получения причитавшейся с кабардинцев дани «посылался ежегодно полномочной из Крыму в Кабарду, которого должно было богато трактовать, и он имел вольность и с своею свитою забавляться их жёнами и дочерьми, сколько ему потребно было»¹².

Успеху оружия внешних поработителей кабардинской земли способствовала непрерывная междоусобная борьба князей. «Сами князья были причиной бедствий своей родины. Спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноземникам»¹³.

Говоря о тяжёлых последствиях феодальной раздробленности Кабарды и княжеских междоусобий, которые привели страну к политическому и экономическому упадку, Ш. Ногмов отмечает, что в XVI в. Кабарда «представляла вид рассеянного военного стана, где каждый, ополчаясь, охранял своё имущество вооружённой рукой» и что «уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды»¹⁴.

Внешние и внутренние политические условия Кабарды XVI в. властно требовали объединения всех сил кабардинского народа. Инициатором политического объединения феодально раздробленной Кабарды явился известный кабардинский удельный князь Темрюк Идарович. В целях сплочения раздробленных феодальных частей в одно политическое целое он отстранил князей от управления уделами и заставил их служить за жалование центральной княжеской власти¹⁵.

К этому же времени относится проведение в Кабарде некоторых судебных реформ. Были учреждены так называемые третейские суды, в состав которых входили избираемые ежегодно представители от наро-

⁸ «Терские ведомости» № 97 за 1894 год.

⁹ Смирнов «Крымское ханство», стр. 348. СПб. 1887.

¹⁰ «Записки Одесского общества истории и древностей». Т. II, стр. 161. Одесса. 1884; ср. Пейсонель. Т. II. Ч. 2-я, стр. 316.

¹¹ Рукопись Александра Мисостова, хранящаяся в рукописном отделе библиотеки АН СССР № 49, л. 182.

¹² Чулков М. «Историческое описание Российской коммерции». Т. II. Кн. 2-я, стр. 467. М. 1785.

¹³ Ногмов Ш. «История адыгейского народа», стр. 97. Тифлис. 1861.

¹⁴ Там же, стр. 98.

¹⁵ Государственный архив древних актов (ГАДА). Кабардинские дела за 1713 год, д. № 41, л. 1.

да. Вопросы, касавшиеся всего кабардинского народа, а также жалобы членов суда разбирались в «верховном суде», руководимом удельным князем. За неисполнение установленных удельным князем узаконений и за нарушение народных обычаев были введены штрафы. За преступление против отечества и кабардинского народа князья лишались княжеского звания и изгонялись за пределы Кабарды.

Мероприятия князя Темрюка Идаровича, стремившегося к ликвидации феодальной раздробленности и созданию централизованной княжеской власти, были, несомненно, прогрессивными.

О прогрессивной роли централизованной княжеской власти в период феодальной раздробленности и внутрикняжеских междоусобий Ф. Энгельс писал, «что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (*das Königtum*) была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»¹⁶. Мероприятия Темрюка Идаровича укрепляли обороноспособность Кабарды в борьбе с внешними врагами.

Политика князя Темрюка Идаровича, как и надо было ожидать, встретила сильное сопротивление со стороны ущемлённых в своих политических и экономических правах кабардинских феодальных князей, значительная часть которых не только ориентировалась на турецких султанов и крымских ханов, но нередко приводила их в Кабарду для борьбы против центральной княжеской власти.

В процессе борьбы с внутренней оппозицией, смыкавшейся с турецко-крымской агрессией, умный и дальновидный князь Темрюк Идарович понял, что собственными силами, без помощи извне, ему не справиться с турецко-крымскими захватчиками и их агентурой внутри Кабарды. Поэтому он придавал большое значение установлению тесных политических связей с Московским государством, при помощи которого он рассчитывал покончить с внешними и внутренними врагами кабардинской земли.

Московское государство, заинтересованное в расширении и укреплении своего влияния на Северном Кавказе, охотно шло на сближение с Кабардой, имевшей большое культурно-политическое влияние на другие горские народы.

Первое кабардинское посольство было отправлено в Москву князем Темрюком Идаровичем в 1552 году. В состав этого посольства входили кабардинские князья Маашук, Иван Езбузлуков и Танашук.

Князь Темрюк Идарович просил царя Ивана IV принять кабардинский народ в своё подданство и построить на кабардинской земле военные укрепления против турецко-крымских насильников, обещая за это «служить всякие государевы службы и к крымскому, турецкому и шевкальскому не пристанут»¹⁷.

За этим первым посольством в Москву последовали другие. Основным мотивом посольских наказов была просьба, «чтобы государь вступился в них, а их с землями взял к себе в холопы и от крымского оборонил»¹⁸.

В 1563 г., по просьбе князя Темрюка Идаровича, Иван Грозный заложил на берегу реки Терек крепость Терки, которая в 1571 г. была разрушена по требованию турецкого султана Селима и крымского хана Девлет-Гирея.

Однако в 1577 г. крепость Терки, по просьбе кабардинских князей, вновь была восстановлена московским воеводой Лукианом Новосильце-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1, стр. 445.

¹⁷ «Русский архив». Т. II, стр. 150—154. М. 1913.

¹⁸ Карамзин Н. «История Государства Российского». Кн. 2-я. Т. VIII, примечание 416. СПб. 1842.

вым. Одновременно Иван Грозный отправил в Кабарду грамоту, в которой говорилось: «Приходили к нам от вас и ото всех черкаские земли бити челом... чтоб нам вас и оберегать ото всех ваших недругов и город бы вам нам пожаловати на Терке, реке Усть-Суюнчи поставити и воеводу моего и людей с огненным боем к вам послати, как вам в том городе от ваших недругей можно быти бесстрашными. И вы б вычетчи нашу жалованную грамоту, у воеводы нашего были в нашем жалованье и взялиши есте нам и служили о всем по тому, как в нашей жалованной большей грамоте за золотою печатью писано»¹⁹. А в грамоте этой было написано, чтобы «всем черкасам и тамошним людям... мимо всех смотрите на государя и бити от государя неостетунными»²⁰.

Турция и Крым категорически потребовали от Москвы разрушить построенную на Терке крепость, угрожая в противном случае порвать дипломатические отношения. «И мы слышали, — писал тогда крымский хан Девлет-Гирей Ивану Грозному, — что еси прислал людей тысячи две—три, да на Терке город поставил, того для промыслил еси, чтоб шевкальскую землю и черкаскую изневожить. А шевкальцы — мусульмане, а при отцах и при дедах наших от тех мест и не ся места меж нас с ними ссылка живёт, а люди к нам ходят, а наши люди к ним ходят, в дружбе и любви ведёмся. А черкесы ханскому величеству и нам подручны, и тем городом хочешь ты отлучити. И похочешь дружбы и мир, и ты тот город вели снести, а не похочешь так, и ты бы наших послов отпустил, и мы бы твоих отпустили. Так бы еси ведал: меж нас боле того ссылки не будет. Кому что ни даст бог милосердный — даст, и мы за свой сором учнём стоять»²¹.

Ультиматум крымского хана, за спиной которого стояла султанская Турция, был предметом специального обсуждения Боярской думы, в решении которой было записано: «А о городе на Терке отписать, что государь Темрюка князя пожаловал, взял у него дочь его за себя, и многие черкесы-недрузи его досады ему делают, и царь для недругов его и город велел поставити»²².

Кабарда сделалась ареной борьбы между Россией и Турцией, борьба, длившейся не менее трёх столетий. В продолжение этого времени каждое из названных государств стремилось превратить Кабарду в зависимую страну и использовать её в этой борьбе. Таким образом, чем «в Европе была Польша, тем в Азии была Кабарда — слабая страна, находившаяся между двумя сильными влияниями — русским и турецко-крымским»²³.

В результате постройки военных крепостей на территории Кабарды влияние Московского государства на Северном Кавказе, и в особенности в Кабарде, усилилось ещё более.

В усилении влияния Московского государства среди горских народов крупную роль сыграло терекое воеводство, состоявшее из московских и кабардинских ратных людей. Представители последних часто приезжали в Терки по торговым делам.

Установившиеся при Иване IV политические связи Кабарды с Московским государством укреплялись различными методами. Не последнее место среди них занимало аманатство, сыгравшее для Кабарды большую культурную роль. В 1553—1557 гг. в Москве в качестве аманатов находились и учились в Кремлёвском дворце русской грамоте сыновья кабардинских князей Кудадек и Султанук, названные после крещения

¹⁹ Белокуров С. «Сношения России с Кавказом», стр. 9. М. 1889.

²⁰ Там же, стр. 18.

²¹ Крымский статистический список № 13, лл. 68, 87.

²² Там же, № 10, л. 52.

²³ Соловьёв С. «История России» Кн. VI. Т. 29-29. стр. 76.

первый Александром, второй Михаилом²⁴. В качестве аманатов в Москве находились восемь человек из числа братьев и ближайших родственников князя Темрюка Идаровича. Впоследствии они стали русскими боярами²⁵.

Московские бояре Кудашевы, Мансуровы, Алеуковы, Черкасские и Бековичи-Черкасские по происхождению были кабардинцами. Все они попали в Москву в качестве аманатов, воспитывались при царском дворе и благодаря своим личным качествам были приравнены к русскому боярству.

Многие из кабардинских аманатов, хотя и оставались навсегда в Московском государстве, но не порывали связи со своей родиной. В этом отношении показателен пример князя Александра Бековича-Черкасского²⁶, игравшего большую роль в налаживании сношений России с восточными странами в период царствования Петра I. Бекович-Черкасский пользовался большим влиянием среди кабардинских князей. Под его влиянием кабардинские князья в 1714 г. приняли присягу в верности Петру I, а в 1717 г. снарядили специальный отряд от кабардинцев, который принимал участие в руководимой Бековичем-Черкасским хивинской экспедиции Петра I.

В деле культурно-политического сближения Кабарды с Московским государством большое значение имело распространение среди кабардинцев христианства. В XVI в. Московское государство направляло в Кабарду православных миссионеров, которые «приобрели многих последователей христианства, и на высотах Кавказских частью возобновили и очистили древние храмы, а частью соорудили новые»²⁷.

Православная миссионерская пропаганда имела наибольший успех среди князей и крестьян Малой Кабарды. Объясняется это тем, что малокабардинские князья не в состоянии были противостоять агрессии бесленеевских князей, поддерживаемых Крымом и Турцией, и искали помощи и защиты у Московского государства.

В Западной Кабарде, или в Беслани, пропаганду православного христианства приходилось вести в весьма сложных условиях. Если в Малой Кабарде православие столкнулось с дохристианскими верованиями кабардинцев, то в Беслани, находившейся уже к половине XVI в. под турецко-крымским гнетом, пришлось вести неравную борьбу с исламом, который огнём и мечом насаждался крымскими ханами среди населения.

В связи с польско-шведской интервенцией влияние Московского государства на Северном Кавказе ослабло, в то время как политическое влияние Турции и Крыма усилилось. Православное христианство в Ка-

²⁴ Карамзин Н. Указ. соч. Кн. 2. Т. VIII, стр. 140.

²⁵ «Северная пчела» № 99, прим. 9. М. 1850.

²⁶ Александр Бекович-Черкасский происходил из известного кабардинского княжеского рода Джамбулатовых, из фамилии Бекмурзиных. Кабардинское его имя было Девлет-Гирей. Ещё в детстве он попал аманатом в Москву, принял крещение и был назван Александром. Бекович — значит «потомок древних беков», а Черкасский — значит «из земли Черкасской». Бекович-Черкасский был послан Петром I за границу для изучения морского дела. По возвращении в Россию Пётр I приблизил Черкасского к себе и способствовал его женитьбе на княжне Марии Борисовне Голицыной. Тогда же Черкасский был произведён в чин капитана гвардии. В 1717 г. Черкасский возглавлял хивинскую экспедицию и погиб в Хивинском ханстве.

²⁷ Труды V археологического съезда в Тифлисе в 1881 г., стр. 140. Тифлис. 1887. И в настоящее время можно видеть развалины христианских церквей, построенных при Иване IV московскими миссионерами, в Малой Кабарде, в окрестностях древних городов Татартуй и Джулата. На стенах церквей сохранилась церковная живопись, исполненная московскими мастерами. В этих церквях московские миссионеры крестили преимущественно кабардинских крестьян. Что касается князей, то они предпочитали креститься в Москве, так как принятие крещения в Москве было связано с получением богатых подарков от царя, офицерского чина и других привилегий и наград. Этот обычай среди кабардинских князей получил особенное распространение в первой половине XVII в., когда Кабарда уже формально признала себя вассальной Московского государства.

барде было разгромлено крымскими ханами. «В эту эпоху,—пишет Ногмов,—многие шогены (священники.— Г. К.) были убиты, книги их сожжены и пастырские жезлы их расхищены и брошены, от чего произошла следующая поговорка: «Чтоб твоё имущество было расхищено, как расхищены были шогенские жезлы»²⁸. Таким образом, в Кабарде православное христианство уступило место религии турецко-крымских завоевателей—мусульманству.

Введение христианства в Кабарде следует рассматривать как прогрессивное явление, способствовавшее укреплению культурных связей и политическому сближению Кабарды с Московским государством.

Важную роль в деле укрепления и дальнейшего развития установившихся между Кабардой и Московским государством политических сношений играли и родственные связи. Известно, что в 1561 г. Иван IV вторым браком женился на дочери крупного кабардинского удельного князя Темрюка Идаровича — Марии²⁹. Мария Темрюковна скончалась 1 сентября 1569 г. и была похоронена в московском Вознесенском девичьем монастыре.

В оценке брака Ивана Грозного с Марией Темрюковной нельзя не согласиться с Броневским, который писал, что «сей поступок—был ли он следствием пристрастия или политических вычетов—произвёл по тогдашним обстоятельствам весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев, тюменских и таманских черкесов, которые в походах царя Ивана Васильевича на Лифляндию, Польшу и против крымских татар отправляли службу наряду с российскими войсками, и храбростию, им свойственною, много способствовали его победам»³⁰. Действительно, кабардинцы в царствование Ивана IV стали принимать активное участие в предпринимаемых Московским государством военных походах. При завоевании городов Тамани и Темрюка в октябре 1556 г. кабардинцы составляли головной отряд в рядах русских войск под командой князя Вишневецкого³¹. В следующем году кабардинцы вместе с русскими войсками под начальством М. В. Глинского принимали участие в Ливонской войне Ивана IV³², а в 1558 г. отличились при взятии города Мильтена и осаде города Дерпта, под которым была наголову разбита немецкая конница, пытавшаяся сделать вылазку из осаждённого города³³.

Московское государство высоко ценило верную службу Кабарды и оказывало ей всемерную поддержку и покровительство. Пользуясь поддержкой Московского государства, князь Темрюк Идарович распространил своё влияние почти на всю Северокавказскую равнину—от берегов Кубани до устьев Терека. Он владел всеми северокавказскими торговыми путями, сосредоточив в своих руках значительную часть поступающих от них доходов.

К этому же времени относятся расширение связей Кабарды с другими народами и распространение её политического влияния на соседние горские народности, в частности на осетин, феодальная верхушка которых вынуждена была признать свою вассальную зависимость от кабардинских князей³⁴.

²⁸ Ногмов Ш. Указ. соч., стр. 16.

²⁹ Брак Ивана Грозного с Марией Темрюковной нашёл своё отражение в русских народных песнях, одна из которых записана около 100 лет назад в Архангельской губернии. См. «Отечественные записки». Т. 130, кн. 5—6 за 1860 г., стр. 70.

³⁰ Броневский С. «Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе». Т. II, стр. 80. М. 1823.

³¹ Карамзин П. Указ. соч. Кн. 2-я. Т. VIII, стр. 155 и прим. 471.

³² Соловьёв С. Указ. соч. Т. VI, стр. 132. 3-е изд.

³³ Потто В. «Два века терекского казачества». Т. I, стр. 8. Владикавказ. 1912.

³⁴ Посольство Селатника Толочанова и дьяка Ивлева в Имеретию в 1650—1652 гг., стр. 119, 129. Тифлис. 1926.

III. Погомов в обращении Кабарды с Москвой пишет, что кабардинский «народ был обрадован союзом и покровительством России»³⁵. О стародавних дружественных отношениях Кабарды с Московским государством до нас дошла весьма распространенная в кабардинском народе поговорка: «Тхь» нуэ пащтыхь Иван хэту», что значит: «Клянусь именем царя Ивана»³⁶.

Установившиеся между Кабардой и Московским государством политические связи укреплялись и при преемниках Ивана Грозного. Царь Фёдор Иванович продолжил политику Ивана Грозного в отношении Кабарды. Он приказал построить в Кабарде две крепости «для защиты неконных хеленей» Московского государства от иноземных нападений. Одна из этих крепостей была построена на правом рукаве Терека—Тюменке, при впадении её в Каспийское море, и называлась Тюменским городом, а другая была построена при устье реки Сунжи и называлась Сунженским городом.

В январе 1588 г. в Москву прибыло кабардинское посольство во главе с князьями Мамстрюком и Кудадеком, которые били челом царю Фёдору Ивановичу, чтобы их «государь пожаловал, взял под свою царскую руку и держал их под своею царскою рукою в своём государеве жалованье во обороне от их недругов по тому же, как их жаловал, держал под своею царскою рукою отец его, государев... великой государь, царь и великий князь Иван Васильевич; а они государю учнут служить всякие государевы службы, где государь велит, и к иному государю, к крымскому и турецкому и шевкальскому не пристанут»³⁷.

В ответ на челобитную кабардинского посольства царь Фёдор Иванович «всех черкасских князей и всю черкасскую кабардинскую землю пожаловал под свою царскую руку, в оборону взял по тому ж, как их жаловал, держал в своём государеве жалованье отец его Иван Васильевич всея Руси, и грамоту им свою государеву з золотою печатью дати велел»³⁸.

Согласно полученным полномочиям, кабардинские послы Мамстрюк и Кудадек приняли присягу в верности царю Фёдору Ивановичу. Они поклялись защищать интересы Московского государства «всею кабардинскою землёю».

Фёдор Иванович повелел кабардинским князьям «служить в Терском городе и стоять на всякого недруга за один с воеводами нашими и где вам велит итти на свою царскую службу на которого нашего недруга, и вам детей своих и племянников с ратными людьми посылать, сколько с нами ратным людям итти велит, и прямить к нашему царскому величеству и служить с нашими воеводами и стояти на всякого нашего недруга о веём по тому, как в сей нашей царской жалованной грамоте писано»³⁹.

Таким образом, 1588 год является знаменательной датой для истории Кабарды: кабардинская земля с этого времени стала считаться вотчиной Московского государства, а царь Фёдор Иванович стал титуловаться «государем земли Иверской грузинских царей и Кабардинской земли черкасских и горских князей»⁴⁰.

Переход Кабарды в подданство Московского государства был положительным для неё фактором. В лице Московского государства Кабарда приобрела сильного и могущественного покровителя и защитника.

³⁵ Погомов III. Указ. соч., стр. 108.

³⁶ Там же.

³⁷ Белокуров С. Указ. соч., стр. 45.

³⁸ Там же, стр. 46.

³⁹ Там же, стр. 51.

⁴⁰ Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XVI, стр. 270. М. 1791, ср. Карамзин II Указ. соч., Т. X, стр. 40 и прим. 115.

Подданство Кабарды Московскому государству имело для неё также большое культурно-политическое значение, определившее её дальнейшую историческую судьбу.

Однако кабардинское посольство 1588 г. не выражало общего мнения всей кабардинской земли: оно отражало действительное настроение князей Большой и Малой Кабарды, но не представляло Закубанской Кабарды, или Бесланин, всё ещё остававшейся под турецко-крымским гнётом.

Борьбу двух основных княжеских групп в Кабарде, одна из которых ориентировалась на Московское государство, другая — на Крым и Турцию, правильно подметили римские послы — барон Августин Мейерберг и Гораций Вильгельм Кальвуччи, предпринявшие в 1661 г. свою поездку в Москву к Алексею Михайловичу. На основании личных наблюдений, они пришли к выводу, что царь Алексей Михайлович «совсем не вправе называться государем... Кабардинской области, лежащей при Азовском море и населяемой ордою или сборищем татар, подвластных жестокому турецкому игу», и, напротив, «государем черкасских князей называется он по праву»⁴¹. При этом территорией расселения черкасских князей они называли пространство «от берегов Каспийского моря до Кавказских гор» — подданную и дружественную Московскому государству Большую и Малую Кабарду.

Однако и внутри Большой и Малой Кабарды оставались отдельные враждебные московской ориентации элементы, возглавляемые князьями Саулохом и Алхазом, против которых сторонники Московского государства в 1589 г. просили Фёдора Ивановича прислать «своих государевых воинских людей стрельцов и казаков воевати государевых непослушников черкас, которые государю не прямят и не служат»⁴².

Просьба кабардинских князей была удовлетворена. Царь Фёдор Иванович направил в Кабарду 750 московских ратных людей под командой Гришки Полтева. Это была первая военная экспедиция, отправленная Московским государством в Кабарду.

Экспедиция Полтева со своим заданием справилась успешно. Существенную помощь экспедиции оказал кабардинский князь Янсох Асламбекович, который для совместных действий против ослушников Московского государства со своими ратными людьми присоединился к отряду Полтева. Был разгромлен и сожжён удел князя Алхаза. Основной удар был направлен, однако, против главного мятежника — князя Саулоха, у которого «выжгли и вывозвали кабак с 30 и больше», в результате чего князь Саулох «с своими детьми и с уздени вышел к Григорью Полтеву пеш и бил челом, чтоб его не воевали, и он государю хочет служить, и заклад бы у него взят, кого хотят»⁴³.

Князь Янсох Асламбекович в 1590 г. за свою верную службу был признан Московским государством князем над всей кабардинской землёй, о чём ему была послана жалованная грамота за золотой печатью⁴⁴. В результате экспедиции Полтева московские ратные люди и кабардинские князья совместными действиями разгромили противников московской ориентации, и «кабардинскую землю всею под государеву руку привели», после чего «всё Кабарда стала в единстве»⁴⁵.

Кабардинские князья на деле доказывали свою преданность Московскому государству. Они не раз выступали против внешних врагов Московского государства. Кабардинский князь Маметюк, по предложению царя Фёдора Ивановича, в 1591 г. принимал активное участие в по-

⁴¹ «Путешествие в Московию барона Августа Мейерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи к Алексею Михайловичу в 1661 году», стр. 161—161. М. 1871.

⁴² Белокуров С. Указ. соч., стр. 81.

⁴³ Там же, стр. 183.

⁴⁴ Труды Синода, введённой в оборот в 1910 г. Вып. 2 й, стр. 3.

⁴⁵ Белокуров С. Указ. соч., стр. 122.

ходе против непокорного Шамхала Тарковского. Фёдор Иванович высоко ценил роль князя Маметрюка и жаловал его за верную службу.

Дружественные отношения между Кабардой и Московским государством ещё более укрепились в следующем, XVII веке.

В 1603 г. в Москву прибыло кабардинское посольство в составе внука князя Темрюка Идаровича — Сюнчелея Янгальчева, — князя Саулоха и князя Шинжукова. Сюнчелей Янгальчев был челом Борису Годунову «о своих нуждах, чтоб его царь Борис пожаловал, велел ему жити в Терском городе», построенном при царе Фёдоре Ивановиче. Борис Годунов кабардинских послов принял очень ласково, выслушал их внимательно и, удовлетворив просьбу Сюнчелея, отпустил послов на родину с богатыми подарками.

Кабардинский мурза Сюнчелей Янгальчев был одним из самых преданных Московскому государству политических деятелей Кабарды. Он сыграл весьма видную роль в борьбе Москвы против польско-шведских интервентов.

События, развернувшиеся в Московском государстве в начале XVII в., для кабардинских князей были неожиданными, и они не сразу могли в них разобраться.

Когда первый самозванец завладел московским престолом, кабардинский мурза Сюнчелей Янгальчев в сопровождении десяти кабардинских узденей, огуцкого мурзы Батой Шахмурзина, двух черкесов и терского новокрещённого Максимки поехал 12 ноября 1605 г. в Москву «с поздравлением Лжедмитрия о принятии Российского престола».

За время своего пребывания в Москве мурза Сюнчелей успел лично познакомиться с Лжедмитрием I и несколько разобраться в московских событиях.

После вступления на московский престол Василия Шуйского кабардинские князья во главе с князем Саулохом отправили в Москву посла Кардана. Но Кардан до Москвы не доехал: он был схвачен казаками под Тулой. Казаки отобрали у Кардана челобитную князя Саулоха, а самого привели к тушинскому вору. При отступлении тушинского вора к Калуге Кардан тоже вынужден был отступить с ним. А когда самозванца убили, Кардан перебежал к Прокопию Лянунову, который отправил его в Казань.

По возмущении на царство Михаила Фёдоровича воевода И. М. Вортынский отправил Кардана в Москву, где он был с большими почестями принят новым царём. В сентябре 1615 г. Кардан с царской грамотой на имя кабардинских князей вернулся на родину.

Осенью 1613 г. в Астрахань прибыли И. Д. Заруцкий и вдова Лжедмитрия I Марина Мишек для поднятия астраханских, волжских, терских, яцких казаков и горцев Северного Кавказа против Москвы. Тогда мурза Сюнчелей Янгальчев, командовавший кабардинскими ратными людьми и терско-гребенскими казаками, посоветовавшись с воеводой Петром Головинным, решил отправиться к Ивану Заруцкому и Марине Мишек, чтобы убедиться лично, действительно ли именуемый себя супругом Мишек есть Лжедмитрий I, с которым он был знаком. «Из Терки-де и в Астрахань к вору Заруцкому приезжал Сюнчелей горской с окочены, и жил-де и у вора с неделю да поехал на Терек, а для чего приезжал, того не ведомо»⁴⁶.

О чём говорил Заруцкий с мурзой Сюнчелеем и что последний отвечал ему, к сожалению, неизвестно. Но несомненно одно: Сюнчелей убедился, что Заруцкий — сторонник польских интервентов и враг Москвы.

По возвращении в крепость Терки Сюнчелей настоял перед терским воеводой Петром Головинным на том, чтобы отправить против Заруцкого

⁴⁶ Акты исторические. Т. III, стр. 411. СПб. 1811.

вооружённые силы. А когда Иван Заруцкий потребовал к себе воеводу Петра Головина для наказания за неисполнение приказа выслать ему ратных людей, кабардинские служилые люди, которыми командовал мурза Сюнчелей, ответили ему: «Али вы хотите сделать то же с Петром, что сделали с князем Хеоростинным? Не быть нам с вами в воровском совете»⁴⁷.

Заруцкому стало ясно, что ему нечего рассчитывать на поддержку терско-гребенских казаков и служилых кабардинцев терского воеводства. В 1614 г. Заруцкий сделал ещё одну попытку поднять против Москвы терско-гребенских казаков и кабардинцев. С этой целью он прислал в Большую Кабарду Михаалку Чёрного, но на Сухой Борозде, в 20 верстах от крепости Терки, Михаалка был схвачен кабардинцами и приведён в Терки.

Терский воевода Пётр Головин «с миром того Михаалка на пытке пытал», после чего Михаалка выдал Головину все планы Заруцкого. Он сообщил, что Заруцкий «на велик день хочет быть на Терек, Петра Головина и многих людей казнить, а его, Михаалка, послал поднять кабардинских князей и черкес итти на Русь войной»⁴⁸.

Получив сведения о планах Заруцкого, терский воевода Пётр Головин и мурза Сюнчелей отправили против Заруцкого вооружённый отряд из 500 казаков и кабардинцев под командой стрелецкого головы Василия Хохлова. Василий Хохлов во главе казачье-кабардинского отряда «стал над ворами поиск чинить», а когда подошёл к Самаре, дал знать о своём прибытии воеводе князю Дмитрию Пожарскому⁴⁹.

Преследуя отряды Заруцкого, кабардинцы совместно с терско-гребенскими казаками не раз одерживали победу. Так, в результате одного крупного сражения на берегу Каспийского моря они многих из отряда Заруцкого «живыми поймали, а иных в воде потопили»⁵⁰. В одном из боёв было захвачено в плен свыше 160 человек из разгромленного отряда Заруцкого, сам же Заруцкий и Марина Миншек с сыном спаслись на Метвежьем острове. 15 июня 1614 г. они были схвачены и отправлены в Москву, где Заруцкий и сын Марины Миншек были казнены, а Марина заточена в одну из башен Коломны.

Таким образом, кабардинцы верно служили Московскому государству и с оружием в руках защищали его от иноземных врагов. Они добросовестно выполнили данную в присутствии боярского сына Смагина клятву «служити великому князю Михаилу Фёдоровичу до своего живота и быть под его высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным», обещая «с воров Ивашкой Заруцким и с Маришкой и с сыном её ни на которое дурно не ссылатись и хотя они учнут нам присылать и наговаривать на которое дурно — и нам того не слушати, а где будет наша мочь, — и нам над ними и над ворами, которые государю непослушны, промышляти... и резде над ними поиск чинить»⁵¹.

Свою преданность Московскому государству кабардинские князья вновь подтвердили в челобитной от 10 июня 1614 г., в которой писали, что они «судены своими и с черкасы и с окоцкими людьми и с новокрещены служат государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу всея Руси на Терке всякие государевы терские и кумыские и кабардинские службы, и на заставах на отъезжих караулах стоят с городовыми людьми вместе»⁵².

Московское государство попрежнему высоко ценило преданность и верную службу кабардинских князей и в свою очередь оказывало им по-

⁴⁷ Акты исторические. Т. III, стр. 257.

⁴⁸ Собрание государственных грамот и договоров (СГГ и Д). Т. III, № 20.

⁴⁹ «Русский архив». Т. II, стр. 163. М. 1913.

⁵⁰ Там же, стр. 164.

⁵¹ ГАДА. Кабардинские дела за 1614 г., д. № 3, грамота № 4.

⁵² Акты исторические. Т. III, стр. 21—22. СПб. 1811.

кровительство и возможную помощь в условиях сложной международной политической обстановки XVI—XVII вв. Оно вело дипломатическую борьбу с Турцией и Крымом по кабардинскому вопросу, строило на важных стратегических пунктах военные укрепления против турок и татар, наконец, предоставляло экономические льготы и ограждало полигаческие права кабардинских князей.

После изгнания польских интервентов с Русской земли мурза Сюнчелей обратился к Михаилу Фёдоровичу с пространной челобитной, в которой он, указав на верную службу кабардинской земли Московскому государству, подчеркнул выдающуюся роль Кабарды в изгнании с русской земли польско-шведских интервентов. «Из давних лет,— писал Сюнчелей в своей челобитной,— дед и отец мой и весь род наш служили деду твоему Ивану Васильевичу и дяде твоему Фёдору Ивановичу и всем московским государям. И как по грехам была в Росейском государстве многая смута и междоусобная брань и вотчина твоя государева город Астрахань царю Василию изменила, от него отложила в воровство,— а я, холоп твой, в то время был в твоём государеве вотчине на Терке и терекских людей от такого воровства удержал и их вору, которого они называли царским именем, креста целовать не велел. А как милости божьим Московское государство от польских и литовских людей и от ложных царей очистилось и избрали всею землею на Московское государство государем,— и мы, холопы твои, тому обрадовались и хотим тебе служить и прямити свыше прежних великих государей»⁵³.

В ответ Михаил Фёдорович отправил мурзе Сюнчелею благодарственную грамоту с обещанием царского жалования за то, что он «в то смутное время ни к какому нашему недругу не пристал и воровской смуте Ивашки Заруцкого не поверил»⁵⁴. А через короткое время из Москвы в Терки прибыл дворянин Д. С. Погожев с «государевым жалованным словом и с жалованьем золотыми». В присутствии терского воеводы Головина, мурзы Сюнчелей и других кабардинских и кумыкских князей, собравшихся в «съезжей избе», Погожев сказал от имени царя Михаила Фёдоровича: «А ты бы, воевода, князь Пётр Петрович и Сюнчелей Янгальчев... как есте начали нам, великому государю, служить, так бы и содержали нам служили и прямили и над воров Иваншкой Заруцким и над Маринкой с сыном промышляли неослабно, сколько вам милосердный бог подаст. И ты, Сюнчелей Янгальчев, был под нашею царскою высокою рукою навеки неотступным. А мы, великий государь, вас учём жаловати и держати в нашем царском жалованьи свыше прежнего и учём к вам присылать с нашим жалованьем ежегодно беспереводно... наша царская милость будет к вам неперемenna»⁵⁵.

В следующем, 1615 г. специальной грамотой Михаила Фёдоровича Сюнчелей был награждён «княжьим именем да быти над окочены над всеми и над черкасы, которые великому государю служат на Терке, князем»⁵⁶.

В конце 1615 г. кабардинские князья Сюнчелей, Куденет и Шегонук ездили в Москву, чтобы лично засвидетельствовать царю Михаилу Фёдоровичу свою преданность, и были приняты царём в январе 1616 года.

Большую роль сыграл князь Сюнчелей в сплочении горских народов вокруг Москвы. Он призывал кабардинских и дагестанских князей служить Московскому государству. После вступления на московский престол Михаила Фёдоровича князь Сюнчелей разослал по всей Кабарде и Дагестану воззвание о подданстве московскому царю. В результате воззвания Сюнчелей казикумухские князья Гирей и Алибек, карабулак-

⁵³ Белокуров С. Указ. соч., стр. 556—557.

⁵⁴ «Русский архив», Т. II, стр. 107. М. 1913.

⁵⁵ ГАДА. Кабардинские дела за 1614 г., кор. 2, д. № 5.

⁵⁶ «Русский архив», Т. II, стр. 107. М. 1913.

ский князь Сурхай, тарковский князь Мамет Ханмурза и кабардинские князья Салох, Казымурза Шегенуков, Айтек Мурса Алхасов и Мурда-Мурза со своими узденями, братьями и родственниками «по своей вере принесли присягу, шертовали и государю служат и прямят»⁵⁷.

В XVII в. по примеру Кабарды стали по разным мотивам добиваться подданства и покровительства Московского государства и другие горские народы. Первыми заявили о своём желании принять подданство Москвы осетины, которые при помощи своего сюзерена хотели освободиться от феодально-вассальной зависимости Кабарды. Представители осетинских феодалов Смаил и Чибирка заявили московским послам Толочанову и Иевлеву, следовавшим в 1650 г. в Имеретию, что «только де государь изволит близко гор поставить свой государев город и воинских людей устроить, и они де горцы и все горские люди будут ево государевы холопы, и что дают черкасским мурзам ясак, и тот ясак учнут давать московскому государю»⁵⁸.

Однако во избежание осложнений в отношениях с влиятельной в то время Кабардой Московское государство в XVII в. уклонилось от принятия в подданство Осетии. Только в XVIII в. Россия в связи с Кучук-Кайнарджийским трактатом 1774 г. (по которому Кабарда отошла к России) приступила к разрешению осетинского вопроса.

Политическое влияние Московского государства в Кабарде настолько упрочилось в XVII в., что можно было приступить к экономическому освоению кабардинской земли. Началом экономического освоения Кабарды можно считать посылку из Московского государства в Кабарду геолого-разведочной экспедиции.

В начале второй четверти XVII в. кабардинский князь Пшимахо Комбулатович Черкасский от имени кабардинских князей отправил в Москву гонца Каншау-мурзу Битемрукова просить Михаила Фёдоровича прислать в Кабарду специалистов для исследования обнаруженных в Кабарде серебряной и медной руд. Заинтересовавшись предложением кабардинских князей, царь приказал отправить в Кабарду «немецкого рудознатца и золотознатца именем Самуила Фрича, и с ним вместе лозохотца или рудокопца Ивана Геральда»⁵⁹.

Московская геолого-разведочная экспедиция прибыла в Кабарду 21 августа 1628 года. Руководство экспедицией было возложено на терских воевод, князей И. А. Дашкова и Б. Г. Приклонского, которые несли ответственность за экспедицию перед московским правительством.

В 1629 году экспедиция вернулась в Москву. Результаты её были доложены Михаилу Фёдоровичу, который повелел разработать подробный план эксплуатации горнорудных богатств Кабарды.

В XVIII в. южные пределы русского государства пришли в непосредственное соприкосновение с территорией Кабарды. Кавказская военная линия, заложенная в 1711 г. у устья р. Терек, шла на запад по течению рек Терека и Кубани, а в конце века была доведена до берегов Азовского моря. Вдоль кордонной линии закладывались военные укрепления, сыгравшие весьма важную роль в дальнейшем колоннальном наступлении России на Северный Кавказ.

В 1736 г. была заложена крепость Кизляр, а в 1763 г. к западу от Кизляра, тоже на кордонной линии, была заложена, уже на самой территории Кабарды, крепость Моздок. Затем шли крепости Екатериноград, Георгиевск, Ставрополь и ряд других.

⁵⁷ ГАДА. Кабардинские дела за 1614 г., д. № 2.

⁵⁸ Посольство Столяника Толочанова, стр. 120.

⁵⁹ Гамель И. «Описание путешествия на Кавказ, предпринятого в 1628 году, по приказанию царя Михаила Фёдоровича для отыскания серебряной руды», стр. 37. СПб. 1829.

На протяжении всего XVIII в. на Северном Кавказе Россия была занята строительством кавказской военной линии и военных укреплений, и почти никаких наступательных операций в глубь горских земель в целях территориальных захватов она не производила. Тем не менее была совершенно очевидна колониальная направленность всех мероприятий царской России.

В XVIII в., в связи с усилением политического влияния России среди горских народов, в русско-турецких отношениях весьма остро стал кабардинский вопрос. Несмотря на стародавние связи Кабарды с Московским государством, подданства и покровительства которого она так долго и упорно добивалась, Турция не хотела уступать её России. Поэтому в первой половине XVIII в. между Россией и Турцией началась острая дипломатическая борьба за обладание Кабардой. Оба государства наводняли Кабарду тайными агентами и шпионами, которые подкупали и вербовали сторонников среди наиболее влиятельных кабардинских князей. «О состоянии и поступках и намерениях тех горских владельцев,— говорится в секретном указе Сената кизлярскому коменданту Красногоровцеву,— непрестанно с крайним прилежанием как чрез посылки туда в их владения из живущих при Кизляре и по Терку военных способных к тому людей под приличным претекст, т. е. под образом купечества с ихними нуждами, тако ж и чрез употребление туда ж частию посылкою шпионов, подлинно выведать. Секретно указом нашим объявить, дабы кабардинские князья на пересылки с турецкой стороны крымцов и кубанцов к горским владельцам прилежно смотрели и чрез всякие способы подлинно разведывали и извести присылали, какие оным от турок и татар предложени и внушени чинятся о склонении их к соединению с кубанцами против нас. Весьма нужно посыльщиков ис Крыма с писмами перенять, чтоб с того можно было намерение и соглашение со обеих сторон совершенно ведать. Тех пересылаемых людей с писмами поймать и оных на Кизляр скрытно препроводить. Для лучшего их, кабардинцов, к тому побуждения послать к ним наперёд из имеющейся в Кизляре нашей казны пристойное число в подарок денгами или какими вещами»⁶⁰.

Крым и Турция зорко следили за поведением кабардинских князей и старались предупредить малейшие с их стороны попытки к сближению с Россией. «Чего ради вы Московского государя войску пристав, наших подданных кубанских жителей разорили и войска их разбили,— писал турецкий султан кабардинским князьям,— для чего вы на своего государя и на веру свою руку подняли? Ныне вы придите и принесите повинную и отпустится ваше прегрешение и неразоритесь до конца и во всякой будете милости. А буде того не учините и в нашей воле не будете, князей ваших и узденей ни една душа не спасётся»⁶¹.

В 1732 г. особенно остро стал вопрос о том, кому владеть Кабардой — России или Турции. Русский посланник в Константинополе Неплюев, оказавшись в затруднительном положении, запрашивал своё правительство о том, как ему вести себя по кабардинскому вопросу, «именно, как о Большой Кабарде объявить, и как давно Малая Кабарда находится под русским покровительством... чтоб мог Порте обстоятельно доказать и тем ложные ханские донесения опровергнуть»⁶². Одновременно он предупреждал своё правительство, что «кабардинское дело большое беспокойство принесёт, если Россия захочет присвоить себе Большую Кабарду», вернее Бесланию, в которой, как уже указывалось, турецко-крымское влияние было сильнее, чем русское.

⁶⁰ Ленинградский центральный исторический архив, ф. правительствующего Сената за 1737 г., Кн. 104-я, л. 1035—1036.

⁶¹ ГАДА. Кабардинские дела за 1711 г., д. № 1.

⁶² Соловьёв С. Указ. соч. Т. XX, стр. 1231.

Пока между Неплюевым и Петербургом шла переписка, наместник крымского хана на Кубани Пуреддин-султан готовился со своими войсками к вступлению в Кабарду.

Узнав о планах Пуреддин-султана, Неплюев от имени своего правительства решительно заявил, что при первом движении турецко-крымских войск русские войска немедленно будут введены в Кабарду для её защиты. Создавалась весьма напряжённая обстановка, готовая вылиться в войну между Россией и Турцией. Вскоре, однако, Неплюеву стало известно через подкупленного турецкого чиновника, что турецкое правительство дало распоряжение крымскому хану «не подавать ни малейшего повода к ссоре с Россией, с которой дружба теперь очень нужна Порте», а потому было решено «в Кабарду войск не посылать, в таком случае и русские войска туда не пойдут»⁶³.

Через короткое время, однако, турецкое правительство вновь без каких-либо оснований стало доказывать, что Кабарда издавна принадлежит крымскому ханству. «Донесите вашей государыне, — заявила Турция Неплюеву, — чтоб она в Кабарду мешаться не изволила, потому что она всегда принадлежала крымскому хану, и Порта не уступит Кабарды, до чего б ни дошло»⁶⁴.

Известно, как Крым силою оружия поработил Закубанскую Кабарду, или Бесланию, составлявшую весьма незначительную часть Кабарды, вступившей в подданство Московского государства ещё при царе Фёдоре Ивановиче.

Чувствуя неосновательность выдвинутого «довода», Турция попыталась «обосновать» свои захватнические планы в Кабарде соображениями «государственной чести». «Хотя Кабарда и небольшой важности, — заявила турецкое правительство Неплюеву, — но честь государственная запрещает уступить свою землю»⁶⁵. На это Неплюев дал достойный ответ турецкому правительству. «Если Порта хочет ссоры, — заявил Неплюев, — то можно её начать и без Кабарды. Что же касается государственной чести, то она одинакова как у русского, так и у оттоманского государства, и моя императрица не может отступить от своих прав, для защиты которых способы найдутся»⁶⁶.

Россия твёрдо решила не уступать Кабарды ни Турции, ни Крыму, которые не имели на неё никаких прав. Кабарда в то время для России имела весьма важное стратегическое значение. Территория Кабарды разведняла собою враждебных России крымских татар и дагестанских шамхалов, объединённые силы которых могли бы поставить под угрозу южные пределы России. Вот почему был прав Неплюев, который категорически настаивал перед Елизаветой Петровной, что «Кабарду уступать нельзя, и этим отворить дверь татарам в Дагестан»⁶⁷.

По вопросу о необходимости присоединения Кабарды к России в тогдашних политических кругах не было двух мнений. Было совершенно ясно, что, присоединив Кабарду, территория которой разведняла Крым с Дагестаном, Россия получала возможность создать сильный заслон против турецко-крымских агрессоров и непосредственно влиять на дела других горских народов, полностью или частично находившихся в зависимости от Кабарды. «Надобно заблаговременно, — писал князь Долгорукий, — всех как Малой, так и Большой Кабарды владельцев вяще привести в нашу протекцию и приласкать их определенном жалованья», так как «весьма нам надлежит Большую и Малую Кабарду склонить в нашу протекцию ради двух причин: первая — от турок и крымцов, другая для

⁶³ С. Соловьёв С. Указ. соч. Т. XX, стр. 1233.

⁶⁴ Там же, стр. 1315.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 1322.

страху дагестанцам, понеже у кабардинцов с дагестанцами натуральная недружба»⁶⁸.

Кабардинский вопрос между Россией и Турцией не был разрешён мирным путём: он разрешился в результате русско-турецкой войны 1735—1739 годов. По заключённому между Россией и Турцией в 1739 г. Белградскому мирному трактату, Кабарда была признана «суверенной».

В шестом артикуле Белградского мирного трактата о Кабарде было написано: «Быть тем Кобардам вольным и не быть под владением ни одного ни другого империя, но токмо за барьеру между обоими империями служить имеют и что и от другой стороны — блистательной Порты туркам и татарам во оные не вступатца и оных не беспокоивать, такожде и от всероссийской империи оные в покое оставлены будут, но что однакоже, по древнему обыкновению, браны будут во всероссийскую империю от тех кабардинцов для спокойного их пребывания аманаты, и Оттоманской Порте також позволяется для такой же притчины брать от них таких же аманатов, и ежели помянутые кабардинцы причину жалобы подадут одной или другой державе, каждой позволяется наказать»⁶⁹.

Таким образом, хотя Кабарда, по Белградскому трактату, формально была признана независимой, фактически же эта независимость оказалась для неё фикцией, так как и у Турции и у России в отношении Кабарды руки попрежнему оставались развязанными. «Хотя по-настоящему между всероссийской империей и блистательной Портой трактату,— писал граф Воронцов,— Кабарда и кабардинский народ и оставлен вольным и за барьеру между обеими империями, однакоже обеим сторонам за продерзости дозволено их и наказывать, и потому собственная кабардинского народа польза требует, чтоб они никаких уже и причин не подавали к употреблению строгих против их мер как российской, так и турецкой стороне»⁷⁰.

Кабарда сделалась ареной интриг и скрытой политической борьбы между Россией и Турцией. Оба государства присылали в Кабарду своих тайных агентов и секретные письма, которые распространялись среди кабардинских князей. По поручению турецкого султана, крымский хан Девлет-Гирей в 1760 г. в секретном письме на имя кабардинских князей Асланбска, Кувадбека, Эльбиздукбека и узденей Исмаилова, Сахашева, Кудунетова и Ватамова писал, чтобы им «стараться общим соглашением предаться сиятельной Порте и Крыму, следуя правилам мусульманского закона»⁷¹.

Несмотря на то что «независимость» Кабарды, по Белградскому мирному трактату, оказалась для неё фикцией, трактат этот всё же сыграл некоторую положительную роль для внутренней истории Кабарды: он дал возможность Кабарде укрепить и расширить своё политическое влияние среди горских народностей. Правда, некоторые горские племена и до Белградского трактата находились в полной или частичной зависимости от Кабарды, но трактат признанием Кабарды суверенной как бы санкционировал за ней свободу действий среди этих народностей.

Ко времени действия Белградского трактата относится распространение кабардинских поселений на Северокавказской равнине, начиная от Кубани на западе и кончая Дарьяльским ущельем на востоке.

Однако существование независимой Кабарды в непосредственном соседстве с Россией было политически невыгодно для последней. Поэтому вся дальнейшая политика России на Северном Кавказе в отношении

⁶⁸ ГАДА. Кабардинские дела за 1559—1748 гг., св. I, кор. I, д. № 1, л. 86—87.

⁶⁹ ГАДА. Кабардинские дела за 1739 г., д. № 2, ср. Полное собрание законов Российской империи. Т. X, стр. 899—901.

⁷⁰ ГАДА. Осетинские дела за 1760—1765 годы. Письмо графа Воронцова кабардинским князьям.

⁷¹ ГАДА. Кабардинские дела за 1760 г., д. № 10.

Кабарды была направлена к ликвидации Белградского мирного трактата 1739 г. и к безусловному обладанию Кабардой.

Поставленной цели Россия добилась в результате русско-турецкой войны 1768 г., заключением Кучук-Кайнарджийского мирного трактата 1774 г., по 21-му артикулу которого «Большая и Малая Кабарды остались в точном подданстве её императорского величества»⁷². Белградский мирный трактат 1739 г. был таким образом аннулирован Кучук-Кайнарджийским трактатом, и вся дальнейшая политика России в отношении Кабарды теперь проводилась без учёта международных обязательств, предусмотренных русско-турецкими трактатами и конвенциями, заключёнными до 1774 года. «Во время настоящего, — писала коллегия иностранных дел после заключения Кучук-Кайнарджийского трактата, — когда кабардинцы, по переменившимся обстоятельствам всего тамошнего края, и сами принадлежат действительно к подданству здешнего императорского скипетра, всякие, в рассуждении их новые меры, свободны уже от зависимости соглашения с Портой и Крымом»⁷³.

Официальной датой окончательного разрешения кабардинского вопроса в русско-турецких отношениях и политического присоединения Кабарды к России следует считать 1774 г., когда Россия получила свободу действий на Северном Кавказе.

⁷² ГАДА. Осетинские дела за 1767--1774 годы, л. № 3.

⁷³ Материалы по истории Осетии. Т. 1, стр. 300. Орджони. 1934.

ИЗ ИСТОРИИ АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКИХ ОТНОШЕНИИ В 1920 — 1939 ГОДАХ

Проф. Л. Зубок

Во взаимоотношениях между США и Мексикой в течение долгого периода центральным вопросом являлись 27-я статья Мексиканской конституции 1917 г.¹, а также изданные в связи с ней законы и постановления.

Один из пунктов этой статьи гласит: «Все минералы или вещества, которые в виде жил, пластов, масс или слоёв образуют залежи, отличные по составу от земли, являются государственной собственностью». В эту категорию входят минералы и нефть. Далее, в статье говорится о допущении концессий при условии планомерного развития ресурсов и выполнения со стороны концессионеров соответствующих законов. Концессии могут быть даны и иностранцам, если они согласны иметь равные права с мексиканцами и не прибегать к своим правительствам за защитой.

27-я статья имела очень важное значение для мексиканцев в их борьбе за подлинную независимость, в их стремлении положить конец вмешательству со стороны Великобритании и США, защищавших интересы своих граждан, владельцев шахт или нефтяных концессий.

Американцев в первую очередь интересовал вопрос о том, имеет ли 27-я статья обратную силу, т. е. применима ли она к лицам, которые приобрели собственность до момента принятия конституции. По прежним законам, покупающий землю приобретал право не только на её поверхность, но и на её недра. До мая 1917 г., пользуясь мексиканскими законами того времени, американцы закупили тысячи акров земли. Они утверждали, что если этот закон получит обратную силу, владельцы земли понесут убытки в несколько сотен миллионов долларов.

Центральным вопросом мексиканской революции являлся аграрный вопрос.

При режиме Порфирио Диаса усилился процесс захвата общинных земель мексиканских деревень. Для большей части индейского населения Мексики земли эти служили единственным источником пропитания. Мексиканские крестьяне, в большинстве индейцы, превратились в «неоно», работающих в качестве батраков, в уплату своих долгов.

В 1910 г. насчитывалось 3 003 402 неона. Вместе с семьями они составляли 9—10 млн., т. е. от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ общего населения страны. Наряду с этим существовали крупные землевладельцы. Ярким примером крупного мексиканского дореволюционного поместья являлось именно Террацанстейт, в северном штате Чинауа, площадь которого превышала 7 млн. акров².

На севере имелись и другие громадные поместья. Так, помещику Дуранга принадлежало более миллиона акров; двум другим помещикам в этом же штате принадлежало 600 и 400 тыс. акров. Крупные поместья

¹ Конституция 1917 г. на английском языке. См. The Mexican Year Book, 1920 — 1921, pp. 116—153.

² «The Times», 7 November 1923.

имелись также в Сан Луи Потоси. Американской сахарной компании принадлежало свыше миллиона акров. В Нижней Калифорнии американской скотоводческой компании принадлежало 3 млн. акров земли. Поместья в 200—500 тыс. акров были обычным явлением. Размеры поместий постепенно уменьшались по мере приближения к густо населённой «индейской» полосе на юге.

Чрезвычайно важное историческое значение имела борьба президентов Обрегона и Кайеса против образования монополий и за разрешение аграрной проблемы. Это была борьба за возвращение земли народу Мексики. 27-я статья конституции 1917 г. предусматривала постепенный раздел крупных поместий между отдельными крестьянами и земельными обществами (эхидо). Статья эта запрещала иностранцам владение землёй в зоне, простиравшейся на 100 км от границ или на 50 км от берега моря³.

При Обрегоне эта статья была изменена и пополнена рядом законов и постановлений, в результате чего «до 1 сентября 1921 г. 413 123 акра земли было реквизировано и возвращено деревням и 1 462 293 акра роздано в виде наделов. В первый период президентства Обрегона, с 1 декабря 1920 г. до 1 сентября 1922 г., 520 городам были возвращены общественные выгоны; 2 178 805 акров земли было реквизировано для раздачи 119 649 крестьянам»⁴. Проведение этой аграрной программы коснулось и иностранцев. Земли американских граждан также были реквизированы⁵. Газета «Таймс» писала: «Вслед за мексиканцами пострадали и иностранцы. Из общего числа поданных иностранцами жалоб около 70% принадлежало испанцам, 20% — американцам и 10% — англичанам». В 1920 г. иностранцам в Мексике принадлежала одна пятая часть частных земель, что составляло 32 004 046 гектаров⁶. Это явилось «основанием» для дипломатической борьбы. Государственный департамент Соединённых Штатов, отстаивая интересы владельцев нефтяных участков, шахт, железных дорог, а также крупных земельных участков в Мексике, настаивал на пересмотре 27-й статьи в целях удовлетворения не только прежних, но и будущих потребностей корпораций.

Профессор Инман, один из крупнейших американских специалистов по Латинской Америке, писал: «После окончания войны нефтяные корпорации начали энергичную кампанию за интервенцию в Мексике. В течение нескольких недель жаркого лета 1919 г. заседал сенатский комитет для решения вопросов, связанных с Мексикой. За одним концом стола сидел сенатор Альберт Фолл, за другим — нефтяной магнат Эдуард Догени. В центре сидели подкупленные агенты нефтяных компаний. На вопрос о том, известно ли государственному департаменту, что американские нефтяные компании платили мятежному генералу Целаецу за то, чтобы он помешал мексиканскому правительству овладеть нефтяными участками, Догени ответил, что «департамент не только знал об этом, но и поощрял это»⁷. К счастью, предложение сенатского комитета об организации США интервенции в Мексике не было принято.

В течение последних 18 месяцев своего президентства Вильсон отказывался принимать решительные меры в защиту требований американских граждан в Мексике. Он также не соглашался с требованием круп-

³ «The United States and Mexico». «International Conciliation», June 1923, p. 473—476.

⁴ Hackett Ch. Wilson. «The Mexican Revolution and the United States, 1910—1926. World peace foundation», p. 348.

⁵ Согласно данным Франка Тейненбаума, 1/10 всей площади Мексики к 1933 г. принадлежала американцам. См. Frank Tannenbaum «Annals of American Academy of Political and Social Science», July 1930, p. 240—243.

⁶ Hackett Ch. Wilson. Op. cit., p. 243—245.

⁷ Inman «Latin America», p. 283. New York. 1942.

ных промышленников отказаться от признания Карранца. А когда последний в мае 1920 г. был свергнут Обрегеном, Вильсон поставил условием признания нового режима заключение соглашения о правах американских граждан в Мексике.

5 сентября 1920 г. Альваро Обрегон был избран президентом Мексики. Он заявил, что будет проводить политику, направленную на установление новой банковской системы, возвращение земли народу и разрешение связанных с 27-й статьёй вопросов о нефтяных запасах⁸.

С самого начала своего президентства Обрегон объявил о своём стремлении проводить политику более тесного сближения с Соединёнными Штатами. «Мы признаём, — заявил он, — основным принцип, что естественные богатства страны принадлежат народу. Никогда больше мексиканский народ не будет терпеть правительства, не признающего этого принципа. Это ни в какой мере не означает проведения политики обособленности. Мексика не так неразумна, чтобы думать, что она может существовать и работать вне связи с другими народами; такого желания у неё нет. Я заявляю, что в нашей политике нет и намёка на конфискацию. Эта нелепость является плодом измышлений противников проведения национализации, которая ставит преграды эксплуатации и образованию монополий в будущем. Все права частных лиц, приобретённые ими до 1 мая 1917 г., т. е. до принятия новой конституции, будут уважаться и охраняться»⁹.

Правительство Гардинга отказалось решить вопрос о признании Обрегона, прежде чем не будет принят ряд предварительных условий. Новый государственный секретарь США Юз 7 июня 1921 г., формулируя цели внешней политики США, заявил, что основной задачей является обеспечение американской собственности от конфискации. «Этот вопрос, — говорил он, — является особенно важным в связи с условиями, содержащимися в мексиканской конституции, принятой в 1917 году». Если статьи конституции получат обратную силу, собственность американских граждан будет конфискована. Это явится большой несправедливостью и нарушением международных прав, и правительство не может допустить этого»¹⁰.

Юз считал, что лучшей гарантией для американских жителей явится подписание Мексикой договора с США о дружбе и торговле, который обеспечивал бы права собственности, приобретённые до принятия конституции 1917 года. Проект такого договора, состоявший из 18 статей, был представлен 27 мая 1921 г. мексиканскому правительству доверенным в делах США Саммерлином¹¹.

По этому договору, Мексика должна была взять на себя обязательства «охранять права собственности, приобретённые до провозглашения конституции 1917 года». Одновременно договор содержал условия, относящиеся к торговле; в нём предусматривалось также разрешение вопроса о претензиях, связанных с убытками в результате революции.

Президент Обрегон отказался подписать этот проект. Проект договора, заявил он в сентябре 1921 г., «ставит условия, противоречащие основам нашей конституции. Принятие его неизбежно привело бы к созданию привилегированного положения для американских резидентов в Мексике, которое автоматически распространилось бы и на граждан других стран, согласно хорошо известной статье об условиях наибольшего благоприятствования... Таким образом иностранцы заняли бы привилегированное положение в то время, как мексиканцы стали бы чужеземцами в своей родной стране: и даже если бы это было и не так,

⁸ Текст этого заявления помещён в «Mexican Review». Vol. IV, N 8, p. 4, March 1921.

⁹ «The True Facts about the expropriation of the Oil Companies' properties in Mexico». Government of Mexico, p. 40—41. Mexico City, 1940.

¹⁰ «The New York Times», June 8, 1921; «Current history», July 1921, p. 710.

¹¹ «United States Daily», May 15, 1926.

то само подписание договора, которое должно стать предпосылкой признания, придадо бы ему условный характер и нанесло ущерб независимости Мексики»¹².

Ряд нот по вопросу о признании между обоими правительствами обнаружил резкие разногласия. В то же время Обрегон принимал меры к тому, чтобы выполнить некоторые свои неофициальные дипломатические обязательства. 16 июня 1922 г. он подписал договор с международным комитетом банкиров¹³. Это соглашение, известное под названием договора Ламонта де ля Хуерта, определяло сумму иностранного долга, включая невыплаченные с 1914 г. проценты в 1400 тыс. пезо, и обеспечивало возобновление платежа процентов. Обрегон предложил также начать переговоры об урегулировании вопроса о претензиях. Одновременно Обрегон заключил ряд сделок с британскими нефтяными компаниями с целью оказать давление на американских магнатов. Верховный суд Мексики вынес пять постановлений по апелляциям американских нефтяных компаний против декретов правительства Карранца. Эти решения сводились к тому, чтобы на нефтяные участки, находившиеся в эксплуатации до 1 мая 1917 г., обратное действие § 4 27-й статьи не распространялось¹⁴. Однако решения не касались «прав американских граждан, чьи участки, содержащие нефть или другие полезные ископаемые, приобретённые до 1 мая 1917 г., не разрабатывались, или чьи контракты на эксплуатацию нефти и аренда не были гарантированы до указанной даты». Постановления предусматривали лишь случаи, когда предприниматели, осуществив мероприятия по эксплуатации участков, тем самым закрепили за собой права на эти участки.

Эти решения в известной мере удовлетворяли требования твердолобого законника Юза, который под влиянием купцов, банкиров и торговых палат Юго-Западных штатов, заинтересованных в торговле с Мексикой, вынужден был смягчить своё отношение к последней. Интересы этой группы не совпадали с интересами крупных нефтяных, железнодорожных и других магнатов.

2 мая 1923 г. Гардинг назначил бывшего посла в Японии Чарльза Варрена и Бартона Пэйна (Раупе) уполномоченными США для переговоров с мексиканскими уполномоченными о признании правительства Обрегона.

Конференция открылась в городе Мексико 15 мая 1923 г. и продолжалась до 15 августа того же года. Между уполномоченными обеих стран возникли разногласия по вопросу о методах уплаты компенсации лицам, чьи земли были реквизированы в пользу крестьян. Американцы требовали, чтобы бывшие владельцы реквизированных участков получили возмещение в размере стоимости их земель во время её экспроприации, мексиканцы же считали, что достаточно уплатить облигациями в сумме, установленной землевладельцами при исчислении налогов.

По предложению мексиканцев, было принято решение, согласно которому за экспроприированные в пользу деревень земли их бывшие владельцы получали федеральные 5-процентные облигации сроком на 20 лет. При этом отмечалось, что принятое решение не послужит прецедентом для уплаты облигациями за экспроприации, произведённые с другой целью. Уполномоченным Мексики дали понять, что Соединённые Штаты обяжут своих граждан принимать эти облигации в виде уплаты за экспроприированные земли размером до 1755 гектаров (4335 акров). Что же касается участков сверх 1755 гектаров, то американцы заявили, что за эти земли должно быть уплачено наличными и что

¹² «The United States and Mexico», «International Conciliation», June 1923, p. 16—29.

¹³ Ibidem, p. 3052.

¹⁴ Обрегон резко критиковал вмешательство Саммерлена во внутренние дела Мексики. См. «The New York Times», 19 November 1922, «Manchester Guardian», 22 September 1922.

они оставляют за собой право предъявлять мексиканскому правительству претензии за все убытки, понесённые американскими гражданами во время революции. Соглашение по вопросу о полезных ископаемых было менее определённым. Представители Мексики делили владельцев нефтяных месторождений на две категории: тех, кто уже провёл определённую работу по эксплуатации нефтеносных земель, и тех, кто таких работ не произвёл. На лиц первой категории не должно было распространяться обратное действие 27-й статьи; для лиц второй категории 27-я статья имела обратную силу, но им должны были быть гарантированы предпочтительные по сравнению с другими лицами права на эксплуатацию нефтеносных земель.

После возвращения Варрена и Пэйна в Вашингтон 3 сентября дипломатические отношения между Соединёнными Штатами и Мексикой были возобновлены. Вскоре были подписаны два соглашения, касающиеся претензий американских граждан, возникших после 4 июля 1868 года¹⁵.

23 января 1924 г. государственный секретарь Юз во время обсуждения мексиканского вопроса заявил следующее: «При правительстве Обрегона была достигнута стабилизация, промышленность и торговля вновь стали внушать доверие, появилась надежда на то, что финансы страны получают прочную основу, были даны гарантии уплаты иностранных долгов. Когда стало ясно, что налицо реальное желание выполнить обязательства, как это подобает члену семьи народов, наше правительство радо было признать Мексику и возобновить с нею дипломатические отношения»¹⁶.

Однако Обрегон слишком поздно выиграл битву за признание, чтобы самому пожать плоды победы: его полномочия приближались к концу, а согласно мексиканской конституции, он не мог быть избран вторично.

Обрегон поддерживал кандидатуру бывшего министра внутренних дел генерала Плутархо Кайеса. Когда вспыхнуло восстание, возглавляемое Адольфом де ля Хуэрта, бывшим министром финансов и главным кандидатом оппозиции, Соединённые Штаты, по просьбе Обрегона, послали Кайесу оружие и наложили эмбарго на все суда с оружием для оппозиции. Многие сенаторы и члены Конгресса осуждали продажу оружия Обрегону. Член Конгресса Файнчайльд требовал, чтобы был применён закон Гардинга, запрещающий продажу оружия иностранному государству. В сенате его поддерживали Кинг, Бора и Джонсон (республиканец от Калифорнии).

Отвечая оппозиции, президент Кулидж в речи, произнесённой 12 февраля в Национальном республиканском клубе в Нью-Йорке, заявил, что отказ Обрегону в его просьбе «был бы равносителен принятию решения о том, что дружественное и признанное нами правительство не имеет права защищать себя. Другими словами, это означало бы, что мы приняли решение о его смещении и что то самое правительство, которое мы считаем способным защищать интересы наших граждан, находящихся на его территории, не должно иметь средств для этой защиты»¹⁷.

Очень скоро мексиканское правительство подавило восстание. Летом 1924 г. Плутархо Кайес, поддерживаемый Обрегеном, был избран президентом. В декабре он занял этот пост. В течение всего 1924 г. и до июня 1925 г. отношения между Соединёнными Штатами и Мексикой были весьма дружественными.

4 марта 1925 г. Юз подал в отставку. Пост государственного секретаря занял бывший сенатор Франк Келлог. 12 июня 1925 г. он поместил в прессе заявление, которое один из его прежних коллег охарактеризовал как «невежливое и несправедливое». Заверяя в неизменно дружествен-

¹⁵ «United States treaty series» N 676.

¹⁶ «Current history». April 1924, p. 72—73.

¹⁷ Ibidem, p. 74.

ном отношении и готовности правительства США поддержать законное мексиканское правительство, Келлог, между прочим, заявил: «Правительство Мексики сейчас предстало перед судом мира. Мы крайне заинтересованы в устойчивости, благосостоянии и независимости Мексики. Мы были очень терпеливы и, конечно, понимаем, что для установления прочного правительства нужно время. Но мы не можем потворствовать нарушению принятых им на себя обязательств и мириться с его неспособностью защитить американских граждан»¹⁸.

Заявление Келлога вызвало возмущённый ответ Кайеса. Последний утверждал, что соглашения о претензиях являются доказательством готовности Мексики «выполнить свои международные обязательства и защитить жизнь и интересы иностранцев». Аграрные законы были приняты, по словам Кайеса, в соответствии с суверенными правами Мексики, и государственный департамент Соединённых Штатов принял предусмотренную этими законами форму возмещения убытков. Заявление Келлога Кайес рассматривал как «угрозу независимости Мексики».

Твёрдая позиция Кайеса встретила одобрение большинства мексиканского народа. Он получил поздравления от бывшего президента, Обрегона, от сенаторов и депутатов, обещавших свою поддержку. Прогрессивная пресса также полностью поддерживала Кайеса. Некоторые газеты утверждали, что заявление Келлога может быть понято государствами Карибской Америки лишь как намеренное подстрекательство к мятежу против существующих правительств. Командование мексиканской армии также одобряло выступление Кайеса и выражало готовность в случае необходимости с оружием в руках защищать честь и независимость своей страны.

Борьба вокруг вопросов земли и нефти возобновилась и притом в ещё более острой форме в связи с принятием мексиканским конгрессом двух законов, известных под названием нефтяного закона (Petroleum bill) и закона о землях, принадлежавших иностранцам (Alien Land bill). Первый был обнародован 31 декабря 1925 г., второй — 21 января 1926 года.

Нефтяной закон подтверждал положение конституции 1917 г. о том, что недра являются народным достоянием. Он подтверждал права владельцев тех участков, на которых добыча нефти началась до 1 мая 1917 г., а также права, полученные по контрактам, заключённым до этого срока. Эти права утверждались сроком на 50 лет. Что же касается остальных владельцев нефтяных месторождений, то, поскольку нефть является собственностью народа, иностранцы, владельцы концессий, были лишены права обращаться к своему правительству. Их права должны быть утверждены мексиканским правительством в течение одного года, в противном случае их земли подлежали конфискации.

Основные пункты нового земельного закона сводились к следующему: 1. Ни один иностранец не может получить в собственность земельный участок или стать участником мексиканской компании в запрещённой зоне, указанной в 27-й статье. 2. Иностранец, ставший членом мексиканской компании, должен дать обязательство не прибегать к защите своего правительства. В случае нарушения этого обязательства его имущество подлежит конфискации. 3. Иностранцы не могут стать членами мексиканских компаний, владеющих сельской собственностью, если при этом в их руках сосредоточивается 50% или больше акций компаний. 4. Иностранцы, получающие 50% или больше акций компании, владеющей сельской собственностью, используемой для ведения сельского хозяйства, сохраняют свои права до смерти или, если это не частные лица, а корпорации, — в течение 10 лет. 5. Другие права, которых будут впредь лишены иностранцы и которые являются объектом данного закона, сохраняются за их владельцами до смерти. 6. Иностранцы, получившие по наследству

¹⁸ «The New York Times», June 13, 1925.

или по суду собственность, которой, по данному закону, они владеть не могут, должны в течение пяти лет передать её лицу, имеющему на это право.

Министром иностранных дел Мексики были даны заверения в том, что статьи 1, 2 и 3 не будут иметь обратной силы. Таким образом, отпали основные спорные вопросы. Статья 4-я, однако, оставалась объектом разногласий и вызвала противодействие со стороны Соединённых Штатов. Ко времени обнародования этих законов в руках иностранцев всё ещё находилось больше естественных ресурсов и других богатств Мексики, чем в руках мексиканцев.

Американские капиталовложения в Мексике в 1926 г. распределялись следующим образом¹⁹.

Сельская собственность	166 047	тыс. долл.
Городская »	35 771	» »
Нефтяные участки	318 638	» »
Очистительные заводы	50 070	» »
Шахты	317 427	» »
Плавильни	25 180	» »
Лесоразработки	10 935	» »
Железные дороги	248 158	» »
Промышленные предприятия	27 716	» »
Торговые »	26 140	» »
Предприятия общественного пользования	30 799	» »
Скрытые вложения	6 938	» »
Прочие вложения	125 242	» »

Всего 1 389 061 тыс. долл.

Ещё до принятия новых законов государственный секретарь Келлог через американского посла сделал ряд запросов по поводу заключения нового договора о дружбе и торговле между Соединёнными Штатами и Мексикой, который явился бы «благоприятным и приемлемым для обеих стран и обеспечил бы на продолжительное время выгоды для них»²⁰. Переписка по этому вопросу велась между обоими правительствами в течение целого года.

Государственный департамент Соединённых Штатов утверждал, что принятие нового нефтяного закона является нарушением соглашения 1923 г., нарушением международного права и справедливости²¹.

Последняя нота Келлога от 30 октября 1926 г. привела к открытому кризису в отношениях между обеими странами. В этой ноте Келлог заявил, что США будут твёрдо отстаивать свою позицию и что если Мексика введёт в действие законы, которые «нарушают основные принципы международного права и справедливости, а также условия соглашения, достигнутого в 1923 г., то в отношениях между обеими странами встанут исключительные трудности»²².

Нота мексиканского правительства от 17 ноября 1926 г. содержала два основных положения: отказ от признания силы договора за предложениями, сделанными представителями стран в 1923 г., и требование,

¹⁹ Согласно отчёту американского консульства от 15 декабря 1926 года. Цит. по книге Ветман Л. «Selected articles on intervention in Latin America», p. 132. New York, 1928.

²⁰ См. переписку «Senate documents» N 96, 69-th Congress 1st Session, p. 3.

²¹ Яркие защитники американских трестов заявляли, что в результате мексиканской революции было уничтожено или повреждено имущество американцев стоимостью свыше 50 млн. долл., что принятые законы являются политикой конфискации и пр. См. статью King W. «Mexico's policy of confiscation», «Current history», June 1927.

²² «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States», 1926, II, Washington, 1941, p. 669—670.

чтобы дипломатические протесты имели место лишь в особых случаях конфискации американской собственности.

Нефтяной закон вошёл в силу 1 января 1927 года. Нефтяные компании имели возможность до этого времени принять условия, предлагаемые мексиканским правительством. 16 февраля 1927 г. Келлог сообщил сенату, что только 4 из 58 американских частных лиц или корпораций, связанных с нефтяной промышленностью Мексики, подали заявки на концессии, согласно закону. Компаниям, отказавшимся подчиниться новому закону, принадлежало около 90% общего количества земель, на которых велась добыча нефти и которые были приобретены до 1 мая 1917 года. На этих землях добывалось около 70% общего количества добываемой в Мексике нефти²³.

18 февраля мексиканский министр торговли, промышленности и труда Люис Моронес заявил, что приведённые Келлогом данные неверны и что к концу 1926 г. в Мексике существовало 147 нефтяных компаний, из которых 125, т. е. большинство, подчинилось мексиканским законам²⁴.

В течение 1927 г. отношения между Соединёнными Штатами и Мексикой оставались напряжёнными. Они ещё более обострились по вопросу о Никарагуа. Мексика признала в Никарагуа правительство Саказа и заручилась его поддержкой. Поскольку Соединённые Штаты признавали правительство Диаса, позиция Мексики приобретала характер, враждебный Соединённым Штатам.

22 марта 1927 г. государственный департамент Соединённых Штатов заявил, что договор о запрещении контрабанды, подписанный с Мексикой год тому назад, не будет возобновлён. Это предупреждение рассматривалось Мексикой как желание Соединённых Штатов получить возможность снабжать оружием враждебные правительству силы, и мексиканское правительство издало декрет (вступивший в действие 18 июня 1927 г.), запрещающий всем мексиканским департаментам закупать товары в Соединённых Штатах.

25 апреля 1927 г. Кулидж сделал заявление Ассоциации объединённой печати, в котором, между прочим, коснулся вопроса об отношениях с Мексикой и Никарагуа. Кулидж предупреждал мексиканское правительство против придания обратной силы действию конституции в вопросах, касающихся собственности американских граждан.

Заявление Кулиджа²⁵ могло быть воспринято как оправдание интервенции в защиту американских капиталистов, имевших собственность в Мексике или других странах. Из этой речи ясно вытекало, что в том случае, когда законы страны, в которой находится собственность американских граждан, не гарантируют защиты их интересов, Соединённые Штаты «как правительство, обладающее чувством собственного достоинства», должны вмешаться и оказать покровительство своим гражданам. В случае необходимости армия и флот Соединённых Штатов должны стать на защиту требований своих граждан. Однако в этом же заявлении президент выразил надежду, что мирное урегулирование этих вопросов предотвратит конфискацию американской собственности в Мексике.

Президент Кайес приветствовал это последнее заявление и со своей стороны выразил уверенность в том, что «теперь открыт путь для лучшего взаимного понимания, которое обеспечит удовлетворительное разрешение всех трудных вопросов»²⁶.

Таким образом, американское правительство испробовало все дипломатические меры в защиту прав собственности своих граждан в Мексике. Под давлением лиц, заинтересованных в мексиканской нефти, оно го-

²³ «Papers Relating to the Foreign Relations». 1927, v. III. pp. 176--181; «Current history». April 1927, pp. 136--137.

²⁴ Ibidem, p. 137.

²⁵ Ibidem 1927, vol III, p. 213, 216.

²⁶ Ibidem p. 225.

тово было прибегнуть к решительным мероприятиям, для того чтобы принудить Мексику принять американские требования. Однако правительство США натолкнулось на твёрдую решимость мексиканского правительства проводить политику реформ, которую оно считало более важной, чем удовлетворение «законных» прав американских компаний.

Кайеса поддерживали прогрессивные элементы страны и весь мексиканский народ. Бывший президент Обрегон указывал, что капиталисты Уолл-Стрита стараются «спровоцировать конфликты и международные осложнения между обеими странами, как это не раз имело место»²⁷.

К концу 1927 г. острота разногласий сгладилась. 1 сентября президент Кайес в своём послании Конгрессу выразил уверенность в том, что имеющиеся разногласия смягчатся, когда Америка дружески разберётся в мексиканских вопросах. В этой речи он, между прочим, заявил: «Мы обеспечим гостеприимный приём друзьям и иностранцам, но не можем гарантировать им больших привилегий, чем те, которыми пользуется наш народ. Мы с доверием принимаем иностранный капитал и его предприимчивость, но при обязательном условии, чтобы он подчинялся мексиканским законам и уважал их»²⁸.

В это время президент Кулидж назначил послом в Мексике Дуайга Морроу вместо Шеффилда, ушедшего в июне в отставку. Назначение Морроу, известного адвоката и ньюйоркского финансиста, связанного с фирмой Моргана, вызвало вначале недовольство в сенатских кругах США. По прибытии в Мексику Морроу использовал всё своё личное влияние, чтобы убедить мексиканское правительство в необходимости урегулирования долгов по облигациям и другим долговым обязательствам. Он заявил, что уважает суверенные права Мексики, верит в её желание и способность вести честную политику и поддерживает мексиканские законы. Эти заявления Морроу значительно способствовали успешному ходу переговоров.

В процессе разрешения нефтяного вопроса большую услугу Морроу оказало решение, принятое верховным судом Мексики от 17 ноября 1927 г. по делу Мексиканской нефтяной компании в Калифорнии. Эта компания, являющаяся американским концерном, не желала получить концессию в обмен на свои прежние права. Суд поддержал ходатайство концерна задержать аннулирование департаментом промышленности, торговли и труда разрешений на бурение, выданных ранее компании. Суд постановил, что статья XIV и XV «нефтяного» закона, предписывающие обмен в течение года документов, удостоверяющих права собственности на концессии сроком на 50 лет, не должны применяться в подобного рода случаях»²⁹.

Немедленно после этого решения верховного суда мексиканский конгресс по просьбе Кайеса внёс поправки в прежний «нефтяной» закон. Подтверждались права по всем контрактам на землю, заключённым до 1 мая 1917 г., путём предоставления концессий на неограниченное время вместо установленного прежним законом срока в 50 лет. Закон вступал в силу с 11 января 1928 г., а 27 марта того же года президент Кайес подписал постановление, подтверждавшее права на добычу нефти, полученные до 1 мая 1917 года. Это постановление было вполне приемлемо для Вашингтонского правительства³⁰.

Посол Морроу со своей стороны заявил, что постановление дополняет шаги, добровольно сделанные отдельными департаментами мексиканского правительства, стремящимися разрешить спорные вопросы последнего десятилетия, и что «те, кто получают концессии согласно вне-

²⁷ Hopkins J. and Melinda A. «Machine—gun Diplomacy», p. 35—36. New York. 1928. «The New York Times», June 27. 1927.

²⁸ Calles «Mexico before the world», p. 171.

²⁹ «United States Daily», November 17, 1927.

³⁰ См. Reuben S. Clark «Oil settlement».

ейшим поправкам, получают по существу подтверждение своих прежних прав, а не новые гарантии»³¹.

Различные нефтяные компании, в том числе и самая крупная иностранная компания в Мексике, «Huasteca Petroleum Company», а также «El Aguila Oil Company», «La Corona Petroleum Company» и «Mexican Sinclair Petroleum Company» признали новое постановление.

В период президентства Гувера отношения между Соединёнными Штатами и Мексикой оставались дружественными. Когда ушёл посол Морроу, избранный в сенат, его преемником был назначен Реубен Кларк, его ближайший помощник. Новый посол продолжал политику своего предшественника. В первые годы после избрания президента Франклина Рузвельта отношения с Мексикой стали ещё более дружественными. Провозглашённая Рузвельтом политика добрососедских отношений до известной степени способствовала устранению недоверия, которое, естественно, питали страны Латинской Америки к американскому империализму. Тем не менее американское правительство продолжало принимать меры к охране интересов своих граждан за границей.

Одно время казалось, что соглашение Кайес — Морроу полностью разрешило разногласия по нефтяному вопросу. Однако даже в период затишья 1928—1934 гг., когда сменявшиеся правительства Мексики неизменно оставались под контролем Кайеса, тенденция к национализации нефтяных ресурсов страны упорно сохранялась. Правительство всеми имеющимися в его распоряжении средствами пыталось контролировать деятельность нефтяных компаний и сократить размеры их земельных владений. В «нефтяной закон» были внесены поправки с целью обеспечить компаниям различного типа концессии по разработке полезных ископаемых, которые номинально считались собственностью правительства. Однако получение этих концессий становилось всё более трудным.

1 декабря 1934 г. президентом Мексики был избран Карденас. Несмотря на то что он был выдвинут на этот пост генералом Кайесом, он проявлял очень мало сочувствия взглядам своего более консервативного предшественника — крёстного отца. Кайес и его последователи подвергались критике со стороны более радикальных членов национально-революционной партии Мексики за медлительность в проведении социальной и экономической революции, задачам которой они и их партия себя посвятили.

На национальном конвенте 1933 г., которым руководил Кайес, Карденас единогласно был выбран кандидатом в президенты от национально-революционной партии. В 1933 г. партия опубликовала знаменитый «шестилетний план», являвшийся её политической платформой. Этот план содержал программу народного просвещения, общественных работ, земельной реформы, улучшения положения рабочего класса и т. д. План включал также обещание добиться от правительства ассигнования не менее 50 млн. пезо для организации сельскохозяйственного кредита в последующие шесть лет и 50 млн. пезо для реализации широкой ирригационной программы. Государство должно было взять на себя защиту прав рабочих. Были обещаны также социальное страхование и другие формы социального законодательства в интересах широких народных масс.

Во время избирательной кампании Карденас побывал во всех уголках республики, даже в самых отдалённых деревнях, куда можно было добраться, лишь проведя много суток в седле. Везде, в самых отдалённых уголках, он выступал с речами, общаясь с населением, осматривая их поля, разделяя скудную пищу крестьян и расспрашивая об их нуждах. Он обещал провести в жизнь «шестилетний план» и заявлял, что Мексика должна идти своим собственным путём развития, в соответствии с тра-

³¹ «Foreign Relations», Vol. III, p. 306—307. 1928.

дциями, учреждениями и задачами революции. Он подчёркивал необходимость постепенного перехода всех богатств страны из рук иностранцев к мексиканскому народу.

Карденас был самым популярным президентом Мексики. Попытки Кайеса установить контроль над новым правительством окончились полной неудачей. Карденаса поддерживали молодёжь, все основные профессиональные союзы, конфедерация рабочих и крестьян. В то же время Кайес, ставший крупным помещиком и финансистом, превратился в защитника интересов помещиков, кулаков, крупных промышленников, торговцев и иностранных концернов. В 1936 г. президент Карденас распустил кабинет, который присягал в верности «создателю президентов». После этого он обнародовал свою программу, резко отличавшуюся от программы Кайеса. Последний, видя, что Карденас пользуется поддержкой народа и армии, ушёл от общественных дел и вскоре бежал в США.

Избавившись от Кайеса и его сторонников, Карденас начал проводить в жизнь свой лозунг «Мексика для мексиканцев». Как уже отмечалось, иностранцы в прошлом занимали господствующее положение в горной и нефтяной промышленности, на железных дорогах, в электропромышленности; им принадлежали обширные земли. Макс Уинклер считал, что им принадлежало две трети общего богатства Мексики. В 1928 г. капиталовложения Соединённых Штатов в Мексике доходили до полутора миллиардов долларов»³².

По словам одного американского исследователя, в течение немногим более трёх лет Карденас сделал больше для осуществления экономической программы революции, чем все его предшественники, начиная с 1920 года. Деятельность Карденаса была направлена к устранению остатков феодализма, к раскрепощению трудящихся классов Мексики от колониальной кабалы и к утверждению права Мексики на независимое существование. Борьба Карденаса за проведение буржуазно-демократических преобразований, бесспорно, имела громадное революционное значение.

В противоположность политике Кайеса, который предлагал распределить большие земельные участки между индивидуальными владельцами, Карденас настаивал на системе *ejido* (общественный выгон), при которой земли отдавали деревням для общинного пользования. Деревня имела неотъемлемое право на владение землёй. Плодородная часть земли делилась на приблизительно равные мелкие участки и раздавалась главам семей, получившим название «*ejidatarios*».

Последние сохраняли право на пожизненное владение землёй; после смерти «*ejidatarios*» она переходила к их наследникам. Однако наследники теряли право на землю, если они её не обрабатывали в течение двух лет. Они также не могли закладывать землю, сдавать её в аренду или передавать свои права кому-либо. В течение первых трёх лет президентства Карденаса почти 29 млн. акров земли было распределено среди 663 тыс. крестьян, почти на 50% больше, чем было роздано в течение предыдущих 50 лет. Самой существенной чертой аграрной программы, проводимой при Карденасе, являлась попытка реорганизовать экономическую и социальную основу землевладения не только отдельных деревень, но и целых районов. Первый эксперимент такого рода был произведён в начале октября 1936 г. в области Лагуна, расположенной в северной части центрального района страны. Площадь области равнялась приблизительно 8 млн. акров, но обработано было в 1931 г. лишь 324 тыс. акров.

Уже к 1920 г. Лагуна стала одним из самых значительных сельскохозяйственных районов страны. Крупные плантации, на которых произра-

³² Wincler M. «Investments of United States Capital in Latin America». Boston, 1928.

стали главным образом пшеница и хлопок, принадлежали в основном англичанам и испанцам. Ирригационные и сельскохозяйственные работы требовали крупных капиталовложений.

До прихода к власти Карденаса землевладельцы этого района успешно избегали раздела своих поместий. В августе 1936 г. там возникла стачка жестоко эксплуатируемых сельскохозяйственных рабочих. Бастующие обратились с апелляцией к президенту. Карденас решил приступить к разделу земель в этом районе. Он издал декрет о распределении коммунальных земель между нуждающимися крестьянами и сельскохозяйственными рабочими.

Бывшие собственники имели право сохранить за собой не более 370 акров орошаемой земли каждый. Сам Карденас провёл в районе несколько недель, наблюдая за разделом земель и образованием деревенских общин — *ejido villages*. В район было отправлено большое количество сельскохозяйственных машин; были открыты новые школы, улучшены санитарные условия и т. д. В итоге 600 тыс. акров земли были распределены между 30 тыс. крестьян.

В августе 1937 г. такие же мероприятия были проведены в Юкатане, юго-западной части Мексики. К концу года здесь было экспроприровано свыше 52 тыс. акров земли, большая часть которой была отобрана у 40 американских граждан долины Таки, в северо-западной части штата Сонора. Эта земля предназначалась для раздела. Почти в то же время было организовано 18 колоний для солдат-ветеранов на землях, экспроприованных в штатах Сан Луи Потоси, Нуэво Леон и Тамолипас.

В своём обращении к конгрессу от 1 сентября 1938 г. Карденас сообщил, что за истекший год 2255 общин получили 11 млн. акров земли. Всего было распределено 12 886 наделов, охватывающих 56 млн. акров. Всего получили землю 1 570 507 человек. Из всей экспропрированной для этой цели земли свыше 2,5 млн. акров принадлежало гражданам США. Пострадали при этом также английские и испанские помещики. В число экспропрированных в 1937 г. земель попали обширные владения «Колорадо Ривер компани», находящиеся в Нижней Калифорнии. Среди земель, отнятых у американских владельцев в 1938 г., находилось и 17 980 акров земли, принадлежавших В. Р. Херсту в штате Чиуауа.

Очень важной частью аграрной программы является организация кредита членам деревенских общин и мелким фермерам. Ссуды выдавались Национальным банком сельскохозяйственного кредита только через местные кооперативные общества; кредитные операции с частными лицами были запрещены.

Закон от 23 ноября 1936 г. предоставлял право правительству экспроприровать частную собственность «для блага народа и общества». Прежний закон 1857 г. разрешал экспроприацию лишь в случае «общественной необходимости».

Действуя на основании этого закона, Карденас 23 июня объявил об экспроприации железных дорог Мексики протяженном в 7 тыс. миль. Правительство обещало компенсировать кредиторов национальных дорог после оценки их стоимости.

За этим последовала экспроприация нефтяной промышленности. Чтобы лучше понять, как она проводилась, необходимо сказать несколько слов о конфликтах, приведших к ней.

3 ноября 1936 г. профсоюз нефтяников передал пятнадцати крупным нефтяным компаниям Мексики проект общего, коллективного договора, которым предполагалось заменить отдельные договоры, заключённые союзом с некоторыми компаниями. Союз требовал права контроля над наймом и увольнением рабочих, 40-часовой рабочей недели, улучшения медицинского обслуживания, установления пенсий и т. д. В случае отказа компаний начать переговоры в течение 10 дней рабочие угрожали все-

общей забастовкой. Компании согласились на переговоры, в результате которых было решено, что в течение 120 дней будет выработан коллективный договор. Однако за это время соглашения достигнуть не удалось, и 28 мая началась стачка.

Через некоторое время союз решил передать дело в Федеральный совет примирения и арбитража, и 9 июня стачка была прекращена. Правительство назначило комиссию экспертов для обследования платёжеспособности компаний. Согласно заключению комиссии, заработная плата мексиканских рабочих нефтяной промышленности с 1934 г. по июль 1937 г. снизилась на 17—22%, в то время как цены на нефть увеличились и доходы нефтяных компаний продолжали возрастать. Мексиканский рабочий, получая гораздо меньшую заработную плату, чем американский, добывал в три раза больше нефти. Эти данные мексиканских экспертов разбили обычные доводы о том, что более высокая заработная плата американских рабочих объясняется более высокой производительностью их труда. На основе этих данных эксперты предложили увеличить общую сумму заработной платы рабочих нефтяной промышленности в 1936 г. на 26 млн. пезо, т. е. на половину получаемой прибыли.

Федеральный совет примирения и арбитража поддержал предложение комиссии. Однако компании отказались подчиниться и этому решению и решению верховного суда Мексики, дважды подтвердившему заключение совета. Компании заявили, что хотя они и «очень сожалеют», но не могут подчиниться решению совета и считаться с условиями 21-го раздела 123-й статьи мексиканской конституции. Эта статья предусматривала право рабочих в случае отказа предпринимателя подчиниться решению арбитражного суда аннулировать коллективный договор и в течение трёх месяцев получать заработную плату в размерах, установленных для увольняемых рабочих. Согласно этой статье, компании немедленно должны были выплатить 100 млн. пезо возмещения рабочим. Образовался тупик. Компании заняли антиправительственную позицию и заявили, что не намерены подчиняться конституции.

Какова же была политика правительства, вынужденного принять решительные меры?

Мексиканская конституция защищала права рабочих в том случае, когда эти права были установлены в сотрудничестве с правительством, а не вопреки ему. Если к концу президентства Кайеса революционные принципы были забыты, то Карденас возродил их снова: Карденас как в публичных заявлениях, так и в практической работе всегда выступал на стороне рабочих, против капитала. «Капитализм, — заявил он в одной из своих речей, — обязательно использует в своих целях всякий конфликт между профессиональными союзами... которые являются лучшим орудием в руках рабочих... Рабочие должны объединиться в союзы... Я всегда готов служить интересам рабочих и крестьян»³³.

В другой речи Карденас сформулировал свою рабочую политику в «14 пунктах». Подчеркнув значение тесного сотрудничества между рабочими и правительством, он заявил о своём стремлении создать единую национальную организацию трудящихся. Правительство должно быть арбитром и регулятором общественной жизни. «Всякий промышленник, которому станет не под силу общественная борьба, может передать свои предприятия рабочим или правительству, что явится патриотическим актом»³⁴. Он утверждал, что «новая концепция о функциях государства и с природе рабочего законодательства требует, чтобы в сомнительных случаях вопрос решался в пользу рабочих. Одинаковое отношение к сто-

³³ «Policies of present administration in Mexico», Government printing office, p. 11—13. Mexico, 1936.

³⁴ Thompson Ch. «Mexico's social revolution», Foreign policy Reports, August 1, 1937, p. 119.

ронам, не являющимся равными, не может быть проявлением справедливости и равенства»³⁵.

Действительно, во всех спорах между предпринимателями и рабочими Карденас становился на сторону последних. Во время знаменитой стачки нефтяников в 1937 г. он сделал многое, для того чтобы обуздать промышленных магнатов. Всё же его мероприятия оказались недостаточными. Нефтяные компании отказались подчиниться решению верховного суда. Карденас умело использовал противоречия между английской и американской нефтяными группами. Он заключил довольно выгодную сделку с «Мексикен Игл» (филиал «Ройяль-Детч-Шелл»), который получил две концессии. В виде компенсации английская группа выплачивала мексиканскому правительству от 15 до 35% валовой выручки. Помимо этого английский финансовый консорциум предоставил Мексике заём в 5 млн. долларов. Но всё это не сломило сопротивления американских нефтяников.

18 марта 1938 г. Карденас по радио обычным тоном диктора, читающего ежедневные постановления, сообщил о том, что нефтяная промышленность Мексики национализирована³⁶. В ответ на горькие ссования нефтяных компаний Карденас выдвинул против них резкие, изобличающие их корыстные цели обвинения. Он указывал на отсутствие госпиталей, школ, на бесчисленные насилия и убийства, чинимые полицией компаний, и т. д.

«У них были деньги, — говорил он, — оружие и снаряжение для организации восстаний: деньги для реакционной прессы, которая защищает их и служит к обогащению их защитников. Но у них никогда не было денег, которые могли бы быть использованы для прогресса страны»³⁷.

Декрет о национализации касался собственности 17 американских и английских компаний, субсидируемых в основном трестами «Standard Oil», «Sinclair» и «Royal Dutch Shell». Стоимость конфискованной собственности оценивалась от 100 до 450 млн. долл., из которых две трети составляли англо-голландские капиталовложения. Была национализирована собственность компаний, которые около 40 лет накапливали прибыли за счёт эксплуатации мексиканского народа.

По словам одного американского писателя, «нефтяные компании, получившие более миллиарда долларов прибыли, не провели в Мексике ни одного значительного мероприятия, направленного на благо мексиканского народа. Поэтому народ не только не жалел о них, но радостно приветствовал этот акт правительства, как первый шаг, направленный к экономической независимости Мексики»³⁸. Карденаса в его действиях поддерживал мексиканский народ.

23 марта 1938 г. в Мексико-Сити состоялась большая демонстрация. Карденас произнёс перед демонстрантами, проходившими мимо Национального дворца, короткую речь. «Мы должны немедленно организовать накопление средств для компенсации, — сказал он, — чтобы выплачивать за экспропрированную собственность, так как мы не можем возложить бремя этого долга на будущие поколения»³⁹. Губернаторы мексиканских штатов, собравшиеся в столице, предложили вносить 5% получаемых доходов в федеральное казначейство для уплаты компенсации компаниям. Кроме того они предложили выпустить облигации займа «Национального освобождения» на сумму в 100 млн. пезо. Предложение губернаторов было отклонено в связи с углублением экономического кри-

³⁵ Thompson Ch. «Mexico's social revolution», Foreign policy Reports, August 1937, p. 120.

³⁶ The Mexican decree. См. Shepard S. Myers J. a. P. «Documents on American Foreign Relations», January 1939—June 1939, p. 121—123.

³⁷ Из послания Карденаса народу по поводу экспроприации нефти от 18 марта 1938 года.

³⁸ International Conciliation. Documents for the year 1938», p. 520.

³⁹ Cardenas «Message to the Mexican Nation oil question».

зиса. Профессиональные союзы голосовали за ежемесячное отчисление однодневного заработка, женщины предлагали свои драгоценности и серебро.

Тем не менее в середине августа эти добровольные пожертвования дали лишь 2200 тыс. пезо (440 тыс. долл.). Для Карденаса стала очевидной вся трудность уплаты долга в короткий срок. В послании конгрессу от 1 сентября 1938 г. он указывал на то, что некоторые компании вообще не должны претендовать на компенсацию и что последняя не должна выплачиваться за ещё не добытую нефть. Он считал возможным удовлетворить только те претензии, которые были связаны с невозмещёнными капиталовложениями компаний.

Когда все усилия нефтяных компаний возратить своё имущество законным путём потерпели неудачу, они обратились к помощи своих правительств. Политика «добраго соседа», провозглашённая правительством США, подверглась серьёзному испытанию. Компании, пострадавшие от экспроприации, оказывали сильное давление на государственный департамент. 27 марта 1938 г. государственный секретарь Хэлл передал мексиканскому правительству ноту, содержание которой он изложил в своём выступлении тремя днями позже. Нота была составлена в очень мягких тонах, но отражала твёрдую позицию, занятую США в вопросе о компенсациях. «Моё правительство, — заявил Хэлл, — никогда не ставило и не ставит под сомнение право правительства Мексики, являющегося независимым государством, экспроприировать собственность согласно её законам. Однако моё правительство неоднократно и в самой дружеской форме заявляло правительству Мексики о том, что в соответствии с принципом равенства и взаимного уважения прав других народов за экспроприированную собственность должна быть выплачена компенсация, представляющая справедливую сумму для граждан других стран, чья собственность подверглась экспроприации»⁴⁰. Одновременно он выражал надежду на то, что будет найдено справедливое и правильное решение вопроса.

Президент Карденас немедленно ответил послу Даниэльсу, что «Мексика всегда стремилась сохранить свой престиж, выполняя свои обязательства, но элементы, не желающие понять Мексику, ставили препятствия на её пути к высоким и благородным целям... Вы можете быть уверены, — указывалось в ноте, — в том, господин посол, что Мексика знает, каким образом с честью выполнить свои обязательства как прошлого, так и настоящего времени»⁴¹.

Казалось, оба правительства вступили на путь переговоров. 26 мая Мексика предложила продать все свои запасы нефти американским компаниям, чьи скважины были конфискованы, по цене значительно ниже цен мирового рынка, с тем чтобы разница пошла в счёт уплаты за экспроприированную собственность. Компании отклонили это предложение.

Почти одновременно стал вопрос о землях, экспроприированных у американских граждан. В ноте мексиканскому правительству от 21 июля 1938 г. Хэлл опять поднял этот вопрос. Он предлагал передать в арбитраж вопрос о земле, экспроприированной у американских граждан в 1927 году. Хэлл настаивал на немедленной уплате компенсаций, утверждая, что «американские собственники, имущество которых было экспроприировано, не только не получают вознаграждения в настоящее время, но не имеют никаких гарантий в том, что они получат его в ближайшем будущем»⁴².

⁴⁰ «The New York Times», March 31, 1938; «Documents of American Foreign Relations», January 1938—June 1939, p. 122.

⁴¹ Ibidem, April 2, 1938; «Documents on American Foreign Relations», January 1938—June 1939, pp. 123—124.

⁴² Ibidem, p. 90.

Министр иностранных дел Мексики ответил Хэллу 3 августа 1938 года⁴³. Он признавал ответственность Мексики за соответствующую компенсацию, но настаивал на том, что Мексика сама должна установить время и характер платежей в соответствии со своими собственными законами.

Мексиканское правительство отклонило предложение об арбитраже и предлагало разрешить вопрос путём двусторонних переговоров о стоимости экспропрированного имущества и о характере платежей.

Переговоры в этой связи продолжались в течение нескольких месяцев. Государственный департамент США продолжал настаивать на соблюдении следующих положений: признании незаконности экспроприации, если она не обеспечена быстрой и равноценной компенсацией; ни одно правительство не может отменить принципов международного права, принимая противоречащие им законы у себя в стране; ни одно правительство не может быть освобождено от своих обязательств лишь на том основании, что его финансовое или экономическое положение затруднит выполнение этого обязательства; признании незаконности экспроприации собственности, которая не может быть возмещена хотя бы и проведённой ради общественного блага; отказа впредь от какой бы то ни было экспроприации собственности без немедленной уплаты компенсации.

Правительство Мексики отказалось дать обещание впредь не экспроприровать земли без немедленной уплаты компенсации, утверждая, что ни одно правительство Мексики не могло бы удержаться, отказавшись от проведения аграрной политики. В ноте от 1 сентября 1938 г.⁴⁴, говорилось: «Существуют многочисленные примеры, когда государства, культурный уровень которых не подлежит сомнению, не отказываясь признавать права собственности в теории, были вынуждены принимать законы, утверждающие экспроприацию без немедленной уплаты компенсации, а иногда и совсем без компенсации»⁴⁵.

В результате оба правительства всё же пришли к компромиссному соглашению: Мексика обязалась уплатить США миллион долларов в мае 1939 г. и в дальнейшем уплачивать ежегодно не менее этой суммы до тех пор, пока не будет выплачена компенсация за экспроприированные с 1924 г. земли. Мексиканская нота от 12 ноября 1938 г. подчёркивала, что соглашение распространяется лишь на земли, экспроприированные в результате проведения аграрных реформ, и «не должно являться прецедентом ни в каких других случаях»⁴⁶.

Нет сомнения, что соглашения удалось достигнуть лишь путём взаимных уступок. В Мексике это соглашение рассматривалось как дипломатическая победа: во-первых, потому, что США признали, наконец, право Мексики экспроприировать собственность иностранцев; во-вторых, потому, что США отказались от своих прежних требований немедленной уплаты компенсации; в-третьих, мексиканское правительство утвердило своё право продолжать экспроприацию земель, принадлежавших американским гражданам; наконец, в-четвёртых, США признали принцип отсрочки платежей.

Со своей стороны Мексика признала де факто некоторые претензии Америки и проявила готовность принять арбитраж в смягчённой форме.

Ко времени избрания Рузвельта президентом США из 6500 предъявленных претензий лишь несколько сот были удовлетворены. Было решено, что аграрные претензии должны быть рассмотрены неофициальным путём — через дипломатические каналы.

К маю 1938 г. закончила свою работу специальная комиссия, образованная ещё в 1935 г. в связи с подписанием США и Мексикой договора

⁴³ «The New York Times», April 2, 1938; «Documents on American Foreign Relations», January 1938—June 1939, p. 92—93.

⁴⁴ Ibidem, p. 110—116.

⁴⁵ Ibidem, p. 111.

⁴⁶ Ibidem, p. 120.

об уплате по так называемым революционным претензиям. Всего было рассмотрено 2833 заявления, из которых 1475 были отвергнуты и 1358 полностью или частично удовлетворены. Общая сумма платежей, установленная до снижения на процентной основе, выражалась в 9 135 041 79 долл. (что составляло 57% первоначально затребованной суммы).

Достигнутые соглашения по вопросам земельной собственности и специальным претензиям не могли, однако, уничтожить напряжения в отношениях между США и Мексикой, вызванного экспроприацией нефти и возрастающей угрозой конфискации американских рудников и других промышленных предприятий в Мексике. Нефтяные компании США делали всё возможное, чтобы дискредитировать мексиканское правительство и его революционные действия. Они широко использовали реакционную прессу, главным образом херстовскую. Нефтяные корпорации объявили Мексике экономическую войну. Мексиканская продукция клеймилась как «краденая». Покупателям угрожали экономическими репрессиями. Ряд компаний отказывался выполнить мексиканские заказы.

«Нью-Йорк таймс» выдвинула против Мексики совершенно необоснованное обвинение в экономическом сотрудничестве с фашистскими государствами. Хорошо известно, что основными поставщиками итальянского флота были компании «Standard oil Company of New Jersey», «Royal Dutch Shell».

В одном из своих выступлений в июле 1938 г. Карденас заявил: «Мы предпочитаем торговать с Соединёнными Штатами, но мы не можем платить слишком высокую цену за эту привилегию. Правда и то, что сильно возросшая торговля с Германией может усилить её политическое влияние у нас. Мы относимся к этому даже более серьёзно, чем к сокращению торговли с Соединёнными Штатами. В таких вопросах нам нужна помощь наших соседей, но если наши соседи не помогают нам, мы должны справиться с этим самостоятельно и возможно лучше»⁴⁷. 8 декабря 1938 г. Мексика заключила договор с Германией на покупку тяжёлых машин и оборудования в обмен на неочищенную нефть стоимостью в 17 млн. долларов. Многие американские торговцы жаловались на то, что война нефтяных компаний лишила Америку миллионных заказов на машины.

Мексиканская пресса жестоко нападала на Рузвельта и Хэлла за то, что возведённая ими политика «добраго соседа», на деле превращалась в ширму «империализма». Мексиканские политические деятели активно пытались заручиться поддержкой других латино-американских стран в проводимой политике экспроприации. На панамериканской конференции в Лиме (Перу) в декабре 1938 г. мексиканская делегация пыталась провести предложение об отстранении правительства от всякого вмешательства в дела своих граждан в других странах. Прежде всего это касалось США.

Во время всех этих переговоров внезапно было объявлено о соглашении, заключённом между правительством Мексики и синклеровской нефтяной компанией. Несмотря на то что североамериканские компании оценивали свою собственность в 200 млн. долл. и что Синклеру принадлежало более четверти всего американского имущества в Мексике, эта компания согласилась получить лишь 12,5 млн. долл. и тем считать свои претензии удовлетворёнными. Это поставило другие компании в крайне затруднительное положение. Однако они продолжали свою политику, настаивая на «правосудии».

2 декабря 1939 г. мексиканский верховный суд, наконец, принял решение о нефтяных компаниях, положившее конец их «законной» борьбе. Суд единогласно признал экспроприацию движимого и недвижимого иму-

⁴⁷ Цит. по Weyl N.a.S. «The Reconquest of Mexico», p. 308. New York. 1939.

щества актом, соответствующим конституции⁴⁸. Решение суда содержало также постановление о том, что компании могут претендовать на уплату компенсации только за капиталы, непосредственно и законно вложенные в Мексике. Кроме того устанавливалось, что выплата компенсации может быть рассрочена на 10 лет⁴⁹. Это решение явилось поворотным пунктом в затянувшемся нефтяном конфликте. После него компании могли считать исчерпанными все легальные методы борьбы. Теперь оставался лишь один, последний путь разрешения этого вопроса — путь дипломатических переговоров.

В течение двух лет после экспроприации руководители компаний много раз обсуждали своё положение, пытаясь придти к какому-нибудь выгодному для них решению. Они не ставили вопроса о компенсации. Они отклонили также предложение Мексики выплатить компаниям компенсацию натурой в течение 10 лет. Они желали провести план, который позволил бы продолжать операции нефтяной промышленности и при этом были бы удовлетворены интересы обеих сторон. Однако такое решение было равносильно отказу от экспроприации. Государственный департамент рекомендовал компаниям вступить в непосредственные переговоры с мексиканским правительством.

Весной 1939 г. в Мексику был послан Дональд Ричберг для переговоров с президентом Карденасом. Государственный департамент США предложил передать управление нефтяной промышленности совету директоров, состоящему из девяти человек: трёх от мексиканского правительства, трёх от нефтяных компаний и трёх, выбранных обеими сторонами из списка, состоящего из девяти лиц, составленного совместно правительствами Мексики и США. Для обеспечения полной беспристрастности в этот список могли входить лишь лица, не принадлежащие к странам, граждане которых непосредственно связаны с какой-либо из компаний, чьи интересы подлежат рассмотрению⁵⁰. Компании решительно отклонили предложение государственного департамента; что же касается Карденаса, то он настаивал, чтобы правительство сохранило за собой контроль над промышленностью.

Новое предложение мексиканского правительства о совместной с компаниями эксплуатации экспропрированных земель и распределении прибыли между ними также не имело успеха. Когда переговоры зашли в тупик, заместитель государственного секретаря Сомнер Уэллес 14 августа 1939 г. выступил с заявлением о том, что при создавшемся положении продолжение спора не только принесёт крупный экономический ущерб обеим странам, но, что ещё более важно, помешает тесной дружбе между Мексикой и США.

1 сентября 1939 г. мексиканское правительство объявило, что для уплаты долга компаниям им резервировано 20% всей экспропрированной нефти, предназначенной для экспорта. 3 апреля 1940 г. Хэлл передал мексиканскому послу ноту с предложением передать спорные вопросы на решение международного арбитража. Мексиканское правительство долго возражало против этого предложения США, утверждая, что этот вопрос является чисто внутренним, а не международным.

Между тем приближалось время выборов, и Карденас не мог быть переизбран. Нефтяные компании предпочитали выжидать в надежде, что новое правительство будет проводить по отношению к ним более дружественную политику.

Начало и развитие второй мировой войны в Европе и других частях света привели к перемене настроений как в США, так и в Мексике. Всё

⁴⁸ Roscoe B. Gaither «Expropriation in Mexico», New York, 1940, Ch. VIII: The Decision of the supreme court. См. «Documents on American Foreign Relations», July 1939—June 1940. Vol. II, pp. 220—223.

⁴⁹ «The New York Times», December 3, 1939, p. 1—2.

⁵⁰ «Documents on American Foreign relations», July 1938—June 1940. Vol. II, p. 219.

усиливавшееся чувство ненависти к фашистским странам, стремившимся к мировому господству, привело к сближению между США и Мексикой. Развивающиеся с 1940 г. события подготовили путь к соглашению.

13 июня мексиканское правительство потребовало, чтобы Артур Дитрих, пресс-атташе немецкого посольства в г. Мексико, организатор немецкой пропаганды, оставил страну. Пятью днями позже кабинет внёс законопроект о введении обязательной воинской повинности. 29 июня был сделан очередной взнос в сумме 1 млн. долл. в счёт компенсации американским гражданам за экспроприированные ранее земли. Выборы в конгресс и президентские выборы происходили в Мексике в июле. Президентом был избран генерал Камачо, о чём было официально объявлено конгрессом 12 сентября.

Новый президент должен был приступить к исполнению своих обязанностей 1 декабря 1940 года. 21 октября президент Карденас аннулировал крупную нефтяную концессию японцев и отказался принять заказ Японии на 18 тыс. т металлического лома и железа. Избрание президентом Камачо, кандидата национально-революционной партии, явилось демонстрацией господствующих в Мексике антифашистских настроений.

Противником Камачо на выборах был генерал Альмазан, которого поддерживали консерваторы, помещики, духовенство и «пятая колонна» фашистских стран. Визит, нанесённый вице-президентом США Генри Уоллесом генералу Камачо, явился со стороны США более чем дружеским жестом.

Всё усиливающееся в течение 1941 г. сближение между США и Мексикой беспокоило фашистские страны. 18 июня 1941 г. германский посол фон Колленбург сделал заявление мексиканскому правительству, в котором предостерегал его от сближения с США и от пренебрежения к немецким фирмам. Мексиканское правительство охарактеризовало позицию, занятую Германией, как «неприемлемую» позицию давления и заявило, что в своей политике оно будет руководствоваться принципом сотрудничества между странами Америки. В декабре 1941 г. Мексика порвала дипломатические отношения с Германией, Италией и Японией.

Уже в апреле было заключено соглашение между Мексикой и США о взаимном использовании аэродромов при переброске военных частей. В июле Мексика подписала соглашение о продаже стратегического сырья и химических материалов только Соединённым Штатам и другим странам Западного полушария. США в свою очередь обязались в течение 18 месяцев покупать по существующей рыночной цене весь излишек товаров, которые Мексика могла бы предложить. Переговоры по «нефтяному» вопросу закончились соглашением от 19 ноября 1941 года. Это соглашение касалось не только вопроса о нефти, но также вопросов торговли, кредита, стабилизации валюты, закупки Соединёнными Штатами серебра и всякого рода претензий⁵¹.

Соглашение в основном сводилось к следующему:

1. Мексика обязуется уплатить 40 млн. долл. для удовлетворения претензий в связи с экспроприацией всякого рода имущества. Поскольку 3 млн. долл. уже выплачены, а другие 3 млн. должны быть уплачены в день ратификации соглашения, оставшаяся сумма в 34 млн. долл. должна быть погашена путём ежегодных взносов в размере 2,5 млн. долл., начиная с 1942 года. 2. Обе страны соглашаются начать переговоры о новом торговом договоре на условиях взаимности. 3. Каждая страна должна назначить эксперта для определения справедливой компенсации американским гражданам, капиталы которых были вложены в нефтяную промышленность и которые понесли убытки от экспроприации. На определение этой суммы даётся 5 месяцев, причём мексиканское правительство

⁵¹ «Documents on American Foreign relations», 1941—1942. Vol. I, pp. 358—360. 421—424.

обязуется немедленно внести 9 млн. наличными⁵². 4. Казначейство США обязуется покупать мексиканские песо, поддерживая, таким образом, их стоимость в соответствии со стоимостью денег США. 5. Казначейство США обязуется покупать у Мексики ежемесячно 6 млн. унций серебра. 6. Банк экспорта и импорта предоставляет Мексике заём в 30 млн. долл. на дорожное строительство.

Характерно, что нефтяные компании и теперь отказывались признать это соглашение. Они всё ещё надеялись на то, что им удастся получить компенсацию не только за вложенные ими капиталы, но и за ещё добытую нефть. Однако представители обонх правительств твёрдо решили покончить с этим вопросом. Обе страны нуждались во взаимной помощи. Мексика закупала в США машины, включая локомотивы, железнодорожные вагоны и другое оборудование. С другой стороны, в Мексике открывались новые шахты для нужд США.

К назначенному сроку эксперты представили свои заключения по вопросу о нефти. 17 апреля было подписано соглашение. Стоимость экспроприированного имущества определялась в сумме 23 995 991 долл., включая движимое и недвижимое имущество. Из этой суммы группа «Нью-Джерси компани», «Стандарт ойл компани» получала 18 391 641 доллар. Калифорнийская группа и мексиканские филиалы — 3 598 158 долл. и три другие — около 5 млн. долларов⁵³.

Так кончилась длительная борьба между США и Мексикой вокруг нефти. По этому поводу президент Камачо и президент США обменялись посланиями, в которых приветствовали «счастливое разрешение вопроса с компенсациях, которое подготовило путь к более тесному сотрудничеству между обеими странами для совместной борьбы за победу демократии и в защиту общих интересов нашего материка»⁵⁴.

В своём ответе президент Рузвельт заявил, что решение так называемого «нефтяного вопроса» является доказательством того, что «даже самые трудные международные проблемы могут быть удачно разрешены, когда к разрешению их подходят с добрыми намерениями и ставят справедливые условия»⁵⁵.

Нужно отметить, что президент Рузвельт с самого начала настаивал на том, что нефтяные компании должны получить компенсацию не за всё их имущество в Мексике, а лишь за вложенные ими капиталы.

Длительная дипломатическая борьба между Мексикой и США закончилась компромиссом, означавшим в известной мере победу прогрессивных идей Мексики и её вождей. Выдержанная внешняя политика руководителей мексиканского государства и, в первую очередь политика Карденаса, защищавшего завоевания мексиканской революции и смело проводившего реформы в интересах широких народных масс, спасли положение. Компромисс этот стал возможным также потому, что в США во главе государства стоял Франклин Делано Рузвельт. Руководствуясь своей «политикой доброго соседа», Рузвельт считал необходимым подписать соглашение вопреки протестам нефтяных магнатов и американских помещиков, связанных с Мексикой. Он понимал, что такая политика в конечном счёте поднимает престиж и влияние США не только в Мексике, но и в других странах Центральной и Южной Америки.

⁵² «Documents on American Foreign relations», 1911—1912. Vol. 1, p. 424.

⁵³ Ibidem, p. 426.

⁵⁴ Ibidem, p. 427.

⁵⁵ Ibidem, p. 428.

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ПРАРОДИНЕ СЛАВЯН*

Проф. Т. Лер-Славинский

Настоящая статья представляет автореферат книги, опубликованной автором на польском языке, — «O pochodzeniu i praojczyźnie Słavian» *Prace Instytutu Zachodniego*. № 2, 274 str., 6 tabl. Poznań, 1946. Книга написана во время войны. Этим объясняется, что автор не мог воспользоваться выводами русских учёных, преимущественно археологов и историков: академикоз Н. С. Державина и Б. Д. Грекова, проф. М. И. Артамонова, М. А. Тихановой, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова, А. Д. Удадьцова и др., которые в течение последних семи лет много занимались этногенезом славян. Работа автора подводит итоги всех доступных ему во время войны исследований польских и западноевропейских учёных, языковедов, историков, археологов, антропологов и этнографов, из которых следует назвать прежде всего Я. Розвадовского, М. Рудницкого, М. Фасмера, И. Курыловича, Я. Чекановского, Л. Нидерле, И. Костржевского, Л. Козловского, Т. Сулимирского, К. Машынского и др. Автор пополнил их выводы собственными исследованиями.

Вопрос о происхождении и прародине славян не может быть разрешён на основании материала, доставляемого одними только историческими науками, поскольку древнейшие данные исторических источников, которые с известной долей вероятности могут быть связаны с прошлым славян, относятся к периоду не раньше конца I — начала II в. н. э., т. е. ко времени, когда славяне имели уже за собой довольно продолжительный период самостоятельного этнического и языкового развития. За ответом на этот вопрос приходится поэтому обращаться к другим наукам, позволяющим глубже заглянуть в прошлое и дающим более прочное основание для заключений о происхождении и первоначальном расселении славян. К этим наукам относятся прежде всего сравнитель-

ное языкознание и археология. В распоряжении языкознания есть два метода для освещения интересующих нас проблем. Первый — путь установления родственных связей и соотношений между славянскими языками, как целым, и другими языками индоевропейской семьи. Этот путь помогает определить положение славянской группы внутри этой семьи и обосновывает некоторые заключения о времени и месте возникновения праславянской языковой общности. Вторым — путь сопоставления и лингвистического анализа значительного количества географических названий в особенности названий рек и гор. Таким путём мы получаем некоторые конкретные данные, касающиеся территорий, с которыми связано прошлое славянства, данные, которые, к сожалению, не всегда удаётся связать с теми или другими исторически известными народами или с установленными доисторической археологией культурными комплексами.

Однако результаты, достигнутые этими путями, недостаточны для разрешения интересующих нас вопросов, так как ни сравнительное языкознание, ни топонимистические исследования не дают оснований для более точной хронологизации и локализации исследуемых явлений. В обоих направлениях существенную помощь оказывает нам археология, которая имеет возможность точнее хронологизировать и географически локализовать факты. Но так как она вращается почти исключительно в сфере явлений материальной культуры, то возникают серьёзные затруднения при попытке связать добываемые ею данные с этническо-лингвистическим субстратом. Поэтому лишь в тех случаях, когда обеим наукам — языкознанию и археологии — удаётся установить точнейший параллелизм в процессе развития исследуемых явлений, можно говорить о достижении положительных результатов. Небезразличны притом и результаты, достигнутые двумя другими научными дисциплинами, которые дают возможность проникнуть в доисторическое прошлое этнических групп, именно антропологией и этнографией. Но так как материал, имеющийся в их распоряжении, отличается фрагментарностью и недостаточной разграниченностью в пространстве и времени, то данные этих наук в меньшей мере приемлемы для заключений по интересующим нас вопросам. Тем не менее и результаты антропологических и этнографических исследований должны быть приняты во внимание,

* От редакции. Труд проф. Лер-Славинского, ректора Краковского университета, о происхождении славян вышел на польском языке. Редакция публикует автореферат этого труда. Как отмечает автор, его работа написана без учёта последних исследований советских учёных, давших марксистскую концепцию происхождения славян. Критический разбор книги проф. Лер-Славинского будет дан в одном из ближайших номеров «Вопросов истории».

по крайней мере постольку, поскольку они не противоречат заключениям, вытекающим из лингвистических и археологических исследований.

Переходя от общих методологических замечаний к конкретным результатам своих исследований, произведённых целиком во время войны, считаю необходимым в первую очередь резюмировать выводы, основанные на лингвистических данных:

1. Наблюдения над грамматическим строем и словарём общеславянского праязыка приводят к заключению, что язык этот во всех отношениях теснее всего связан с языком древних балтов, предков литовцев, латышей, пруссов и др. настолько, что среди учёных широко распространено мнение, что существовал период, когда лингвистические предки и славян и балтов говорили на общем языке, обычно носящем в науке условное название прабалтийско-славянского. Весь этот комплекс находился в ближайшей лингвистической связи с германцами, причём связь между праславянским и прагерманским языками была более тесной, чем между языками балтов и германцев (ср. чуждые языку прабалтов и общие прагерманскому и праславянскому языкам явления, как, например, смещение индоевропейских *ā*, *ō* и существование непосредственных глагольных образований с суффиксом *-no-*, противопоставляемых переходным *s-i* (ю и т. п.)). С другой стороны, в строе и словаре праславянского языка заметны некоторые, впрочем, гораздо менее многочисленные точки соприкосновения с иранскими языками, которые совершенно неизвестны балтийским языкам. Эти факты позволяют заключить, что прародина славян должна была находиться в непосредственной связи с местами поселения балтов, соприкасаясь, с одной стороны, и притом, вероятно, на значительном пространстве, с территорией, заселённой германцами, а с другой — с какими-то иранскими племенами. Так как можно предполагать, что территория первоначального расселения балтов простиралась от бассейна Немана по бассейну Оки, а прародина германцев находилась в Северо-Западной Германии (по нижнему течению Эльбы), Ютландии и Южной Скандинавии, то места поселения славян приходится искать посредние, т. е. они охватывали бассейн Одера и Вислы, а южнее — Волынь с Подольем, куда в разное время доходили кочевые иранские племена (скифы, сарматы).

2. Исследование топографических названий на территории к северу от Судетов и Карпат, от бассейна Одера по среднее течение Волги до подошвы Кавказа и северного побережья Чёрного моря позволяет констатировать, что на всём этом громадном пространстве встречаются древние названия, прежде всего названия рек, самого разнообразного происхождения: есть среди них многочисленные названия несомненно индоевропейского происхождения, которые нельзя приурочить к какому-нибудь определённому языку (ср., например, *Rava* (Волга), *Alontas*, *Udon*, Двина, Истра, Исла, Нида, Ниса, Лала, Бог (Южный Буг) и т. п., но есть и такие, которые можно признать иранскими, — *Prut*, *Tugas* (Днепр), *Bozyst-*

hesnes (Днепр); фракийскими — *Стыр*, *Днепр*, *Днестр*; балтийскими — *Нара*, *Сожь*, *Упа*, *Лучеса*, *Иистра*; праславянскими — *Варта*, *Висла*, *Скава*, *Сола*, *Вильга*, *Вепш*, *Срава*, *Десна*, *Бобр*, *Бибжа*, *Москва*; балтийско-славянскими — *Свендгня*, *Буг*, *Шрона*, *Вилия*, *Миния* и т. п.; германскими — *Скрва*, *Полтва*, *Танев*, *Сцинава*. Встречаются, наконец, названия, общие территориям, заселённым кельтами, иллирийцами и славянами: *Одра*, *Драва*, *Дрвенца*, *Мрога*, *Сава*, *Нотец*, *Раба*, — которые можно назвать венетскими, связывая их с известным из исторических источников этническим названием венетов, находившихся на тех же территориях. Кроме того встречаем некоторое количество названий неиндоевропейского происхождения, среди которых первое место занимают связанные этимологически с угрофинскими языками, например, названия озёр: *Вины*, *Лэмпно*, *Лампаш*; рек: *Паскша*, *Рая*, *Соса*, *Сивер*, *Неман*, *Немига* и т. п.

Географические названия общеиндоевропейские распределены на всём пространстве от Эльбы до излучины Волги и от подошвы Кавказа до Балтийского моря, названия иранские и фракийские сгруппированы в юговосточной части этой территории; в северо-восточной части — названия балтийские, балтийско-славянские и угрофинские, причём угрофинские заходят дальше на запад, чем балтийские, именно вплоть до Одера. Названия венетские встречаются прежде всего в бассейне Одера и Вислы, славянские же и весьма немногочисленные германские разбросаны в центральной части описанной территории от бассейна Одера по бассейн среднего течения Днепра включительно.

Эти факты показывают, что на территории, где, по всей вероятности, жили славяне, кроме них жили в разные времена различные индоевропейские и неиндоевропейские народы. Их размещение на этой территории может быть определено лишь приблизительно, а хронологию их пребывания и последовательности появления на основании одного лишь лингвистического материала установить невозможно.

Чтобы разрешить эти первостепенной важности для проблемы происхождения и прародины славян вопросы, приходится обратиться к содействию доисторической археологии, которая предоставляет возможность более точного географического разграничения и хронологизации интересующих нас явлений.

Археологические исследования в течение двух последних десятилетий до войны в Польше и Германии позволили на основании обнаруженных раскопками остатков доисторической материальной культуры и поселений установить факт существования на интересующих нас землях Центральной и Восточной Европы чередующихся культурных наслоений, отражающих очередные миграции и смены различных племён, которые можно отчасти связать с известными нам на этих территориях языковыми группами.

Так, в последний период неолита, т. е. приблизительно между 2300 и 2000 годами до н. э., мы наблюдаем продвижение с се-

веро-востока, от Урала, культуры, которая по характерному орнаменту на глиняных горшках, напоминающему отпечаток гребёнки, получила в науке название культуры гребёчатой керамики. Эта кочевая, охотничье-рыболовная культура проникает далеко на запад, охватывая побережье Балтийского моря по р. Одер, а в южном направлении доходит до Силезии и Малопольши, простираясь на Мазовщес с Подляшьем и земли к северу от Припяти. Так как в Северо-Восточной России, Эстонии и Финляндии эта культура связана в процессе дальнейшего развития с раннеисторической культурой угрофинских племён, её обыкновенно приписывают предкам этих племён и чаще всего называют уральской, или, менее удачно, прафинской. Экспансией этой культуры, достигающей линии Одера, легко объясняется появление топонимических названий, связанных с финской языковой группой, не только на северо-западе России, где наличие племён финской группы языка является несомненным историческим фактом, но и на литовских и польских землях по Силезию и Западную Померанию.

Немного спустя после периода экспансии уральской культуры, к концу неолита, т. е. около 200 г. до н. э., археологией установлен факт вторжения новой культуры, захватывающей интересующую нас территорию и на этот раз продвигающейся в противоположном направлении. Из мест, расположенных в Центральной Германии, в Тюрингии, хлынуло к востоку широкой волной население, стоящее на более высоком культурном уровне, чем «уральское», и несущее с собой культуру, названную по характерному орнаменту глиняной посуды культурой шнуровой керамики. Эти пришельцы, вначале ведшие кочевой, но вскоре принявшие оседло-земледельческий образ жизни, в сравнительно очень непродолжительный срок овладели громадным пространством — от Центральной Германии до излучины Волги — и, разветвляясь к югу от полесских болот, дошли в юго-восточном направлении до подошвы Кавказа. Поскольку всюду, где только встречаются следы этой культуры, в историческое время появляются народы, говорящие на индоевропейских языках, следует предположить, что носители шнуровой культуры являются представителями главной (хотя, быть может, и не самой древней) экспансии индоевропейских племён, а их преобладание на занятом ими пространстве над предшественниками можно считать равнозначным с языковой индоевропеизацией этой территории. Этому соответствует и индоевропейский характер названий рек от Эльбы до излучины Волги.

Племенная и языковая пестрота ассимилированного древнейшего населения этих территорий в достаточной степени объясняет возникновение отдельных индоевропейских диалектических групп, из которых возник современем ряд языков, как, например, фракийские, иранские, индийские. На пространстве между Одером и бассейном Оки, где волна индоевропейских пришельцев шнуровой культуры наложилась на субстрат кочевых уральских племён (культура гребенча-

той керамики), процессе языковой индоевропеизации привёл к возникновению этнической и языковой группы, непосредственным продолжением которой должно считать существующую по сей день группу так называемых балтийских народов (литовцы, латыши, древние пруссы и др.), так как ни исторические, ни археологические данные не указывают на то, чтобы на территории, заселённой этими народами, имела место другая индоевропейская иммиграция до их поздней, частичной славянизации в VIII—XIII столетиях. С другой стороны, установлено, что балтийские языки пережили вместе со славянскими общий период выделения из индоевропейского праязыка, поэтому этническую и лингвистическую группу, возникшую в результате индоевропеизации более древнего, «уральского» (прафинского) субстрата на пространстве между Одером и бассейном Оки, следует считать общей этнической и языковой основой как балтийских, так и славянских народов. Она соответствует установленному в науке понятию общего балтийско-славянского праязыка, который, по практическим соображениям, дабы не предрешать его двудольности, лучше называть протобалтийским. Трудно определить, как долго продолжался этот период после прекращения связи с другими индоевропейскими группами; кажется, однако, вероятным, что он не был особенно продолжителен, так как уже лет через триста — четыреста доисторические данные позволяют констатировать культурные процессы, соответствующие этническим движениям, которые должны были расчленить протобалтийскую группу на две ветви: западную, ставшую генетической основой праславян, и восточную, потомками которой являются балтийские народы.

Это распадение началось в первые века бронзового периода, т. е. между 1800 и 1500 гг. до н. э., в связи с вторжением новой волны индоевропейского населения, которая, хлынув из тех же приблизительно исходных пунктов, что и предыдущая волна шнуровой культуры, кристаллизовалась на территории Саксонии, Лужиц, Силезии и Юго-Западной Великопольши в отчётливое этнически-культурное целое, носящее в науке название лужицкой культуры (по местонахождению первых раскопок этого типа). Экспансия этой культуры охватила в сравнительно короткий срок (между 1500 и 1300 годами до н. э.) всё пространство, занимаемое бассейнами Одера и Вислы, перешагнула через Западный Буг и в то же время пересекла через Судеты и Карпаты, захватывая Северную Чехию, Моравию и Словакию по Дунай. На всей этой территории новые пришельцы подчинили себе и ассимилировали силезские уже там культурно-этнические группы, которые, распространяясь к западу и югу, стали современным основой известных в древности кельтских и иллирийских племён. Одновременно в бассейнах Одера и Вислы, где население лужицкой культуры наклонилось на протобалтийский субстрат, это наклонение привело к выделению западной части этой территории из состава протобалтийской группы,

что было первым шагом к образованию самостоятельной праславянской группы.

Население лужицкой культуры, которое, с одной стороны, стало на протобалтийском субстрате основным фактором обособления предков праславян от предков прабалтов, а с другой—при соприкосновении с другими этническими субстратами положило начало образованию кельтской и иллирийской языковых групп, оставило после себя прочные следы в виде большого количества географических названий, в особенности названий рек, которые повторяются на землях, заселённых этими тремя группами, как, например, Одера, Сава, Драва, Мрога и т. д., о чём мы уже упоминали. Кроме географических названий, в пределах этих трёх групп повторялось в древности этническое название венетов: ср. на кельтской территории название французской провинции Vendée, на иллирийской территории, на северном побережье Адриатического моря, этническое название Veneti и от него происходящее название провинции и города Venezia; на территории, заселённой славянами, это название появляется у древних писателей I и II столетий н. э. в применении к племени, жившему над Балтийским морем (лат. Veneti). Этот факт приводит к выводу, что, по всей вероятности, это было этническое название народа, который создал и распространил по Центральной Европе лужицкую культуру. В связи с этим правильнее будет назвать эту культуру венетской, географические же названия, общие кельтской, иллирийской и славянской территориям,—венетскими. Но ни в коем случае нельзя этих венетов и их культуру, т. е. «лужицкую» культуру, отождествлять с праславянами, хотя, вне всякого сомнения, венетская закваска и стала весьма важным фактором при образовании праславянского народа и праславянской культуры.

Само венетское (лужицкое) нашествие и связанное с ним распадение протобалтийской группы не были равнозначны с окончательным сформированием праславянской этническо-языковой общности. Её кристаллизация была, собственно, результатом продолжительных миграционных процессов и внутренних перемен в пределах уже обособленной западной группы прежних протобалтов. Сюда относится экспансия культуры яшиковых могил с лицевыми урнами и культуры колоколообразных могил, на которых нет возможности подробно останавливаться. Достаточно подчеркнуть, что поскольку все эти процессы строго локализованы в пределах бассейнов Одера и Вислы, т. е. отрезанной венетским вторжением западной части протобалтийской группы, то они должны быть рассматриваемы как проявление внутренних перегруппировок внутри одного и того же культурно-этнического целого.

Сказанное относится и к окончательному результату этих процессов, т. е. к возникновению в так называемый латэнский век железного периода, около III столетия до н. э., крупной культурно-этнической группы, которой в доисторической археологии присвоено название культуры погребальных урн

(в польской археологии — ямных погребений). Она, с одной стороны, генетически связана с венетской (лужицкой), а с другой—обнаруживает несомненное родство с материнской культурой раннеисторических славянских племён, заселявших территорию от среднего течения Одера по Волинь, Подолью и Червонную Русь. Эта культура, распадаясь на две родственные группы — пшеворскую и оксывскую (по местонахождению главных раскопок соответствующих типов в деревне Гать под Пшеворском и в Оксыве),—вероятнее всего представляет в течение римского периода, т. е. приблизительно до 400 г. н. э., праславян в собственном смысле слова. Хронологически связаны с ней и древнейшие, несомненно относящиеся к славянам, упоминания древних писателей I и II веков н. э. (Плиний, Тацит, Птолемей) о живущем у устья Вислы племени венетов. Это название соседние германские племена перенесли на славян с их предков, древних венетов, создателей лужицкой культуры. Поэтому распространение обеих подгрупп, пшеворской и оксывской, культуры ямных погребений в принципе может быть признано совпадающим с территорией прародины славян в период, предшествовавший распадению их этническо-языковой общности на несколько группировок, из которых в конечном счёте возникли известные в истории западно-, восточно- и южнославянские народы.

Эти выводы, построенные на согласованных между собой результатах лингвистических и археологических исследований, ни в чём не противоречат данным, доставляемым антропологией. Исследования последних лет над расовым составом славянских народов в прошлом и настоящем показали, что в течение столетий славянский расовый тип подвергся существенным изменениям. В настоящее время среди славян замечается решительное преобладание тёмноволосого брахикефального типа, вообще господствующего в Центральной Европе, но в прошлом картина была другая: в средние века у всех славян преобладал тип блондина с узким, продолговатым черепом (нордический), который в настоящее время преобладает, кроме Северной Германии и Скандинавии, лишь в Северо-Западной Польше и образует обособленные острова в России и Прибалтике. Отсюда напрашивается вывод, что в праславянскую эпоху преобладание нордического типа было гораздо значительнее, и, следовательно, прародина славян должна находиться в географической связи с северно-европейской областью нордического типа, т. е. в пределах экспансии культуры шнуровой керамики, которая всюду связана с распространением нордического типа, по всей вероятности, свойственного первобытным индоевропейским племенам.

На фоне этих фактов нынешняя зона преобладания нордического типа выступает как остаток прежнего праславянского центра, от которого в разных направлениях расходились волны праславянской экспансии, впитывая в себя по мере отдаления от исходного пункта всё больше и больше элементов иных физических типов. Впрочем, и в

самой славянской прародине нордический тип хотя и преобладал, но всё-таки не был единственным составным элементом населения: без сомнения, с древнейших времён выдающуюся роль играл тут и лапоноидальный тип тёмноволосого и тёмноглазого брахикефала низкого роста, который наблюдается всюду, где только живут славяне, причём его преобладание над нордическим типом возрастает прямо пропорционально отдалению от первоначального центра. Смесь нордического типа с лапоноидальным является характерной расовой чертой славян в отличие от германцев, у которых рядом с нордическим элементом выступает главным

образом примесь средиземноморского типа (тёмноволосого долихокефала невысокого роста с правильными чертами лица). Нордическо-лапоноидальная смесь в расовом составе славян вполне соответствует выводам о генезисе праславян, сделанном на основании данных топонимики и доисторической археологии; лапоноидальный элемент является продуктом уральского этнического субстрата, а нордический — индоевропейского субстрата, культуры шнуровой керамики и, по всей вероятности, «лужицкой» культуры, которая, однако, не поддаётся учёту со стороны антропологии, так как её носители сжигали покойников.

РОЛЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА В XVIII—XX ВЕКАХ

Ф. Кудрявцев

На весь мир прозвучали знаменательные слова Генералиссимуса И. В. Сталина о ведущей роли русского народа среди народов СССР во время Великой Отечественной войны. Это сплочение народов нашей страны вокруг русского народа, выросшее и окрепшее при советской власти, имеет глубокие исторические корни. Изучение этого процесса — одна из важнейших задач советских историков.

«Наши историки, — пишет Г. Александров, — нередко описывали лишь то, что разделяло народы. Конечно, межнациональная вражда, искусственно насаждаемая царизмом, играла немалую роль. Но история народов России есть история преодоления этой вражды и постепенного их сплочения вокруг русского народа»¹.

Этот процесс можно проследить и в истории бурят-монгольского народа, начиная со времени присоединения его к русскому государству, т. е. со второй половины XVII и первой четверти XVIII века.

Вхождение Бурят-Монголии в состав России имело огромное значение. Оно спасло бурят-монгольский народ от истребления монгольскими, китайскими и ойротскими ханами, способствовало его консолидации и восприятию русской культуры.

Среди верхоленских крестьян сохранилось предание о том, как «буряты с самого начала заводили содружество с русскими»². Русские пришли снизу, основали в 1641 г. на правом берегу реки Лены Верхоленский острог и оттуда объясачивали бурят. «Сначала без ружья русские не ездили и не ходили в улусы». Затем русские и буряты стали привыкать друг к другу. Торговые и промышленные люди «заводили содружество»

с бурятами, ходили к ним в гости, но всё ещё с ружьями и порохом.

Пришли однажды в улус русские, угостились у бурятских дружков, нукуров, и вернулись домой, а ружьё с натрусковой и «путешественную» икону забыли в юрте. Буряты, увидев предметы, оставленные русскими друзьями, испугались и решили поджечь их. «Зажгли и с ужасом увидели, как вмиг вспыхнула натруска с порохом, запылала пламенем вся юрта и сгорела». Осталась только одна икона. И это было сочтено за чудо. С тех пор буряты «стали заводить мирное содружество с русскими, без ружьев».

В основе этого предания лежала историческая правда. В устном народном творчестве отразился процесс сближения русских и бурят, которые встретились сначала как две враждующие стороны. Затем, по мере развития мирной колонизации Прибайкалья, буряты, часто соприкасаясь с русскими, стали сближаться с ними, наконец, «заводить взаимную дружбу». «Почти каждый бурят, — пишет А. П. Шапов, — стал иметь в близлежащих русских сёлах и деревнях своих дружков, нукуров, а точно так же и русские, со своей стороны, заручились своими дружками, нукурами, по улусам».

Многолетнее соседство русских и бурят оказало плодотворное влияние на различные стороны жизни обоих народов. Русские явились в Сибири проводниками земледельческой культуры и оседлого быта, пионерами просвещения. Они принесли в Прибайкалье новые земледельческие культуры: рожь, пшеницу, ячмень, овёс, гречиху, коноплю, горох, картофель и пр., — новые виды ремесла и зачатки промышленности. В процессе своего сближения с русскими буряты восприняли от них навыки земледельческого хозяйства, сельскохозяйственный инвентарь, сенокосение, элементы оседлого быта и «домосбаводство», т. е. постройку более удобных и тёплых, по сравнению с войлочными юртами, домов русского типа. Они стали употреблять предметы домашнего обихода, кото-

¹ Александров Г. «О некоторых задачах общественных наук в современных условиях». Журнал «Большевик» № 14 за 1945 год, стр. 17.

² Шапов А. Собрание сочинений. Дополнительный том, стр. 255. Иркутск. 1937.

самой славянской прародине нордический тип хотя и преобладал, но всё-таки не был единственным составным элементом населения: без сомнения, с древнейших времён выдающуюся роль играл тут и лапоноидальный тип тёмноволосого и тёмноглазого брахикефала низкого роста, который наблюдается всюду, где только живут славяне, причём его преобладание над нордическим типом возрастает прямо пропорционально отдалению от первоначального центра. Смесь нордического типа с лапоноидальным является характерной расовой чертой славян в отличие от германцев, у которых рядом с нордическим элементом выступает главным

образом примесь средиземноморского типа (тёмноволосого долихокефала невысокого роста с правильными чертами лица). Нордическо-лапоноидальная смесь в расовом составе славян вполне соответствует выводам о генезисе праславян, сделанном на основании данных топонимики и доисторической археологии; лапоноидальный элемент является продуктом уральского этнического субстрата, а нордический — индоевропейского субстрата, культуры шнуровой керамики и, по всей вероятности, «лужицкой» культуры, которая, однако, не поддаётся учёту со стороны антропологии, так как её носители сжигали покойников.

РОЛЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА В XVIII—XX ВЕКАХ

Ф. Кудрявцев

На весь мир прозвучали знаменательные слова Генералиссимуса И. В. Сталина о ведущей роли русского народа среди народов СССР во время Великой Отечественной войны. Это сплочение народов нашей страны вокруг русского народа, выросшее и окрепшее при советской власти, имеет глубокие исторические корни. Изучение этого процесса — одна из важнейших задач советских историков.

«Наши историки, — пишет Г. Александров, — нередко описывали лишь то, что разделяло народы. Конечно, межнациональная вражда, искусственно насаждаемая царизмом, играла немалую роль. Но история народов России есть история преодоления этой вражды и постепенного их сплочения вокруг русского народа»¹.

Этот процесс можно проследить и в истории бурят-монгольского народа, начиная со времени присоединения его к русскому государству, т. е. со второй половины XVII и первой четверти XVIII века.

Вхождение Бурят-Монголии в состав России имело огромное значение. Оно спасло бурят-монгольский народ от истребления монгольскими, китайскими и ойротскими ханами, способствовало его консолидации и восприятию русской культуры.

Среди верхоленских крестьян сохранилось предание о том, как «буряты с самого начала заводили содружество с русскими»². Русские пришли снизу, основали в 1641 г. на правом берегу реки Лены Верхоленский острог и оттуда объясачивали бурят. «Сначала без ружья русские не ездили и не ходили в улусы». Затем русские и буряты стали привыкать друг к другу. Торговые и промышленные люди «заводили содружество»

с бурятами, ходили к ним в гости, но всё ещё с ружьями и порохом.

Пришли однажды в улус русские, угостились у бурятских дружков, нукуров, и вернулись домой, а ружьё с натрусковой и «путешественную» икону забыли в юрте. Буряты, увидев предметы, оставленные русскими друзьями, испугались и решили поджечь их. «Зажгли и с ужасом увидели, как вмиг вспыхнула натруска с порохом, запылала пламенем вся юрта и сгорела». Осталась только одна икона. И это было сочтено за чудо. С тех пор буряты «стали заводить мирное содружество с русскими, без ружьев».

В основе этого предания лежала историческая правда. В устном народном творчестве отразился процесс сближения русских и бурят, которые встретились сначала как две враждующие стороны. Затем, по мере развития мирной колонизации Прибайкалья, буряты, часто соприкасаясь с русскими, стали сближаться с ними, наконец, «заводить взаимную дружбу». «Почти каждый бурят, — пишет А. П. Шапов, — стал иметь в близлежащих русских сёлах и деревнях своих дружков, нукуров, а точно так же и русские, со своей стороны, заручились своими дружками, нукурами, по улусам».

Многолетнее соседство русских и бурят оказало плодотворное влияние на различные стороны жизни обоих народов. Русские явились в Сибири проводниками земледельческой культуры и оседлого быта, пионерами просвещения. Они принесли в Прибайкалье новые земледельческие культуры: рожь, пшеницу, ячмень, овёс, гречиху, коноплю, горох, картофель и пр., — новые виды ремесла и зачатки промышленности. В процессе своего сближения с русскими буряты восприняли от них навыки земледельческого хозяйства, сельскохозяйственный инвентарь, сенокосение, элементы оседлого быта и «домосбаводство», т. е. постройку более удобных и тёплых, по сравнению с войлочными юртами, домов русского типа. Они стали употреблять предметы домашнего обихода, кото-

¹ Александров Г. «О некоторых задачах общественных наук в современных условиях». Журнал «Большевик» № 14 за 1945 год, стр. 17.

² Шапов А. Собрание сочинений. Дополнительный том, стр. 255. Иркутск. 1937.

рых у них раньше не было. Характерно, что названия этих предметов заимствовались из русского языка с некоторыми особенностями произношения или без существенных изменений. Интересные данные по этому вопросу приводит Т. А. Бертагаев. Он обращает внимание на «закономерное размещение заимствованных слов по характерным разделам социально-экономической жизни, которые мы знаем в бурятском языке. В бурятском языке мы наблюдаем очень редкое заимствование названий по скотоводческому хозяйству, но многочисленное по земледельческой культуре»³.

Примером могут служить названия продуктов сельскохозяйственного производства: хилээме — хлеб, ковроок — коврига, каласа — калач, лепешко — лепёшка, шенинэ, шенинэ — пшеница, гречихэ, гэршуухэ — гречиха, эшмээн, яшмээн — ячмень, картообоко — картофель, гурсэ — огурец.

Почти без изменения в бурятском разговорном языке сохраняются такие названия, как пирог, овёс, колос, солома, каша⁴. Любопытно, что в то время как в словах, заимствованных бурятами из русского языка, преобладают названия предметов земледельческого хозяйства, в бурятских словах, воспринятых местным русским населением, — названия предметов скотоводства. В языке, таким образом, отражается процесс взаимного влияния народов в области хозяйства.

«Очень любопытную картину, — пишет Т. А. Бертагаев, — представляют названия конской упряжи, где мы встречаем два явно раздельно существующие по хозяйственным признакам заимствованные названия: упряжи верховой езды, с одной стороны, и тягловой упряжи — с другой. Упряжь верховой езды как в западном, так и в восточном наречии почти совершенно не имеет заимствованных названий, а между тем названия тягловой упряжи в своём большинстве заимствованы из русского языка или через него»⁵. Приведём пример: боожо — вожжи; гуужэ — гужи; дугаа — дуга; хомоууд — хомут; шельяа — шляя.

Данные языка вполне подтверждают сообщения бурятских летописцев, что буряты-кочевники до прихода русских ездили на лошадях верхом, а не запрягали их, а затем заимствовали конскую тягловую упряжь у русского населения. Летописец Вандан Юмсунов пишет:

«Когда они там и сям кочевали, они не только не знали телег, саней и конской упряжи, но не слышали даже их названий. В это время они навьючивали свои юрты только на коней и быков и, не имея деревянных ящиков и сундуков, хранили свои шубы и одежды в хранилищах, называвшихся «ута», подобных глухим тулунам, в сшитых из конских, скотских или звериных кож, а также

в подобных продолговатых чемоданах, называвшихся «бэжцо» и сшитых из войлока, каковые они вьючили. Так они кочевали»⁶.

У бурят была телега — тэргэ, — более примитивная, чем телега позднейшего времени, но они запрягали в неё не лошадей, а быков. Юмсунов сообщает, что хоринские буряты стали запрягать лошадей в телеги и сани в подражание русским. Конечно, начальные даты подобных заимствований установить очень трудно, но, видимо, они начались с XVIII в., по мере того как усиливались взаимные связи бурят с русскими.

Интересны языковые данные в отношении домашней утвари, где «названия деревянной посуды имеют больше бурятских слов, чем названия стеклянно-фарфоровой и жестяной посуды»⁷. Два последних вида посуды были заимствованы главным образом от русских. Об этом свидетельствуют названия: таахаан, остахаан — стакан; тареолюхэ — тарелка; мискэ — миска; тааз — таз и пр.

Русское влияние отражалось на общественной и домашней жизни бурятского населения. Это влияние заметно проявлялось ещё в XVIII веке. Уже тогда буряты начали заимствовать у русских навыки земледельческого хозяйства. Из неустойчивого подсобного занятия отдельных групп бурятского населения земледелие, начиная с XVIII в., становится вторым после скотоводства основным занятием многих бурятских крестьян. «Земледелием занимается, — писал акад. Георги (1729—1802), — некоторые буряты около Иркутска и по Ангаре, вниз по течению. Приблизительно, третий и четвёртый хозяин засеивает несколько пудов ржи, яровой пшеницы и овса. Немногие обрабатывают до 5 десятин земли». Георги приводит бурятские названия сохи, косы-горбуши, серпов, граблей. В другом месте он говорит: «Многие из добайкальских бурят по причине разных препятствий в скотоводстве от суровости климата и местоположения совокупили с земледелием»⁸. Так под влиянием русских начало складываться у западных бурят скотоводческо-земледельческое хозяйство.

Развитие земледелия среди бурят определялось влиянием окружающих русских крестьян, необходимостью получения дополнительных ресурсов к экстенсивному, неустойчивому скотоводческому хозяйству, усилением спроса на хлеб на восточносибирском рынке⁹.

Влияние русских проявлялось и среди забайкальских бурят. В правительственном аттестате, выданном в 1782 г. главному хоринскому тайше Дамба Дугар Иринецеву, имеется характерное указание на то, что он старался «подчинённых своих вводить в обряды, в сходность российским народам, во

⁶ «Летопись хоринских бурят», стр. 80. Изд. Академии наук СССР. М.-Л. 1940.

⁷ Бертагаев Т. Указ. соч., стр. 23.

⁸ Георги И. «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». Ч. 4-я, стр. 28. СПб. 1799.

⁹ Кудрявцев Ф. «История бурят-монгольского народа». Гл. 2-я. Изд. Академии наук СССР. М.-Л. 1940.

³ Бертагаев Т. «О заимствованных русских словах в разговорном бурятском языке». «Записки Института культуры». Вып. 1-й, стр. 21. 1935.

⁴ Абашаев Д. и Черемисов К. «Русско-бурято-монгольский словарь». Улан-Удэ. 1941.

⁵ Бертагаев Т. Указ. соч., стр. 22.

всей домашней экономии, в постройке домов, во упражнении и хлебопашестве»¹⁰. В данном отношении стараниям тайши приписывалось то, что подчинённое ему бурятское население воспринимало непосредственно от своих соседей—русских: хлебопашество, постройку домов, «домашнюю экономию», т. е. заимствование предметов домашнего и хозяйственного обихода.

Хоринский летописец Вандан Юмсунов указывает, что в XVIII—XIX вв. буряты, «наставляемые русскими», начали сеять ярицу, рожь, пшеницу, овёс, ячмень. «Таким образом, научившись сеять разных родов хлеб, хоринский народ понял, что это весьма полезно»¹¹. У русских буряты обучались способам сенокосения. Юмсунов по этому поводу пишет: «Около 1780 года возникла одна единственная торговля так называемыми литовками—нынешними косами, появившимися из России. Некоторые купили их, и пока они бились над тем, чтобы научиться ими косить сено, в 1804 году переселились сюда кавказские крестьяне. Тогда, увидев, как они, явившись с такими косами, косили сено, они после этого научились владеть своими косами и поняли, что они очень удобны для косьбы. Они пуще прежнего стали знать способы сенокосения»¹².

У русских буряты заимствовали огнестрельное оружие, применяя его на охоте. «Около 1760 года появились из России в продаже небольшое количество винтовок и порох и свинец, которое они (хоринцы.—Ф. К.) стали покупать, — пишет Вандан Юмсунов.—Некоторые говорят, что они привыкли к ним и научились, начиная отселе, способам добывания охотой лесных и степных зверей»¹³.

С XVIII в. у бурят появляются рядом с войлочными и деревянными юртами (деревянные юрты преобладали у западных бурят ещё в XVIII в.) постройки русского типа — избы, зимовья, амбары, загоны для скота и скотные дворы с навесами. Буряты заимствуют у русских устройство печей, при этом название печи незначительно видоизменяется соответственно особенностям произношения бурят—пешэн. В бурятском языке сохраняется также русское название кухонной плиты. У хоринцев, по свидетельству Юмсунова, первые зимовья «в подражание тамошним русским» были построены около 1790 года. Затем, начиная примерно с 1820 года, «стали строить русские дома и зимовья в большом количестве, они оказались пригодными для того, чтобы в зимнее, холодное время оставаться самым в удобстве и тепле и защищать от холода новорожденных и младенцев»¹⁴.

У западных бурят вырабатываются два типа жилищ — летники, представляющие со-

бой восьмигранные и шестигранные деревянные юрты, и зимники — постройки русского типа, которые почти ничем не отличаются от жилищ русских крестьян. В одном из миссионерских обзоров, описывающих быт бурятского населения Балаганского уезда, Иркутской губернии, в конце 90-х годов прошлого столетия, читаем: «Жилища бурят всё ещё разделяются на летники и зимники, зимние жилища бурят имеют чисто русский тип, по большей части, городской, щеголеватый, можно бы улусы их принять за чисто русские сёла, если бы дома у них были расположены правильно, в виде улиц, а не врозь, где попало; летники остаются прежними восьмигранными юртами, без печей, с очагом посередине и дымовой трубой вверху»¹⁵.

У забайкальских бурят были три вида жилищ: войлочная юрта, деревянные четырёхугольные юрты и избы русского крестьянского типа. Первые были непосредственно приспособлены к кочевому быту; распространение деревянных юрт с конца XVIII в. свидетельствует об ограничении кочевого хозяйства; появление третьего вида построек является показателем роста элементов оседлости. Этот рост совершался под влиянием развития земледелия, сенокосения, усиления связи бурятского хозяйства с рынками сбыта, наконец, здесь сказывался пример русских крестьян.

С разложением натурального хозяйства, ростом меновых отношений буряты всё больше и больше приобретают предметов хозяйственного и домашнего обихода, изготовленных русскими рабочими и ремесленниками.

Однако русское влияние не было равномерным: оно сильнее сказывалось в тех местностях, где буряты ближе соприкасались с русскими, и слабее там, где это соприкосновение было сравнительно менее близким.

В нашем распоряжении имеется краткий обзор хозяйства и быта бурятского населения нескольких волостей Балаганского уезда, Иркутской губернии, примыкающих к Московскому тракту и Сибирской железной дороге (обзор составлен в 1908 году). Здесь соприкосновение бурят с русскими проявлялось больше, чем в южной части Иркутской губернии, прилегающей к русско-монгольской границе (Тункинское ведомство). Соответственно этому русское влияние среди балаганских бурят заметнее, чем среди тункинцев. Это обстоятельство и подчёркивается в обзоре. Характеризуя быт бурятского населения Бардинской волости и Сайгутского отдельного рода, обзор отмечает: «Остаётся сказать несколько слов о быте бурят, отличающемся от крестьянского. Последние живут в северной части и образуют административные единицы: Бардинскую волость, без сельских обществ, и Сайгутский отдельный род. Всё население Бардинской волости с 1899 года перешло в крестьяне. Как среди бардинских крестьян, так и сайгут-

¹⁰ Бурят-Монгольский Государственный институт языка, литературы и истории. Фонд хоринских тайшей, дело № 1.

¹¹ «Летопись хоринских бурят», стр. 81 — 82.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 81.

¹⁴ Там же, стр. 84.

¹⁵ «Иркутские епархиальные ведомости» № 8 за 1893 г., стр. 5.

ских бурят, незначительная часть жителей ведёт образ жизни оседлый — крестьянский, большая же часть — кочевой. Жизнь кочевых сосредоточена большую часть года в зимниках, отсюда они выезжают в расположенные недалеко летники на время роста (в зимнике) травы и уборки сена. Жизнь кочевых здесь отличается во многом от быта соплеменников — тункинских бурят — как в смысле жилища, так и в языке, одежде и говорит о значительном русском влиянии. Например здесь улусы не разбросаны и похожи на деревню, дома крестьянские, с такой же мебелью, тогда как в Тунке гость приглашается сесть на пол или на низенькую лавочку, покрытую ковриком, нет здесь национального халата и головного убора»¹⁶.

В Тункинском ведомстве русское влияние сказывалось заметнее всего в тех местах, где бурятские улусы чаще перемежались с селениями русских крестьян и казаков. Такое же явление происходило и в Забайкальской области.

Буряты не ограничивались восприятием орудий и приёмов сельского хозяйства и ремесла у русского населения. Они приспособили их к условиям своей хозяйственной жизни и старались по мере возможности усовершенствовать их. Например, воспринимая от русских хлебопашество, буряты усовершенствовали его, применив искусственное орошение полей. «Они (буряты.—Ф. К.) выучились у русских пахать землю, зато, в свою очередь, русские переняли у них искусство орошения, и везде, где есть возможность перенять горную реку или ручей, у нас, за Байкалом, поля покосные и пашни подливаются», — писал декабрист М. Н. Бестужев¹⁷. Он же сообщает об устройстве бурятами более удобной рукоятки для косы и усовершенствовании топора искусным бурятским кузнецом, которому топор заменяет и пилу, и струг, и клещи, и молоток, и даже ватерпас. Русские способствовали развитию сенокосения среди бурят и, в свою очередь, восприняли от них пользование удобренными и орошаемыми полосами — утугами. Буряты получили от русских огнестрельное оружие и вместе с тем познакомили их с приёмами охоты в местных условиях, привычками зверей, местами их обитания.

Бурятские ремесленники не ограничивались подражанием готовым образцам, воспринятым от русских, но усовершенствовали эти образцы и проявляли собственную инициативу.

Миссионер К. Чистохин, хорошо знавший быт тункинских бурят, писал: «Буряты очень способный и любознательный народ: они хорошие столяры, плотники, красильщики, серебряники, чеканщики и даже часовых дел мастера. Например в Тунке есть бурят, который сам сделал деревянные часы. С занятием хлебопашеством эти ремёсла начинают делаться занятием второстепенным. Но в

пограничных караулах Тункинского края чеканное ремесло год от года улучшается...»¹⁸.

Сближение бурят и русских нередко было настолько тесным, что дети русских и бурят одинаково говорили на том и другом языках. У сибирского поэта В. М. Михеева есть выразительное стихотворение «На ургонах», в котором рассказывается о совместном «походе» русских и бурятских детей за корнями сараны («царские кудри», «красная линия»), о том, как завязывалась дружба между этими детьми. Михеев пишет, что стихотворение «На ургонах» вызвано рассказом одного сибиряка о подобных, особенно распространённых за Байкалом походах детей. Корень сараны — одно из любимых лакомств детей¹⁹. В степи между Иркутском и Качугом автор наблюдал и случаи предпочтения русскими бурятского языка.

В стихотворении «На ургонах» читаем:

«Осени утро холодом вест,
Ясное солнце сулит тепло.
Нива снолами ярко желтеет,
Луг весь в зародах, смотрит светл.
С шумом весёлым, с криком и гамом
Сыплются в степи шайки ребят:
Скачут по кочкам, скачут по ямам,
Зубы на солнце в смехе блестят.
Рядом с бурята чёрной щеткой
Русые кудри вьются в кольцо,
Степи монгольской смуглого сына
Отблеском жёлтым блещет лицо.
Русские лица нежно румянит
Раннего утра лёгкий мороз, —
Светлые глазки то затуманит,
То вдруг прояснит смехом до слёз.
Глазки монголов бойки и косы,
Словно лукавы в той косине.
Рея на солнце, оводы, осы
Крыльями блещут, словно в огне,
И переливы речи гортанной
Льются жужжанью оводов в лад.
Русские дети бойко и странно
Вторят картавой речи бурят,
И, как родною, речью той с жаром
Между собою ведут разговор»²⁰.

Дружба между бурятами и русскими, возникшая нередко ещё в детские годы, продолжалась и в дальнейшем. Поводов для установления таких дружеских отношений было достаточно. В трудные годы неурожая, эпизоотий, массовых падежей скота эта дружба проявлялась во взаимной помощи бурят и русских. Об этом и писали уполномоченные бурятского населения Забайкальской области в одной из своих докладных записок: «Буряты, казаки и крестьяне всегда помогали друг другу: в неурожайные годы казаки и крестьяне берут скот у бурят, бурятские лошади и быки десятками лет находятся в распоряжении у казаков и кре-

¹⁸ Чистохин И. «Обычай тункинских бурят-дамантов при рождении детей, свадьбах и похоронах». «Иркутские епархиальные ведомости» № 19 за 1889 г., стр. 625—626.

¹⁹ См. Михеев В. «Песни о Сибири», стр. 190. М. 1884. Ходить на ургона, ургоничить — разорять норы полевых мышей, которые патаскивают туда корни сараны.

²⁰ Михеев В. «Песни о Сибири», стр. 41—42.

¹⁶ Государственный архив Иркутской области, ф. 25, оп. 10, д. № 229.

¹⁷ Сборник «Декабристы в Бурятии», стр. 13. Верхнеудинск. 1927.

ствии. Эти последние оплачивают бурятам продуктами сельского хозяйства, преимущественно хлебом, а во время падежей скота у бурят охотно снабжают хлебом и продуктами огородничества»²¹.

Существовали и другие формы взаимного содействия русских и бурят: совместные артели охотников, рыбаков, возчиков, перевозивших часто на дальние расстояния частные и казённые грузы. Устраивались так называемые «помочи», имевшие довольно широкое распространение в сибирских деревнях и улусах. Если крестьянин не имел возможности своими силами убрать урожай, вывезти из леса брёвна для постройки дома или выполнить другую работу, он устраивал «помочь»: приглашал других крестьян. Откликаясь на просьбу хозяина, они работали у него день—другой бесплатно. После работы начиналась пирушка, которая и была формой вознаграждения за работу. Кроме того хозяин часто сам участвовал в «помочи» у своих прежних помощников — «помочан».

На распространение совместных звероловных артелей и «помочи» обратил внимание в своё время А. П. Щанов, изучавший быт бурятских и русских крестьян Верхотурского уезда, Иркутской губернии, в 70-х годах XIX века. Щанов пишет: «Нередко были случаи, что русские вместе с бурятами составляли звероловные товарищества или артели, так же как ясачные присоединялись к зверопромышленным товариществам русских крестьян. В настоящее время сплошь и рядом русские съезжаются на «помочь» бурятам, а буряты к русским... В Хоготовский (Тотский) улус по р. Унгуре при мне на «помочь» к одному буряту съехались русские крестьяне из дальних деревень, вёрст за 30 и более»²².

На почве семейно-бытового сближения русских с бурятами возникали смешанные группы населения, получившие название «ясачных». Это смешение можно было наблюдать ещё в конце XVII века. В 1683 г. тобольский и сибирский митрополит Павел писал игумену Троицкого Селенгинского монастыря, что, по дошедшим до митрополита сведениям, многие даурские жители живут с «некрещёнными иноземками» (бурятками). Монастырские крестьяне женились на крещёных бурятских женщинах. Из крестьян Селенгинского монастыря образовались деревни Темлюй, Буй, Куналей, Елань, Климишина, Кокуй, Кудара-Благовещенье, село Троицкое и др.

Академик Паллас, побывавший в Прибайкалье в 70-х годах XVIII в., писал, что «большая часть городских и сельских жителей в Селенгинской области и в Даурии обнаруживает сильное смешение с монгольской кровью. Из обоюдных или взаимных браков бурят с русскими происходит род мулатов». По свидетельству Палласа, «вследствие

этого смешения русские усвоили и бурятский язык, так что последний сделался почти господствующим языком простого народа». «Ясачные» почти одинаково владела русским и бурятским языками и воспринимали хозяйственные и социально-бытовые черты обоих народов.

Семейно-бытовое сближение русских с бурятами продолжалось в XIX—XX веках. Об этом писали Поляков, Кропоткин, Шапов, Розинский и другие исследователи. В 1863 г. в одном письме из Тункинского края сообщалось:

«Все жители Тункинского ведомства радушны и гостеприимны; русские казаки и крестьяне очень сблизились и даже сроднились с инородцами, отдают дочерей своих за «ясачных», равным образом и у них берут, и говорят все вообще по-монгольски»²³.

В Иркутской губернии «ясачные» составляли большую часть населения одной из волостей — Ашахабатской. «Большая часть населения—«ясачные», прежние буряты, народ смиренный, трудолюбивый», — сообщалось в обзоре Ашахабатской волости²⁴.

Ашахабатцы занимались главным образом земледелием, сеяли озимую и яровую рожь, яровую пшеницу, овёс, ячмень, гречиху, сажали капусту, картофель и другие овощи и занимались скотоводством. Кроме Ашахабатской волости селения «ясачных» встречались и в других районах Иркутской губернии (Верхотурский, Иркутский, Балаганский уезды). По переписи 1917 г., «ясачные буряты» составляли 1628 хозяйств и «ясачные тунгусы» — 16 хозяйств. Как установили статистико-экономические исследования, «ясачные» представляют совершенно обособленную в хозяйственном отношении группу населения Иркутского края, представляющую любопытный образец одной из ступеней переходной стадии от скотоводческого хозяйства бурят к земледельческим хозяйствам русских. Группа эта очень жизнеспособна и устойчива в хозяйственном отношении, несмотря на менее благоприятное в смысле земельного обеспечения положение»²⁵. Данные статистико-экономических и антропологических исследований последнего времени окончательно опровергают измышления о том, что будто смешанные браки между русскими и бурятами ведут к «деградации», «вырождению». Исследования свидетельствуют о жизнеспособности смешанных групп населения.

Селения и отдельные хозяйства «ясачных» встречаются в разных местах Забайкалья. «Ясачные» селились или отдельно или приселялись к русским деревням. Поселения «ясачных» образовались по тракту от Верхнеудинска (теперь Улан-Удэ) к Чите: в селе Анинском, при Онинской, Кульской, Тарбагатайской почтовых станциях, при селении Онинборском и Грядской станции.

²³ «Иркутские епархиальные ведомости» № 32 за 1863 г., стр. 500.

²⁴ Государственный архив Иркутской области, ф. 25, оп. 10, д. № 299.

²⁵ Миротгорцев К. «Иркутские «ясачные» в освещении статистических цифр». Иркутск, 1932.

²¹ Библиотека Бурят-Монгольского Государственного института языка, литературы и истории. Копия документов по истории Бурят-Монголии в XIX и начале XX века.

²² Щанов А. Дополнительный том, стр.

С 1815 г. возниклот поселения «ясачных» на реке Курбе. В 70—80-х годах XIX в. «ясачные» были отведены земельные участки в давах Хасуртаевского и Уныгетейского селений, при Тынгироболдокской почтовой станции, в урочище Мокрый калтус, при Онохойской станции в однодворке Холотухинском (в 32 верстах от Верхнеудинска). «Ясачные» проживали в селении Укырьском, Жемно-Еравинском, Вершино-Удинском, Сосново-Озерском, Погромнинском и Поперечинском и в других местах.

В 1923 году, в связи с проведением статистико-экономического обследования в Хоринском аймаке, Бурят-Монгольской АССР, пришлось встретиться со следующими фактами, характерными для упомянутого процесса смешения русского и бурятского населения: хоринские «ясачные», называвшиеся до революции также «соседскими инородцами», нередко затруднялись определить свою национальную принадлежность. В результате статистики-регистраторы в графе «Национальность» делали с их слов следующие записи: «инородец», «ясачный», «бурят-ясачный», «бурят», «русский».

Взаимное влияние русских и бурят сказывалось в области языка и устного народного творчества. По сообщению Г. М. Осокина, «инородный эпос русского населения Забайкалья во многом заключает в себе массу чуждого, замечтованного от бурят и монголов. Многие из прежнего забыто, многое пополнилось новым из мифологии бурят и монголов и их исторического прошлого. Местный крестьянин, знакомый с бурятской речью, не отказывает себе в удовольствии послушать и бурятские сказки, которых у последних довольно»²⁶.

Можно привести пример известного сказочника Е. И. Сороковникова (Магая), который в одинаковой степени владеет искусством русской и бурятской сказки²⁷.

Русское влияние отражается в бурятских эпосах (былинах) и других произведениях народного творчества. Герои былин в одежде из звериных шкур, вооружённые луками и стрелами, живут то в богатых юртах, то в роскошных хоромах с многочисленными комнатами и печами, раздвижными столами, самоварами, открывают базары и лавки, строят соборы с колоколами, проводят думско-якутские тракты и пр.²⁸

В отчёте по управлению Восточной Сибири за 1857 г. отмечалось, что большая часть бурят хорошо знает русский язык и многие из них овладевают русской грамотой: большая часть инородцев хорошо знает русский язык и свободно объясняется на нём, много находится между ними знающих русскую грамоту. При степных думах и их инородных управах существуют уже 9 приходских училищ, содержимых на счёт общественного

сбора. Всё это показывает, что и образование у кочевых инородцев идёт тем же путём, как и у прочих здесь жителей, и что, следовательно, в этом отношении должно принимать те же самые меры, как и для крестьян, и проводить нераздельно от последних»²⁹.

В приведённом документе имеются некоторые преувеличения, но, по существу, он констатирует несомненный факт хозяйственного и культурного влияния русского населения на бурят и другие народы Восточной Сибири.

С первой четверти XIX в. в бурятских ведомствах открываются начальные школы, получившие названия «инородческих училищ». В 1804 г. возникло Балаганское училище, в 1806 г. — Онинское, в 1816 г. — Идинское и Тункинское, в 1818 г. — Селенгинское, в 1833 г. была учреждена Кяхтинская войсковая русско-монгольская школа, в которой обучались дети русских и бурятских казаков. Во второй половине XIX и начале XX в. количество школ заметно увеличивается. Буряты обучались кроме того в русских начальных и средних школах. Несмотря на неблагоприятные условия для культурного развития бурятского народа при царизме, бурят-монгольский народ всячески стремился овладеть русской культурой.

Воспринимая русский алфавит, буряты использовали его для переноски на своём языке. В 1866 г. составитель русско-бурятского букваря Н. С. Болдонов писал: «Потеряв монгольскую грамотность за исключением немногих тункинских и аларских бурят, и то из числа одних лам, северо-байкальские буряты сами пришли к мысли об употреблении русских букв для изображения бурятских понятий. За последнее время не редкость встретить между этими бурятами людей, научившихся русской грамоте и потом при помощи её переписывающихся между собой на своём языке русскими буквами и читающих и понимающих переведённые на бурятский язык издания, написанные по-русски»³⁰ (русским алфавитом. — Ф. К.).

Представители бурятской интеллигенции переводили произведения русских учёных и писателей на бурятский язык. Н. Болдонов перевёл научно-популярную брошюру «Мироздание», Ц. Онгодов — известную хрестоматию Ушинского «Живое слово», Р. Помтуев составил на основании сочинений русских учёных руководство по сельскому хозяйству, Бато Далай Очиров перевёл на бурятский язык басни И. А. Крылова, несколько произведений Л. Н. Толстого, уставы кредитного и потребительского кооперативов.

Учителя бурятских школ знакомили своих питомцев с лучшими образцами русской художественной литературы. Например в 1887 г. в пансионе при Ользоновском училище учитель читал своим воспитанникам

²⁶ Осокин Г. «На границе Монголии», стр. 39. СПб. 1906.

²⁷ «Сказки Магая» (Е. И. Сороковников). Записи Л. Э. Элиасова и М. К. Азадовского. Л. 1910.

²⁸ Забавин М. «Бытовые черты в эпических произведениях «хирит-булагатов». Верхнеудинск, 1929.

³⁰ Болдонов Н. «Русско-бурятский словарь», стр. 2. СПб. 1866.

рассказы Л. Н. Толстого. В 1899 г. в бурятских училищах, как и во всей России, отмечалось столетие со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина. «В памятный для России день 26 мая в нашем уголке прозвучало имя великого поэта», — писал корреспондент иркутской газеты «Восточное обозрение» из улуса Бохан. После рассказа учителя о жизни и трудах А. С. Пушкина началось музыкально-вокальное отделение, прошедшее «мило и дружно». «На эстраде появлялись то учащие, или жёны, то скромные фигуры учащихся — мальчиков и девочек, большинство которых буряты; из уст каждого неизменно звучали слова незабвенного поэта. Маленькая и взрослая публика дружно аплодировала исполнителям, как чтецам, так и хору, щедро разнообразившему программу то весёлыми, то протяжными напевами пушкинских стихотворений»³¹. Праздник окончился «туманными картинками», и учащиеся, радостно взволнованные, разошлись по улусам с книжками А. С. Пушкина в руках.

Проводниками просвещения среди бурят-монгольского народа были политические ссыльные, начиная с декабристов и кончая большевиками, народные учителя, представители русской и бурятской интеллигенции.

Среди забайкальских бурят известна просветительная деятельность декабристов Николая и Михаила Бестужевых, Вильгельма и Михаила Кюхельбекеров, Константина Торсона³². Декабристы обучали бурят грамоте, ремёслам, оказывали им врачебную помощь, изучали хозяйство и быт бурятского населения. В дневниках, мемуарах, письмах и статьях декабристов мы находим разнообразные сведения о бурятах.

В конце XIX и начале XX в. политические ссыльные создавали в бурятских улусах так называемые «вольные школы». В 1911—1916 гг. в Верхнеудинском бурятском ведомстве, Верхленского уезда, Иркутской губернии, существовало несколько «вольных школ», в которых занимались политические ссыльные — большевики. Эти «вольные школы» возникали следующим образом: собирались несколько семейств, желающих обучать своих детей, договаривались между собой об условиях обучения и приглашали в качестве учителя грамотного человека, обыкновенно политического ссыльного. Группы состояли из 5—6 человек. Учитель и ученики ходили из одного дома в другой, неделю занимались у одного родителя, неделю — у другого. Иногда нанималось особое помещение для всей группы учащихся. В основу преподавания были положены обычные программы начальной школы. Обучали чтению, письму, грамматике русского языка, арифметике, вели элементарные беседы по естествознанию, географии, истории.

Один из «вольных учителей» — А. А. Розинский — рассказывал: «Бурятские дети занимались с охотой, напористо, с интересом, к учителю относились с большим уважением. Были замечательные ребята. Один, например, был прекрасным математиком. Он

настолько быстро решал задачи, что я удивлялся. Другой очень любил русский язык, много читал, увлекательно рассказывал о прочитанном. Население относилось к учителю хорошо. Родители интересовались преподаванием, часто приходили слушать уроки»³³.

По вечерам у «вольных учителей» собирались крестьяне, завязывались беседы на разные темы, далеко выходящие за пределы обычных интересов улусов. Это были зачатки политической пропаганды среди бурятских крестьян.

«Вольные школы» существовали нелегально. Царская администрация запрещала и преследовала их, но народ всячески оберегал эти очаги просвещения.

Русская интеллигенция выдвинула просветителей бурят-монгольского народа, защитников его интересов, исследователей народной жизни. Много внимания уделял просвещению бурят сибирский поэт Д. П. Давыдов, бывший в 50—60-х годах XIX в. смотрителем училищ Верхнеудинского округа. Он открывал новые школы в бурятских ведомствах, привлекал молодёжь из отдалённых улусов в уездное училище, изучал язык и быт местного населения, помогал учителям, поощрял их просветительную и краеведческую деятельность. В 60-х годах в Иркутске функционировал комитет по переводу учебных книг на бурятский язык. В составе этого комитета были писатели М. В. Загоский, активный деятель Сибирского отдела Географического общества А. Ф. Усольцев, преподаватель монгольского и бурятского языков Л. Л. Шергин, директор гимназии К. П. Бобановский, преподаватель словесности Н. П. Попов, бурятский учитель Н. С. Болдонов, переводчик Л. Б. Бадмаев и др. Среди иркутской интеллигенции оживлённо обсуждались вопросы о распространении просвещения среди бурят, об открытии школ в улусах, переводе книг на бурятский язык, издании учебной литературы на родном языке для бурятских училищ.

В 1908 г. в Иркутске возникло «Общество вспомоществования учащимся бурятам», в состав которого входили представители бурятской и русской интеллигенции. Главная задача общества заключалась в оказании материальной помощи бурятской молодёжи, учащейся в средних учебных заведениях. Общество организовало несколько этнографических вечеров. На этих вечерах читались доклады по вопросам истории, этнографии, общественной жизни бурятского населения, инсценировались старинные обряды, ставились пьесы на бурятском языке, устраивались концерты национальной песни и пляски. Одним из руководителей общества был сибирский краевед П. П. Першин (Д. Даурский) — автор многих статей о бурятах в местной периодической печати.

Русские народные учителя сближались с бурятским населением, овладевали его языком, несли просвещение в далёкие улусы. Бурятские крестьяне ценили и глубоко уважали таких учителей, оказывали им посиль-

³¹ «Восточное обозрение» № 67 за 1899 год.

³² См. сборник «Декабристы в Бурятии».

³³ Воспоминания А. А. Розинского записаны автором настоящей статьи.

пую помощь. Те, кто учился у этих учителей, на всю жизнь сохраняли добрую память о них. «Те слова, которые сообщил учитель, я сохранил в моём сердце и буду следовать им в жизни»³⁴, — писал в 1902 г. крестьянин-бурят Андрей Банеев о русском учителе В. А. Петрове. Под влиянием своего учителя Банеев стал «составлять записи о бурятских верованиях, обычаях, записывать песни, сказки и пр.»³⁵.

Учителя наряду с работой в школе оказывали бурятам медицинскую помощь, давали юридические советы, составляли жалобы и прошения, писали письма и т. д. В отчёте Торского бурятского училища за 1893 г. сообщалось по этому поводу: «Отношение общества к своей школе хорошее. Это видно из того, что родители учащихся часто обращаются за медицинской помощью и за советами в своих делах к учителю»³⁶.

Среди крестьян Нижне-Кижингинского улуса, Верхнеудинского уезда, пользовался большим авторитетом учитель Н. М. Краснов. Он «оказался прекрасным работником для бурятской школы при обучении бурят первоначальной грамоте и, главным образом, разговорному русскому языку, им были достигнуты прекрасные результаты. Краснов был знаком несколько с бурятским языком. Метод, принятый Красновым, отличается от приёмов, которых держатся другие учителя бурятских училищ. Краснов каждую прочитанную по-русски фразу, а потом целую статью переводит на бурятский язык. Когда он таким образом убеждается, что все выражения статьи понятны, он заставляет передавать прочитанное по-русски. Было сразу заметно, что ученики не вспоминали слова статьи, а старались передать её смысл. Краснов пользуется у бурятского населения большой любовью»³⁷.

Овладевая бурятским языком, учителя использовали его для приобщения своих питомцев к русской культуре. Вместе с тем они с уважением относились к национальной культуре бурят, их языку, народному творчеству, правам и обычаям. «Знакомый с нравами бурята, я чтил его привычки свято»³⁸, — писал Д. П. Давыдов. Приобщение к русской культуре обогащало и повышало национальную культуру бурят-монгольского народа. К сожалению, история русского учительства, этих тружеников культуры, ещё не освещена в нашей литературе.

В русской школе воспитывались учителя-буряты. Среди бурятской молодёжи наблюдалась тяга к получению педагогического образования, чтобы вступить на трудный, но благородный путь народного учителя. Об этом свидетельствуют, например, автобио-

графии и характеристики представителей бурят-монгольской молодёжи, окончивших курс Иркутской учительской семинарии в 1903—1905 годах. По отзывам, воспитанник Иркутской учительской семинарии Илья Дамбаев «отличается полным бескорытием и потому от него можно ожидать плодотворной работы на учительском поприще, так как на последнее он идёт не из-за чего-нибудь, а только из желания работать на пользу деревни и улуса»³⁹. Иннокентий Салтыков, «обучаясь в семинарии, окончательно определил своё призвание и выходит с желанием быть учителем в глуши, в каком-нибудь бурятском улусе»⁴⁰.

Учителя-буряты также стали проводниками русской культуры среди своего народа.

Русская интеллигенция внесла крупный вклад в изучение экономики, истории, этнографии, языка, устного народного творчества бурят-монголов. По этим вопросам известны труды А. Шапова, Г. Потанина, А. Потаниной, Д. Клеменца, Н. Кириллова, П. Кулакова, Д. Позднесова, А. Руднева и др. Русская прогрессивная печать не раз выступала в защиту бурят-монгольского народа от притеснений со стороны агентов царской власти, купцов-ростовщиков и бурятских нойонов.

Русские учителя и учёные воспитали талантливых деятелей науки и просвещения бурят-монгольского народа: Д. Банзарова, Г. Гомбоева, Р. Помтуева, Ц. Онгодова, М. и Н. Болдоновых, М. Хангалова, М. Богданова, Г. Цыбикова и др.

В свою очередь эти выдающиеся деятели бурятского народа внесли свой вклад в развитие нашей науки.

Д. Банзаров (1828—1855) — талантливый ориенталист, автор книги «Чёрная вера, или шаманство у монголов» и нескольких оригинальных статей по истории, этнографии, языку народов Центральной Азии — выступил как представитель передовой науки, ломавшей старые предрассудки, прокладывая новые пути для прогрессивных научных взглядов. Он интересовался также вопросами общественной жизни, выступая как демократ-просветитель. Есть сведения, что Банзаров сочувствовал социалистическим идеям (в духе утопического социализма). Наставниками и друзьями Д. Банзарова были видные ориенталисты того времени: Савельев, Григорьев, Бобровников. Банзаров был связан с кружком петербургских востоковедов, работал в музеях Академии наук и в Сибирском отделе Географического общества.

Современник Д. Банзарова Г. Гомбоев (1822—1863) известен как первый переводчик на русский язык старинной монгольской летописи «Алтан Тобчи» и других произведений монгольской литературы — повестей, сказок. Гомбоеву принадлежат также работы «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плато Карлини», «Объяснение Семипалатинских древностей».

М. Н. Хангалов — известный бурятский этнограф и деятель народного просвещения.

³⁴ Гос. архив Иркутской обл., ф. 193, оп. 1, д. № 58.

³⁵ Там же.

³⁶ «Отчёт торскобурятского училища за 1893 г.». Гос. архив Иркутской обл., ф. 193, оп. 1, д. № 42.

³⁷ Гос. архив Иркутской обл., ф. 193, оп. 1, д. № 258.

³⁸ Давыдов Д. «Ширэ гуйлгуху или волшебная скамеечка». Верхнеудинск. 1859.

³⁹ Гос. архив. Иркутской обл., ф. 193, оп. 1, д. № 107.

⁴⁰ Там же.

Он является автором многочисленных работ, посвящённых изучению шаманства, облавных охот (Зэгэгэ-аба), скотоводческого хозяйства, материальной культуры (жилище, пища, одежда, оружие и т. д.), юридических обычаев и различных сторон быта бурят-монголов. Хангалов записал много бурятских сказок, преданий, поверий, собрал многочисленные этнографические коллекции, которые передал затем Восточносибирскому отделу Географического общества в Иркутске, в Русский музей в Петербурге и в Этнографический музей Академии наук. Многие русские и иностранные учёные не раз обращались за советами к Хангалову. Он был ближайшим другом и сотрудником таких исследователей Сибири, как Н. Н. Агапитов, Д. Д. Клеменц, Г. Н. Потанин.

Г. Ц. Цыбиков (1873—1930) является известным знатоком языка и этнографии народов Монголии и Тибета. По окончании факультета восточных языков Петербургского университета в 1899 г. Цыбиков провёл три года в экспедиции Русского географического общества в Тибете. Результаты своих исследований он изложил в капитальном труде «Буддист-паломник у святыни Тибета». Этот труд охватывает все стороны местной жизни (хозяйство, политический строй, быт, религия, жизнь буддийского монастыря) и является ценным вкладом в изучение Тибета.

Г. Цыбиков составил пособие по изучению монгольского и тибетского языков, перевёл с тибетского сочинение Цзонхавы, основателя ламаизма, «Лам-рим-чэн-по» («Степени пути к блаженству») — источник для изучения ламаизма. Цыбикову принадлежат также труд по экономике Забайкалья «Подати и повинности» и ряд работ по истории и этнографии бурят и монголов.

М. Н. Богданов — автор ряда очерков и статей по истории и экономике бурят-монголов.

Р. Номтуев, Ц. Онгодов, М. и Н. Болдоновы — энергичные деятели в области народного образования. Они составляли учебные руководства для бурятских школ, переводили книги с русского языка на бурятский, занимались педагогической и краеведческой работой.

Начиная с XVIII в. во всех областях жизни бурят-монголов сказывалось живительное влияние русской культуры. Это влияние стало важнейшим фактором хозяйственного, культурного и социального развития бурят-монгольского народа.

С давних пор складывались дружеские отношения между русским и бурят-монгольским народами на почве хозяйства, быта, просвещения, совместной борьбы против зарубежных врагов. Вместе с русским народом бурят-монгольский народ боролся против самодержавия.

Ещё в конце XVII в. бурятские «ясачные мужики» принимали участие в восстаниях русских крестьян, посадских и казаков против «лихих» воевод и приказчиков. Во время восстания 1696 г. в Братском остроге собрался «мирской совет». Народ устранил от

управления уездом «мучителя мирского и душегубца» приказчика Кафтырева и избрал свою администрацию. В состав выборных людей вошли представители от основных групп населения: девять казаков, три посадских, четыре пашенных и девять ясачных крестьян (бурят)⁴¹. От бурятского населения в «мирской совет» входили Обонтуй Грошев, Халгай Инкиев, Мляул Камнаев, Ханзин Мумустов, Умядей Уныгенов, Залбун Ириндиев, Колочей Тобоев, Дочикай Мумустов, Мусыней Кынтуев, Бодоной Наконов. В результате Братский уезд управлялся, хотя и непродолжительное время, «своей братней», т. е. выборными людьми, облечёнными доверием русского и бурятского населения... Бурятские «ясачные мужики» принимали также участие в Илимском восстании и выступлении забайкальских казаков против иркутского воеводы Савёлова в 1696 году.

В XVII—XVIII вв. бурятские конники вместе с русскими казаками бились, «не щадя голов своих», против зарубежных (ойротских, монгольских, китайских) ханов, защищая «породные земли» от иноземных набегов, охраняя границы российского государства на востоке. В 1727 г. посол Савва Рагузинский писал, что буряты «служат верою России, не уступая природным россиянам»⁴².

В конце XIX и начале XX в., под влиянием революционного движения в России, бурятский народ постепенно стал втягиваться и в борьбу против царизма.

Трудовое бурятское население принимало участие в первой русской революции. В 1905—1906 гг. при Читинском комитете РСДРП работала группа бурятской учащейся молодёжи, переводившая прокламации и революционную литературу на бурятский язык. Бурятская молодёжь участвовала также в работе иркутской партийной организации и верхнеудинской группы РСДРП. Упомянутые организации положили начало большевистской пропаганде среди трудового бурятского населения. Во время первой русской революции бурят-монгольский народ выдвинул активных революционных деятелей-большевиков: Ц. Ц. Ранжурова (участник читинского вооружённого восстания, член местного совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов), А. Голенковского, Данчинова (работники иркутской организации РСДРП). Погибли на революционном посту тт. Аирелков и Гомбоев.

Бурятские крестьяне участвовали в стачке подводчиков на Верхоленинском тракте. Крестьяне деревень и улусов, расположенных по тракту, избрали, по примеру рабочих, стачечный комитет и отказались отбывать подводную гоньбу: возить чиновников, по-

⁴¹ Кудрявцев Ф. «Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII в.», стр. 74. Иркутск, 1939.

⁴² Бантыш-Каменский Н. «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г.», стр. 145. Казань, 1882.

лично, каменные грузы и т. д. В Агинском бурятском ведомстве крестьяне вынесли приговор, в котором требовали вернуть их земли, изъятые в пользу «Кабинета его величества», и приступили к использованию этих земельных угодий. В других ведомствах крестьяне отказывались подчиняться крестьянским начальникам, полиции, противодействовали изъятию их земель, протестовали против административной «реформы» 1901 г., которая приводила к усилению административно-полицейской опеки над бурятским населением. В Хоринском ведомстве буряты закрыли волостное управление и открыли «явочным порядком» Стелную думу. В Иркутской губернии и Забайкальской области происходили многолюдные

съезды представителей бурят-монгольского населения⁴³.

Революция 1905 г. способствовала укреплению революционного союза русских и бурятских рабочих и крестьян на почве совместной борьбы против самодержавия. Революционные традиции первой русской революции проявились с новой силой в 1917—1920 годах. Эти истоки дружбы народов постепенно крепили. Однако лишь при советской власти, на основе ленинско-сталинской национальной политики, установилась нерушимая дружба между бурятским и русским народами.

⁴³ Хаптаев П. «Национальное движение в Бурятии». Улан-Удэ. 1939.

ПЕРВЫЕ КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СУББОТНИКИ (1919 г.)

Ц. Гофман

Ленин и Сталин не раз указывали, что для победы в войне необходим крепкий, организованный тыл. «Ни одна армия в мире,— писал товарищ Сталин,— не может победить (речь идёт, конечно, о длительной и прочной победе) без устойчивого тыла. Тыл для фронта — первое дело, ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми-бойцами, настроениями и идеями»¹.

В период наступления колчаковской контрреволюции в 1919 г. ЦК партии обратился ко всем рабочим с призывом «взяться за работу по-революционному, не ограничиваясь старыми шаблонами»².

В тылу развернулась самоотверженная работа. В условиях страшной разрухи, голода, отсутствия топлива и сырья заводы продолжали работать, рабочие стояли у станков, отдавая все силы укреплению обороны. Несмотря на злостную контрреволюционную агитацию буржуазии, меньшевиков и эсеров, рабочие добровольно работали сверхурочно и всячески старались повысить производительность труда.

Коллектив ижевских рабочих к концу марта 1919 г. довел изготовление винтовок до 1200 в день.

25 апреля объединённые в профсоюзы царские рабочие постановили увеличить рабочий день, строго и решительно бороться с саботажем и добиться увеличения производительности труда. Рабочие деревообделочной промышленности Нижнего Новгорода заявили: «На время мы должны забыть об отпусках и отдыхе, а отдать всё своё свободное время от работы для помощи Красной Армии»³.

Женщины заменяли ушедших на фронт мужей, братьев, сыновей. Работницы петроградских предприятий: трамвайного парка,

3-й государственной типографии, 5-й государственной табачной фабрики — обязались всеми силами крепить тыл и помочь Красной Армии. «Наши мужья и братья ушли на фронт для того, чтобы нанести последний удар ополчившейся буржуазии,—заявили они на своём собрании,—мы, работницы, заменим их здесь и создадим своими силами твёрдый и стойкий тыл, в котором не будет места врагам советской власти и который поможет нашему красному фронту кончить гражданскую войну»⁴.

Действенную помощь оказывали трудящиеся советским войскам в прифронтовой местности. Вот один из многочисленных фактов. В районе 3-й армии разливом реки был повреждён телеграфный провод и нарушена связь. Работники почтово-телеграфной конторы быстро ликвидировали повреждение телеграфных проводов и обеспечили необходимую для армии связь. 23 мая 1919 г. военный совет 3-й армии объявил благодарность работникам на связи города Уржума⁵.

5 мая председатель Совета Обороны В. И. Ленин направил в адрес комиссара Рязано-Уральской железной дороги следующую телеграмму: «Передайте всем товарищам рабочим и служащим, самоотверженными усилиями которых в короткий срок поднят, отремонтирован и пущен в работу затопленный врагами рабочих и крестьян железнодорожный паром на Увек, горячую благодарность за их труды, приближающие окончательную победу советской власти»⁶.

Для быстрой доставки Красной Армии подкреплений, оружия и боеприпасов требовалось значительное улучшение работы промышленных предприятий и особенно транспорта, находившегося в разрушенном состоянии.

Ярким выражением героизма рабочих в тылу явилась организация массовых ком-

¹ И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 93. 1936.

² Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 226.

³ Газета «Нижегородская коммуна» от 9 мая 1919 года.

⁴ «Петроградская правда» от 18 мая 1919 года.

⁵ Материалы секретариата ИГВ. Т. IV.

⁶ Ленинский сборник XXXIV, стр. 129.

лично, каменные грузы и т. д. В Агинском бурятском ведомстве крестьяне вынесли приговор, в котором требовали вернуть их земли, изъятые в пользу «Кабинета его величества», и приступили к использованию этих земельных угодий. В других ведомствах крестьяне отказывались подчиняться крестьянским начальникам, полиции, противодействовали изъятию их земель, протестовали против административной «реформы» 1901 г., которая приводила к усилению административно-полицейской опеки над бурятским населением. В Хоринском ведомстве буряты закрыли волостное управление и открыли «явочным порядком» Стелную думу. В Иркутской губернии и Забайкальской области происходили многолюдные

съезды представителей бурят-монгольского населения⁴³.

Революция 1905 г. способствовала укреплению революционного союза русских и бурятских рабочих и крестьян на почве совместной борьбы против самодержавия. Революционные традиции первой русской революции проявились с новой силой в 1917—1920 годах. Эти истоки дружбы народов постепенно крепили. Однако лишь при советской власти, на основе ленинско-сталинской национальной политики, установилась нерушимая дружба между бурятским и русским народами.

⁴³ Хаптаев П. «Национальное движение в Бурятии». Улан-Удэ. 1939.

ПЕРВЫЕ КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СУББОТНИКИ (1919 г.)

Ц. Гофман

Ленин и Сталин не раз указывали, что для победы в войне необходим крепкий, организованный тыл. «Ни одна армия в мире,— писал товарищ Сталин,— не может победить (речь идёт, конечно, о длительной и прочной победе) без устойчивого тыла. Тыл для фронта — первое дело, ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми-бойцами, настроениями и идеями»¹.

В период наступления колчаковской контрреволюции в 1919 г. ЦК партии обратился ко всем рабочим с призывом «взяться за работу по-революционному, не ограничиваясь старыми шаблонами»².

В тылу развернулась самоотверженная работа. В условиях страшной разрухи, голода, отсутствия топлива и сырья заводы продолжали работать, рабочие стояли у станков, отдавая все силы укреплению обороны. Несмотря на злостную контрреволюционную агитацию буржуазии, меньшевиков и эсеров, рабочие добровольно работали сверхурочно и всячески старались повысить производительность труда.

Коллектив ижевских рабочих к концу марта 1919 г. довел изготовление винтовок до 1200 в день.

25 апреля объединённые в профсоюзы царские рабочие постановили увеличить рабочий день, строго и решительно бороться с саботажем и добиться увеличения производительности труда. Рабочие деревообделочной промышленности Нижнего Новгорода заявили: «На время мы должны забыть об отпусках и отдыхе, а отдать всё своё свободное время от работы для помощи Красной Армии»³.

Женщины заменяли ушедших на фронт мужей, братьев, сыновей. Работницы петроградских предприятий: трамвайного парка,

3-й государственной типографии, 5-й государственной табачной фабрики — обязались всеми силами крепить тыл и помочь Красной Армии. «Наши мужья и братья ушли на фронт для того, чтобы нанести последний удар ополчившейся буржуазии,—заявили они на своём собрании,—мы, работницы, заменим их здесь и создадим своими силами твёрдый и стойкий тыл, в котором не будет места врагам советской власти и который поможет нашему красному фронту кончить гражданскую войну»⁴.

Действенную помощь оказывали трудящиеся советским войскам в прифронтовой местности. Вот один из многочисленных фактов. В районе 3-й армии разливом реки был повреждён телеграфный провод и нарушена связь. Работники почтово-телеграфной конторы быстро ликвидировали повреждение телеграфных проводов и обеспечили необходимую для армии связь. 23 мая 1919 г. военный совет 3-й армии объявил благодарность работникам на связи города Уржума⁵.

5 мая председатель Совета Обороны В. И. Ленин направил в адрес комиссара Рязано-Уральской железной дороги следующую телеграмму: «Передайте всем товарищам рабочим и служащим, самоотверженными усилиями которых в короткий срок поднят, отремонтирован и пущен в работу затопленный врагами рабочих и крестьян железнодорожный паром на Увек, горячую благодарность за их труды, приближающие окончательную победу советской власти»⁶.

Для быстрой доставки Красной Армии подкреплений, оружия и боеприпасов требовалось значительное улучшение работы промышленных предприятий и особенно транспорта, находившегося в разрушенном состоянии.

Ярким выражением героизма рабочих в тылу явилась организация массовых ком-

¹ И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 93. 1936.

² Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 223.

³ Газета «Нижегородская коммуна» от 9 мая 1919 года.

⁴ «Петроградская правда» от 18 мая 1919 года.

⁵ Материалы секретариата ИГВ. Т. IV.

⁶ Ленинский сборник XXXIV, стр. 129.

мунистических субботников. До сих пор принято было считать первым коммунистическим субботником субботник 10 мая 1919 г. на Московско-Казанской дороге. Основанием для этого послужила работа В. И. Ленина «Великий почин»⁷. Владимир Ильич при написании её использовал газету «Правда» от 17 мая 1919 г., где впервые появились сведения о коммунистических субботниках.

Обследование материалов, хранящихся в Московском областном партархиве, а также воспоминания участников позволяют с полным основанием считать началом этого движения первый коммунистический субботник 12 апреля 1919 года⁸.

Инициаторами этого первого коммунистического субботника явились коммунисты ячейки депо Сортировочная, Московско-Казанской железной дороги. В воскресный день, 6 апреля 1919 г., коммунисты депо собрались, чтобы обсудить вопрос о текущем моменте в связи с продвижением Колчака к Волге и о работе железнодорожного транспорта. После сообщения комиссара депо, слесаря Ивана Ефимовича Буракова, было решено организовать на дороге сверхурочную работу и устроить 12 апреля субботник. В резолюции было записано: «Отработать коммунистам в субботу с 8 ч. вечера до 6 утра»⁹. Решение было осуществлено. Первый субботник состоялся 12 апреля, участвовало 13 коммунистов и 2 сочувствующих. В протоколе партийного собрания депо Сортировочная записано: «К работе было приступлено в 8 час. вечера и (работа) производилась до 6 час. утра. Работали на холодных паровозах, которые подлежали промывке. Было начато три паровоза: №№ 358, 504, 7024. Когда ремонт был исполнен в полном смысле и паровозы затопили, то все члены, работавшие добровольно, перешли в вагон, где пили чай, обсуждали положение на восточном фронте»¹⁰. В конце протокола подпись мастера депо текущего ремонта, подтверждающего качество технической стороны работы.

Отремонтированные паровозы, как вспоминают участники субботника, в тот же день были использованы для отправки воинских эшелонов на колчаковский фронт.

О трудовом энтузиазме участников субботника рассказывал один из инициаторов субботника, И. Е. Бураков: «Мы, члены ячейки, собрались 15 человек, по профессии преимущественно слесари, и в 8 часов вечера взяли у мастера работу. Работали непрерывно до 6 часов утра (10 часов) и отремонтировали три паровоза. Работа шла дружно и спорилась так, как никогда прежде...

⁷ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 325—349.

⁸ Эта дата подтверждается в отчёте о субботниках (написанном, повидимому, летом 1919 г.). Моск. обл. партархив, ф. 6, д. № 24, л. 11, и в других материалах, лл. 141, 145. Участники первого субботника в воспоминаниях указывают даже дату первого субботника — 24 марта (ст. стиля).

⁹ Моск. обл. партархив, ф. 6, д. № 24, л. 9.

¹⁰ Там же.

Решили нашу ночную работу — с субботы на воскресенье — продолжать еженедельно, до полной победы над Колчаком»¹¹.

Начало коммунистических субботников совпало с наиболее опасным периодом, когда белыми были захвачены Белебей (7 апреля), Бугульма (10 апреля), Орск (12 апреля). Эти субботники явились ответом на обращение Ленина «взяться за работу по-революционному» и действительно помочь Красной Армии.

Инициатива ячейки депо Сортировочная была быстро подхвачена железнодорожниками Московско-Казанской железной дороги. Когда 7 мая на партийном собрании И. Е. Бураков поделился опытом проведения первого субботника, было принято единогласное решение: коммунистам и сочувствующим увеличить свой рабочий день на час. «Считая, что коммунисты не должны щадить своего здоровья и жизни для завоеванной революции, — записано в протоколе партийного собрания, — работу производить бесплатно. Коммунистическую субботу ввести во всём подрайоне до полной победы над Колчаком»¹².

10 мая на Московско-Казанской железной дороге состоялся первый массовый субботник. В субботнике участвовало 205 человек. Производительность труда достигла 270%. В этот день было выпущено из ремонта 4 паровоза, 16 вагонов, разгружено и нагружено 9300 пудов¹³.

«Воодушевление и дружность работы небывалая, — пишет участник субботника. — Когда... рабочие, конторщики, управленцы, охватив сорокапудовый бандаж колеса для пассажирского паровоза, перекатывали его на место, как трудолюбивые муравьи, на сердце рождалось горячее чувство радости от коллективного труда и крепла вера в непоколебимость победы рабочего класса»¹⁴.

17 мая устроили субботник коммунисты и сочувствующие Александровской железной дороги. На субботнике работало 98 коммунистов и сочувствующих.

24 мая субботники состоялись на Рязано-Уральской, Курско-Нижегородской и Савьловской железных дорогах. На Николаевской железной дороге первый массовый субботник состоялся 24 мая, но ещё до того коммунисты добровольно, без оплаты, выполняли важные работы на дороге по подъёму паровозов и др.¹⁵

Инициаторы субботников всячески стремились расширить это движение, распространить его опыт и информировать о нём в печати.

В мае субботники проводились уже на всех дорогах Московского узла¹⁶. О коммунистах-железнодорожниках сообщалось: «Обязанность работать 2 часа в день сверх

¹¹ Там же, л. 11.

¹² Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 330.

¹³ Там же, стр. 331.

¹⁴ Там же, стр. 330—331.

¹⁵ Моск. обл. партархив, ф. 6, д. № 24, л. 138.

¹⁶ «Красный путь железнодорожника» от 12 июня 1919 г., стр. 17, 18.

нормы, без всякого вознаграждения, они проводят неуклонно в жизнь»¹⁷.

Решением Московского комитета РКП(б) всякие заседания по субботам были отменены, и в субботниках принимали активное участие и руководящие работники¹⁸.

Так горстка коммунистов дело Сортировочная Московско-Казанской железной дороги положила начало знаменательному движению рабочего класса за подъём производительности труда.

Страна дружно поддержала почин москвичей. 31 мая состоялся первый субботник железнодорожников Твери. Работало 123 коммунистов. За три с половиной часа было погружено и разгружено 14 вагонов, отремонтировано 3 паровоза, распилено 10 саж. дров. Интенсивность работ по сравнению с обычной была выше в 13 раз¹⁹. В тот же день первый субботник состоялся в Нижнем Новгороде. В мастерской по подъёмке паровозов работало 30 человек²⁰. Субботники состоялись в Саратове, Иваново-Вознесенске, Сызрани.

В июне Ленин написал брошюру, посвящённую коммунистическим субботникам. Отмечая величайший героизм красноармейцев на фронте, В. И. Ленин считал, что трудовой героизм рабочих в тылу заслуживает не меньшего внимания и поощрения: «Прямо-таки гигантское значение в этом отношении имеет устройство рабочими, по их собственному почину, коммунистических субботников. Видимо, это только ещё начало, но это начало необыкновенно большой важности. Это — начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину»²¹.

Ленин видел в субботниках новую форму социалистического труда. «Коммунистические субботники», — писал Ленин, — именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни»²².

Число городов и участников, включившихся в движение, всё возрастало. 5 июля состоялся субботник в Калуге. Работало 70 человек. За 3 часа было разгружено 2 тыс. пудов меди, более одной тысячи пудов железа и убрано около 2 тыс. пудов досок. В субботнике 12 июля здесь участвовало 123 коммуниста и сочувствующих. Было выгру-

жено много ценных эвакуированных грузов²³.

В Воронеже впервые в пользу фронта работали сверхурочно 14 июля. Участвовали немногие, всего 8 коммунистов. За 5 часов они сделали больше, чем при обычной работе за 12 часов. На станции Малый Ярославль 6 коммунистов за 3 часа выгрузили и сложили 24 саж. и подали на паровоз 6 саж. дров. 29 июля там же 7 коммунистов произвели ремонт паровоза. Они без всякой ссуды проработали 15 часов²⁴.

Летом 1919 г. коммунистические субботники стали повсеместным явлением. На Северной железной дороге (Москва) с июня по август было проведено 5 субботников. По неполным данным, работало 1279 коммунистов и сочувствующих. Всего отработано 6850 часов. «Степень продуктивности работы на субботниках, — указывалось в сводке, — значительно выше обычной»²⁵.

К субботникам приобщились и беспартийные. В мае в Москве в субботниках участвовал 781 коммунист, в июле — 1510 коммунистов и 308 беспартийных, в августе — 3336 коммунистов и 815 беспартийных²⁶.

Число участников в других городах исчислялось сотнями. По сообщению от 1 августа, в Витебске на субботнике работало 500 чел., в Брянске 2 августа — 300 чел. (было разгружено 75 платформ с рельсами)²⁷. 16 августа в Москве впервые был организован коммунистический субботник красноармейцев холдинского гарнизона. Участвовало 190 коммунистов и сочувствующих и 123 беспартийных. С 2 до 6 часов было разгружено 3 вагона с виллами и снарядами, очищена платформа от пушек, санитарных повозок и т. д. За 4 часа была выполнена работа, которая потребовала бы от рабочих неделю труда²⁸. 13 сентября 1919 г. в Москве комсомолом был организован первый субботник молодёжи. Работа велась на ст. Москва-Товарная 1-я, Московско-Казанской железной дороги. Участвовало 40 человек. Был расчищен участок двора, разгружен состав поезда, заполненный машинами. В работах участвовали ЦК РКСМ в полном составе и курсанты Центральной партийной школы²⁹.

В ноябре по инициативе коммунистического союза молодёжи были устроены субботники по заготовке топлива в Солнечногорске, в Гучково-Павшини и Павлово-Посадском районе. В субботниках участвовала молодёжь окрестных деревень.

В Петрограде первые организованные субботники состоялись в августе; с самого начала они приняли массовый характер. Первый субботник по разгрузке топлива был

²³ «Известия ВЦИК» от 15 августа 1919 года.

²⁴ Там же.

²⁵ Моск. обл. партархив, ф. 5, д. № 24, л. 3.

²⁶ Данные учётно-статистического отдела МК РКП(б) (Моск. обл. партархив).

²⁷ «Известия ВЦИК» от 15 августа 1919 года.

²⁸ Моск. обл. партархив, ф. 6, д. № 24, л. 43.

²⁹ Там же, л. 56.

¹⁷ «Красный путь железнодорожника» от 22 мая 1919 г., стр. 14.

¹⁸ Моск. обл. партархив, ф. 6, д. № 24, л. 39.

¹⁹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 335.

²⁰ «Красный путь железнодорожника» от 4 сентября 1919 г., стр. 15.

²¹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 329.

²² Там же, стр. 339.

назначен на 16 августа. «Петроградская правда» накануне в передовой статье «Коммунистические субботники» призывала всех членов партии, всех трудящихся последовать «великому почину». Созданная при Петроградском комитете партии Комиссия по организации субботников разработала четкий план работ и широко оповестила об этом петроградцев.

«Работы субботников начинаются с субботы, 16 августа, по разгрузке топлива. Работы производятся с 5 до 9 вечера. На работы выходят все члены партии: рабочие, работницы, служащие, красноармейцы и матросы. Приглашаются также все желающие»³⁰. Организаторы субботников позаботились об обеспечении участников питанием. «Комиссия по организации субботников доставляет на все пункты продовольствие в размере полуфунта хлеба на каждого работника»³¹.

В первом субботнике приняли участие многочисленные коллективы предприятий, железных дорог, электростанций, учреждений и др. Так, в 1-м Городском районе 16 августа в субботнике приняло участие 700 чел., в Выборгском и Смольнинском районах — более 400 человек. На железных дорогах Петроградского узла в этот день работало 260 коммунистов и 43 беспартийных, участвовало и большое количество женщин. Несмотря на встретившиеся препятствия и трудности, указывалось в статье, первый субботник на железных дорогах Петроградского узла прошёл с большим воодушевлением. Недостаток технических средств не останавливал работников от намерения выполнить до конца поставленное себе задание. Практические результаты произведённых работ довольно значительны»³².

Свою долю труда внесли и небольшие коллективы. Так, коммунистическая ячейка ст. Мга, Мурманской железной дороги, в числе 22 человек работала на погрузке дров. «Несмотря на дождливую погоду и дальность подвозки дров к вагонам, — сообщалось в газете, — в течение 5 часов было погружено 4 вагона дров. Производительность труда превышала нормальную на 200—250 процентов»³³.

Эти далеко не полные данные свидетельствуют о том, что первый субботник в Петрограде прошёл весьма успешно. Один из участников этого субботника писал: «Субботники говорят о том, что рабочие массы жаждут созидательной работы... Несмотря на разрушения, происходящие в процессе гражданской войны... мы можем создавать. И этим мы сильны... Где, в каком государстве в настоящее время на добровольной работе объединяются и рабочий от станка, и красноармеец из казармы, и комиссар, стоящий у власти?»³⁴.

Следующие субботники в Петрограде прошли ещё более организованно. Возросло число участников. Вот некоторые данные. Во втором субботнике (23 августа) в Выборгском районе приняло участие 450 чел., в третьем (30 августа) — 816; в 1-м Городском районе во втором субботнике участвовало 1000 чел., в третьем — 1200 чел.; во 2-м Городском районе соответственно: 1300 и 1345; в Смольнинском — 500 и 955»³⁵.

Ленин внимательно следил за этим движением. Спустя три дня после второго субботника, 26 августа, он телеграфировал в Петроград: «Прошу собрать спешно весь материал о субботниках и прислать мне»³⁶.

Важно подчеркнуть, что субботники стали распространяться и в деревне. Здесь обычно субботник начинался с того, что группа коммунистов в 5—6 чел. выносила решение помочь семьям красноармейцев. В деревне Калинин (Кашинский уезд, Тверской губ.) летом 1919 г. небольшой ячейкой коммунистов был снят урожай (1131 сноп). В одной из деревень Гравинской вол., Пековской губ., коммунисты в течение нескольких часов запахали около двух десятин земли. Другая группа заготовила для семей красноармейцев дрова на всю зиму»³⁷.

Субботники широко использовались также в освобождённых Красной Армией районах. Здесь они были организованы буквально в первые же дни. Например, на второй день после занятия красными войсками Златоуста (13 июля 1919 г.) была создана комиссия по пуску Златоустовского завода; работы по пуску осуществлялись и при помощи субботников, по инициативе самих масс. В субботниках участвовало большинство рабочих и служащих.

В субботниках было ещё много недостатков, неналаженности, но на их огромное значение Ленин указывал в самом начале их возникновения: «И вот эти голодные рабочие, окружённые злобной контр-революционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эс-эров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно без всякой платы и достигают громадного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?»³⁸.

Трудовой подъём охватил рабочий класс всей нашей страны и принимал всё более конкретные формы.

Тульские металлисты на своём съезде дали клятву «умереть, но победить отечественных и иностранных империалистов». Президиум съезда в телеграмме от 11 июля

³⁰ «Петроградская правда» от 15 августа 1919 года.

³¹ Там же.

³² Там же, 26 августа 1919 года «Итоги первого субботника на железных дорогах».

³³ Там же, 24 августа 1919 года.

³⁴ Там же, 17 августа 1919 года.

³⁵ Цифровые данные взяты из «Петроградской правды» за август 1919 г. №№ 190, 191, 195.

³⁶ Ленинский сборник XXIV, стр. 308.

³⁷ «Красный путь железнодорожника» от 16 октября 1919 г., стр. 11.

³⁸ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 341.

1919 г. на имя Совета обороны просил Ленина известить Совнарком о решении съезда удешевить выработку оружия, провести среди рабочих всеобщее воинское обучение и сформировать железные рабочие тыловые полки, готовые в нужную минуту прямо с заводов броситься в бой с белогвардейцами.

На это Владимир Ильич в тот же день ответил телеграммой: «Приветствую (от) всей души решение тульского съезда металлистов удешевить выработку оружия и прочее. Прошу сообщать мне ежемесячно, почтой или с оказией, какие именно фактические успехи по всем вашим решениям достигаются»³⁹.

³⁹ Ленинский сборник XXIV, стр. 13.

К БИОГРАФИИ ЕРМАКА

А. Воронихин

В любом учебнике истории о Ермаке и его происхождении сказано: «Ермак — донской казак». Однако у Ригельмана, автора «Повествования о донских казаках», имеются интересные сведения, опровергающие это утверждение.

В повествовании сказано, что казаки построили на Дону город Черкасск, укрепились в нём, стали на сторону русских и вели против татар и турок наступательные войны. Во главе таких удальцов стоял будто бы и бывший под царской опалой Ермак Тимофеевич. Интересно, что в приложенной к донскому календарю за 1874 г. краткой летописи донского войска в списках атаманов за 1579—1584 гг. назван и Ермак, хотя известно, что в эти годы он был на Урале у Строгановых и завоёвывал Сибирь. Эти данные наводят на мысль о том, что донским атаманом был другой Ермак, а отнюдь не покоритель Сибири.

В своё время донские казаки поставили Ермаку на Дону памятник как своему земляку. Это было понятно, ибо Ермак принадлежал к числу тех людей, которых самодержавие всячески популяризировало. Оно делало его народным героем, который из разбойника, грабившего на Волге царские и иноземные караваны, стал борцом с иноверцами, покорил Сибирь, заслужил царскую милость, «раскаялся».

Все историки, не желая разбираться в личности Ермака, о его происхождении просто писали: «донской казак». Даже Карамзин, говоря о происхождении Ермака, пишет: «Родом неизвестного, душой знаменитого». Это была простая отписка маститого историка, не пожелавшего по каким-то причинам углубляться в изучение вопроса, но тем не менее ставившего под сомнение донское происхождение Ермака.

А. Дмитриев¹ уже опровергает, что Ермак — донской казак, и приводит сказание, на которое ссылается сибирский летописец Илья Черепанов: «О себе же Ермак изве-

О трудовом героизме рабочего класса на внутреннем бескровном фронте писал В. М. Молотов в статье, посвящённой субботникам: «Так может действовать только класс, решительно и беззаветно смело идущий к своей цели, к полной победе»⁴⁰.

⁴⁰ Молотов «Ещё один шаг к освобождению труда». Первомайский сборник под редакцией В. Молотова, стр. 6. Н. Новгород. 1920. Тов. Молотов был тогда председателем губисполкома в Н.-Новгороде. «Первомайский сборник», посвящённый массовым субботникам, редактор преподнёс Владимиру Ильичу с надписью: «Дорогому учителю и вождю пролетариата Вл. Ил. Ульянову-Ленину от одного из организаторов массовых субботников».

стие написал, откуда рождение его. Дед был суздалец, посадский человек, жил в лишениях, от хлебной скудости сошёл в Володимир, именем его звали Афанасий Григорьевич сын Аленин, и туй воспита двух сынов Родиона, да Тимофея, и кормился извозом и был в найму в подвигах у разбойников, на муромском лесу пойман и сидел в тюрьме, а оттуда беже с женой и с детьми в Юрьевец-Поволский, — умре, а дети его Родион и Тимофей от скудости сошли на р. Чусовую, в вотчины Строгановых, ему породе детей: у Родиона два сына Дмитрий да Лука, у Тимофея дети Гаврила да Флор да Василей. И оный Василей был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе, по рекам Каме и Волге и от той работы принял смелость и, прирав себе дружину малую, пошёл от работы на разбой и от них звашася атаманом, прозван Ермаком, сказуется дорожный артельный таган, а по Волски — жерновой мельниц рушной»².

По данным умершего соликамского краеведа А. Я. Кривощёкова, фамилия Алениных и сейчас встречается в деревнях нижнего течения реки Чусовой.

Отец Ермака пришёл к Строгановым вольным человеком, получил от них землю и работал на ней. Сын Василий в молодости тоже работал у Строгановых и водил их струги, а затем ушёл к вольным атаманам. Причём имеются интересные данные о связи уральских строгановских вотчин с Волгой. На Волге, в Самарской луке, есть маленькая речка Усолка, вода которой богата содержанием соли. Предприимчивые пермские солевары давно проведали об этом месте. Знали о нём и строгановские люди³.

В эти места и ушли от Строганова Ермак с товарищами. Своё имя Василий он для удобства сменил на прозвище Ермак, что для беглого человека было удобнее; кличку

² Дмитриев А. Указ. соч., стр. 220.

³ Перетяткович «Поволжье XV и XVI веков», стр. 312—313. М. 1877.

¹ Дмитриев А. «Пермская старина». Вып. V, стр. 137—139. Пермь 1894.

1919 г. на имя Совета обороны просил Ленина известить Совнарком о решении съезда удешевить выработку оружия, провести среди рабочих всеобщее воинское обучение и сформировать железные рабочие тыловые полки, готовые в нужную минуту прямо с заводов броситься в бой с белогвардейцами.

На это Владимир Ильич в тот же день ответил телеграммой: «Приветствую (от) всей души решение тульского съезда металлистов удешевить выработку оружия и прочее. Прошу сообщать мне ежемесячно, почтой или с оказией, какие именно фактические успехи по всем вашим решениям достигаются»³⁹.

³⁹ Ленинский сборник XXIV, стр. 13.

К БИОГРАФИИ ЕРМАКА

А. Воронихин

В любом учебнике истории о Ермаке и его происхождении сказано: «Ермак — донской казак». Однако у Ригельмана, автора «Повествования о донских казаках», имеются интересные сведения, опровергающие это утверждение.

В повествовании сказано, что казаки построили на Дону город Черкасск, укрепились в нём, стали на сторону русских и вели против татар и турок наступательные войны. Во главе таких удальцов стоял будто бы и бывший под царской опалой Ермак Тимофеевич. Интересно, что в приложенной к донскому календарю за 1874 г. краткой летописи донского войска в списках атаманов за 1579—1584 гг. назван и Ермак, хотя известно, что в эти годы он был на Урале у Строгановых и завоёвывал Сибирь. Эти данные наводят на мысль о том, что донским атаманом был другой Ермак, а отнюдь не покоритель Сибири.

В своё время донские казаки поставили Ермаку на Дону памятник как своему земляку. Это было понятно, ибо Ермак принадлежал к числу тех людей, которых самодержавие всячески популяризировало. Оно делало его народным героем, который из разбойника, грабившего на Волге царские и иноземные караваны, стал борцом с иноверцами, покорил Сибирь, заслужил царскую милость, «раскаялся».

Все историки, не желая разбираться в личности Ермака, о его происхождении просто писали: «донской казак». Даже Карамзин, говоря о происхождении Ермака, пишет: «Родом неизвестного, душой знаменитого». Это была простая отписка маститого историка, не пожелавшего по каким-то причинам углубляться в изучение вопроса, но тем не менее ставившего под сомнение донское происхождение Ермака.

А. Дмитриев¹ уже опровергает, что Ермак — донской казак, и приводит сказание, на которое ссылается сибирский летописец Илья Черепанов: «О себе же Ермак изве-

О трудовом героизме рабочего класса на внутреннем бескровном фронте писал В. М. Молотов в статье, посвящённой субботникам: «Так может действовать только класс, решительно и беззаветно смело идущий к своей цели, к полной победе»⁴⁰.

⁴⁰ Молотов «Ещё один шаг к освобождению труда». Первомайский сборник под редакцией В. Молотова, стр. 6. Н. Новгород. 1920. Тов. Молотов был тогда председателем губисполкома в Н.-Новгороде. «Первомайский сборник», посвящённый массовым субботникам, редактор преподнёс Владимиру Ильичу с надписью: «Дорогому учителю и вождю пролетариата Вл. Ил. Ульянову-Ленину от одного из организаторов массовых субботников».

стие написал, откуда рождение его. Дед был суздалец, посадский человек, жил в лишениях, от хлебной скудости сошёл в Володимир, именем его звали Афанасий Григорьевич сын Аленин, и туй воспита двух сынов Родиона, да Тимофея, и кормился извозом и был в найму в подвигах у разбойников, на муромском лесу пойман и сидел в тюрьме, а оттуда беже с женой и с детьми в Юрьевец-Поволский, — умре, а дети его Родион и Тимофей от скудости сошли на р. Чусовую, в вотчины Строгановых, ему породе детей: у Родиона два сына Дмитрий да Лука, у Тимофея дети Гаврила да Флор да Василей. И оный Василей был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе, по рекам Каме и Волге и от той работы принял смелость и, прирав себе дружину малую, пошёл от работы на разбой и от них звашася атаманом, прозван Ермаком, сказуется дорожный артельный таган, а по Волски — жерновой мельниц рушной»².

По данным умершего соликамского краеведа А. Я. Кривощёкова, фамилия Алениных и сейчас встречается в деревнях нижнего течения реки Чусовой.

Отец Ермака пришёл к Строгановым вольным человеком, получил от них землю и работал на ней. Сын Василий в молодости тоже работал у Строгановых и водил их струги, а затем ушёл к вольным атаманам. Причём имеются интересные данные о связи уральских строгановских вотчин с Волгой. На Волге, в Самарской луке, есть маленькая речка Усолка, вода которой богата содержанием соли. Предприимчивые пермские солевары давно проведали об этом месте. Знали о нём и строгановские люди³.

В эти места и ушли от Строганова Ермак с товарищами. Своё имя Василий он для удобства сменил на прозвище Ермак, что для беглого человека было удобнее; кличку

² Дмитриев А. Указ. соч., стр. 220.

³ Перетяткович «Поволжье XV и XVI веков», стр. 312—313. М. 1877.

¹ Дмитриев А. «Пермская старина». Вып. V, стр. 137—139. Пермь 1894.

«Повольской» получил от города Юрьева-Поволжского, где когда-то жил его отец.

Все эти факты были известны Карамзину, но он предпочёл сказать, что «это—сказка», и не стал разбираться в приведённом материале по существу. Историк же Д. И. Иловайский высказался в пользу этих данных. В уральских «сказах» и легендах Ермака всегда считают уральцем. Взять хотя бы сказ лауреата Сталинской премии П. П. Бажова, автора «Малахитовой шкатулки», «Ермаковы лебеди».

Среди историков об имени Ермака шёл долгий спор. В первоисточниках как Строгановской, так и Есиповской летописей, кроме имени Ермака, других имён ему не дают, зато последующие историки дали Ермаку семь имён: Ермак, Ермолай, Герман, Василий, Ермил, Тимофей и Еремей.

Тобольский летописец именует Ермака Германом⁴. Много позднее появляется летопись, доведённая до 1760 г. и названная Карамзиным «новой». Составление этой летописи академик Фальк приписывает ямщику Илье Черепанову. Здесь уже у Ермака есть его собственное имя — Василий. Далее, в целом ряде документов, например в «Кратком показании о воеводах и губернаторах и прочих чинах»⁵, говорится о том, что Сибирское царство взято Ермаком Василием Тимофеевичем. Имя Ермила даёт Ермаку Будницкий, автор исследования о заселении Сибири и быте первых насельников (Харьков. 1889). В записях академика Фалька 1786 г. Ермак назван Тимофеем. Почему учёный назвал так Ермака, неизвестно. Но он пишет: «Завоеватель Сибири Тимофей был сын бедного суздальского купца»⁶.

Пуцилло⁷ называет Ермака Еремеем. Сибирские синодики упоминали покорителя Сибири только двумя именами — Ермак и Ермолай. Историки Миллер, Шифер, Щербатов называют его Ермаком.

Карамзин писал, что «к числу буйных атаманов волжских присоединился Ермак (Герман) Тимофеевич. Иван Кольцо и другие»⁸. Имя Герман Карамзин взял из Ремезовской летописи. Небольсин, лучше всех изучивший сибирские летописи, не разделял мнения Карамзина. Он считал, что в сказаниях Черепанова есть доля правды. Очевидно, между Ермаком и Пермью есть какая-то неразрешённая ещё тайна⁹. Историк Сибири Словцов также приходит к вы-

воду, что имя, данное Ермаку Черепановым, правильное¹⁰.

Абрамов, исследователь сибирской старины, следуя за Небольсиным и Словцовым, также называет Ермака Василием¹¹.

Историки Ригельман, Бронеvский, Костомаров, Соловьёв, Щеглов, Андрееvич и другие или повторяют сказанное Черепановской летописью или же называют завоевателя Сибири Ермаком.

Самое позднее толкование имени Ермака находим у Буцинского: он назвал Ермака Ермилом¹².

Ко всему вышесказанному за последние пятьдесят лет историки ничего нового не добавили. В многочисленных уральских сказах и легендах Ермака называют Василием Тимофеевичем Алениным, родом с реки Чусовой.

После покорения Астрахани московское правительство, желая обеспечить безопасность плавания по Волге, повело борьбу против волжских разбойников. Для прекращения разбоя на Волге сюда был послан стольник Иван Мурашов. Ему дано было право казнить каждого пойманного разбойника. Последние, узнав об этом, бросились кто куда: одни на Дон, другие на Яик, а третьи, воспользовавшись приглашением Строгановых, — на Каму. И вот по призывной грамоте уральских магнатов от 6 апреля 1579 г. (по данным Строгановской летописи) Ермак немедленно прибыл в вотчину Строгановых с дружиной в 540 человек. Не будем останавливаться на пребывании Ермака у Строгановых, на его походе через Урал, завоевании Сибири и его гибели. Коснёмся лишь личности Ермака. Ни один из сибирских летописцев не рассказывает нам о личности Ермака, о его жизни. Между тем в народе широко были распространены в своё время неизвестно кем и когда написанные портреты покорителя Сибири. Только один Ремезов немного описал наружность Ермака: «Бе вельми мужествен, и разумен, и человекен, и зрачен и высокой, мудрости доволен; плосколиц, черн брадоу, и власы прикудряв, возраст средний и... плечист»¹³.

Летописцы по-своему были правы, так как их девизом было: «не лица, а дела». Поэтому они видели в Ермаке только исторического героя и не обращали внимания на его личные качества, помимо воинской доблести. Но Ермак был не только замечательным полководцем, но и администратором и дипломатом. Каждое его действие, его средства, цели, намерения во время сибирского похода глубоко продуманы и говорят о Ермаке как об энергичном, способном и опытном человеке. Надо было обдумать предложение Строгановых о завоевании Сибири, наметить пути движения дружины, одержать

⁴ Миллер «Летопись сибирская краткая», стр. 3. Изд. Зоста. 1880.

⁵ «Краткое показание о воеводах и губернаторах и прочих чинах», стр. 3. Тобольск. 1792.

⁶ Фальк «Записки путешественника от Сан-Петербурга до Томска». Т. VI. СПб. 1824.

⁷ «Русский вестник». Кн. XI, стр. 281. 1881.

⁸ Карамзин Н. «История государства Российского». Т. IX. Гл. VI, стр. 380. 1818.

⁹ См. Небольсин П. «Покорение Сибири». Гл. V, стр. 65—66

¹⁰ Словцов «История Сибири 1886 г.». «Введение», стр. XVIII и XIX.

¹¹ Абрамов «Ермак — покоритель Сибири». «Тобольские губернские ведомости» № 18—22 за 1866 год.

¹² Буцинский «Заселение Сибири и быт первых насельников», стр. 12. Харьков. 1889.

¹³ «Пермская летопись». Т. I, стр. 108.

победу, не умереть с голоду, избежать морозов и овладеть диким краем. Среди десятков тысяч врагов, оставших лишь с несколькими сотнями удалцов-казаков, с первобытными строгановскими пушками, Ермак удержался в Сибири два года.

Это была не случайная удача, а результат огромных организаторских способностей, мужества и сильной воли Ермака.

Нельзя не согласиться с выводами П. Нельсона, что Ермак был камский уроженец или, вернее, местный житель. Он приехал сюда с родителями в ответ на клич о заселении закамской стороны охотниками и имел время и возможности изучить страну.

По всему видно, что Ермак пришёл на Чусовую, в знакомые ему места, где он издавна знал пути, ведущие за Камень (за Урал), знал быт и нравы соседних народов. Ермак не пошёл на Яик, подобно некоторым казачьим отрядам, не кинулся в какую-либо глушь от преследований правительства. Он вполне обдуманно направился в вотчины Строгановых, уговорил своих многочисленных товарищей последовать за ним, чтобы затем двинуться по знакомым дорогам на завоевание Сибири.

Во время своего похода Ермак выдержал «огненный бой» с превосходящими силами татар, которые одной своей численностью могли бы раздавить маленький отряд Ермака, засыпать его стрелами. Однако этого не произошло, так как слава о завоевателе, молва о его непобедимости шли далеко вперёд и подготавливали ему победу. Ермак по-

беждал не только оружием, но и своим отношением к покорённым народам, в результате чего на четвёртый день после одной решающей битвы к Ермаку с повинной пришли его противники.

Ермак отправил посольство прямо к царю, минуя Строгановых, к тому жестокому царю, который в оальной грамоте на имя Строгановых просто приказал казнить казаков. Причём посольство было отправлено новой дорогой, известной Ермаку, — прямо через Средний Урал.

Благодаря заслуженному авторитету смог Ермак, оставшись с маленькой горсткой казаков, удержаться в покорённой стране, держать в повиновении самих казаков, запасать на месте продовольствие, не вызывая этим недовольство местного населения.

Разве всё это не говорит об огромном природном таланте уральца Ермака? Недаром его имя воспевается в легендах, преданиях и песнях. Народ его именем назвал сотни скал, местечек, волоков, даже там, где Ермак никогда не бывал. Народ в своих легендах считает его братом Ильи Муромца и племянником Владимира Красное Солнышко. Ни один герой не пользуется такой популярностью, как Ермак, а ведь прошло с тех пор почти 365 лет!

Итак, уточним биографию Ермака. Он родом был с Урала, с реки Чусовой. Имя его Василий Тимофеевич Аленян. Предприимчивый человек, выходец из народа, а не покорный... «наёмник» Строгановых.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА НА БАЛКАНЫ

Проф. А. Арциховский

В начале 1946 г. Академия наук СССР направила в Болгарию, Югославию и Румынию группу научных сотрудников для изучения археологии и этнографии этих стран и установления культурных связей с ними. В состав группы вошли четыре профессора-археолога: П. Н. Третьяков (начальник группы), Б. А. Рыбаков, В. И. Равдоникас, А. В. Арциховский — и два профессора-этнографа: С. А. Токарев, П. Г. Богатырёв.

За два месяца интенсивной работы нам удалось собрать множество научных материалов, которые будут использованы для ряда исследовательских тем. Участники поездки выступали с научными докладами в Софии, Белграде, Загребе, Любляне, Сплите, Сараеве и Бухаресте и в свою очередь ознакомились с научной работой местных археологов и этнографов.

Научным центром археологии в Болгарии является Народный археологический музей в Софии (ему, между прочим, подчинена превосходно организованная сеть археологических заповедников, рассеянных по всей Болгарии). Директор музея — видный болгарский археолог, акад. Никола Мавроди-

нов, известный специалист по прикладному искусству эпохи переселения народов, болгарской архитектуре и живописи и т. д. Он энергично руководит грандиозными раскопками средневековых столиц Болгарии. Раскопок в этой стране вообще производится много, и материалы их обрабатываются не только в музее, но и в Болгарском археологическом научно-исследовательском институте в Софии. Директор института — акад. Гаврил Кацаров — крупнейший в мире специалист по истории и археологии античной Фракии. Большую роль в институте играет учёный секретарь акад. Крестю Миятев, автор фундаментальных трудов по архитектуре и художественной керамике средневековой Болгарии. Наконец, в Софийском университете читает археологию и руководит её кабинетом проф. Димитр Димитров, автор книг о римских рельефах. Можно было бы назвать ещё целый ряд авторитетных учёных-археологов, работающих в Софии и других городах Болгарии.

Перед поездкой мы думали, что нам придётся пользоваться при разговорах иностранными языками. Оказалось, что болгарские

победу, не умереть с голоду, избежать морозов и овладеть диким краем. Среди десятков тысяч врагов, оставших лишь с несколькими сотнями удалцов-казаков, с первобытными строгановскими пушками, Ермак удержался в Сибири два года.

Это была не случайная удача, а результат огромных организаторских способностей, мужества и сильной воли Ермака.

Нельзя не согласиться с выводами П. Нельсона, что Ермак был камский уроженец или, вернее, местный житель. Он приехал сюда с родителями в ответ на клич о заселении закамской стороны охотниками и имел время и возможности изучить страну.

По всему видно, что Ермак пришёл на Чусовую, в знакомые ему места, где он издавна знал пути, ведущие за Камень (за Урал), знал быт и нравы соседних народов. Ермак не пошёл на Яик, подобно некоторым казачьим отрядам, не кинулся в какую-либо глушь от преследований правительства. Он вполне обдуманно направился в вотчины Строгановых, уговорил своих многочисленных товарищей последовать за ним, чтобы затем двинуться по знакомым дорогам на завоевание Сибири.

Во время своего похода Ермак выдержал «огненный бой» с превосходящими силами татар, которые одной своей численностью могли бы раздавить маленький отряд Ермака, засыпать его стрелами. Однако этого не произошло, так как слава о завоевателе, молва о его непобедимости шли далеко вперёд и подготавливали ему победу. Ермак по-

беждал не только оружием, но и своим отношением к покорённым народам, в результате чего на четвёртый день после одной решающей битвы к Ермаку с повинной пришли его противники.

Ермак отправил посольство прямо к царю, минуя Строгановых, к тому жестокому царю, который в оальной грамоте на имя Строгановых просто приказал казнить казаков. Причём посольство было отправлено новой дорогой, известной Ермаку, — прямо через Средний Урал.

Благодаря заслуженному авторитету смог Ермак, оставшись с маленькой горсткой казаков, удержаться в покорённой стране, держать в повиновении самих казаков, запасать на месте продовольствие, не вызывая этим недовольство местного населения.

Разве всё это не говорит об огромном природном таланте уральца Ермака? Недаром его имя воспевается в легендах, преданиях и песнях. Народ его именем назвал сотни скал, местечек, волоков, даже там, где Ермак никогда не бывал. Народ в своих легендах считает его братом Ильи Муромца и племянником Владимира Красное Солнышко. Ни один герой не пользуется такой популярностью, как Ермак, а ведь прошло с тех пор почти 365 лет!

Итак, уточним биографию Ермака. Он родом был с Урала, с реки Чусовой. Имя его Василий Тимофеевич Аленян. Предприимчивый человек, выходец из народа, а не покорный... «наёмник» Строгановых.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА НА БАЛКАНЫ

Проф. А. Арциховский

В начале 1946 г. Академия наук СССР направила в Болгарию, Югославию и Румынию группу научных сотрудников для изучения археологии и этнографии этих стран и установления культурных связей с ними. В состав группы вошли четыре профессора-археолога: П. Н. Третьяков (начальник группы), Б. А. Рыбаков, В. И. Равдоникас, А. В. Арциховский — и два профессора-этнографа: С. А. Токарев, П. Г. Богатырёв.

За два месяца интенсивной работы нам удалось собрать множество научных материалов, которые будут использованы для ряда исследовательских тем. Участники поездки выступали с научными докладами в Софии, Белграде, Загребе, Любляне, Сплите, Сараеве и Бухаресте и в свою очередь ознакомились с научной работой местных археологов и этнографов.

Научным центром археологии в Болгарии является Народный археологический музей в Софии (ему, между прочим, подчинена превосходно организованная сеть археологических заповедников, рассеянных по всей Болгарии). Директор музея — видный болгарский археолог, акад. Никола Мавроди-

нов, известный специалист по прикладному искусству эпохи переселения народов, болгарской архитектуре и живописи и т. д. Он энергично руководит грандиозными раскопками средневековых столиц Болгарии. Раскопок в этой стране вообще производится много, и материалы их обрабатываются не только в музее, но и в Болгарском археологическом научно-исследовательском институте в Софии. Директор института — акад. Гаврил Кацаров — крупнейший в мире специалист по истории и археологии античной Фракии. Большую роль в институте играет учёный секретарь акад. Крестю Миятев, автор фундаментальных трудов по архитектуре и художественной керамике средневековой Болгарии. Наконец, в Софийском университете читает археологию и руководит её кабинетом проф. Димитр Димитров, автор книг о римских рельефах. Можно было бы назвать ещё целый ряд авторитетных учёных-археологов, работающих в Софии и других городах Болгарии.

Перед поездкой мы думали, что нам придётся пользоваться при разговорах иностранными языками. Оказалось, что болгарские

интеллигенты говорят (или, правильнее сказать, объясняются) по-русски. Русский язык преподаётся во всех средних школах Болгарии непрерывно с 1878 г., а теперь число часов по этому предмету значительно увеличено. Мы в несколько дней научились понимать по-болгарски, и успешно слушали научные доклады на этом языке. Большинство наших болгарских знакомых отлично знают в подлинниках русскую классическую литературу и вообще нашу страну, но знают книжно. Никто из них никогда в России не был, но несмотря на это многие из них являются людьми русской культуры, и все мечтают побывать у нас, прежде всего в Москве.

Симпатии к нашей стране за последние годы неизмеримо выросли.

София — город древний, но древностей в ней не очень много. Римский город Сердика, на месте которого стоит болгарская столица, неплохо изучен археологами. На поверхности от римской эпохи остались только стены бань превращённых ещё в средние века в церковь Георгия. От византийской эпохи уцелела базилика Софии (отсюда имя города), в ней раскопками вскрыто много мозаик. Почти весь город построен заново после освобождения от турецкого ига. Несколько памятников посвящено этому освобождению и русской армии.

Коллекция Софийского музея после эвакуации ещё не были извлечены из ящиков. Экспонированы были лишь надписи и рельефы. Длинными рядами стоят надгробия римских воинов с обычными для римской империи формулами текстов (мы и дальше их встречали во всех посещённых нами городских музеях). Фракийских всадников в музее больше 500, а всего в Болгарии их найдено более тысячи. Эти рельефные изображения божественного конника, столь почитавшегося древними фракийцами, являются самой типичной для Болгарии археологической находкой. Есть большие изображения всадников, но наиболее обычны маленькие, переносные образки. Довольно много и других античных камейных образков. Часто на них изображаются три бога здоровья: два из них общегреческие, Асклепий (Эскулап) и жена его Гигия, третий — мальчик Телефор во фракийской одежде. Распространены и образки с тремя нимфами в виде трёх граций и т. д. Античных надписей в Болгарии найдено гораздо больше латинских, чем греческих (основными колонизаторами страны были не греки, а римляне).

Средневековые болгарские рельефы имеют много аналогий в искусстве Киевской Руси, например рельефы из Преслава с павлинами, кипарисами и т. д. Надписи первых болгарских царей не славянские, а греческие, с тюркскими именами. Среди них целый ряд списков оружия, своего рода каменный архив арсенала. В 1945 г. впервые удалось найти надписи на тюркском древне-болгарском языке, но о ней скажем ниже. Славянских надписей найдено не очень много, в основном это надгробия.

Болгарские коллеги любезно вскрыли для нас ящики, где хранились основные музейные коллекции Софии, но, конечно, таким

путём мы могли ознакомиться только с небольшой частью этих богатств. Наме или, пожалуй, прежде всего привлекла славянская керамика Болгарии, до сих пор должным образом не изданная. В Болгарии она совершенно такая же, как во всём славянском мире, от Эльбы до Волги и от Ладожского озера до Адриатического моря. Совпадения керамических профилей и орнаментов на всей этой огромной территории — самые детальные: на днащах — столь типичные для славян клейма; техника обработки глины тоже общеславянская; мало того: даже хронологические этапы развития посуды совпали, так, например, горшки, найденные в Преславе в слоях X в., были бы характерны и для Новгорода того же столетия; то же можно сказать и о горшках XI в. и т. п. Всё это тем любопытнее, что местные керамические традиции были совершенно различными. Ведь в землях славян, западных и восточных (от Эльбы до Волги), славянская керамика пришла на смену первобытной, а в землях южных славян — на смену античной керамике. Прекрасные экземпляры римской посуды обильно представлены во всех балканских музеях.

Совершенно неожиданными и очень показательными находками явились для нас в музеях Болгарии и Югославии, прежде всего в Софийском, витые браслеты из сложённой втрое или вчетверо проволоки (серебряной или медной), столь частые в русском, преимущественно московском и новгородском средневековом материале; перегородчатые эмали на золотых изделиях, типичные для Византии и Руси (у нас их много найдено в кладах Киева, Чернигова, Рязани и Владимира, причём делались они и русскими мастерами), вопреки нашим ожиданиям, почти вовсе отсутствуют на Балканах. В Болгарии найдено только два небольших экземпляра, оба хранятся в Софийском музее. О высоте средневековой болгарской культуры говорят в собраниях музея многочисленные плитки мозаичных полов, найденные при раскопках старых болгарских столиц во многих зданиях. Плитки эти составляли художественные многоцветные узоры.

В Софийском музее мы знакомимся не только с музейными вещами, но и с копиями фресок. Правда, средневековые фрески мы видели кроме того и в натуре, но античные фрески, скрытые землёй в засыпанных (для лучшей сохранности) склепах, можно было изучать только по музейным копиям и фотографиям. В этих склепах болгарские археологи сделали за последние годы изумительные открытия, но опубликовать результаты их пока не успели. К III в. до н. э. относится роспись склепа близ Казанлыка, несомненно, выполненная греческими мастерами для фракийских владетелей. Эта находка открывает новые возможности для изучения греческой классической живописи. Ничего подобного по мастерству исполнения и строгости стиля нигде в мире ещё не было найдено. Контуры изображений (пир, езда на колесницах) напоминают аттическую вазопись, но там можно изучать только графику, а здесь эти контуры оживлены красками чистых и контрастных тонов. Для изу-

чения позднеримской живописи важна роспись склепа близ Силистрии, относимая к III в. н. э. Запоминаются энергичные и живые лица юношей и девушек, они написаны в рельефной манере.

Лучшим созданием болгарского средневекового искусства является Боянская церковь 1259 г. в окрестностях Софии. Её мы посетили в первый же день по прибытии в Болгарию. Фрески выполнены многими мастерами в разных стилях. Особо надо отметить, что движение в них передаётся теми же средствами, что в византийской палеологовской живописи, но лет на сто раньше. Возможно, что в создании этого нового стиля не греки влияли на славян, а славяне на греков. Краски тёплые и мягкие. Поражает лицо мальчика Христа (в сцене с книжниками во храме), задумчивое и вдохновенное: такая степень выразительности для средних веков почти невероятна. Изображения болгарских владетелей портретны и величественны. Мы, археологи, любуясь этими прекрасными фресками, искали в них и археологические детали, интересуясь пышными вышивками царских одежд, корабельными щитами и, особенно, железными вещами: рисунки железных ключей, замков, пробоев и накладок важны для атрибуции музейных вещей.

Из Софии мы поехали в Пловдив и Варну. Пловдив иначе называется Филиппополь. Название это восходит к IV в. до н. э. и связано с именем Филиппа, отца Александра Македонского, построившего здесь крепость. Пловдив при римлянах назывался Тримонциум, потому что на его территории возвышаются три крутые горы; кроме того он, как и все болгарские города, окружён горами. Мы взобрались на одну из этих гор. Она называется Гора освободителей и увенчана памятником в честь русских полков, отличившихся под Пловдивом в 1878 году. С вершины этой горы отлично можно изучить историческую топографию города. От пяти эпох истории Пловдива сохранились на поверхности (отдельными отрезками) пять стен: фракийская (циклопическая кладка, восходящая к бронзовому веку), македонская (построенная Филиппом), римская (построенная Марком Аврелием), византийская и турецкая. Это создаёт исключительные возможности для изучения истории каменной кладки и крепостной архитектуры.

В Пловдивском музее прежде всего бросаются в глаза большие коллекции из курганов Дуванлий. Курганы эти содержали богатейшие погребения ряда эпох, первобытные и античные. Там найдена в изобилии столь типичная для Балкан энеолитическая ленточная керамика с нарезными спирально-меандровыми узорами и при ней каменные орудия неолитического облика. Но в той же курганный группе были погребения фракийских вождей эллинской эпохи с великолепными краснофигурными сосудами аттического стиля IV в. до н. э. Там же найдены бронзовые скифские трёхлопастные стрелы, столь обычные в СССР почти повсюду.

Недавние раскопки под Пловдивом дали ещё более убедительные доказательства связи этой страны со скифами. Вскрыты по-

гребения со скифским инвентарём; особенно характерны бляшки в виде свернувшихся зверей. В музее выставлены остатки римских сооружений, вскрытых в самом Пловдиве: грандиозные мозаики бань с геометрическими разноцветными узорами и мраморные угловые столбы огромного стадиона; рельефы этих столбов изображают награды победителям состязаний и атрибуты Геракла.

Из Пловдива мы ездили в Бачковский монастырь, расположенный среди живописных Родопских гор, служивших в античной мифологии родиной Орфея. Монастырь основан в 1083 г., в мрачное для болгар время византийского ига (между первым и вторым болгарскими царствами), но не греками, а грузинским князем Бакуриани (военачальник на византийской службе). Монахами там в первое время могли быть только грузины, и автором древнейших фресок был грузинский художник Иоанн. Фрески 1083 г. (в гробничной церкви) дошли до нас и заслуживают внимания грузинских учёных. Фигуры святых строги и стройны, краски светлые и сдержанные. Во времена второго болгарского царства монастырь стал важным центром болгарской культуры. Оттуда вышел известный московский митрополит Киприан. При турках монастырь продолжал оставаться важным церковным центром. К XVII в. относятся фрески одной из церквей, декоративные, красочные и пёстрые.

Главным портом Болгарии является Варна. Самый город по своей планировке и архитектуре напоминает наши черноморские города. Стоит Варна на месте древнегреческого города Одессоса, в честь которого, по ошибке, как известно, названа Одесса.

В Варненском музее хранятся лучшие из древнегреческих надписей, найденных в Болгарии. В основном это мраморный архив Одессоса. Много амфорных клейм тех же типов, которые часты в греческих городах нашего юга. Обильно представлены греческие художественные светильники, скребки гимнастов и оеяты скифские стрелы. Средневековый отдел музея украшает большая коллекция оружия, датированного 1444 годом. Оно собрано на поле известного варненского сражения (здесь в 1444 г. турки разбили поляков и венгров). Типы оружия характерны для той эпохи, особенно интересны двуручные мечи и шпоры с звёздчатыми колёсиками.

На обратном пути из Варны в Софию мы остановились в Шумле и отсюда ездили в основные места работы болгарских археологов — Преслав, Мадару и Плиску. Преслав долго был столицей первого болгарского царства. Самое имя его, как хорошо знают и в Болгарии, роднит Болгарию с Русью. Переяславлей было пять: на Плещеевом озере (между Москвой и Ярославлем), на Оке, на Днепре, на Дунае и болгарский, самый южный. От него осталось огромное городище. Раскопками открыто много зданий, в том числе круглая церковь, известная своей оригинальной архитектурой и богатыми находками. Стены её сохранились на большую высоту. Глаголическая настенная надпись сохраняется под стеклом. В 1945 г. в Преславе были произведены большие раскопки, ор-

ганизованные уже новым правительством Болгарии. При этом была найдена мраморная колонна с чрезвычайно ценной надписью на древнеболгарском языке; она находится теперь в Преславском музее. Надо сказать, что до сих пор древнеболгарский язык совершенно не был известен, ни одного текста на нём наука не знала. Преславская надпись содержит список шлемов и доспехов разных видов, подобно вышеупомянутому греческим надписям болгарских царей и вельмож. Буквы и цифры и здесь греческие, но слова все тюркские. Найденная голова обезьяны свидетельствует о развитии настенной скульптуры. Коллекции Преславского музея богаты. Не буду повторять описания вещей, уже упоминавшихся, но отмечу стеклянные браслеты. Они в болгарских городищах так же часты, как и в русских, но все синие (у нас, кроме синих, много жёлтых, зелёных и фиолетовых), и все гладкие (у нас, кроме гладких, много витых и ребристых).

Мадара знаменита во всей Болгарии тем, что там на горном утёсе находится большой рельефный конный портрет болгарского царя Крума (803—814), известного своими победами. На этом рельефе он изображён поражающим льва. Манера изображения напоминает сасанидское искусство, что естественно для того времени. До начала XX в. рельеф считали фракийским, но затем археологи расшифровали сопровождающую его греческую надпись. Так определилось это единственное в своём роде произведение болгарского искусства. С тех пор «Мадарский всадник» стал национальной святыней, его и поныне изображают на болгарских монетах. Мы много раз видели его на серебре и никеле раньше, чем, вскарабкавшись на один из утёсов, увидели его в натуре. У подножия утёсов расположен Мадарский музей с находками из местных раскопок. Особо отмечу тамги, напоминающие наши «загадочные знаки Причерноморья», связываемые у нас с хазарами и другими тюркскими племенами. В Болгарии времён первого царства этих тамг было много на кирпичиках и водопроводных трубах.

Плиска была столицей Болгарии до Преслава. В нашей научной литературе этот город известен под именем Абоба-Плиска, но в Болгарии турецкая приставка Абоба справедливо отброшена и давно забыта. Болгарские археологи напомнили нам о тождестве названий Плиска и Плесков, т. е. Псков (в некоторых надписях Плиска даже называется Плискова). Это тождество связывает север и юг славянского мира. Толстые белокаменные крепостные башни доныне возвышаются на бесконечных валах Плиски. Раскопками вскрыты в плане большие дворцы и церкви. Дворцовый многоколонный зал был огромен. Мы осмотрели большое количество дворцовых комнат. Ни частные дома, ни производственные сооружения ещё не исследованы ни в Плиске, ни в Преславе. Это — дело будущего. В музее Плиски те же тамги и многое другое. Главная площадь Плиски по имени двух археологов называется площадью Шкорпила и Успенского. В Болгарии уважают память русского археолога Ф. И.

Успенского, начавшего в 1899 г. раскопки Плиски.

3 февраля вечером мы выехали поездом из Софии на запад, в Югославию. К вечеру 4 февраля мы были в Белграде. По внешнему облику город похож на наши русские города. Крепость построена ещё на римской основе, но только в одном месте, в нижней части стены, видна римская кладка III в., и это — всё, что сохранилось на поверхности от бывшего здесь римского города Сингидунума. В некоторых местах уцелела сербская кладка XIV в., но и её мало. В основном крепость турецкой стройки, но и она сильно переделана в начале XVIII в. Евгением Савойским.

С первого же дня мы установили с югославскими археологами такой же контакт, как и с болгарскими. Наиболее ярким представителем археологии в Белграде является профессор университета Джурдже Бошковиц, многочисленные труды которого посвящены средневековью (преимущественно сербской архитектуре); он освобождён из немецкого лагеря Красной Армией. Ещё работает профессор-пенсионер Милое Васиц, известный по своим раскопкам первобытных неолитических поселений. Многие представители югославской академической интеллигенции участвовали в партизанских отрядах, в том числе видный специалист по средневековым сербским надписям Татомир Вуканович и др.

Мы слышали во всех городах Югославии русские и югославские песни о России и Москве. Любовь югославского народа к русскому народу трудно передать словами. Русский язык югославские интеллигенты понимают, многие и сами говорят на нём. Здесь, как и в Болгарии, много людей, воспитанных на русской классической литературе. В России они тоже не бывали и тоже надеются побывать. Для нас сербо-хорватский язык оказался так же лёгок, как и болгарский, и мы слушали доклады наших коллег на их родном языке. После войны русский язык введён во всех школах всех югославских республик в качестве обязательного предмета.

Основным археологическим центром в Белграде является археологический отдел большого художественного музея в бывшем королевском дворце. Для энсолита и здесь, как и в Болгарии, характерна ленточная керамика, узоры её нарезные и сначала преимущественно мезолитовые, потом спиральные. Поселения с этой керамикой (главное из них — Винча, близ Белграда) социально близки нашим трипольским, хотя по находкам не очень на них похожи. Но есть и поселения (например Старчево, недалеко от Винчи), где керамика расписная спиральная, очень похожая на трипольскую. Ранний железный век представлен мечами гальштатских и латенских типов и т. д. В античном отделе мы прежде всего увидели много греческой посуды, но при рассмотрении оказалось, что вся она найдена не в Югославии, а в Советском Союзе, в Ольвии. В самой Югославии греческие вещи находят только на адриатических островах и то пока в небольшом количестве. Зато римские вещи встре-

чаются в этой стране в огромных количествах. Это и понятно: ведь Иллирия, как известно, имела в римской империи важное значение. Изобилует краснолаковая римская посуда. Много латинских надписей и римского оружия. Затем в музее есть ониксовый рельеф с изображением триумфа императора, римская мраморная копия Афины-Партенос Фидия, много ювелирных изделий (например, золотой венок из дубовых листьев). Римские провинциальные фибулы (застёжки плащей), так называемого арбалетного типа, очень часты, имеются не только медные и серебряные, но и золотые. Франкские всадники, столь частые в Болгарии, попадаются и в Восточной Сербии, но не западнее Моравы.

В средневековом отделе нам прежде всего бросилась в глаза всё та же славянская керамика. Здесь представлены все её стадии с IX по XIII в., и все они такие же, как у нас на Руси. Славянские витые браслеты (так называемые четверные), о которых была речь выше, обильны и здесь. Мало того: в Сербии найдены даже три лунницы, а эти привески в виде полумесяцев были типичны для русских славян. Перегородчатых эмалей в Югославии, повидимому, не было. В Белградском музее представлены только иностранные, из Афона, притом очень грубые. Славянских каменных надписей (старшая из них XI в.) в музее мало, зато довольно много металлических. От XIV—XV вв. до нас дошёл, например, ряд сербских печатных перстней с именами владельцев.

Из Белграда мы поездом выехали в Загреб, отсюда в Любляну. Загреб — столица Хорватии — состоял с XII в. из двух городов — вольного и епископского. Ручей, протекающий между ними, назывался Крозавым: два города часто воевали друг с другом. Топография и теперь чёткая; два холма, увенчанные некогда двумя крепостями, видны ясно; но из древних зданий хорошо сохранилась лишь готическая церковь Марка (в вольном городе). Археологического музея в Загребе мы из-за переезда его с места на место должным образом осмотреть не могли. В геологическом музее мы осмотрели знаменитую раннепалеолитическую коллекцию из Крапина (кости неандертальцев и мустьерские орудия). Находка эта поныне остаётся единичной, уже свыше 40 лет никто в Югославии не занимается палеолитом (в Болгарии поздний палеолит исследован, но мало).

Лучшим музеем Загреба является, повидимому, музей ремесла, где отлично подобраны предметы прикладного искусства XIV—XIX веков. Мы видели русскую серебряную чашу московской работы. На ней вытиснены цветы и грифон. Надпись на поддоне гласит: «Дан в дарствующем граде Москве дружином Героим» (последнее слово, вероятно, сокращение имени мастера). Вдоль края надпись: «Сю чашу сотвори благочестивый христоролюбивый царь и князь великий Иоанн в монастырь глаголемый Милешево, идеже почивают мощи первоархиепископа сербского святого Савы, лета 7067 месяца септемвриа». Эта чаша 1558 г. является новым доказательством связей Руси

с порабощённой тогда турками Сербией. О таких связях при Иване IV писал у нас проф. М. Н. Тихомиров. Он отметил и роль в этом деле Милешева монастыря в Сербии. Оттуда в Хорватию чаша попала в конце XVII в., когда милешевские монахи бежали от турок на север. Она хранилась с тех пор в православном сербском монастыре Увешдин в Хорватии (сербы в Хорватии православны в отличие от католиков-хорватов).

Любляна, столица Словении, расположена на фоне снежных вершин Альпийских гор. Словенцам, альпийским славянам, зажатым между немцами и итальянцами, было особенно трудно сохранить свою славянскую культуру, но они её отстояли. Своеобразное положение страны всегда, а в наше время особенно усиливало тягу к Москве.

На месте Любляны некогда был римский город Эмона. Археологически прослежена четырёхугольная римская крепость, возникшая, как обычно, на месте четырёхугольного римского лагеря. Одна из стен этой крепости времён Августа цела донныне (найдена надпись с его именем о постройке этих стен). Римская крепость была на равнине, а средневековая — рыцарский замок — возвышается над городом на утёсе.

Люблянский музей — богатейший из виденных нами за эту поездку (директор музея — молодой словенский археолог Кастелиц). Бронзовый век представлен там материалами из свайных построек, очень близких к известным швейцарским.

Но прежде всего в Любляне нас привлекли всемирно известные коллекции по первой эпохе железного века, по гальштату. В музее хранится изданный сотни раз на всех языках бронзовый сосуд, ситула из Вача, с рельефными изображениями атлетических состязаний, пиров, колесниц, всадников и зверей. Только археологи могут понять чувство, с каким мы брали этот сосуд в руки. Сохранность его отличная, стенки тонкие. Рядом хранится ряд других подобных гальштатских бронзовых ведровидных сосудов-ситул. Одна из них, из Магдалинской горы, очень похожа по изображениям на Вачскую, только сохранилась много хуже. Изображения оленей на некоторых ситулах, по убедительному мнению местных археологов, отражают восточноевропейское, скифское влияние: так же трактованы рога, очень ветвистые и горизонтальные, да и туловища похожи. Особенно в этом отношении характерна недавно найденная ситула из Валична Вас. Шлем, изображённый на Вачской ситуле, имеет точные аналогии в реальных бронзовых шлемах гальштатской эпохи того же музея. Есть там и бронзовые массивные панцыри того же времени. Много гальштатских железных мечей, похожих, как известно, на наши скифские (так называемые мечи с антеннами) и т. п.

В одной из гальштатских бронзовых ситул найден греческий глиняный расписной архаический кувшин VII в. до н. э., эпохи керинфского типа. Ко второй эпохе железного века, к латену, относятся здесь, между прочим, длинные латенские мечи, многие из которых, по галльскому обычаю, согнуты. Римские древности, найденные в Эмоне,

весьма многочисленны и характеризуют быт римского провинциального города. Оружие представлено короткими римскими мечами и длинными метательными кольями. Множество красочной посуды с тиснёнными листьями и ягодами. Как и во всех римских городах, найдено много бронзовых медицинских инструментов. Единственной в своём роде находкой является женская сетка для волос, позолоченная и отлично сохранившаяся. Детские куклы с руками и ногами на шарнирах очень похожи на современные. Целый ряд форм для печений, на одной из них вытиснено изображение римского триумфа. Мраморные хорошие портретные бюсты дают представление о внешнем облике граждан Эмоны. Много надписей, есть посвящение божеству реки Савы. В средневековом отделе всё та же славянская керамика; она всюду доходит до границ славянского мира и нигде эти границы не переходит.

Из Любляны в дальнейшем путешествие мы выехали на автомобилях: поезда отсюда на юг не идут. Все железные дороги Югославии были разрушены во время войны, и только меньшую их часть удалось восстановить к 1946 году.

Сначала перед нами открылись высокогорные пейзажи, на многих вершинах возвышались замки, стерегшие в средние века этот путь из Германии в Италию. Мы пересекли снежный хребет. Начался быстрый спуск, показались лазурные волны Адриатики. Наконец на набережной Сушака мы увидели черные адриатические пальмы.

Мы остановились в Риёке (бывший Фиуме). Посетили прямыкающий к этому городу на востоке молодой югославский порт Сушак (он создан югославами после первой мировой войны и, судя по архитектуре, процветал, а Фиуме при Муссолини переживал упадок, там нет новых зданий) и расположенный к западу от Риёки международный курорт Опатия (бывшая Аббация). Главный отель в этом курорте называется теперь «Москва». Дальше наш путь лежал вдоль морского берега. Сначала тянулась мрачная каменистая, лишённая зелени страна — Хорватское Приморье, — затем промелькнул почти нацело разрушенный воздушными бомбардировками город Задар (бывшая Зара). С Задара начались цветущие сады Далмации.

Мы ехали в феврале среди розовых и белых цветов миндаля. Берег изрезан здесь глубокими заливами, которые называют по-норвежски фьордами. Через самый большой фьорд, Шибеницкий, мы переправились на пароме, которым здесь служит английский инвазион (корабль вторжения). Паром подошёл к городу Шибенику — в средние века гнездо славянских пиратов, наводивших ужас на Средиземном море. Здесь мы увидели собор эпохи Возрождения, украшенный снаружи прекрасными скульптурами. Особенно хороши портретные бюсты граждан Шибеника. Бюстов этих 130, они замечательны по психологизму и индивидуализации. Некоторые лица по своей энергии и значительности совершенно незабываемы.

В полночь мы прибыли в Сплит и утром проснулись в этом удивительном городе, во дворце Диоклетиана.

Один из величайших римских императоров, Диоклетиан, был родом из Далмации. Отрекшись в 305 г. от власти, он поселился в роскошном дворце, построенном для него недалеко от главного города тогдашней Далмации — Салоны. Теперь на месте Салоны развалины, а дворец стал столицей Далмации — Сплит. Дело в том, что на обширной территории дворца в средние века возник целый ряд городских кварталов, и доньше дворец составляет основное ядро города. Тем не менее главные сооружения Диоклетиана благополучно уцелели. Сохранился классический римский четырёхугольник наружных стен, очень толстых (они имели и оборонительное значение); стены уцелели в высоту на несколько метров. Существуют ворота: Золотые, Серебряные, Медные и Железные. В центре каждой из сторон дворцового четырёхугольника помещался один из этих въездов. Золотые ворота целы во всю высоту, они украшены аркадами, колоннами и скульптурой. Подобная декорация сохранилась и у Железных ворот. Серебряные ворота застроены и теперь очищаются от поздней, венецианской, закладки. Медные ворота выходят к морю. Одна из стен дворца идёт вдоль набережной и отделена от порта только аллеей толстых пальм. Внутри дворца средневековые городские кварталы заняли места сада, библиотеки, столовой и т. д. Но главные здания совершенно целы.

Мы знали и до поездки дворец по изданиям, но ожидали увидеть руины. Нам суждено было приятное разочарование. Большой круглый мавзолей Диоклетиана и против него небольшой придворный храм Юпитера Капитолийского стоят уже больше шестнадцати веков без всяких повреждений. Сохранились не только перекрытия, но и черепица крыши. В средние века мавзолей был, правда, превращён в собор, а храм — в баптистерий, поэтому они и целы, но, к счастью, это не сопровождалось искажениями ни внутри, ни снаружи. Каменные потолки обоих зданий делятся, по римскому обычаю, на ряд кессонов. На стенах внутри античные декоративные рельефы. Капители колонн и пилястр коринфские. Колонны мавзолея сделаны из розового и белого мрамора, оттенки колонн тщательно подобраны. Каменные плиты, из которых построен храм Юпитера, поражают своими размерами; это само по себе даёт своеобразный архитектурный эффект. В некоторых местах во дворце стоят зеленоватые египетские сфинксы с иероглифическими надписями Тутмоса III. Они привезены из Египта Диоклетианом и так и стоят там, где он их поставил. От некоторых несохранившихся зданий и от переходов уцелели колоннады, и эти разбросанные по всему городу античные колонны дополняют его архитектурный облик. В целом дворец Диоклетиана сохранился лучше, чем какие бы то ни было другие античные дворцы.

У Железных ворот стоит здание эпохи Возрождения, называемое «Старая вечнина». Здесь, на главной городской площади, со-

биралось вече, как и у нас, в Новгороде, и в те же века, что в Новгороде. А теперь, как нам сообщили ещё в Белграде, Сплит считается в Югославии городом-героем, партизанским городом.

Для нас, археологов, этот город важен как археологический центр международного значения. Директором сплитского археологического музея работает первоклассный специалист по античной археологии, проф. Михаил Абрамич. Реставрационными работами во дворце Диоклетиана руководит молодой археолог Цветко Фискович, бывший во время войны бойцом партизанского отряда.

Сплитский археологический музей имеет коллекции по всем эпохам, но в основном посвящён, конечно, Риму, точнее говоря, Салоне. Раскопки этого большого города были в течение десятилетий крупнейшими раскопками в Югославии вообще. Римская краснолаковая керамика имеет здесь часто клейма фабрикантов; по клеймам определено в Салоне больше 10 керамических предприятий. Продукция некоторых из них весьма обильна. Много стилей (писчих палочек), не только костяных, но и медных. Некоторые из римских портретных бюстов очень хороши. Недавно найдены две огромные многоцветные мозаики III века. В центре одной из них Тритон, выходящий из моря, в центре другой Орфей, а по краям морские животные, для которых он играет. Множество мраморных надгробий, одно из них принадлежало стенографу, в руке его изображена открытая книга со стенографическим текстом. Целый ряд либурнских надгробий (либурны — иллирийское племя), каждое такое надгробие красиво увенчано мраморной шишкой пинии (текст и тут латинский). Много правительственных надписей, на одной из них, гласящей о постройке моста при Коммодe, имя Коммода тщательно стёрто, так как память об этом императоре была проклята. Средневековые надписи хорватских князей писались обычно по-латыни. Самая ранняя из них, князя Выщеслава, около 800 г., находится в Загребе. В Сплите самая ранняя надпись, князя Тренимира, датирована 845 годом. Есть там и славянская кириллическая надпись князя Бречко, XII века.

Из Сплита мы ездили в Салону. Развалины римского города тянутся на много километров. Мы осмотрели вскрытые раскопками сооружения: амфитеатр на 20 тыс. мест, театр на 6 тыс. мест, бани с бассейном для плавания, со сложной отопительной системой, с многочисленными небольшими кабинками.

Затем мы посетили средневековый славянский город Трогир. Его собор романского стиля, подобно многим соборам Италии и Франции, имеет у входа скульптурные аллегорические изображения двенадцати месяцев. Прогулка по улицам этого маленького города навела на нас иллюзии средневековья: мы не видели на большинстве улиц ни одного камня, который не был бы средневековым, и, когда нам не встречались прохожие (а их почти не было), мы могли чувствовать себя перенесёнными в средние века. Вторые этажи нависали над первыми, третьи — над вторыми. Всюду встречались

балконы и каменные крюки для сушки белья. Дома патрициев с гербами, дома плебеев без гербов. На главной городской башне — крылатый лев Венеции (здесь властвовали венецианцы). Неровные плиты мостовых тоже средневековые. Только электрические провода нарушали, если всмотреться, иллюзию.

Из Сплита парходом по морю мы отправились в Дубровник. Волны Адриатического моря поражают своими красками. Синий цвет, которым это море славится, густ и чист. А ведь время было зимнее, впрочем, было тепло, как у нас летом. Вдоль далматского берега, как известно, тянутся тысячи островов. Они живописны, и из-за них только изредка виднеется открытое море, или, как югославы его называют, «лучина».

Мы останавливались на острове Хвар, в городе Хвар, и на острове Корчула, в городе Корчула. Это живописные средневековые славянские городки, где мы не раз ощущали те же иллюзии, что и в Трогире. Здесь тоже на главных зданиях вырезан крылатый лев Венеции. Хищная республика святого Марка имела много опорных точек в Далмации, но Дубровник, славянский соперник Венеции, всегда составлял отдельное государство.

Дубровник, республика славянских мореплавателей, известных во всех морях, город академий, где развивались в XVI—XVII вв. югославская поэзия и наука, великолепно сохранил свой архитектурный облик. Мы обошли вдоль верхних бойниц могучие городские стены XV в., неприступные для турок и для венецианцев, омываемые с трёх сторон адриатическими волнами. Со стен был виден и весь город, тысячи маленьких двориков, заросших пальмами. Главное здание — дворец ректора (президент республики) — занято теперь многовековым государственным архивом Дубровника, который содержится в образцовом порядке. Францисканский и доминиканский монастыри интересны мраморными узорами решоток; в обоих монастырях мы видели в феврале зрелые апельсины на ветках. Дворцы дубровницких патрициев целы и очень похожи друг на друга. На общественных зданиях вырезан герб Дубровника — четыре дугообразные полосы. Городская житница вмещает 150 вагонов зерна, этот запас требовался на случай осады. В ризнице дубровницкого собора мы видели византийские перегородчатые эмали. Они составляют украшения двух мощехранилищ. Латинские подписи выполнены не эмалью, как выполнялись греческие надписи в Византии и славянские у нас на Руси, а вырезаны на золотых обрамлениях — это и понятно, так как эмали не местные, а привозные. Археологические собрания музея Дубровника не очень велики (гальштатские и римские древности). В музее полностью выставлена посуда местной аптеки 1420 г., больше 350 сосудов с надписями. Эффектны красные шёлковые мантии ректоров.

Из Дубровника поездом мы прибыли в Сараево. Город, столица Боснии, известен всем по событию 1914 года. Мы посетили место, где стрелял Принцип; теперь там висит мраморная доска. Большинство жителей Сараева — магометане. Это отнюдь не

турки, а славяне, и говорят они по-сербски.

Мы осмотрели в Сараеве мечети, или, как говорят на Балканах, джамии. Все главные мечети — Царева-джамия, джамия Хосрев-бек, джамия Али-паша — построены в XVI веке. Нарядные геометрические узоры и декоративные надписи выполнены мозаикой и мрамором. Минареты белые и стройные.

Сараевский археологический музей богат. В первобытном отделе полностью показаны материалы известного энеолитического поселения Бутмир близ Сараева (керамика ленточная со спиральными нарезными узорами).

Римский отдел велик. В нём для истории техники интересны железные скобели и напильники, бронзовый циркуль (он орнаментирован циркульным узором) и т. д. Водопроводные трубы не только глиняные, но и каменные. Много римских миллиариев, т. е. верстовых столбов с цифрами, большинство из них носит имя императора Клавдия. Большие римские мозаики состоят из геометрических узоров. Средневековый отдел музея небогат. Славянские древности Боснии никем пока не изучались. Можно отметить только мечи, найденные в богомильских погребениях Боснии XIV—XV веков. Феодалная знать этой страны исповедовала тогда богомильскую религию. Мечи, в том числе двуручные, типичны для этой эпохи.

Из Сараева поездом мы вернулись в Белград и 3 марта вылетели самолётом в Бухарест.

Бухарестский археологический музей посвящён преимущественно первобытной археологии. Палеолит и неолит представлены небольшими, случайными находками. Больше всего румынские археологи занимаются энеолитом. В Северной Румынии для энеолита характерны поселения типа Кукутени, похожие на наши трипольские, керамика их тоже расписная, в Южной Румынии — поселения типов Боян и Гумельница, керамика их

ленточная, нарезная. Бронзовый век в этой стране непохож на наш, зато в раннем железном веке Румыния пережила, судя по находкам скифских вещей, значительное воздействие скифской культуры. Римское завоевание и колонизация Дакии связаны, как известно, с именем Траяна. В низовьях Дуная возвышаются развалины грандиозного памятника, трофея Траяна. Рельефы памятника были около 50 лет назад перевезены в Бухарест и хранились в военном музее. Музей этот был сломан по приказу Антонеску, собиравшегося построить на его месте памятник; теперь там пустая строительная площадка. Рельефы Траяна в беспорядке сложены в городском саду, и это напоминает о вандализме фашистского диктатора Румынии. Они представляют большой культурно-исторический и художественный интерес. Много батальных сцен, точно изображены оружие римлян и их противников, боевые значки и т. д. Пленники представлены в одеждах разных племён.

Римские вещи в Румынии встречаются гораздо реже, чем в Болгарии и Югославии, римских колонистов там было меньше, чем в этих странах, и не было таких больших римских городов. Парадоксально, что именно в Румынии сохранился язык романской ветви, и этот парадокс историкам объяснить трудно. Бухарестский музей имеет некоторое количество римских вещей и римских надписей, но сравнительно мало. Из средневековых материалов отмечу всё ту же славянскую керамику, о которой уже неоднократно шла речь. Она в Румынии встречается в тех местах, где и по историческим известиям жили славяне, преимущественно в Добрудже.

9 марта мы вылетели из Бухареста и без посадки летели до Москвы. Мы твёрдо надеемся, что наша поездка положит начало научному общению советских и балканских археологов.

ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ БИБЛИОТЕКИ им. В. И. ЛЕНИНА

А. Каздан

В государственной ордена Ленина библиотеке имени В. И. Ленина хранится 178 греческих рукописных книг и 132 отрывка. Книги распределяются по векам следующим образом: IX в. — 2, из них IX—X вв. — 1; X в. — 4, из них X—XI вв. — 1, и X—XI вв. — 1; XI в. — 7, из них XI—XII вв. — 6; XII в. — 21, из них XII—XIII вв. — 10; XIII в. — 12, из них XIII—XIV вв. — 5; XIV в. — 15, из них XIV—XV вв. — 2; XIV—XVII вв. — 1; XV в. — 15, из них XV—XVI вв. — 3, XV—XVII вв. — 1; XVI в. — 13, из них XVI—XVII вв. — 4, XVI—XVIII вв. — 1; XVII в. — 23, из них XVII—XVIII вв. — 7; XVIII в. — 35, из них XVIII—XIX вв. — 3; XIX в. — 31.

Среди отрывков самый ранний относится к VI веку. Это лист из известного Апостола, который был употреблён давно на переплёт других рукописей и отдельные листы которого хранятся в разных библиотеках.

В числе рукописей 52 написаны на пергаменте.

По содержанию это преимущественно церковные рукописи: священное писание, богослужебные книги, творения отцов церкви и пр. Среди них особенно нужно отметить евангелие X в., писанное, видимо, в Александрии; евангелие XI—XII вв., украшенное прекрасными миниатюрами четырёх евангелистов, заставками почти в целый лист и инициалами в начале евангелия. Один из

турки, а славяне, и говорят они по-сербски.

Мы осмотрели в Сараеве мечети, или, как говорят на Балканах, джамии. Все главные мечети — Царева-джамия, джамия Хосрев-бек, джамия Али-паша — построены в XVI веке. Нарядные геометрические узоры и декоративные надписи выполнены мозаикой и мрамором. Минареты белые и стройные.

Сараевский археологический музей богат. В первобытном отделе полностью показаны материалы известного энеолитического поселения Бутмир близ Сараева (керамика ленточная со спиральными нарезными узорами).

Римский отдел велик. В нём для истории техники интересны железные скобели и напильники, бронзовый циркуль (он орнаментирован циркульным узором) и т. д. Водопроводные трубы не только глиняные, но и каменные. Много римских миллиариев, т. е. верстовых столбов с цифрами, большинство из них носит имя императора Клавдия. Большие римские мозаики состоят из геометрических узоров. Средневековый отдел музея небогат. Славянские древности Боснии никем пока не изучались. Можно отметить только мечи, найденные в богомильских погребениях Боснии XIV—XV веков. Феодалная знать этой страны исповедовала тогда богомильскую религию. Мечи, в том числе двуручные, типичны для этой эпохи.

Из Сараева поездом мы вернулись в Белград и 3 марта вылетели самолётом в Бухарест.

Бухарестский археологический музей посвящён преимущественно первобытной археологии. Палеолит и неолит представлены небольшими, случайными находками. Больше всего румынские археологи занимаются энеолитом. В Северной Румынии для энеолита характерны поселения типа Кукутени, похожие на наши трипольские, керамика их тоже расписная, в Южной Румынии — поселения типов Боян и Гумельница, керамика их

ленточная, нарезная. Бронзовый век в этой стране непохож на наш, зато в раннем железном веке Румыния пережила, судя по находкам скифских вещей, значительное воздействие скифской культуры. Римское завоевание и колонизация Дакии связаны, как известно, с именем Траяна. В низовьях Дуная возвышаются развалины грандиозного памятника, трофея Траяна. Рельефы памятника были около 50 лет назад перевезены в Бухарест и хранились в военном музее. Музей этот был сломан по приказу Антонеску, собиравшегося построить на его месте памятник; теперь там пустая строительная площадка. Рельефы Траяна в беспорядке сложены в городском саду, и это напоминает о вандализме фашистского диктатора Румынии. Они представляют большой культурно-исторический и художественный интерес. Много батальных сцен, точно изображены оружие римлян и их противников, боевые значки и т. д. Пленники представлены в одеждах разных племён.

Римские вещи в Румынии встречаются гораздо реже, чем в Болгарии и Югославии, римских колонистов там было меньше, чем в этих странах, и не было таких больших римских городов. Парадоксально, что именно в Румынии сохранился язык романской ветви, и этот парадокс историкам объяснить трудно. Бухарестский музей имеет некоторое количество римских вещей и римских надписей, но сравнительно мало. Из средневековых материалов отмечу всё ту же славянскую керамику, о которой уже неоднократно шла речь. Она в Румынии встречается в тех местах, где и по историческим известиям жили славяне, преимущественно в Добрудже.

9 марта мы вылетели из Бухареста и без посадки летели до Москвы. Мы твёрдо надеемся, что наша поездка положит начало научному общению советских и балканских археологов.

ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ БИБЛИОТЕКИ им. В. И. ЛЕНИНА

А. Каждан

В государственной ордена Ленина библиотеке имени В. И. Ленина хранится 178 греческих рукописных книг и 132 отрывка. Книги распределяются по векам следующим образом: IX в. — 2, из них IX—X вв. — 1; X в. — 4, из них X—XI вв. — 1, и X—XI вв. — 1; XI в. — 7, из них XI—XII вв. — 6; XII в. — 21, из них XII—XIII вв. — 10; XIII в. — 12, из них XIII—XIV вв. — 5; XIV в. — 15, из них XIV—XV вв. — 2; XIV—XVII вв. — 1; XV в. — 15, из них XV—XVI вв. — 3, XV—XVII вв. — 1; XVI в. — 13, из них XVI—XVII вв. — 4, XVI—XVIII вв. — 1; XVII в. — 23, из них XVII—XVIII вв. — 7; XVIII в. — 35, из них XVIII—XIX вв. — 3; XIX в. — 31.

Среди отрывков самый ранний относится к VI веку. Это лист из известного Апостола, который был употреблён давно на переплёт других рукописей и отдельные листы которого хранятся в разных библиотеках.

В числе рукописей 52 написаны на пергаменте.

По содержанию это преимущественно церковные рукописи: священное писание, богослужебные книги, творения отцов церкви и пр. Среди них особенно нужно отметить евангелие X в., писанное, видимо, в Александрии; евангелие XI—XII вв., украшенное прекрасными миниатюрами четырёх евангелистов, заставками почти в целый лист и инициалами в начале евангелия. Один из

инициалов изображает борющихся синюю змею и коричневую кошку и представляет собой полную аналогию с начальной буквой знаменитого парижского евангелия X в.¹ Рукопись имеет сходство с парижским евангелием и по звериным орнаментам евангельских капонов: охотники с пантерой и пр. Изящно выполнено также и лицевое евангелие XII века. Некоторые находящиеся в числе рукописей евангелия были неизвестны Зодену².

Интересны и церковные чтения из Апостола XII в. с указаниями на службу в Великой церкви.

Библиотека обладает тремя пергаментными церковными уставами XIII—XIV вв., из которых лишь два были известны Мансветову³.

Весьма интересны литургические рукописи, особенно евхологии конца X—XI веков.

В библиотеке хранится Номоканон в списке 1633 г., оставшийся неизвестным А. С. Павлову.⁴

Из житийных рукописей следует отметить сверх того, что было известно Викторову⁵: житие Амфилохия, епископа Иконийского, и чудеса св. Василия; житие Климента, епископа Болгарского, имеющее в надписании имя Феофилакта Болгарского, и

¹ Parisinus graecus 64, fol. 12.

² Soden. «Die Schriften des Neuen Testament», 1902.

³ Мансветов И. «Церковный устав». М. 1885.

⁴ В его издании «Номоканон при Большом Требнике». М. 1897.

⁵ «Собрание рукописей П. И. Севастьянова», стр. 1--33. М. 1881.

апокрифическое мучение Никиты в списке XVI века.

Из светских произведений обращают на себя внимание Толкование Симплиция на первую книгу Аристотеля XIII—XIV вв., «География» Гемиста Плифона в списке конца XVI—XVII вв. и хронограф 1570 г. в списке 1607 года.

Известный интерес для историка могут представлять две грамоты XVI в., относящиеся к Охридской архиепископии: одна из них писана на пергаменте и имеет подпись Григория, архиепископа всей Болгарии и Первой Юстинианы Ахриды. Другая дошла в современной копии; она была дана в сентябре 1530 г. патриархом Иеремией I архиепископу Прохору и подтверждает его права на церковную власть над Сербией, тогда как сербская церковь во главе с неким Павлом стремилась отделаться⁶.

В библиотеке хранится большое количество книг: богословских сочинений и грамматик, — связанных с деятельностью в Москве учёных-греков — Иоанникия и Софрония Лихудов.

Наконец, известный интерес может представлять сборник церковных последований и молитв конца XVIII в., в котором лл. 106—112 писаны на каком-то тюркском языке греческими буквами.

Таким образом, собрание греческих рукописей Библиотеки имени Ленина, хотя и уступает собранию Государственного Исторического музея и по количеству и по ценности книг, имеет ряд редких и интересных рукописей.

⁶ Издана А. Пападопуло-Керамевсом «Византийский Временник». Т. III.

КОЛЛЕКЦИЯ ИНОСТРАННЫХ АВТОГРАФОВ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

С. Житомирская

В рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина обрабoгана и поступила в читальный зал коллекция иностранных автографов.

По происхождению автографов коллекция делится на следующие группы: коллекция автографов, составленная ещё в Румянцевском музее из различных фондов (А. С. Норова, П. И. Севастьянова, К. К. Герца), в неё вошли также отдельные новые поступления; коллекция И. Ю. Бецкого; коллекция О. А. Новиковой-Киреевой; коллекция С. Д. Полторацкого; коллекция А. И. Урусова; автографы, переданные в отдел из Бахрушинского музея; коллекция редакции газеты «Русская жизнь».

При составлении коллекции цельность архивов, из которых отбирались автографы, не

нарушалась. В коллекцию вошли только те из автографов, которые не связаны с архивами или с личностью фондообразователя. Почти каждая из составных частей коллекции иностранных автографов имеет свой, довольно определённый характер.

Так, например, коллекция К. К. Герца содержит главным образом автографы учёных и политических деятелей конца XVIII — начала XIX века. Среди них мы находим автографы таких замечательных людей, как Монтескье, Даламбер и Гёте, но большая часть автографов принадлежит учёным, всеобщий интерес к которым теперь утрачен и может появиться лишь у исследователя, детально изучающего историю данной науки.

Коллекция П. И. Севастьянова состоит из автографов деятелей наполеоновской

инициалов изображает борющихся синюю змею и коричневую кошку и представляет собой полную аналогию с начальной буквой знаменитого парижского евангелия X в.¹ Рукопись имеет сходство с парижским евангелием и по звериным орнаментам евангельских капонов: охотники с пантерой и пр. Изящно выполнено также и лицевое евангелие XII века. Некоторые находящиеся в числе рукописей евангелия были неизвестны Зодену².

Интересны и церковные чтения из Апостола XII в. с указаниями на службу в Великой церкви.

Библиотека обладает тремя пергаментными церковными уставами XIII—XIV вв., из которых лишь два были известны Мансветову³.

Весьма интересны литургические рукописи, особенно евхологии конца X—XI веков.

В библиотеке хранится Номоканон в списке 1633 г., оставшийся неизвестным А. С. Павлову.⁴

Из житийных рукописей следует отметить сверх того, что было известно Викторову⁵: житие Амфилохия, епископа Иконийского, и чудеса св. Василия; житие Климента, епископа Болгарского, имеющее в надписании имя Феофилакта Болгарского, и

¹ Parisinus graecus 64, fol. 12.

² Soden. «Die Schriften des Neuen Testament», 1902.

³ Мансветов И. «Церковный устав». М. 1885.

⁴ В его издании «Номоканон при Большом Требнике». М. 1897.

⁵ «Собрание рукописей П. И. Севастьянова», стр. 1--33. М. 1881.

апокрифическое мучение Никиты в списке XVI века.

Из светских произведений обращают на себя внимание Толкование Симплиция на первую книгу Аристотеля XIII—XIV вв., «География» Гемиста Плифона в списке конца XVI—XVII вв. и хронограф 1570 г. в списке 1607 года.

Известный интерес для историка могут представлять две грамоты XVI в., относящиеся к Охридской архиепископии: одна из них писана на пергаменте и имеет подпись Григория, архиепископа всей Болгарии и Первой Юстинианы Ахриды. Другая дошла в современной копии; она была дана в сентябре 1530 г. патриархом Иеремией I архиепископу Прохору и подтверждает его права на церковную власть над Сербией, тогда как сербская церковь во главе с неким Павлом стремилась отделаться⁶.

В библиотеке хранится большое количество книг: богословских сочинений и грамматик, — связанных с деятельностью в Москве учёных-греков — Иоанникия и Софрония Лихудов.

Наконец, известный интерес может представлять сборник церковных последований и молитв конца XVIII в., в котором лл. 106—112 писаны на каком-то тюркском языке греческими буквами.

Таким образом, собрание греческих рукописей Библиотеки имени Ленина, хотя и уступает собранию Государственного Исторического музея и по количеству и по ценности книг, имеет ряд редких и интересных рукописей.

⁶ Издана А. Пападопуло-Керамевсом «Византийский Временник». Т. III.

КОЛЛЕКЦИЯ ИНОСТРАННЫХ АВТОГРАФОВ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

С. Житомирская

В рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина обработка и поступила в читальный зал коллекция иностранных автографов.

По происхождению автографов коллекция делится на следующие группы: коллекция автографов, составленная ещё в Румянцевском музее из различных фондов (А. С. Норова, П. И. Севастьянова, К. К. Герца), в неё вошли также отдельные новые поступления; коллекция И. Ю. Бецкого; коллекция О. А. Новиковой-Киреевой; коллекция С. Д. Полторацкого; коллекция А. И. Урусова; автографы, переданные в отдел из Бахрушинского музея; коллекция редакции газеты «Русская жизнь».

При составлении коллекции цельность архивов, из которых отбирались автографы, не

нарушалась. В коллекцию вошли только те из автографов, которые не связаны с архивами или с личностью фондообразователя. Почти каждая из составных частей коллекции иностранных автографов имеет свой, довольно определённый характер.

Так, например, коллекция К. К. Герца содержит главным образом автографы учёных и политических деятелей конца XVIII — начала XIX века. Среди них мы находим автографы таких замечательных людей, как Монтескье, Даламбер и Гёте, но большая часть автографов принадлежит учёным, всеобщий интерес к которым теперь утрачен и может появиться лишь у исследователя, детально изучающего историю данной науки.

Коллекция П. И. Севастьянова состоит из автографов деятелей наполеоновской

эпохи: Наполеона I, Бернадотта, Бертье, Мюрата и др. Коллекция И. Ю. Бецкого явилась результатом его пребывания за границей и, в частности, в Италии. Она содержит автографы итальянских художников, музыкантов, артистов и учёных; большая часть автографов представляет значительный интерес. Таковы письма Верди, Россини, историка Джинно Каннопи, знаменитой драматической артистки Ристори.

Коллекция автографов, принадлежавшая князю А. И. Урусову, почти целиком относится к истории французской литературы второй половины XIX века. Особый интерес представляют письма Флобера, подаренные Урусову Гюнсмансом. В коллекцию входит также письмо Вольтера, единственное в нашем собрании.

Особенно разнообразна и хороша по составу коллекция автографов, собранная О. А. Новиковой-Киреевой. Она включает в себя такие редкие имена, как Генрих Наваррский и Мария Медичи, кроме того в ней хорошо представлена французская литература XIX в.: Гюго, Доде, Жорж Занд, Мериме, Мюссе и т. д.

Весьма своеобразным способом была составлена коллекция автографов газеты «Русская жизнь». В 1891 г. в связи с неурожаем и голодом редакция газеты предприняла благотворительное издание сборника автографов «Голодному на хлеб». С этой целью издатели обратились к различным русским и иностранным деятелям с просьбой дать свой автограф. Часть собранных таким путём автографов была опубликована в названном сборнике, вышедшем в свет в 1892 г., а все подлинники в виде альбома были переданы в Румянцевский музей. Автографы эти представляют собой различные изречения, подписи и некоторое количество писем замечательных людей конца XIX в., откликнувшихся на обращение «Русской жизни». Однако некоторые из тех, к кому обратилась газета, вместо своих подписей прислали хранившиеся у них автографы великих людей прошлого. Так, в коллекцию попали автографы Джона Мильтона, Виктора Гюго и др.

По составу коллекция «Русской жизни» разнообразна: мы встречаем здесь автографы Бисмарка и Гамбетты, Доде, Дюма и Золя, Луи Пастера и химика Бертелло, Эрнеста Ренана и Пабло Сарасате, строителя Суэцкого канала Лессепса и многих других.

Из отдельных поступлений в коллекцию иностранных автографов следует назвать переданное «Международной книгой» письмо Генриха Гейне, собственноручный рисунок Гёте, изображающий окрестности Карлсбада, и автограф Барбюса, представляющий собой заметки о ежемесячном бюджете журнала «Монд».

По составу корреспондентов коллекция иностранных автографов отдела рукописей разбивается на ряд крупных разделов.

В первый раздел мы включаем политических деятелей. В их числе государи западноевропейских стран, государственные деятели, полководцы, революционные деятели. Назовём наиболее замечательные автографы этого раздела:

1. Письмо Генриха Наваррского Генриху Тюренну (авт. ин. 4/5). Написано в начале 80-х годов XVI в. и представляет образец переписки этих двух полководцев гугенотского лагеря. Содержит сообщения военного характера, новости о переменах при дворе Генриха III, сообщение о назначении Жуайе-за, устанавливает дальнейший способ переписки. Часть письма зашифрована.

2. Письмо Марии Медичи Людовику XIII (авт. ин. 4/17). Относится, по видимому, к молодым годам Людовика XIII. Содержит наставления королевы сыну, касается вообще личных взаимоотношений, в частности с кардиналом Ришелье.

3. Письмо Людовика XIV неустановленному лицу от 28 марта 1695 г. (авт. ин. 2/11).

4. Одним из наиболее редких является автограф Теодора Беза, одного из выдающихся вождей и теоретиков кальвинизма, написанный на память Герману Адольфу «Comiti Solmeuse» в 1585 году. Автограф представляет собой латинское изречение.

5. Письма полководцев и деятелей наполеоновской эпохи: Бернадотта, Бертье, Макдональда, Мюрата, Жерома Бонапарта, маршалов Блюхера и Шварценберга (к графу П. А. Толстому), военного министра Франции при Наполеоне — Кларка.

6. Письма различных государственных деятелей; среди них письма Деказа, премьер-министра Франции при Карле X; автограф Леона Гамбетты; письмо президента Франции Флокэ, в котором говорится о русско-французской дружбе; письмо лорда Эбердина к лорду Герберту Ли (делового содержания, упоминается Гладстон); автограф-изречение Бисмарка и т. д.

7. Из писем деятелей революционного движения надо назвать прежде всего любопытное письмо Мадзини одному из членов Временного правительства Франции в 1848 г. (Ламартину?) с просьбой дать интервью для одной из лондонских газет; письмо Пьера Везинье, участника Парижской коммуны, бывшего члена ЦК Национальной гвардии, написанное им из эмиграции редактору русской газеты (М. Н. Каткову?) с предложением сотрудничать в газете; письмо итальянского писателя Сильвио Пеллико к Тютчеву, в котором он назначает свидание с Тютчевым и Жуковским. Эта переписка направляет летопись жизни Тютчева, в которой опущен факт пребывания Тютчева в Турине в феврале 1839 года.

8. Надо, наконец, отметить очень любопытное письмо некоего Фовеля будущему Петру III, наследнику русского престола, написанное в царствование Елизаветы Петровны. Выступая от имени преследуемых на родине голландских янсенистов, Фовель просит великого князя содействовать предоставлению им убежища в России, указывая на все преимущества, которые могли бы получить от этого русская промышленность и торговля.

Группа философов, историков и филологов представлена в коллекции многими замечательными именами. Наряду с Даламбером, Монтескье и Вольтером мы находим здесь письма французских историков XIX в.: Мишле, Луи Блана, Токвиля, Тьера, Ганото.

Последний, впрочем, выступает в этом письме не в качестве историка, а в качестве министра иностранных дел Франции. Очень интересно письмо знаменитого палеографа, издателя средневековых текстов Бернара Монфокона. Историки других стран представлены в нашей коллекции Нибуром, Тирабоски, Каппони и, наконец, шведским учёным XVIII в. Игнатием Мураджа д'Оссон, написавшим историю турок.

Интересен автограф Шопенгауэра, представляющий собой черновик начала одной из глав его важнейшего произведения «Welt als Wille und Vorstellung». Имеющийся в коллекции автограф Ренана содержит заметку о тексте из евангелия от Матфея «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Из автографов филологов следует отметить письмо Якова Гримма французскому грамматiku Жан-Баттисту Рокфору, автографы сиолога Ремюза, арабиста Сильвестра де Саси, итальянского филолога Бартоломео Гамба и славистов Миклонича, Добровского и Шафарика.

Учёные различных отраслей точных наук представлены небольшим количеством автографов. Среди них есть учёные с мировым именем, занимающие крупнейшее место в истории наук. В первую очередь следует упомянуть об автографе Коперника (авт. ин. 1/50), представляющем собой отрывок из его сочинения по астрономии на латинском языке; об автографах Кеплера (авт. ин. 1/48—49), один из которых представляет черновые наброски для гороскопа Валленштейна, составленного Кеплером, повидимому, в 30-х годах XVII в., письма Леонарда Эйлера.

Далее можно перечислить автографы таких крупных учёных, как математик Араго, астроном Леверье, английский физик Джон Гершель; имеются письмо известного шведского химика Берцеллиуса, заметка французского химика Бертелло о значении химии, медицинское предписание знаменитого немецкого врача Гуффеланда, наконец, автограф Луи Пастера, посвящённый вопросу о лечении бешенства.

Наиболее богатой и интересной частью коллекции являются автографы писателей. В значительном своём большинстве они представляют французскую литературу в довольно широких хронологических рамках: от Вольтера до Золя.

Из писателей других стран на первое место следует поставить Гёте. В коллекции, кроме упомянутого выше рисунка Гёте, имеются три его письма. Коллекция содержит очень интересное письмо Генриха Гейне от 1824 г., адресованное одному из его друзей (Зесманну). Письмо написано во время путешествия Гейне по Гарцу, содержит впечатления от виденного, творческие планы, упоминания об общих друзьях (авт. ин. 1/23).

Следует назвать также один из редчайших автографов коллекции — записку Джона Мильтона, датированную 1651 годом. Эта записка представляет латинское посвящение другу поэта доктору Христофору Арнольду.

Упомянем, наконец, о письмах знаменитого немецкого писателя-романтика Жан По-

ля (Рихтер), а также о письме Вальтер Скотта поэту Денису Давыдову.

Переходя к описанию автографов французских писателей, назовём прежде всего автограф стихотворения Беранже «Traité de la politique à l'usage de Lise». К сожалению, этот автограф не датирован. В коллекции имеется письмо французского поэта XVIII в. Луи Шенье, в котором идёт речь о судьбе его старшего сына.

Из писателей первой четверти XIX в. следует назвать автографы знаменитых женщин: де Сталь, Рекамье, Жанлис. Большим количеством писем представлен Шатобриан.

Однако основная масса автографов отражает период расцвета французской литературы середины и конца прошлого века.

Перечисление наиболее крупных имён уже само по себе хорошо демонстрирует значение этой части коллекции.

В коллекции имеются автографы и письма: Бальзака, Верлена, Виллье де Лиль Адана, де Виньи, Эдмона Гюнкера, Гюро, Гюисманса, Доде, Дюма (отца), Жорж Занд, Золя, Франсуа Коппе, Ламартина, Малларме, Мериме, Мюссе, Сент Бева, Флобера и многих других. Среди них наиболее интересны:

1. Два письма Верлена Гюисмансу (авт. ин. 6/3), содержащие ряд сведений биографического характера, упоминание об общих друзьях-литераторах и т. д.

2. Автографы Виллье де Лиль Адана. Среди них имеются два литературных фрагмента — наброски литературно-критических статей. Один из них посвящён разбору «Le candidat» Флобера.

3. Особенно интересно неопубликованное письмо Виктора Гюго к Дюма-отцу. Письмо это, написанное знаменитым писателем уже в изгнании, на острове Джерсей, проникнуто глубокой горечью и разочарованием, которые испытывал Гюго после поражения революции 1848 г. (авт. ин. 1/34).

4. Из писем Золя останавливает на себе внимание письмо от ноября 1885 г., адресованное Гюисмансу. Это письмо отражает переживания Золя в связи со скандалом, который вызвало опубликование его романа «Жерминаль»; оно очень ярко характеризует личность писателя (авт. ин. 9/6).

5. Наибольший интерес представляют имеющиеся в нашей коллекции письма Флобера. Всего их пять. Они были подарены Урусову Гюисмансом в 90-х годах и, повидимому, поэтому не вошли в академическое издание переписки Флобера (авт. ин. 6/19—22). Письма эти весьма важны, ибо они знакомят исследователей с рядом дополнительных деталей, касающихся жизни и творчества великого писателя. В частности письмо (Гюисмансу?), датированное октябрём 1870 г., характеризует настроения и деятельность Флобера во время оккупации Франции пруссаками.

Особую группу представляют автографы журналистов и литературных критиков, главным образом сотрудников журналов «Revue nouvelle» и «Revue des Deux Mondes». Из них следует назвать письма Жюльет Адан, Георга Брандеса, Максима Дюкан, Сент-

Бева, Сен-Виктора, Сен-Мар-Жирардена. Все эти письма знакомят исследователя с широкой литературной средой того времени.

Последнюю и, надо сказать, наименее содержательную часть коллекции составляют автографы художников, композиторов, музыкантов, артистов. Автографы артистов в огромном большинстве представлены просто подписями, написанными на память любителям искусства. Автографов художников, скульпторов, архитекторов в коллекции мало. Однако из редакции «Русской жизни» к нам попал ряд рисунков французских художников, в том числе «Pitité» Пюви де Шаванна, Лелуар, Бугеро и др. Интереснее по составу авторов и по содержанию письма

композиторов. В коллекции имеются автографы Вагнера, Верди, Галеви, Гуно, Делиба, Доницетти, Листа, Массне, Россини, Тома. Среди них наиболее интересно длинное письмо Вагнера к Калержи-Мухановой, в котором он подробно описывает своё пребывание в России в 1863 г., впечатления от знакомств даёт ряд интересных характеристик русских музыкантов (авт. ин. 6/7).

Разнообразный интерес, который вызывает коллекция иностранных автографов, не нуждается в комментариях. Исследователи в различных областях знания и в первую очередь в области истории науки и литературы найдут в ней благодарный материал для своих работ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

РИШЕЛЬЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX — XX ВВ.*

Литература о Ришелье огромна и всегда была злободневна. «Есть в истории нашей страны люди, чья посмертная жизнь по интенсивности ничуть не уступает их реальной жизни, — настолько живо непрерывное движение наших воззрений и наших страстей творит перемены, которыми мы терзаем их память, настолько быстро наши современные споры вновь и вновь приводят нас к ним. Ришелье — один из первых среди таких людей», — писал в 1893 г. Фаньез в рецензии на книгу Аното о Ришелье¹. Эти слова справедливы и для последующих лет вплоть до нашего времени.

Интенсивность изучения деятельности Ришелье объясняется тем, что внутренняя и внешняя политика кардинала и впоследствии не потеряла своей актуальности. Успех его дипломатии, подготовившей последующую гегемонию Франции на континенте, окружил ореолом его фигуру. Потеря Францией Эльзас-Лотарингии, так же как идея реванша, снова фиксировала на нём внимание историков и публицистов. Версальский мир вызвал ожесточённую полемику между французскими и немецкими историками, в которой детально исследовался вопрос о рейнских границах и аннексии Эльзас-Лотарингии в Тридцатилетней войне. Что касается внутренней политики Ришелье, то она вплоть до недавнего времени рассматривалась как итог его чисто личной инициативы. Долго державшаяся иллюзия, будто до прихода Ришелье к власти для Франции вовсе не был закрыт английский путь развития и что именно Ришелье своим деспотизмом убил все живые силы страны и подготовил торжество абсолютизма, в глазах людей XVIII в. сделала его ответственным за этот абсолютизм, а XIX век увидел в нём же причину всех революций. И, наконец, в канун второй мировой войны некоторые историки, немилосердно утрируя известные стороны деятельности Ришелье, попытались усмотреть в нём нечто вроде «фюрера» Франции XVII века.

Ришелье при жизни вызывал искреннее восхищение немногих и ярую ненависть большинства. Причудливые перипетии его посмертной судьбы полны такой же страстности. Но в процессе этой страстной борьбы крайностей постепенно и медленно выработывалась объективная точка зрения на

истинное значение для истории Франции одного из величайших её сынов. Ришелье долго пришлось ждать беспристрастного суда потомства, той репутации, которую он называл «единственным благом, могущим удовлетворить великую душу».

* * *

Первые значительные научные труды о Ришелье появляются в середине XIX века². К этому времени уже был накоплен довольно значительный запас печатных источников по истории XVII в., и во французских и иностранных архивах ведётся упорная работа по розыску и изданию новых документов, работа, в силу отсутствия в то время архивных инвентарей, исключительно трудоёмкая и сложная. Действие её начнёт сказываться несколько позже. Первые два историка, посвятившие Ришелье значительные и интересные страницы, — Тьерри и Мишле, — оперируют исключительно печатными источниками, и самый характер последних в значительной степени определяет содержание их книг. Для эпохи Ришелье эти источники сводятся к серии мемуаров, собраниям законодательных актов и международных договоров, собранию материалов о Генеральных Штатах и других представительных учреждениях, изданному накануне французской революции, и к «Политическому завещанию» Ришелье. Это за счёт нарративного и законодательного материала лишь слегка разбавлено несколькими воскрешёнными из забвения трудами историков, современников Ришелье, использовавших некоторое количество документов³.

Для Тьерри в его широком историческом полотне «Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия» (1853) Ришелье является крупнейшим деятелем, гением, «расчистившим путь для нового общества», создавшим условия для роста буржуазии и для поглощения ею всех прочих классов. Посвящённые ему страницы — панегирик в серии прочих панегириков, составляющих

² Это не значит, что историки XVIII в. и первой половины XIX в. не писали о Ришелье. Но недостаток места заставляет здесь опустить рассмотрение их трудов, равно как и множества второстепенных книг XIX—XX вв., посвящённых кардиналу.

³ Следует отметить, что все виды источников используются в ту пору некритически. К критике источников XVI—XVII вв. было приступлено систематически лишь в самом конце XIX века.

* Статья представляет сокращённое изложение главы из работы, посвящённой первым годам правления Ришелье.

¹ «Revue historique». Vol. 53, p. 374.

эту книгу. Конкретный анализ его деятельности состоит в основном из комментирования трёх пунктов программы, изложенной кардиналом в «Политическом завещании» (приведение аристократии к покорности, ликвидация гугенотской партии и возрождение международного авторитета Франции), и из перечисления нескольких статей ордонанса Мишо. Мемуары противников Ришелье (и традиция ходячего мнения XVIII в.) подсказали Тьерри характеристику министра, «заглушившего в себе и подавившего в благородных натурах вечные принципы морали и человечности». Так сложился у Тьерри, в согласии с его общей концепцией, образ министра, привлекательного силой своего политического гения, направленного на благо французской буржуазии, но отталкивающего жестокого.

В противоположность Тьерри, уделившему Ришелье лишь несколько страниц, Мишле посвятил ему в своей «Истории Франции» большие томы. В книгах «Henri IV et Richelieu» (1857) и «Richelieu et la Fronde» (1859) дана подробная политическая история правления кардинала, хотя и избыточная отступлениями, рисующими «моральный облик» эпохи⁴. Точка зрения Мишле на французский XVI в. предопределила его резко отрицательное суждение о Ришелье, а использование гугенотских источников, которые залегают в его книгах целыми пластами, сообщило всему труду ярко конфессиональный характер. Разгром гугенотской партии, осуществлённый Ришелье, является, по мнению Мишле, величайшим несчастьем для Франции, поскольку только гугеноты могли бы превратить страну в процветающую буржуазную республику на манер Голландии.

Вся эпоха кардинала рисуется автором как царство серой и унылой посредственности и торгашества (в противоположность героическому XVI в., из которого Мишле сделал увлекательнейший роман). Даже в борьбе с Испанией Ришелье остаётся испанофилом, ибо следует методу Испании, убивая как раз ту политическую партию (гугенотов), которую он должен был бы направить против врага. Что касается создания национального единства — основной задачи, стоявшей перед Францией XVII в., — то как раз Ришелье свернул с того правильного пути, который был намечен и осуществлён Генрихом IV, а именно — примирения религий и партий, — и своим деспотизмом и ярким католицизмом выжег всё живое, что было в стране. Изложение событий даётся у Мишле всегда в конфессиональном плане, и это оказало такое сильное воздействие на всю последующую историографию, что отказ от подобной точки зрения — дело лишь совсем недавнего прошлого. Особенно бесплодным приём Мишле оказался в области внешней политики, где лёгкость объяснения тех или иных меро-

приятий конфессиональными причинами вообще снимала необходимость доискиваться причин социально-политического порядка.

Так же как и Тьерри, Мишле работал только над печатными источниками и даже первые три тома публикации Авенеля⁵ использовал в совершенно ничтожной степени. Оба историка задались грандиозной целью осмыслить всю историю Франции, и общее количество исследованных ими памятников очень велико, но для каждой отдельной эпохи они могли поднять новь лишь в самом поверхностном слое.

Следующая стадия в исследовании правления Ришелье открывается капитальной публикацией Авенеля: «Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'Etat du cardinal de Richelieu, recueillis et publiés par Avenel» (1853—1877. 8 томов). Авенель был скромнейшим человеком, ничем не отмеченным за свою работу, которой он отдал 35 лет жизни. Но имя его неразрывно соединено с именем Ришелье. Его публикация и по сей пору может считаться образцовой по тщательности и полноте, а в ряду французских изданий того времени (ср., например, публикацию писем Генриха IV, сделанную Берже де Ксивре) она была совершенством. Авенель издал и прокомментировал огромный по размерам и первоклассный по качеству архивный материал, который впервые вполне точно и конкретно показал размах и содержание деятельности Ришелье. Правда, его работе, как и всем ей подобным (т. е. собраниям писем и бумаг крупных деятелей), присущ весьма существенный порок — односторонность. В большинстве случаев реакция адресатов остаётся неизвестной, реальное воздействие писем, инструкций не может быть учтено. В глазах Авенеля и его современников личность крупного политика заслоняет собой весь объём его политической деятельности: публикатор тщательнейшим образом отбирает материал, принадлежащий только самому Ришелье, и больше всего боится, как бы ненароком не проскочило письмо (lettre de bureau), которое кардинал лишь подписал, а не составил или продиктовал⁶. Историк задаётся целью выловить в политике Ришелье всё индивидуальное, лично ему и только ему принадлежащее. Эта вполне естественная в то время тенденция в значительной степени предопределила общий характер работ, появившихся после публикаций Авенеля. Столь полно и блестяще документированная одинокая фигура кардинала приняла гиперболические размеры и поглотила окружающую её среду, долго остававшуюся бескрасочным, плоским фоном, на котором развёртывалась титаническая деятельность всемогущего гениального деспота.

Ранке в своей «Französische Geschichte» (т. II. 1854) первый систематически использовал (но частично, только для первых лет правления Ришелье) этот богатейший источ-

⁵ См. ниже.

⁶ Этот приём особенно досаден в издании писем Генриха IV, где опущено множество официальных писем, но собраны все собственные любовные записки короля.

⁴ Именно здесь мы находим знаменитое кредо Мишле о примате явлений социальной психологии над фактами политической истории: «Les grands faits moraux de l'époque sont plus importants qu'aucun fait politique» («Henri IV et Richelieu», p. 261).

ник⁷, не исчерпанный до конца и в наши дни. Но те архивные материалы, которые открыл и изучил он сам, — донесения иностранных резидентов⁸, — естественно, ориентировали его преимущественно на внешнюю политику, а высокое качество этого типа источников определило в значительной степени интересную и объективную трактовку материала. Разумеется, и к этим донесениям мы теперь успешно применяем источниковедческую критику, но сто лет назад эти источники чрезвычайно выгодно отличались своей надёжностью от господствовавшего тогда нарративного и законодательного материала. Занятые только злобой текущего дня, фиксируя непосредственно пёстрый калейдоскоп событий, чуждые каких-либо историографических тенденций, они зачастую навязывали исследователю своё понимание отдельных событий, которое, во всяком случае, было ближе к истине, чем суждение историка 1850-х годов, обладавшего весьма ограниченным запасом сведений. Ранке привлекает, порой очень удачно, и публицистику эпохи; наиболее трудный источник — мемуары Ришелье⁹ — используется им всегда в сопоставлении с другими материалами. К конфессиональным вопросам и к личности Ришелье он совершенно равнодушен. Он кратко суммирует огромное значение деятельности Ришелье для Франции и в международном масштабе; он отрицает деспотическую жестокость кардинала, отмечая лишь его безжалостную твёрдость. Основным дефектом его работы в наших глазах является отсутствие в ней рассмотрения многих важных вопросов. Разумеется, для нас теперь его книга поверхностна, но эта поверхностность не индивидуальна; она присуща общему уровню исторических знаний той эпохи.

Первое издание книги Caillet «L'administration en France sous le ministère du cardinal de Richelieu» вышло в 1859 г., заканчивая, таким образом, на протяжении шести лет целую серию важных работ о Ришелье. Рассматривая только административную деятельность кардинала, она, естественно, дополняет исследование Ранке. Кайе перерыл огромное количество рукописей в парижских и провинциальных библиотеках и архивах; он первый использовал в монографии о Ришелье такое количество неизданных источников, и в этом его огромная заслуга. Но в основу своего исследования он положил самые лёгкие — для нахождения и суммирования — тексты, лёгкие потому, что они, можно сказать, сами собой навязываются, а именно: всевозможные регламенты (réglements) королевского совета; парламентов, местных и финансовых учреждений и т. п. Это явление

совершенно аналогично тому, как при самом первом синтезе общей политической истории законы, ордонансы и указы ставятся во главу угла и тенденции законодателя не противостоят ещё бесконечное разнообразие реальной жизни, модифицирующей или даже уничтожающей эту тенденцию. Так же категорично, как Тьерри излагает указы третьего сословия на Генеральных Штатах, Кайе излагает историю административных учреждений при Ришелье, по воле которого издаются бесчисленные постановления, аккуратно сменяющие друг друга. Столь же категорична и оценка: «Всё, что Ришелье совершил за время своей бессмертной диктатуры, среди непрестанно возникавших препятствий, превосходит всякое воображение»¹⁰.

Это солидное и чрезвычайно свежее исследование было встречено критикой крайне сочувственно. Оно казалось всем прочнейшим фундаментом для построения детальной истории правления кардинала и долгое время действительно было таковым. Ибо огромная и по сию пору не поддающаяся хотя бы примерному численному подсчёту масса разнообразных рукописных источников, отражающих реальную жизнь, лежала ещё не тронутой.

Жорж д'Авенель первый копнул их, первый всерьёз занялся социальными отношениями и экономикой. В большом труде «Richelieu et la monarchie absolue» (1884—1890) он совсем отстраняется от рассмотрения внешней политики кардинала, признавая, однако, всё её величие и значимость. Четыре тома д'Авенеля представляют собой редкий по темпераменту и страсти политический памфлет против Ришелье. Аристократ, издёрганный французскими революциями XIX в., особенно Коммуной, горько и глубоко страдавший от политической смерти своего класса, д'Авенель во всём винит Ришелье. Кардинал представляется ему зачинателем на французской почве столь непереносного для аристократии этатизма. Это он, Ришелье, превратил монархию традиционную¹¹ в абсолютную, разорвал связи короля с народом, уничтожил местную самостоятельность, убил политическую жизнь и инициативу. Франция могла, подобно Англии, без повторных жестоких классовых столкновений превратиться в буржуазное государство, сохранив королевскую власть и старую аристократию. Д'Авенель перечёл огромное количество рукописных источников, но отовсюду он брал только то, что привлекало его заострённое и пристрастное внимание. Он первый дал подробный анализ финансов и денежного хозяйства, но не в объективном плане исторического исследования, а для непрерывного сравнения уровня жизни, платежей, налогов и т. п. XVII в. и 1880-х годов. Вычислив (главным образом на основании изменения веса драгоценных металлов в монете) некий коэффициент реальной стоимости денег по перيو-

⁷ Авенель снабжал Ранке своими материалами ещё в рукописи.

⁸ Английских, итальянских, но главным образом фландрских (т. е. представителей Испанских Нидерландов) из брюссельского архива.

⁹ Многие историки занимались всего лишь изложением этого сложного и часто двусмысленного источника.

¹⁰ Caillet, Op. cit., p. XIII, 2-me ed. 1861.

¹¹ Monarchie traditionnelle — термин, за который д'Авенелю сильно досталось от критики.

дам в отношении к золотому франку 80-х годов XIX в., он полагал, что у него в руках находится прекрасный объективный критерий для суждения о материальном благополучии каждого периода и для сравнения этих периодов между собой, и предавался этим вычислениям и сравнениям с чрезвычайным усердием, таким образом, что они всякий раз превращались в его умелых руках в средство для оханвания политики Ришелье. Когда в 1920—1930 гг. работы Раво и Озе полностью опровергли правильность коэффициента, вычисленного д'Авенелем (который совсем не учёл изменений счётной единицы денег, *monnaie de compte*), Озе язвительно писал: «Это просто восхитительно! У вас в руках некий коэффициент, и дело в шляпе. Экономическая история превращается в простую игру в гусёк! Мы можем в любой момент при помощи простых средств точно знать реальную цену вещей, реальную величину состояний отдельных лиц или сословий. Понятно, что люди торопливые и жаждущие полной уверенности были очарованы таким методом»¹². Действительно, метод д'Авенеля сорок с лишком лет довлел над исследователями экономических отношений при Ришелье, не говоря уже о прочей истории Франции.

Что касается социальных отношений, то на изображении их тенденция автора сказала ещё более порочным образом. Так, например, дворянство в трактовке д'Авенеля похоже — в политическом отношении — на кроткую овечку, что делает жестокую политику кардинала по отношению к дворянам бессмысленной и деспотичной.

Книга д'Авенеля безнадежно устарела в своих выводах и суждениях, но в ней собрано огромное количество красочных фактов, перебрано такое множество событий и людей, что в этой части она и до сих пор никем ещё не пересмотрена и не обновлена.

С подробной и достаточно жестокой критикой д'Авенеля выступил в 1890 г. новый исследователь Ришелье — Габриель Аното (Hanoaux). Повторяя слова Паскаля: «Господин кардинал не пожелал быть разгаданным» (*M. le cardinal n'a pas voulu être deviné*), он констатировал общую неудачу концепции д'Авенеля. Он сам заканчивал в это время первый том большого исследования о Ришелье¹³, и за ним были к тому времени годы плодотворной работы в самом закрытом и самом заманчивом для историка архиве — в Архиве министерства иностранных дел. Ему удалось разыскать и опубликовать интереснейшие рукописи самого Ришелье¹⁴, и он был в то время безусловно лучшим знатоком этой эпохи. В 1893 г. появился первый том его «*Histoire du cardinal de Richelieu*», где подробной биографии

кардинала до 1614 г. предпослан обширный обзор «Франция в 1614 г.»¹⁵, блестящий по форме очерк с использованием массы интересных и свежих (т. е. воскресивших из полного забвения) печатных источников XVI—XVII вв.: описаний Франции, политических и юридических трактатов, публицистики и т. п. Второй том (1614—1624) вышел в 1896 г. и основан на множестве рукописных источников. Но Аното в эти годы всё больше отходит от науки к политической деятельности, и уже во втором томе начинается постепенное соскальзывание на более поверхностный анализ, шаблон, повторения, всё реже встречаются удачные и оригинальные обобщения, которыми изобилует первый том. Экономике он не касался совсем: считалось, что по этому вопросу д'Авенель сказал всё.

Аноту первый высказал со всей твёрдостью убеждение в бессельности суда над Ришелье: «Лучше стремиться к пониманию того, что он сделал, чем к пустой забаве рассуждений о том, что он должен был бы сделать». Но в двух последних томах «Истории Ришелье», вышедших через 40 лет (в 1933—1935) и в смысле материала совершенно не обновлённых с 1890-х годов, когда они были подготовлены, это «понимание», пройдя призму длительной политической карьеры, на фоне растущей опасности со стороны фашистской Германии превратилось в откровенную апологию Ришелье, французского «фюрера» XVII в., спасшего страну от ужасной разрухи. Любопытно отметить, что если бы последние два тома вышли вскоре после первых (разумеется, без этой позднейшей тенденции), они встретили бы такое же признание, как и начало труда. Но в 1930-х годах их ожидало всеобщее осуждение не только из-за политического духа: самый метод работы и материал её оказались безнадежно устаревшими.

Таким образом, эти два исследования: д'Авенеля — по различным вертикальным разрезам — и Аното — в хронологической последовательности — истории правления кардинала, взаимно дополняя друг друга, дали в 1890-х годах синтез, так сказать, второго тура. Он гораздо глубже, чем синтез 1850-х годов Мишле, Ранке, Каёе. Он сделан на широм материале и использовал 40 лет развития исторической науки. Современникам он снова кажется неизменным фундаментом, как в своё время книга Каёе.

Из множества работ XX в.: монографий, статей, источников — в настоящей заметке могут быть указаны лишь важнейшие. Но, разумеется, весь комплекс исследований — от больших до малых, и больше всего по экономике и социальным отношениям Франции XVII в., — создал тот богатый запас фактов и обобщений, которым питается историческая наука наших дней.

Ещё в 1894 г. вышла большая работа Фаньеза «*Le père Joseph et Richelieu*» (два тома), посвящённая неизменному дипломатическому помощнику кардинала, капуцину отцу Жозефу, она и до сих пор остаётся лучшей книгой по дипломатии Ришелье.

¹² Hausser H. «*Recherches et documents sur l'histoire des prix en France de 1500 a 1800*», p. 76. Paris. 1936.

¹³ Научная и политическая карьера Аното очень интересно рассказана им самим в мемуарах «*Mon temps*». 2 vols. Paris. 1933—1938.

¹⁴ «*Maximes d'Etat et fragments politiques du cardinal de Richelieu*» («*Mélanges historiques*». Vol. III. 1880).

¹⁵ Есть русский перевод. Г а н о т о «Франция перед Ришелье» М. 1903.

Фаньез вводит много новых архивных материалов, в том числе и из иностранных архивов, воскрешает забытые с XVII в. публикации дипломатических делеш. Он настроен очень панегирически по отношению к обоим «преосвященствам» (*éminences*) и зачастую наивен в суждениях о внутренних делах, которые фигурируют редко, но, как и Ранке, следуя остроумным и тонким суждениям дипломатических донесений, он даёт хотя и беглую, но ясную и точную картину дипломатической деятельности Ришелье.

Фаньез много занимался изучением публицистики эпохи Ришелье. С его лёгкой руки пошли усиленные поиски старых брошюр, крошечных по размерам запрещённых памфлетов, бесконечно дискутировались вопросы об авторстве этих «стрел, ранивших больнее шпаги», исследовалась ярая полемика Матье де Морга с Ришелье и т. д.

В 1907 г. выходит первый том мемуаров Ришелье в издании «Société de l'histoire de France» — прекрасное критическое издание, растянувшееся выходом вплоть до наших дней. Подготовительная работа отражена в специальных выпусках — «Rapports et notices», где детально исследуются вопросы о рукописях мемуаров, об их загадочном составителе, об источниках, объясняется смысл самого термина «мемуары» как подготовительных материалов для составления задуманной «Истории» правления Ришелье. Активное участие в этой работе принимает Батифоль, выпустивший до 1914 г. несколько книг очерков по эпохе Людовика XIII («Au temps de Louis XIII»; le roi Louis XIII à vingt ans»), где с привлечением огромного количества архивного материала тщательно трактуются главным образом биографические темы. Вышедшая в 1912 г. книга Делюша «La maison du cardinal de Richelieu» даёт интереснейшую историю накопления колоссального состояния Ришелье, управления им и т. д. О значении этой темы в экономическом и социальном отношении говорить излишне: детальное исследование одного из крупнейших богатств первой половины XVII в. чрезвычайно обогащает наше знание эпохи.

Война и особенно Версальский мир вновь вызывают к жизни образ Ришелье¹⁷, но на этот раз в полемику вступают и немецкие историки. Вильгельм Моммсен в книге «Richelieu, Elsass und Lothringen» (1922) ставит целью изучение постепенности формирования задач внутренней и внешней политики Ришелье. Моммсен мало исследовал всю сложность явлений внутренней жизни Франции, и ему в этом отношении опереться почти не на кого (он не работал во французских архивах, а Люто мало помогает для решения таких вопросов), но он правильно и резко подчёркивает, что перемена курса внешней политики Франции произошла не при Ришелье, а до него — в 1621—1622 гг., и прямо заявляет, что она развивалась бы в этом направлении, даже если бы Ришелье и не

появился. Это очень важный момент в историографии Ришелье: из всемогущего гения, осуществляющего только свою личную волю, он становится лишь гениальным выразителем объективных задач, имманентно присущих развитию французского абсолютизма. Ограничивая себя внешней политикой, но никогда не теряя её связи с внутренним положением страны, Моммсен показал на исчерпывающем материале французских, итальянских, немецких печатных источников, как постепенно расширялись планы Ришелье, как входили в них в разных — и отнюдь не стабильных — аспектах Эльзас и Лотарингия, как силой всех событий, а вовсе не в силу запланированных в 1624 г. «рейнских границ» пришла Франция к аннексии этих территорий. Вокруг этой книги разгорелась полемика, завершившаяся в 1936 г. книгой Бауштедта «Richelieu und Deutschland von der Schlacht bei Breitenfeld bis zum Tode Bernhards von Wimar», где военная и дипломатическая история указанного периода подана в свете чисто актуальных требований, предъявляемых автором к современной Франции, которая должна не вмешиваться во внутренние дела Германии и не мешать образованию в ней сильной власти, а также не изолировать её морально в европейском общественном мнении, т. е. отказаться от политики в духе Ришелье (*esprit de Richelieu*), который, таким образом, оказывается виновником первой мировой войны. На этом пока остановилось изучение внешней политики Ришелье.

Послевоенные работы Делюша¹⁷ и Батифоля¹⁸ почти все посвящены углублённой биографии Ришелье и окружавшей его среде и построены на огромном архивном и печатном материале. В результате исследований этих авторов мы имеем подробные и отлично документированные биографии Ришелье и членов его семьи, историю его состояния, историю публицистики его времени и его собственных произведений, интересный анализ его литературных вкусов и его стиля. Чрезвычайно обогатился и усложнился психологический облик кардинала, блестяще очерченный Делюшем. Батифоль убедительно доказал истинную сущность термина «первый министр» в 1624 г. (нерархическое размещение членов королевского совета только по их званию и титулу, так что в момент вступления Ришелье в совет в нём оказалось два «первых министра»: кардинал Ларошфуко и он) и осветил многие эпизоды политической карьеры Ришелье. Но все эти работы отнюдь не претендуют на завершенность. Именно с 1920-х годов во французской историографии, посвящённой Ришелье, появляется отчётливое сознание,

¹⁷ Dèloché «Autour de la plume du cardinal de Richelieu. 1922; «Les Richelieu — le pere du cardinal». 1922.

¹⁸ Batiffol «La journée des dupes», 1925; «Richelieu et le roi Louis XIII», 1934; «La fortune du cardinal de Richelieu». 1935, etc.

¹⁶ Batiffol «Richelieu et la question d'Alsace. 1921»; Babelon «Le Rhin dans l'histoire» etc.

что лишь огромные усилия нескольких поколений историков, которые освоит колоссальный архивный материал, приведут к созданию настоящей истории правления Ришелье. Уже в 1928 г. в книге Пажеса «La monarchie d'ancien régime en France» почти все суждения о кардинале негативны: Ришелье не был всеобъемлющим министром, не управлял финансами, не ведал местной администрацией, не распоряжался структурой армии и т. п. Ещё интереснее в этом отношении статья Пажеса о королевском совете при Людовике XIII¹⁹, проникнутая чрезвычайной осторожностью (типичной для всей историографии 1930-х годов: историки усваивают стиль, присущий представителям естественных наук, и выражения «как будто», «кажется» и т. п. вытесняют прежнюю категоричность выводов). При изучении деятельности королевского совета он принуждён вовсе отбросить источники (главным образом регламенты), на которых построены книги Кайе и д'Авенеля, так как эти постановления вовсе не применялись или применялись плохо. Единственным надёжным источником являются постановления (arrêts) королевского совета, т. е. реальная жизненная практика, чрезвычайно далеко отстоящая от твёрдых формул регламентов, отражающих лишь теоретическое

¹⁹ «Etudes sur l'histoire administrative et sociale de l'ancien régime», publiés sous la direction de M. Georges Pagés. 1938.

состояние (état théorique) важнейшего органа центральной власти. Постановлений этих сохранилось десятки тысяч, и одна их обработка займёт немало времени, но без их привлечения невозможно теперь никакое углублённое исследование о центральном управлении при Ришелье.

Распространение подобных установок делает понятным то почти единодушное осуждение, которое встретила книга Бурхарда «Richelieu. Der Aufstieg zur Macht» (1935), и не столько из-за общего её тона, аналогичного тону последнего тома Аното, но именно за попытку дать ещё раз суммирующую работу по Ришелье без привлечения архивных материалов.

На неизданных рукописях, хранящихся в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, основывали частично свои диссертации советские историки: проф. В. В. Бирюкович, исследовавший политику Ришелье по отношению к финансистам²⁰, и проф. Б. Ф. Поршнев, занимавшийся народными движениями при Ришелье²¹.

А. Люблинская

²⁰ Частично опубликована в «Исторических записках» Института истории АН СССР, №№ 2 и 3.

²¹ Частично опубликована в «Учёных записках» исторического факультета Московского областного педагогического института. Т. II. М. 1940; в сборнике «Средние века» № 1, М. 1942 и № 2, М. 1946.

РЕЦЕНЗИИ

БОГОЯВЛЕНСКИЙ С. *Приказные судьи XVII в.* М.—Л. Изд. Академии наук СССР. 1946. 316 стр. 15 руб.

Рецензируемая работа является итогом кропотливого труда чл.-корр. АН СССР С. К. Богоявленского по изучению личного состава судебных коллегий московских приказов XVII века. Эта работа велась автором в течение 40 лет.

Работа представляет собою справочник и состоит из двух частей. В первой части (стр. 11—228), озаглавленной «Список судей по приказам», дан алфавитный список приказов и внутри каждого приказа в хронологическом порядке указан состав судебной коллегии на каждый год XVII века. Годы обозначены по старому летосчислению (от сотворения мира), принятому в Московском государстве XVII века. Автор отказался от перевода этих дат на даты новой эры, так как при переводе на новое летосчисление «в случае отсутствия в документах указания на месяц, приходилось бы судью обозначать под двумя годами, что не всегда было бы правильным» (стр. 6). Список снабжён ссылками на источники.

Во второй части (стр. 229—314) дан «Алфавитный список приказных судей», с указанием источника, где можно познакомиться с почерком того или иного судьи. Такое

расположение материала даёт возможность наводить перекрёстные справки.

Автор ограничил свой «Список» пределами XVII в., так как по XVI в. существует исчерпывающая работа Н. П. Лихачёва «Разрядные дьяки XVI в.» (СПб. 1888), а «умирающие приказы XVIII в. не представляли большого интереса, и дела их не имели того чёткого канцелярского оформления, какой наблюдался в документах XVII в.» (стр. 5—6). С этим нельзя не согласиться.

Новая работа С. К. Богоявленского ставится в один ряд с ценнейшими справочными изданиями по истории СССР, какими являются книги П. М. Стросва «Списки нерархов и настоятелей монастырей Российской церкви» (СПб. 1877) и А. П. Барсукова «Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия, по напечатанным правительственным актам» (СПб. 1902). Книга С. К. Богоявленского «Приказные судьи XVII века» приближается больше к работе А. П. Барсукова, но имеет очень существенные преимущества перед последней. Барсуков пользовался только печат-

что лишь огромные усилия нескольких поколений историков, которые освоит колоссальный архивный материал, приведут к созданию настоящей истории правления Ришелье. Уже в 1928 г. в книге Пажеса «La monarchie d'ancien régime en France» почти все суждения о кардинале негативны: Ришелье не был всеобъемлющим министром, не управлял финансами, не ведал местной администрацией, не распоряжался структурой армии и т. п. Ещё интереснее в этом отношении статья Пажеса о королевском совете при Людовике XIII¹⁹, проникнутая чрезвычайной осторожностью (типичной для всей историографии 1930-х годов: историки усваивают стиль, присущий представителям естественных наук, и выражения «как будто», «кажется» и т. п. вытесняют прежнюю категоричность выводов). При изучении деятельности королевского совета он принуждён вовсе отбросить источники (главным образом регламенты), на которых построены книги Кайе и д'Авенеля, так как эти постановления вовсе не применялись или применялись плохо. Единственным надёжным источником являются постановления (arrêts) королевского совета, т. е. реальная жизненная практика, чрезвычайно далеко отстоящая от твёрдых формул регламентов, отражающих лишь теоретическое

¹⁹ «Etudes sur l'histoire administrative et sociale de l'ancien régime», publiés sous la direction de M. Georges Pagés. 1938.

состояние (état théorique) важнейшего органа центральной власти. Постановлений этих сохранилось десятки тысяч, и одна их обработка займёт немало времени, но без их привлечения невозможно теперь никакое углублённое исследование о центральном управлении при Ришелье.

Распространение подобных установок делает понятным то почти единодушное осуждение, которое встретила книга Бурхарда «Richelieu. Der Aufstieg zur Macht» (1935), и не столько из-за общего её тона, аналогичного тону последнего тома Аното, но именно за попытку дать ещё раз суммирующую работу по Ришелье без привлечения архивных материалов.

На неизданных рукописях, хранящихся в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, основывали частично свои диссертации советские историки: проф. В. В. Бирюкович, исследовавший политику Ришелье по отношению к финансистам²⁰, и проф. Б. Ф. Поршнев, занимавшийся народными движениями при Ришелье²¹.

А. Люблинская

²⁰ Частично опубликована в «Исторических записках» Института истории АН СССР, №№ 2 и 3.

²¹ Частично опубликована в «Учёных записках» исторического факультета Московского областного педагогического института. Т. II. М. 1940; в сборнике «Средние века» № 1, М. 1942 и № 2, М. 1946.

РЕЦЕНЗИИ

БОГОЯВЛЕНСКИЙ С. *Приказные судьи XVII в.* М.—Л. Изд. Академии наук СССР. 1946. 316 стр. 15 руб.

Рецензируемая работа является итогом кропотливого труда чл.-корр. АН СССР С. К. Богоявленского по изучению личного состава судебных коллегий московских приказов XVII века. Эта работа велась автором в течение 40 лет.

Работа представляет собою справочник и состоит из двух частей. В первой части (стр. 11—228), озаглавленной «Список судей по приказам», дан алфавитный список приказов и внутри каждого приказа в хронологическом порядке указан состав судебной коллегии на каждый год XVII века. Годы обозначены по старому летосчислению (от сотворения мира), принятому в Московском государстве XVII века. Автор отказался от перевода этих дат на даты новой эры, так как при переводе на новое летосчисление «в случае отсутствия в документах указания на месяц, приходилось бы судью обозначать под двумя годами, что не всегда было бы правильным» (стр. 6). Список снабжён ссылками на источники.

Во второй части (стр. 229—314) дан «Алфавитный список приказных судей», с указанием источника, где можно познакомиться с почерком того или иного судьи. Такое

расположение материала даёт возможность наводить перекрёстные справки.

Автор ограничил свой «Список» пределами XVII в., так как по XVI в. существует исчерпывающая работа Н. П. Лихачёва «Разрядные дьяки XVI в.» (СПб. 1888), а «умирающие приказы XVIII в. не представляли большого интереса, и дела их не имели того чёткого канцелярского оформления, какой наблюдался в документах XVII в.» (стр. 5—6). С этим нельзя не согласиться.

Новая работа С. К. Богоявленского ставится в один ряд с ценнейшими справочными изданиями по истории СССР, какими являются книги П. М. Стросва «Списки нерархов и настоятелей монастырей Российской церкви» (СПб. 1877) и А. П. Барсукова «Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия, по напечатанным правительственным актам» (СПб. 1902). Книга С. К. Богоявленского «Приказные судьи XVII века» приближается больше к работе А. П. Барсукова, но имеет очень существенные преимущества перед последней. Барсуков пользовался только печат-

ными источниками, и потому его хронологический список имеет много пробелов. С. К. Богоявленский широко использовал неопубликованные источники, и ему удалось избежать большинства этих пробелов.

С выходом в свет труда С. К. Богоявленского советская историческая наука обогатилась прекрасным справочным пособием, настоятельная необходимость в котором давно назрела.

Несмотря на колоссальную работу, проведённую автором над «Списком судей», всё же его труд подлежит в некоторых частях исправлениям и дополнениям. Дополнений, безусловно, требуют разделы «Списка», относящиеся к началу и концу XVII в. — к началу потому, что значительная часть делопроизводства московских приказов была уничтожена кремлёвским пожаром 1626 г., к концу — потому, что в документах этого периода не всегда полностью указывался состав судейской коллегии приказов. Встречаются и случайные неточности и пробелы мелкого характера, на которых нет нужды останавливаться.

Но есть одна крупная неточность, которую никак нельзя обойти молчанием, так как она касается двух важнейших приказов — Посольского и Новгородской четверти. Судьи Посольского приказа даны С. К. Богоявленским по «Списку дьяков Посольского приказа», составленному С. А. Белокуровым и опубликованному им в качестве приложения к его исследованию о Посольском приказе¹. Но С. К. Богоявленский несколько упростил, объединил и сократил сведения, сообщённые С. А. Белокуровым, и допустил значительную неточность. Речь идёт о начальнике Посольского приказа и Новгородской четверти, поскольку оба эти приказа управлялись одной и той же судейской коллегией в период времени с 28 сентября 1653 г. по 1 сентября 1665 года. По книге С. К. Богоявленского во главе Посольского приказа в это время стоял думный дьяк Ларион Дмитриевич Лопухин, вторым членом судейской коллегии являлся думный дьяк Алмаз Иванов, т. е. для всего этого периода в Посольском приказе показано два думных дьяка (стр. 129). Между тем дело обстояло не совсем так. Л. Лопухин, думный дьяк Приказа Казанского дворца, был назначен думным дьяком Посольского приказа в апреле 1653 г., после смерти своего предшественника М. Д. Волошевинова². Вторым дьяком Посольского приказа Алмаз Иванов 30 апреля того же года отправился в Польшу в составе посольства, возглавлявшегося боярином кн. Б. А. Репниным³. 25 сентября 1653 г. послы вернулись в Москву. Царь Алексей Михайлович остался доволен результатами посольства, и 28 сентября дьяку Алмазу Иванову в качестве царского пожалования была «сказана дума», т. е. он был сделан думным дья-

ком и оставлен в Посольском приказе в качестве посольского думного дьяка, т. е. начальника приказа⁴. Л. Д. Лопухин 1 октября 1653 г. выехал на Украину в составе посольства боярина В. В. Бутурлина для участия в Переяславской раде, т. е. для приёма подданства Украины московскому царю⁵. Если обратиться к делопроизводству Новгородской четверти, то с 28 сентября 1653 г. в составе судейской коллегии этого приказа Л. Лопухин не упоминается. В документах, отправленных из приказа 28 и 29 сентября 1653 г., названы только думный дьяк Алмаз Иванов и второй дьяк — Андрей Немиров⁶.

Думный дьяк Алмаз Иванов возглавлял судейскую коллегию Посольского приказа и Новгородской четверти с 28 сентября 1653 по 18 февраля 1667 г., когда во главе этих приказов был поставлен боярин А. Л. Ордын-Нашокин⁷. Но в течение этого четырнадцатилетнего периода было четыре перерыва, вызванных отъездами А. Иванова в качестве члена посольства в Польшу. Во время отсутствия Алмаза Иванова из Москвы его заменял думный дьяк Приказа Казанского дворца Л. Д. Лопухин. Последний в это время назывался посольским думным дьяком.

Первый раз Алмаз Иванов, будучи уже думным дьяком Посольского приказа, поехал в Польшу 11 мая 1658 г. и был отпущен королём 9 октября⁸, вернулся в конце октября — начале ноября того же года; второй раз — в 1660 г., с января по октябрь; третий раз — в 1662 г. 12 февраля этого года состоялся царский указ «послати на польской посольской съезд з бояры со князем Никитою Ивановичем Одоевским с товарищи думного дьяка Алмаза Иванова»⁹. Правительство предполагало, что это посольство будет довольно продолжительным, и послан было выдано жалованье на два года. Думный дьяк Алмаз Иванов, уезжая, официально оформил сдачу дел по приказам, которые он возглавлял. В делопроизводстве Новгородской четверти сохранилась «роспись, сколько великого государя... денежных доходов в Новгородской четверти у 169 (1660—1661) году в нынешней 170 (1661—1662) год в остатке, и сколько в нынешнем во 170 году в приходе и в расходе при думном дьяке Алмазе Иванову февраля по 13 число»¹⁰. Это было наиболее длительное отсутствие Алмаза Иванова — с февраля 1662 по апрель 1663 года¹¹. По-

⁴ «Дворцовые разряды». Т. III, стр. 368—369, 372.

⁵ Там же, стр. 372—373.

⁶ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Приказные дела старых лет, 1653, д. № 114, л. 16, 18—20.

⁷ Белокуров С. Указ. соч., стр. 111—112.

⁸ Там же, стр. 111.

⁹ ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1661 г., д. № 88, л. 21б.

¹⁰ Там же, 1662 г., д. № 20, л. 1—9.

¹¹ Белокуров С. Указ. соч., стр. 111; ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1652 г., д. № 107, ч. 2, л. 252-об.

¹ Белокуров С. «О Посольском приказе», стр. 106—130. М. 1906.

² Там же, стр. 111.

³ «Дворцовые разряды». Т. III, стр. 348—350. СПб. 1852.

следнее посольство Алмаза Иванова в Польшу приходится на 1664 год. На этот раз отсутствие его из Москвы продолжалось с апреля по сентябрь 1664 года¹².

С наибольшей убедительностью периодическая замена Алмаза Иванова Ларионом Лопухиным раскрывается в больших по объёму делах приказного делопроизводства, продолжавшихся в течение ряда лет. Например, в фонде «Приказных дел старых лет» имеется дело Новгородской четверти о снабжении Кольского острога хлебом. Оно охватывает период с 1652 по 1664 год. С конца 1653 г. в этом деле всё время имеются пометы, т. е. резолюции, Алмаза Иванова, а в периоды его отсутствия в 1658, 1660.

¹² Белокуров С. Указ. соч., стр. 111.

1662—1663 и 1664 гг. встречаются пометы Лариона Лопухина¹³.

Таким образом, в «Списке приказных судей» имеется одна крупная неточность: из него исчез Алмаз Иванов как руководитель Посольского приказа и Новгородской четверти. Эта неточность особенно досадна потому, что она касается одного из наиболее ярких русских государственных деятелей середины XVII века.

Отсутствие указания, что именно Алмаз Иванов являлся руководителем русской внешней политики в середине царствования Алексея, является серьёзным пробелом.

Несмотря на это рецензируемая книга является ценным пособием для всякого, интересующегося историей СССР XVII века.

Н. Устюгов

¹³ ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1652 г., д. № 107, ч. 1—2.

Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. I—II. Под общей ред. чл.-корр. Академии наук СССР проф. А. И. Яковлева. Издательство Академии наук СССР. М.—Л. 1940—1945. Академия наук СССР. Институт истории.

Издание включает: 1) книги земельных владений боярина Б. И. Морозова 1646—1673 гг., составленные главным образом уже после его смерти; 2) документы вотчинной переписки Б. И. Морозова 1648—1663 годов.

Наша историческая литература не богата материалами, относящимися к истории боярского вотчинного землевладения и хозяйства в XVI—XVII веках. Поэтому следует приветствовать всякие новые архивные изыскания и публикации в этой области. Документы хозяйства боярина Б. И. Морозова, крупного вотчинника и политического деятеля, представляют исключительный интерес. Ещё в 70-х годах XIX в. их использовал И. Е. Забелин для своей статьи «Большой боярин в своём вотчинном хозяйстве»¹.

Труд Забелина представляет собой яркий художественный очерк, к которому до сих пор с интересом обращается исследователь социально-экономической и бытовой истории Московского государства середины и второй половины XVII века. Однако Забелин привлёк для своей статьи далеко не весь материал, хранившийся в архиве бывшей Оружейной палаты, изучил и воспользовался им далеко не одинаково во всех его частях. Кроме того отсутствие точных ссылок на архивные дела лишило последующих исследователей возможности проверить выводы Забелина.

С выходом в 1940—1945 гг. двухтомного издания «Актов хозяйства боярина Б. И. Морозова» под ред. А. И. Яковлева историческая наука обогатилась новыми документами для изучения хозяйственной и социальной жизни XVII века.

¹ Журнал «Вестник Европы» № 1 за 1871 год, стр. 5—49 и № 2, стр. 465—514.

Документы рисуют организацию вотчинного управления, взаимоотношения между вотчинником и крестьянами на основе системы внеэкономического принуждения, сельскохозяйственную технику, структуру торговых и промышленных предприятий, деятельность крестьянского мира и т. д.

Топографический охват документов весьма широк. Они относятся к вотчинам: подмосковным, нижегородским, арзамасским, тверским, рязанским, коломенским, курмышским, вяземским. Полнее всего актовый материал характеризует социально-экономические взаимоотношения в пределах подмосковных (звенигородских) и курмышских вотчин. Исследователь получает возможность вскрыть своеобразие хозяйственной жизни в отдельных морозовских сёлах. Например в Нижегородском, Арзамасском, Курмышском уездах замечается сильный интерес к поташному делу, следствием чего является усиление эксплуатации крестьян на майданах. Акты, относящиеся к Рязанскому уезду, говорят о повинностях крестьян-рыболовов и т. д.

Хронологически вотчинная переписка боярина Морозова относится главным образом к трём основным периодам: 1) 1648 г., 2) 1650—1652 гг. и 3) 1659—1660 годы. Это обстоятельство позволяет исследователю связывать изучение морозовских вотчин с общими крупными явлениями в жизни страны. Редактор отмечает, что «Морозов, как хозяйственный комплекс, в конце 50-х годов уже не тот, каким он был в конце 40-х, и это зависело, конечно, не только от того, что боярин на 10 лет постарел и поумнел, но и от того, что именно в эти годы первой польской войны окончательно определился и окреп социальный сдвиг, внешним симво-

следнее посольство Алмаза Иванова в Польшу приходится на 1664 год. На этот раз отсутствие его из Москвы продолжалось с апреля по сентябрь 1664 года¹².

С наибольшей убедительностью периодическая замена Алмаза Иванова Ларионом Лопухиным раскрывается в больших по объёму делах приказного делопроизводства, продолжавшихся в течение ряда лет. Например, в фонде «Приказных дел старых лет» имеется дело Новгородской четверти о снабжении Кольского острога хлебом. Оно охватывает период с 1652 по 1664 год. С конца 1653 г. в этом деле всё время имеются пометы, т. е. резолюции, Алмаза Иванова, а в периоды его отсутствия в 1658, 1660.

¹² Белокуров С. Указ. соч., стр. 111.

1662—1663 и 1664 гг. встречаются пометы Лариона Лопухина¹³.

Таким образом, в «Списке приказных судей» имеется одна крупная неточность: из него исчез Алмаз Иванов как руководитель Посольского приказа и Новгородской четверти. Эта неточность особенно досадна потому, что она касается одного из наиболее ярких русских государственных деятелей середины XVII века.

Отсутствие указания, что именно Алмаз Иванов являлся руководителем русской внешней политики в середине царствования Алексея, является серьёзным пробелом.

Несмотря на это рецензируемая книга является ценным пособием для всякого, интересующегося историей СССР XVII века.

Н. Устюгов

¹³ ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1652 г., д. № 107, ч. 1—2.

Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. I—II. Под общей ред. чл.-корр. Академии наук СССР проф. А. И. Яковлева. Издательство Академии наук СССР. М.—Л. 1940—1945. Академия наук СССР. Институт истории.

Издание включает: 1) книги земельных владений боярина Б. И. Морозова 1646—1673 гг., составленные главным образом уже после его смерти; 2) документы вотчинной переписки Б. И. Морозова 1648—1663 годов.

Наша историческая литература не богата материалами, относящимися к истории боярского вотчинного землевладения и хозяйства в XVI—XVII веках. Поэтому следует приветствовать всякие новые архивные изыскания и публикации в этой области. Документы хозяйства боярина Б. И. Морозова, крупного вотчинника и политического деятеля, представляют исключительный интерес. Ещё в 70-х годах XIX в. их использовал И. Е. Забелин для своей статьи «Большой боярин в своём вотчинном хозяйстве»¹.

Труд Забелина представляет собой яркий художественный очерк, к которому до сих пор с интересом обращается исследователь социально-экономической и бытовой истории Московского государства середины и второй половины XVII века. Однако Забелин привлёк для своей статьи далеко не весь материал, хранившийся в архиве бывшей Оружейной палаты, изучил и воспользовался им далеко не одинаково во всех его частях. Кроме того отсутствие точных ссылок на архивные дела лишало последующих исследователей возможности проверить выводы Забелина.

С выходом в 1940—1945 гг. двухтомного издания «Актов хозяйства боярина Б. И. Морозова» под ред. А. И. Яковлева историческая наука обогатилась новыми документами для изучения хозяйственной и социальной жизни XVII века.

¹ Журнал «Вестник Европы» № 1 за 1871 год, стр. 5—49 и № 2, стр. 465—514.

Документы рисуют организацию вотчинного управления, взаимоотношения между вотчинником и крестьянами на основе системы внеэкономического принуждения, сельскохозяйственную технику, структуру торговых и промышленных предприятий, деятельность крестьянского мира и т. д.

Топографический охват документов весьма широк. Они относятся к вотчинам: подмосковным, нижегородским, арзамасским, тверским, рязанским, коломенским, курмышским, вяземским. Полнее всего актовый материал характеризует социально-экономические взаимоотношения в пределах подмосковных (звенигородских) и курмышских вотчин. Исследователь получает возможность вскрыть своеобразие хозяйственной жизни в отдельных морозовских сёлах. Например в Нижегородском, Арзамасском, Курмышском уездах замечается сильный интерес к поташному делу, следствием чего является усиление эксплуатации крестьян на майданах. Акты, относящиеся к Рязанскому уезду, говорят о повинностях крестьян-рыболовов и т. д.

Хронологически вотчинная переписка боярина Морозова относится главным образом к трём основным периодам: 1) 1648 г., 2) 1650—1652 гг. и 3) 1659—1660 годы. Это обстоятельство позволяет исследователю связывать изучение морозовских вотчин с общими крупными явлениями в жизни страны. Редактор отмечает, что «Морозов, как хозяйственный комплекс, в конце 50-х годов уже не тот, каким он был в конце 40-х, и это зависело, конечно, не только от того, что боярин на 10 лет постарел и поумнел, но и от того, что именно в эти годы первой польской войны окончательно определился и окреп социальный сдвиг, внешним симво-

лом которого было ещё Уложение 1649 г.» (ч. I, стр. 6).

Следует признать совершенно правильным принятый в рецензируемом издании (в противоположность изданию 1933 г.) хронологический принцип расположения документов, позволяющий вскрыть «хронологическую последовательность мероприятий Морозова и реакции на них подвластного ему населения» (ч. I, стр. 4).

Признавая большую ценность нового издания «Актов хозяйства боярина Б. И. Морозова», считаем нужным отметить некоторые вопросы, возникающие при пользовании ими.

Прежде всего бросается в глаза совершенно случайное, чисто механическое деление на две части. Первая часть заканчивается документом от апреля 1652 г. (№ 217). Материалы второй части начинаются также с апреля 1652 года. Сам редактор признаёт, что часть вторая «представляет собою механически отделившую половину общего комплекса этого драгоценного для русской историографии материала» (ч. II, стр. 4). Гораздо естественнее было бы или выпустить единый цельный том (размеры которого, около 30 печатных листов, вполне приемлемы для издания) или произвести разбивку материала на две части — в соответствии с теми хронологическими «пологами», которые намечает сам редактор.

Приходится очень пожалеть о том, что издание лишено указателей. При хронологической системе расположения материала потребность в географическом указателе ощущается особенно остро. Весьма желательны также указатели личный и предметный. Правда, в предисловии ко второй части сказано, что указатели будут изданы отдельно, дополнительным выпуском (ч. II, стр. 4). Но пока исследователь вынужден пользоваться изданием без всякого аппарата, а это весьма затруднительно.

Некоторые вопросы возникают в связи с датировкой документов. Так, для отписок морозовских приказчиков иногда в заголовках указываются даты их написания (№№ 239, 241), иногда даты подачи в Москве (№ 242), иногда сразу две даты (написания и подачи: № 250). Часто в заголовке даётся глухая ссылка на месяц, тогда как в тексте документа находим указания на челно, позволяющие уточнить дату события (№№ 257, 258). Поэтому временами нарушается строгая хронология актов. В некоторых случаях документ сопровождается

легендой, разъясняющей основания, принятые для датировки (№ 255), в других случаях такая легенда отсутствует (№ 253).

Нельзя не отметить невыдержанность приёмов расположения актов под одним общим или, напротив, под разными номерами. Так, например, под № 228 помещены две отписки, адресованные Б. И. Морозову двумя его приказчиками из разных сёл. Вместе они даны, очевидно, потому, что извлечены из одного столбца, в который вклеены рядом друг с другом. Но под №№ 230—231 «Память Б. И. Морозова» его приказчикам напечатаны отдельно, хотя в подлинном столбце они также занимают два соседних листа и относятся к одному времени.

Нет единообразия в заголовках. Сравнить, например, №№ 243 и 244. В первом случае: «Отписка приказчика с. Павловского (Звенигород. у.) А. Дементьева Б. И. Морозову...» Во втором: «Отписка приказчика с. Павловского (Звенигород. у.) А. Дементьева...» (не указан адресат, каковым является всё тот же боярин Морозов).

Под № 355 читаем заголовок: «1657 г. мая 16—августа 26. Росписи хлеба, взятому взаймы у Б. И. Морозова крестьянами деревень и приселков с. Мурашкина». В действительности же, кроме хлебных росписей, здесь же находим и ряд крестьянских челобитных. При этом совершенно непонятно, почему акт под № 356, представляющий также роспись крестьянскому хлебу, оторвался от комплекса связанных с ним документов, помещённых под № 355.

№ 402 озаглавлен как «Переписка по делу об отдаче на откуп кваса и суела в с. Яцщени (Арзамас. у.) крестьянам — с. Мурашкина С. Борисову и с. Троицкого Т. Осипову». Переписка эта состоит из двух документов: челобитной крестьянина С. Борисова и грамоты Б. И. Морозова «человеку» Нижегородской вотчины с. Троицкого. В заголовке эти документы не упомянуты, хотя в других случаях заголовки обычно перечисляют все помещённые под ними акты.

Количество примеров, касающихся нечёткости археографического оформления, можно было бы увеличить. Однако это несколько не нарушает общей научной ценности издания. Исследователи, занимающиеся историей землевладения и хозяйства Московского государства XVII в., получили в своё распоряжение исключительно интересный материал.

Л. Черепнин

«Учёные записки» Ярославского государственного педагогического института. Вып. VII (XVII). История. Ярославль. 1945.

Рецензируемый VII выпуск «Учёных записок», посвящённый истории, открывается статьёй доц. П. Г. Андреева «Народная война 1812 г. в русской исторической литературе». Вопрос о народной войне стал актуальной научной проблемой, собственно, с тех пор, когда началось научное изуче-

ние войны 1812 года. П. Г. Андреев справедливо причисляет двух первых крупных исследователей Отечественной войны 1812 г. — Михайловского-Данилевского (1839) и М. Богдановича (1859) — к представителям дворянско-монархической концепции. Оба автора, разумеется, не могли

лом которого было ещё Уложение 1649 г.» (ч. I, стр. 6).

Следует признать совершенно правильным принятый в рецензируемом издании (в противоположность изданию 1933 г.) хронологический принцип расположения документов, позволяющий вскрыть «хронологическую последовательность мероприятий Морозова и реакции на них подвластного ему населения» (ч. I, стр. 4).

Признавая большую ценность нового издания «Актов хозяйства боярина Б. И. Морозова», считаем нужным отметить некоторые вопросы, возникающие при пользовании ими.

Прежде всего бросается в глаза совершенно случайное, чисто механическое деление на две части. Первая часть заканчивается документом от апреля 1652 г. (№ 217). Материалы второй части начинаются также с апреля 1652 года. Сам редактор признаёт, что часть вторая «представляет собою механически отделившую половину общего комплекса этого драгоценного для русской историографии материала» (ч. II, стр. 4). Гораздо естественнее было бы или выпустить единый цельный том (размеры которого, около 30 печатных листов, вполне приемлемы для издания) или произвести разбивку материала на две части — в соответствии с теми хронологическими «пологами», которые намечает сам редактор.

Приходится очень пожалеть о том, что издание лишено указателей. При хронологической системе расположения материала потребность в географическом указателе ощущается особенно остро. Весьма желательны также указатели личный и предметный. Правда, в предисловии ко второй части сказано, что указатели будут изданы отдельно, дополнительным выпуском (ч. II, стр. 4). Но пока исследователь вынужден пользоваться изданием без всякого аппарата, а это весьма затруднительно.

Некоторые вопросы возникают в связи с датировкой документов. Так, для отписок морозовских приказчиков иногда в заголовках указываются даты их написания (№№ 239, 241), иногда даты подачи в Москве (№ 242), иногда сразу две даты (написания и подачи: № 250). Часто в заголовке даётся глухая ссылка на месяц, тогда как в тексте документа находим указания на челно, позволяющие уточнить дату события (№№ 257, 258). Поэтому временами нарушается строгая хронология актов. В некоторых случаях документ сопровождается

легендой, разъясняющей основания, принятые для датировки (№ 255), в других случаях такая легенда отсутствует (№ 253).

Нельзя не отметить невыдержанность приёмов расположения актов под одним общим или, напротив, под разными номерами. Так, например, под № 228 помещены две отписки, адресованные Б. И. Морозову двумя его приказчиками из разных сёл. Вместе они даны, очевидно, потому, что извлечены из одного столбца, в который вклеены рядом друг с другом. Но под №№ 230—231 «Память Б. И. Морозова» его приказчикам напечатаны отдельно, хотя в подлинном столбце они также занимают два соседних листа и относятся к одному времени.

Нет единообразия в заголовках. Сравнить, например, №№ 243 и 244. В первом случае: «Отписка приказчика с. Павловского (Звенигород. у.) А. Дементьева Б. И. Морозову...» Во втором: «Отписка приказчика с. Павловского (Звенигород. у.) А. Дементьева...» (не указан адресат, каковым является всё тот же боярин Морозов).

Под № 355 читаем заголовок: «1657 г. мая 16—августа 26. Росписи хлеба, взятому взаймы у Б. И. Морозова крестьянами деревень и приселков с. Мурашкина». В действительности же, кроме хлебных росписей, здесь же находим и ряд крестьянских челобитных. При этом совершенно непонятно, почему акт под № 356, представляющий также роспись крестьянскому хлебу, оторвался от комплекса связанных с ним документов, помещённых под № 355.

№ 402 озаглавлен как «Переписка по делу об отдаче на откуп кваса и суела в с. Яцщени (Арзамас. у.) крестьянам — с. Мурашкина С. Борисову и с. Троицкого Т. Осипову». Переписка эта состоит из двух документов: челобитной крестьянина С. Борисова и грамоты Б. И. Морозова «человеку» Нижегородской вотчины с. Троицкого. В заголовке эти документы не упомянуты, хотя в других случаях заголовки обычно перечисляют все помещённые под ними акты.

Количество примеров, касающихся нечёткости археографического оформления, можно было бы увеличить. Однако это несколько не нарушает общей научной ценности издания. Исследователи, занимающиеся историей землевладения и хозяйства Московского государства XVII в., получили в своё распоряжение исключительно интересный материал.

Л. Черепнин

«Учёные записки» Ярославского государственного педагогического института. Вып. VII (XVII). История. Ярославль. 1945.

Рецензируемый VII выпуск «Учёных записок», посвящённый истории, открывается статьёй доц. П. Г. Андреева «Народная война 1812 г. в русской исторической литературе». Вопрос о народной войне стал актуальной научной проблемой, собственно, с тех пор, когда началось научное изуче-

ние войны 1812 года. П. Г. Андреев справедливо причисляет двух первых крупных исследователей Отечественной войны 1812 г. — Михайловского-Данилевского (1839) и М. Богдановича (1859) — к представителям дворянско-монархической концепции. Оба автора, разумеется, не могли

пройти мимо участия народных масс в войне 1812 г., но, конечно, дали своё субъективное, классовое освещение, подчёркивая руководящую роль в народной войне правительства и его местных органов (стр. 5). Естественно, что оба автора замалчивали антикрепостническое движение крестьян в 1812 году.

В 1912 г. в связи со столетием Отечественной войны 1812 г. было опубликовано многотомное издание «Отечественная война и русское общество» под редакцией А. К. Дживилегова, В. И. Пичеты и др. В этом сборнике была изложена либерально-буржуазная концепция народной войны 1812 года. По справедливому замечанию П. Г. Андреева, либерально-буржуазная историография, в сущности, отрицала народную войну 1812 г. «как войну русского народа, одушевлённого любовью к своему отечеству» (стр. 6). Отрицание народной войны 1812 г. получило крайнее выражение в статье А. К. Дживилегова «Народная война 1812 г.»¹. Ещё дальше пошёл в отрицании народной войны М. Н. Покровский. «Нигилизм» Покровского, — говорит П. Г. Андреев, — был дальнейшим развитием скептицизма либерально-буржуазной концепции» (стр. 8).

Согласно мнению автора, в советской литературе о народной войне 1812 г. первое место принадлежит, бесспорно, акад. Е. В. Тарле. Оценивая книгу Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год», автор упрекает его в том, что он «явно затушёвывал остроту классовых противоречий между крепостным крестьянством и крепостническим дворянством и борьбу крестьян против помещиков и крепостного права в год нашествия Наполеона. Он признаёт, что крестьянское движение, антикрепостническое и антипомещичье, в России в 1812 г. было, но затем рядом своих утверждений сводит это движение по существу на-нет» (стр. 9). Сам же автор, основываясь на статье В. Семевского о волнениях крестьян в год нашествия Наполеона, полагает, что, вопреки мнению Е. В. Тарле, крестьянские выступления против крепостного права и помещиков в этом году вовсе не были ни «относительной редкостью», ни «каплей в море» (стр. 9).

П. Г. Андреев почему-то прошёл мимо статьи А. Предтеченского «Отечественная война 1812 г.»², где дано подробное освещение народной войны 1812 г. не только в России, но и в Белоруссии.

Отправляясь от оценки Лениным наполеоновских войн, П. Г. Андреев справедливо считает войну 1812 г. национально-освободительной войной против империализма наполеоновской Франции. «В этой войне приняла участие вся страна, все классы населения» (стр. 10—11).

Доц. Д. Л. Похилевич опубликовал две статьи — «От Торунского статута к Уста-

ве на волоки» и «О реакционном характере аграрной реформы Сигизмунда Августа в Литовском государстве». Обе они связаны одна с другой и представляют главы из специального исследования.

Аграрный строй великого княжества Литовского во второй половине XVI в. давно привлек к себе внимание исследователей. Его касались М. К. Любавский, М. В. Довнар-Запольский, В. И. Пичета. В настоящее время подготовлены к печати две работы «О Кобринском старосте» — Н. Влашиком и В. Зеленецким. Небольшую работу о «волочной помере» опубликовал и польский историк Л. Коланковский.

Хозяйственные мероприятия Сигизмунда Августа М. К. Любавский, М. В. Довнар-Запольский и Л. Коланковский называют «волочной померой»; В. И. Пичета характеризует их как «аграрную реформу». Д. Л. Похилевич пользуется этим термином. Термин «аграрная реформа» нам кажется неудовлетворительным. Вместо него следует пользоваться термином «землеустроительная политика», более отвечающим сущности «волочной померы».

В своей первой статье Д. Л. Похилевич собрал много ценных данных о применении барщинного труда в Польше задолго до Торунского статута 1520 г., а также и в Литве до издания «Уставы на волоки», но автор стоит на ложной точке зрения, рассматривая Польшу и Литву как единое целое. Между тем это два самостоятельных государства, лишь объединённые личной, т. е. династической, унией. Оба государства экономически развивались самостоятельно, и Торунский статут 1520 г. не имел и не мог иметь значения для Литвы. Напрасно автор придаёт большое значение так называемому польскому влиянию на Литву. Социально-экономическое развитие Польши и Литвы — два параллельных процесса с той лишь разницей, что Польша шла впереди Литвы. В обоих государствах в XVI в. устанавливались феодально-крепостнические отношения, но в Польше крестьянское землепользование было индивидуальным, в Литве же, в особенности в великокняжеских доменах, ещё в первой половине XVI в. преобладало общинное землевладение. Переход в Литве к индивидуальному землепользованию в великокняжеских имениях был связан с введением в действие «Уставы на волоки». Частные землевладельцы также приступили к переустройству своего хозяйства на основе индивидуального землепользования. Хозяйственными мероприятиями были охвачены раньше всего западные районы великого княжества Литовского, и только с начала XVII в. началось переустройство хозяйства в великокняжеских доменах восточной части его.

По мнению автора, организация фольварков в Литве — не результат самостоятельного развития производительных сил и производственных отношений на определённой стадии развития феодального общества, а следствие влияния Торунского статута. Это утверждение ошибочно уже потому, что Торунский статут имел дело с индивидуальным землепользованием, тогда как в Литве

¹ Дживилегов А. Сборник «Александр I и Наполеон», статья «Народная война 1812 г.». М. 1915.

² Предтеченский А. «Отечественная война 1812 г.»; см. «Исторический журнал» № 7—8 за 1941 год.

оно только вводилось в широком масштабе. Однако автор прав в своём утверждении, что «оба эти документа являются плодом одних и тех же экономических и политических факторов» (стр. 17).

Полное недоумение вызывают слова автора: «Какова судьба «Уставы на волоки» после Люблинской унии? В Литве она не была ни отменена, ни заменена каким-нибудь другим актом, но в частновладельческих поместьях, на которые она официально и не распространялась, всё же, как «законная» мотивация, получила хождение не она, а Торунский статут, оказавшийся более гибким и удобным для наступления на крестьянство» (стр. 17—18). Так автор в категорической форме утверждает то, чего не было в действительности. Ни в одном документе Литовской метрики мы не встречаем упоминания о Торунском статуте. В ответ на недоуменный вопрос автора о судьбе «волочной померы» после Люблинской унии мы отметим, что она сохраняла своё действие. Только при ревизии доменов увеличались нормы барщины. В начале XVII в. было произведено земельное переустройство Бобруйского староства, а также Гомельского и др. Об этом мы говорили в нашем исследовании «Аграрная реформа», а также в исследовании «Die Agrarreformen in den östlichen Bezirke des Litauisch-Weißrussischen Staates in der zweiten Hälfte des 16. und zu Beginn des 17. Jahrhunderts», напечатанном на немецком языке. Об этом писали и Д. И. Довгялло в работе «Свислоцкая волость» и К. Корнажицкий в исследовании «Бобруйское староство».

Вторая статья Д. Л. Похилевича касается той же «Уставы на волоки». Автор затрагивает в ней много вопросов, требующих серьёзного, всестороннего рассмотрения, но ограничивается только одними категорическими выводами. Например, вопрос о феодализме в Литве решается не так просто, как думает автор. Это проблема, требующая исследования. Вслед за польскими исследователями автор напрасно возрождает теорию о развитии феодализма в Литве в результате литовско-польской унии. Феодализм в Литве развивался не под русским, польским или орденомским влиянием, а в результате развития собственных производительных сил. Д. Л. Похилевич отмечает лишь развитие производительных сил в результате внешней торговли. А как обстоит дело с развитием ремесла и внутренней торговли? Игнорирование внутреннего рынка устарело.

Правильно отмечает автор рост городов и получение ими магдебургского права. Однако Д. Л. Похилевич проходит мимо вопроса, почему западные прибалтийские города получили магдебургское право раньше, чем восточные, хотя это достаточно ясно разъяснено в историографии. Несомненно, в городах развивалась ремесленная промышленность, но о XV в. мы имеем мало данных. О цехах в XV в. нам ничего не известно, за исключением цеха «злотников» в Вильне. Цеховые уставы сохранились только от XVI—XVIII веков. Нельзя не отме-

тить, что автор не имеет точного представления о населении городов Литвы. Рискованно его утверждение, будто города в Литве явились результатом еврейско-немецкой колонизации. Автору, повидимому, неизвестно, что евреи в городском самоуправлении не принимали участия, а жили и имели самоуправление, отдельное от христианского городского населения. Неверно, что полоцкие мещане, убившие Иосафата Кунцевича, были немцами. Не могли в Полоцке в XV в. жить немцы, там в то время даже не было ни одного костёла. Нельзя двумя словами, без всякой аргументации, решать серьёзные вопросы.

Оставляя в стороне некоторые другие спорные наблюдения Д. Л. Похилевича, отметим, что автор не понял сущности «Уставы на волоки». Он рассматривает «Уставу» как победу шляхты, тогда как в действительности она была направлена против шляхты, так как сопровождалась своего рода редуцией — отобранием земель, захваченных шляхтой.

Автор ошибочно считает «Уставу на волоки» введением немецкого права. Что же было в ней немецкого? «Устава на волоки» сохраняла феодально-крепостнические отношения на основе индивидуального землепользования. И только. Никаких норм немецкого права она не вводила, а разложение общины и индивидуальное землепользование вытекали из классовых интересов землевладельцев, учитывавших благоприятную для них экономическую конъюнктуру.

Д. Л. Похилевич критикует мнение тех авторов, которые считали «аграрную реформу» итогом передовой экономической мысли; сам автор считает её реакционной. В землеустроительной политике Сигизмунда Августа можно отметить две стороны: экономическую и социальную. Она содействовала развитию производительных сил, подняла великокняжеское и частновладельческое сельское хозяйство, улучшила его технику, но вместе с тем она уничтожила постепенно общину, была начальным фактом в обезземеливании крестьян, устанавливала для части крестьян барщину и вводила чинш. Несомненно, она ухудшила положение крестьян. С этих двух точек зрения и следует оценивать землеустроительную политику Сигизмунда Августа. Она была неизбежной в тогдашних экономических условиях и отвечала классовым интересам землевладельцев.

Мы остановились так подробно на статье Д. Л. Похилевича потому, что она касается важного момента в социально-экономической жизни великого княжества Литовского второй половины XVI в., нуждающегося в специальном исследовании. Статья обнаруживает прекрасное знание автором литературы и источников. Только было бы желательно придать ей большую архитектурную стройность, отделить Польшу от Литвы, а также экономическое развитие западной части великого княжества Литовского исследовать отдельно от восточной, поскольку развитие последней происходило более замедленным темпом.

Интересна статья ассистента О. П. Дьяконова «К истории Ярославского посада в XVI—XVII вв.», в которой автор исследует борьбу «ярославцев — посадских людей с одним из крупнейших вотчинников Московского государства — Ярославским Спасским монастырём». Борьба окончилась тем, что в 1647 г. требования посада были удовлетворены полностью.

Ценна статья проф. В. И. Борковского «Героическое прошлое русского народа в изображении А. С. Пушкина».

Две статьи посвящены древнему Востоку. Это — исследование доц. Н. И. Пикуса «Налоговый закон в эллинистическом Египте III в. до н. э.» и статья А. С. Башкирова «Антисейсизм древней архитектуры Египта».

В «Записках» помещены две статьи доц. М. И. Фримана, относящиеся к 1848 г., — «Критический обзор источников и литературы о берлинском пролетариате накануне революции 1848 г.» и «Стефан Борн, как выразитель экономической тенденции в рабочем движении Германии 1848—1849 гг.». Опубликована часть I исследования проф. В. Д. Преображенского «Франко-русские отношения в XVI—XVII вв. «Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических сношений между ними и первые

русские посольства во Францию». До сих пор в нашей историографии не было специальной монографии о франко-русских отношениях в XVI—XVII веках. Хотя Н. М. Карамзин и С. М. Соловьёв уделили известное внимание отношениям России с Францией, однако С. М. Соловьёв ведёт начало дипломатических сношений с Францией только с 1615 года. Французский же исследователь Рамбо усматривает, что «до половины XVII в. Россия для Франции не представляла никакого интереса». Проф. В. Д. Преображенский отвергает эти точки зрения, считая, что началом дипломатических отношений между Россией и Францией является XVI век.

В качестве приложения к сборнику даны тезисы к докторской диссертации А. С. Башкирова «Антисейсизм древней архитектуры. Из истории конструкций (Египет, Месопотамия, Иран, Греция, Италия, Юг СССР)».

В заключение следует отметить, что богатый по содержанию выпуск VII «Учёных записок» Ярославского педагогического института, несомненно, заслуживает одобрения и может служить примером подобных изданий.

Проф. В. Пичета

«Судоподъём», сборник № 1 (29). Наркомречфлот СССР. М.—Л. 1945. Орбели Р., проф. «Гидроархеология. О подводных исторических изысканиях близ древних греческих городов на Черноморском побережье», стр. 140—176.

«Судоподъём», сборник № 2 (30) Наркомречфлот. М.—Л. 1945. Орбели Р., проф. «Медные рудники под водой», стр. 175—186.

9 мая 1943 г. в Москве скончался проф. Рубен Абгарович Орбели. Смерть прервала начатую им огромную работу, обещавшую обогатить советскую науку новой научной дисциплиной — гидроархеологией, разработку которой Р. А. Орбели не прерывал и в тяжёлых условиях блокады Ленинграда.

Работа эта была начата в 1934 г. по инициативе Главного управления Краснознамённой экспедиции подводных работ на морях и реках СССР (Эпрон). Задание состояло в составлении полной научной истории подводных работ, с древнейших времён и до наших дней. Отсутствие научной литературы по этому вопросу поставило Р. А. Орбели перед необходимостью начать с азов, т. е. с собирания материалов. Рубен Абгарович должен был в качестве филолога погружаться в изучение греческих и римских классиков, рукописных документов Московской Руси XVII столетия, в толкование манускриптов и эскизов Леонардо да Винчи, проявлять эрудицию и сметку специалиста-инженера, наконец, не довольствуясь письменными материалами, в качестве практика-археолога добывать со дна моря вещественные доказательства подводной работы истекших столетий. Р. А. Орбели менее все-

го был кабинетным учёным-одиночкой. Энтузиаст советского строительства, он мыслил возможным осуществить свои далеко идущие планы путём коллективной работы, в частности путём комплексных экспедиций с включением в их состав специалистов по геологии, химии и другим естественным наукам. Эта коллективная работа должна была воспитать кадры водолазов-археологов, ч Р. А. Орбели придавал большое значение пропаганде задач гидроархеологии рядовым работникам Эпрона, без которых невозможны были бы крупные археологические открытия учёного.

Результаты жизненного труда Р. А. Орбели вкратце таковы: им заложены основы новой науки — гидроархеологии, отличающейся от обычной, полевой археологии не только своеобразием своего подводного материала, но в связи с этим и своеобразием своей методики. Р. А. Орбели успел начать большую работу по созданию гидроархеологической карты СССР, которая должна была стать как бы программой огромной археологической работы, хлопотал о создании гидроархеологического института и музея. Поучительно сравнить характер работ Р. А. Орбели хотя бы с работами по извлечению

Интересна статья ассистента О. П. Дьяконова «К истории Ярославского посада в XVI—XVII вв.», в которой автор исследует борьбу «ярославцев — посадских людей с одним из крупнейших вотчинников Московского государства — Ярославским Спасским монастырём». Борьба окончилась тем, что в 1647 г. требования посада были удовлетворены полностью.

Ценна статья проф. В. И. Борковского «Героическое прошлое русского народа в изображении А. С. Пушкина».

Две статьи посвящены древнему Востоку. Это — исследование доц. Н. И. Пикуса «Налоговый закон в эллинистическом Египте III в. до н. э.» и статья А. С. Башкирова «Антисейсизм древней архитектуры Египта».

В «Записках» помещены две статьи доц. М. И. Фримана, относящиеся к 1848 г., — «Критический обзор источников и литературы о берлинском пролетариате накануне революции 1848 г.» и «Стефан Борн, как выразитель экономической тенденции в рабочем движении Германии 1848—1849 гг.». Опубликована часть I исследования проф. В. Д. Преображенского «Франко-русские отношения в XVI—XVII вв. «Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических сношений между ними и первые

русские посольства во Францию». До сих пор в нашей историографии не было специальной монографии о франко-русских отношениях в XVI—XVII веках. Хотя Н. М. Карамзин и С. М. Соловьёв уделили известное внимание отношениям России с Францией, однако С. М. Соловьёв ведёт начало дипломатических сношений с Францией только с 1615 года. Французский же исследователь Рамбо усматривает, что «до половины XVII в. Россия для Франции не представляла никакого интереса». Проф. В. Д. Преображенский отвергает эти точки зрения, считая, что началом дипломатических отношений между Россией и Францией является XVI век.

В качестве приложения к сборнику даны тезисы к докторской диссертации А. С. Башкирова «Антисейсизм древней архитектуры. Из истории конструкций (Египет, Месопотамия, Иран, Греция, Италия, Юг СССР)».

В заключение следует отметить, что богатый по содержанию выпуск VII «Учёных записок» Ярославского педагогического института, несомненно, заслуживает одобрения и может служить примером подобных изданий.

Проф. В. Пичета

«Судоподъём», сборник № 1 (29). Наркомречфлот СССР. М.—Л. 1945. Орбели Р., проф. «Гидроархеология. О подводных исторических изысканиях близ древних греческих городов на Черноморском побережье», стр. 140—176.

«Судоподъём», сборник № 2 (30) Наркомречфлот. М.—Л. 1945. Орбели Р., проф. «Медные рудники под водой», стр. 175—186.

9 мая 1943 г. в Москве скончался проф. Рубен Абгарович Орбели. Смерть прервала начатую им огромную работу, обещавшую обогатить советскую науку новой научной дисциплиной — гидроархеологией, разработку которой Р. А. Орбели не прерывал и в тяжёлых условиях блокады Ленинграда.

Работа эта была начата в 1934 г. по инициативе Главного управления Краснознамённой экспедиции подводных работ на морях и реках СССР (Эпрон). Задание состояло в составлении полной научной истории подводных работ, с древнейших времён и до наших дней. Отсутствие научной литературы по этому вопросу поставило Р. А. Орбели перед необходимостью начать с азов, т. е. с собирания материалов. Рубен Абгарович должен был в качестве филолога погружаться в изучение греческих и римских классиков, рукописных документов Московской Руси XVII столетия, в толкование манускриптов и эскизов Леонардо да Винчи, проявлять эрудицию и сметку специалиста-инженера, наконец, не довольствуясь письменными материалами, в качестве практика-археолога добывать со дна моря вещественные доказательства подводной работы истекших столетий. Р. А. Орбели менее все-

го был кабинетным учёным-одиночкой. Энтузиаст советского строительства, он мыслил возможным осуществить свои далеко идущие планы путём коллективной работы, в частности путём комплексных экспедиций с включением в их состав специалистов по геологии, химии и другим естественным наукам. Эта коллективная работа должна была воспитать кадры водолазов-археологов, ч Р. А. Орбели придавал большое значение пропаганде задач гидроархеологии рядовым работникам Эпрона, без которых невозможны были бы крупные археологические открытия учёного.

Результаты жизненного труда Р. А. Орбели вкратце таковы: им заложены основы новой науки — гидроархеологии, отличающейся от обычной, полевой археологии не только своеобразием своего подводного материала, но в связи с этим и своеобразием своей методики. Р. А. Орбели успел начать большую работу по созданию гидроархеологической карты СССР, которая должна была стать как бы программой огромной археологической работы, хлопотал о создании гидроархеологического института и музея. Поучительно сравнить характер работ Р. А. Орбели хотя бы с работами по извлечению

римских судов со дна озера Немн в Италии¹. Какой официальный, сугубо казённый характер приняли эти работы, не давшие в самой Италии никакого толчка не только к созданию новой науки, но даже к углублённому пересмотру традиционной археологической методики!

Материалы, напечатанные в №№ 1 и 2 (29 и 30) журнала «Судоподъём», позволяют в некоторой, хотя и недостаточной мере судить об археологических изысканиях Р. А. Орбели, а также о результатах изучения им истории подводного дела на основании письменных источников. Методы и результаты археологической работы Р. А. Орбели суммируются им самим в статье «Гидроархеология» («Судоподъём» № 1, стр. 140—176). В этой статье автор подробно рассказывает о двух археологических экспедициях — 1937 и 1939 годов. Основной задачей первой из них было обследовать море вдоль береговой полосы близ Керчи, Феодосии, Херсонеса и Ольвии в целях изучения относящихся к древности находок под водой и в грунте. Ввиду того что Чёрное море постепенно отвоёвывает всё новые куски побережья, можно было ожидать открытия не только унесённых морем отдельных предметов или частей строений, но, может быть, частей античных гаваней или даже кварталов античных городов. Первым объектом исследования явился Херсонес. Вскоре выяснилось, что часть античного города находится под водой. Удалось точно установить местоположение древней гавани, но за отсутствием технического оборудования от детального обследования пришлось отказаться. В Ольвии удалось выяснить, что весь нижний город ополз в море вместе с портом и набережной. Таким образом экспедиция показала реальность программы гидроархеологической работы, обещающей открытие важнейших памятников античной культуры. 12 сентября 1937 г. из Буга у с. Саботиновка был извлечён чёлн—древняя лодка-однодеревка. Тщательное изучение формы древесины (с применением химического анализа) показало его глубокую древность, восходящую к скифской эпохе в истории нашего Юга. Это подлинный уникум, не знающий по своей исторической ценности соперников среди аналогичных памятников западно-европейской археологии.

Экспедиция 1939 г. должна была завершить начатые в 1937 г. работы, значительно продвинуть изучение античных черноморских гаваней и затонувших древних судов; её программа включала и археологические разведки на Севере. Основные результаты и на этот раз были достигнуты в районе Чёрного моря. К интересным выводам привело обследование южной части Феодосийского порта: вынутые из гряды на глубине 6 м камни доказывают существование мола-волнореза III—II вв. до нашей эры. Точно так же открыт мол в Коктебеле, и Р. А. Орбели считает возможным приурочить к Коктебелю античные Фуллы. В Керчи не только открыт мол-волнорез, но и довольно много античных сосудов (амфоры, нифосы). Р. А. Орбели

в этих работах показал умение сочетать интенсивное использование античных письменных источников с археологическим изучением местности, причём для его методики характерно, что он исходит из последнего, а античные тексты привлекаются им в целях истолкования открываемого археологического материала.

По этой археологической работе не исчерпывается творческий путь Р. А. Орбели. После него осталось не менее 50 объёмистых папок с материалами на двадцати языках. Это первый опыт в науке собирания материала по истории водолазного дела. Среди этих материалов имеются копии письменных первоисточников, их анализ, аннотации научных трудов, библиографические списки, фотографии рукописей, рисунки редких изданий и предметов, диапозитивы, географические карты, переписка с учёными-специалистами. Кое-какие отрывки из своего труда Р. А. Орбели уже напечатал при жизни, кое-что при условии небольшой доработки и редакции специалиста ещё может быть опубликовано. Редакция журнала «Судоподъём» обещает систематически публиковать отдельные части труда Р. А. Орбели, а ранее напечатанное объединить в одном томе.

Из напечатанных с 1936 по 1940 г. статей Р. А. Орбели следует отметить следующие: «Леонардо да Винчи», «Водолазы Московской Руси», «О двух датах XVII столетия на Западе» и «Водолазы Греции и Рима».

В статье о Леонардо да Винчи на основании тщательного изучения его манускриптов Р. А. Орбели удалось показать большую работу великого художника и инженера над теорией и практикой подводных спусков, главным образом в применении к военным нуждам. Леонардо разработал костюм водолаза, аппарат для дыхания под водой и другие приспособления этого рода и даже поддал идею подводной лодки. Эта статья Р. А. Орбели была крупным открытием в науке, так как до него никто не предполагал о занятиях Леонардо да Винчи в этой области.

В статье о водолазах в Московской Руси на основании детального анализа некоторых рукописных документов XVII в. выясняется существование в те времена особой профессии водолазов, главным образом для ловли рыбы в загороженных участках реки. Этот промысел в своё время имел большое экономическое значение, и Р. А. Орбели нашёл в документах интересные данные как о технике промысла, так и об экономическом и правовом положении водолазов.

В статье «О двух датах XVII столетия на Западе» разбирается вопрос о дате создания подводного колокола. И оказывается, что впервые ещё в 1615 г. в брошюре «О секретах или различных тайных искусствах» Франца Кесслера довольно подробно развёрнута эта идея. Таким образом, существующее мнение, что это открытие принадлежит Штурму, ошибочно, поскольку работы Штурма относятся к 1672—1676 гг., а вовсе не к началу XVI в., как принято считать в специальной литературе.

¹ J. Ucelli. Le navi di Nemi. Roma. 1940.

Статья «Водолазы Греции и Рима» имеет лишь вводный характер. Судя по сохранившемуся плану книги «Водолазы древнего мира», Р. А. Орбели задумал капитальное исследование, охватывающее эту тему в масштабе всей древности, от древнего Востока до Римской империи.

Напечатанные в №№ 1 и 2 «Судоподъёма» статьи позволяют высоко ценить трудолюбие и искусство исследователя. Ему удалось дать новое освещение уже, казалось бы, хорошо известных фактов. Например, впервые в науке Р. А. Орбели подчёркивает роль водолазов в греко-персидской морской войне.

В статье «Медные рудники под водой», подготовленной к печати В. П. Зубовым, на основании безукоризненного филологического анализа свидетельств Диогена Лахрета,

Антигона из Кариста, псевдо-Аристотеля и Стефана Византийского и сопоставления с ними данных географии анализируемой местности Р. А. Орбели удаётся установить факт разработки в древности подводных медных рудников на Прианевых островах в Мраморном море. Очевидно, в некоторых случаях филология и археология могут указать нам на забытые возможности эксплуатации металлических рудников под водой. Достаточно вспомнить о добыче из воды в античности жемчуга, губок, устриц, пурпура, рыбы и т. д. Стремление увязать с нуждами современности такую, казалось бы, далёкую от них науку, как гидроархеология, является характерным для рано скончавшегося учёного.

С. Лясковский

MILLER JOHN, *Origins of the American Revolution*. Little. And Brown Company. Boston. 1943. 519 p.

МИЛЛЕР ДЖ. *Происхождение американской революции*.

К исследованию проблемы происхождения американской революции автор проф. Гарвардского университета Джон Миллер привлёк большое количество как американских, так и английских источников. Проф. Миллер дважды побывал в Европе и использовал для своей работы богатые архивы Британского музея. В полной мере привлёк он и архивы и публикации исторических обществ отдельных штатов, в особенности Массачусетса, Нью-Йорка и Пенсильвании, материалы библиотеки конгресса (Вашингтон), Гарвардского университета, Публичной библиотеки в Нью-Йорке и архива Американского философского общества. Меньше внимания он уделил источникам, относящимся к участию в революции южных штатов, что отрицательно отразилось на всей его работе.

Изложению фактического хода событий, охватывающих период от окончания Семилетней войны до принятия «Декларации независимости», проф. Миллер посвящает две главы, в которых рассматривает проблему экономических, идеологических и политических причин революции. При этом первенствующее значение он признаёт за причинами политическими и следующим по степени значимости считает различие идеологий. Экономические причины Дж. Миллер не отрицает, но придаёт им второстепенное значение.

Касаясь в главе I экономических вопросов, автор приводит интересный материал, показывающий, что метрополия обрекала свои колонии на постоянную экономическую неполноценность. Колониям предназначалась тогда скромная роль снабжения метрополии и её промышленности всем необходимым сырьём и колониальными товарами, как то: сахар, табак, хлопок, лес, пушнина, патока, рис. Торговля этими товарами была монополизирована метрополией, и английские купцы

извлекали при этом огромные барыши. Вся прибыль от реэкспорта на континент оставалась в карманах английских торговых компаний. Сколь значительны были убытки колонистов, можно иллюстрировать на примере табачного экспорта: из 96 тыс. больших бочек табачного листа из Англии реэкспортировалось 82 тыс., и плантаторы теряли на каждой бочонке 3 ф. стерлингов. Кроме того из-за значительного падения цен на табак ранее богатые плантаторы становились неплатными должниками торговых домов Лондона, Ливерпуля и других портов. Плантационное хозяйство колоний, где табак был в то время основной культурой, испытывало тяжёлый кризис. Не только южные, но и все остальные колонии страдали от того, что Англия ежегодно сбывала на американском рынке свои мануфактурные изделия на сумму не менее 2 млн. ф. ст. по ценам, превышавшим европейские на 25—40%.

Торговый баланс колоний был неизменно пассивным, и остро ощущался недостаток денег. Запрещение в 1751 г. парламентом выпуска бумажных денег сначала в Новой Англии, а потом, в 1764 г., и во всех колониях внесло окончательную дезорганизацию в колониальную торговлю. Введение метрополией после Семилетней войны высоких таможенных пошлин и налогов ещё более обострило этот кризис.

До 1764 г. британское правительство не принимало строгих мер к проведению в колониях законов парламента. С лёгкой руки Уолпола, оно предпочитало придерживаться политики «спасительного пренебрежения», но когда после дорогостоящей Семилетней войны государственный долг Великобритании достиг 150 млн. ф. ст., политика стала иной. Метрополия приняла меры против процветающей в колониях контрабандной торговли и обратилась сначала к косвенному, а

Статья «Водолазы Греции и Рима» имеет лишь вводный характер. Судя по сохранившемуся плану книги «Водолазы древнего мира», Р. А. Орбели задумал капитальное исследование, охватывающее эту тему в масштабе всей древности, от древнего Востока до Римской империи.

Напечатанные в №№ 1 и 2 «Судоподъёма» статьи позволяют высоко ценить трудолюбие и искусство исследователя. Ему удалось дать новое освещение уже, казалось бы, хорошо известных фактов. Например, впервые в науке Р. А. Орбели подчёркивает роль водолазов в греко-персидской морской войне.

В статье «Медные рудники под водой», подготовленной к печати В. П. Зубовым, на основании безукоризненного филологического анализа свидетельств Диогена Лахрета,

Антигона из Кариста, псевдо-Аристотеля и Стефана Византийского и сопоставления с ними данных географии анализируемой местности Р. А. Орбели удаётся установить факт разработки в древности подводных медных рудников на Прианцевых островах в Мраморном море. Очевидно, в некоторых случаях филология и археология могут указать нам на забытые возможности эксплуатации металлических рудников под водой. Достаточно вспомнить о добыче из воды в античности жемчуга, губок, устриц, пурпура, рыбы и т. д. Стремление увязать с нуждами современности такую, казалось бы, далёкую от них науку, как гидроархеология, является характерным для рано скончавшегося учёного.

С. Лясковский

MILLER JOHN, *Origins of the American Revolution*. Little. And Brown Company. Boston. 1943. 519 p.

МИЛЛЕР ДЖ. *Происхождение американской революции*.

К исследованию проблемы происхождения американской революции автор проф. Гарвардского университета Джон Миллер привлёк большое количество как американских, так и английских источников. Проф. Миллер дважды побывал в Европе и использовал для своей работы богатые архивы Британского музея. В полной мере привлёк он и архивы и публикации исторических обществ отдельных штатов, в особенности Массачусетса, Нью-Йорка и Пенсильвании, материалы библиотеки конгресса (Вашингтон), Гарвардского университета, Публичной библиотеки в Нью-Йорке и архива Американского философского общества. Меньше внимания он уделил источникам, относящимся к участию в революции южных штатов, что отрицательно отразилось на всей его работе.

Изложению фактического хода событий, охватывающих период от окончания Семилетней войны до принятия «Декларации независимости», проф. Миллер посвящает две главы, в которых рассматривает проблему экономических, идеологических и политических причин революции. При этом первенствующее значение он признаёт за причинами политическими и следующим по степени значимости считает различие идеологий. Экономические причины Дж. Миллер не отрицает, но придаёт им второстепенное значение.

Касаясь в главе I экономических вопросов, автор приводит интересный материал, показывающий, что метрополия обрекала свои колонии на постоянную экономическую неполноценность. Колониям предназначалась тогда скромная роль снабжения метрополии и её промышленности всем необходимым сырьём и колониальными товарами, как то: сахар, табак, хлопок, лес, пушнина, патока, рис. Торговля этими товарами была монополизирована метрополией, и английские купцы

извлекали при этом огромные барыши. Вся прибыль от реэкспорта на континент оставалась в карманах английских торговых компаний. Сколь значительны были убытки колонистов, можно иллюстрировать на примере табачного экспорта: из 96 тыс. больших бочек табачного листа из Англии реэкспортировалось 82 тыс., и плантаторы теряли на каждой бочонке 3 ф. стерлингов. Кроме того из-за значительного падения цен на табак ранее богатые плантаторы становились неплатными должниками торговых домов Лондона, Ливерпуля и других портов. Плантационное хозяйство колоний, где табак был в то время основной культурой, испытывало тяжёлый кризис. Не только южные, но и все остальные колонии страдали от того, что Англия ежегодно сбывала на американском рынке свои мануфактурные изделия на сумму не менее 2 млн. ф. ст. по ценам, превышавшим европейские на 25—40%.

Торговый баланс колоний был неизменно пассивным, и остро ощущался недостаток денег. Запрещение в 1751 г. парламентом выпуска бумажных денег сначала в Новой Англии, а потом, в 1764 г., и во всех колониях внесло окончательную дезорганизацию в колониальную торговлю. Введение метрополией после Семилетней войны высоких таможенных пошлин и налогов ещё более обострило этот кризис.

До 1764 г. британское правительство не принимало строгих мер к проведению в колониях законов парламента. С лёгкой руки Уолпола, оно предпочитало придерживаться политики «спасительного пренебрежения», но когда после дорогостоящей Семилетней войны государственный долг Великобритании достиг 150 млн. ф. ст., политика стала иной. Метрополия приняла меры против процветающей в колониях контрабандной торговли и обратилась сначала к косвенному, а

затем и к прямому налогообложению. Политика эта встретила решительное противодействие со стороны колоний.

Подобно тому как англичане в XVII в. начали борьбу с Карлом с лозунга «Никаких налогов, не одобренных представителями», так теперь американцы написали этот лозунг на своём знамени и категорически отрицали за британским парламентом право на налогообложение не представленных в нём американских колоний.

Метрополия не учитывала, что окрепшие к тому времени колонии были уже в состоянии оказать ей сопротивление, и столкновение стало неизбежным.

Проф. Миллер считает, что было бы неправильно утверждать, будто американцев вынудило к восстанию нестерпимое экономическое угнетение, так как тирания Британии не препятствовала развитию материальных ресурсов колоний. Он доказывает это тем, что после короткой депрессии 1763—1765 гг. возобновилось экономическое процветание; население удваивалось с каждым поколением, и непрерывно расширялся рынок для британских изделий. Благосостоянию американцев и их свободе, говорит автор, угрожали не рестрикции торговли и мануфактуры, а вторжение парламента в политические права колонистов. Отведение политическим причинам первого места, пишет он далее, «находится в соответствии с общим ходом американской истории» (стр. 25).

Наряду с политическими причинами восстания автор, как уже отмечалось, склонен также отдать предпочтение идеологическим моментам, утверждая, что американская революция выросла из столкновения двух различных и непримиримых идеологий. «Внутри британской империи,— пишет он,— существовали два духовных мира; из их столкновения выросли американская революция и победа тех сил, которые с неизбежностью создали американскую демократию» (стр. 167).

Автор не ставит вопроса о том, что американская революция была событием исторически необходимым. В то же время он допускает, что революции могло бы и не быть. Так, он утверждает, что если бы Георг не страдал узостью кругозора и обладал тем даром предвидения, которого ему, как и большинству англичан того времени, не хватало, «он, может быть, и спас бы британскую империю» (стр. 469).

Далее автор пишет в том же духе: «Если бы британское правительство настойчиво проводило политику разъединения американцев и сбивания их с толку перспективой возможного примирения, то «Декларация независимости», может быть, и была бы отложена и восстание сокрушено» (стр. 476).

Итак, более искусная политика одного лица — короля — или нескольких — правительства — могла бы изменить ход событий и революции, и, следовательно, образования Соединённых Штатов не произошло бы! Нетрудно видеть всю несостоятельность такой точки зрения проф. Миллера.

В другом месте книги автор указывает на наличие в колониях представительных уч-

реждений как на обстоятельство, «положившее основание для объединённого сопротивления, без чего американская революция была бы невозможна» (стр. 51).

Остановимся кратко на возражениях, которые вызывает концепция автора. Американская революция представляется нам событием исторически необходимым, вытекающим из самого процесса колониального развития. В отношении всех колоний, за исключением расположенных южнее Мериленда, справедливо положение, что в течение полустораста лет экономически они развивались в направлении всё большей независимости от метрополии. В колониях Новой Англии, Пенсильвании, Нью-Йорке с самого начала колонисты занимались торговлей, рыболовством, судостроением (эта ведущая отрасль колониальной индустрии успешно конкурировала с метрополией), а также сельским хозяйством и мануфактурой.

В то время как южные колонии с их односторонним развитием плантационного хозяйства удовлетворяли свои потребности изделиями английской мануфактуры, северные почти целиком производили всё необходимое сами.

Колонии Новой Англии с самого их возникновения развивались по типу метрополии и в некоторых отношениях, например в посреднической торговле, рыболовстве на Нью-Фаундленде, судостроении, они были её преуспевающими соперниками.

Автор рецензируемой книги сам показывает, сколь тяжким бременем для плантационного хозяйства была британская торговая монополия. Сильно страдало также и фермерское сельское хозяйство как южных, так и других штатов. Кстати сказать, размеры фермерского сектора в южных колониях к моменту революции обычно преуменьшают. Фермеры Виргинии производили в больших количествах лён, пеньку, пшеницу, маис; высоко развито было также фермерское животноводство.

Фермеры были заинтересованы в хороших условиях для экспорта своей продукции, ибо их хозяйство было уже в высокой степени товарным и продолжало бурно развиваться. Богатейшая из колоний — фермерская Пенсильвания — не только кормила своё население в 220 тыс. человек, но и производила продовольствия ещё на 100 тысяч¹. Филадельфия была первым портом по вывозу зерна, вторым был Нью-Йорк.

Сельское хозяйство Америки при сохранении существовавших отношений с метрополией не могло получить ни выгодных условий для сбыта своей продукции за границей, ни возможности расширения внутреннего рынка на сельскохозяйственные товары путём роста городского населения и развития мануфактур. Прокламацией Георга III от 1763 г. фермерам было запрещено селиться на плодородных землях, расположенных за Аллеганями. Но фермерское хозяйство росло не только за счёт товарности своей продукции: оно продолжало распространяться по

¹ См. Carriar L. «The Beginnings of Agriculture in America», p. 177.

территории колоний на запад вопреки запрещению Георга.

Те слои американского населения, которые были связаны с ремеслом и мануфактурой, также не были заинтересованы в сохранении уз со «страной-матерью».

Особенно жестоко преследовала метрополия попытки развития в колониях шерстяной и железодельной мануфактуры. И тем не менее эта политика метрополии незаметным для неё образом потерпела поражение. Когда железодельная промышленность колоний достигла уровня, который показался метрополии угрожающим, последняя в 1750 г. запретила в них сооружение горнов и домен для выплавки стали и железорезальных фабрик. Но тем же актом парламента в интересах метрополии в колониях предусматривалось поощрение производства чугуна и листового железа. Таким образом, база для развития промышленности не только сохранилась, но и получила своё дальнейшее развитие. Сооружались новые предприятия и расширялись уже существующие, но это делалось без ведома Англии. Губернатор Нью-Джерси, сын В. Франклина, Вильям Франклин, например, был лично заинтересован в успехе железорезальной фабрики, о существовании которой он не упоминал в своих отчётах в Лондон.

Приняв во внимание все эти факты, мы неизбежно приходим к выводу, противоположному выводу проф. Миллера. Его доводы убедительны только для иллюстрации того положения, что экономическое развитие колоний неукоснительно шло вперёд вопреки политике метрополии. Колонии были уже достаточно сильны и самостоятельны, для того чтобы рестрикции Великобритании могли приостановить их движение вперёд. Развитие колоний не могло уже быть втиснуто в рамки, которые метрополия попыталась создать после 1763 года. Поэтому революция стала неизбежной.

Рецензируемая книга выгодно отличается от других работ по истории американской революции тем, что в ней американская революция с самого её начала рассматривается как движение не только национально-освободительное, но и социальное. Автор показывает, что господствующий класс колониального общества и тесно связанные с ним юристы, сыгравшие в революции значительную роль, не намеревались делиться властью с народом. «Естественное право американцев,— пишет проф. Миллер,— ещё не включало прав непривилегированных групп на освобождение самих себя от эксплуатации со стороны богатых соотечественников» (стр. 319).

Автор уделяет большое внимание движению масс, которое выливалось временами в вооружённые выступления по поводу приговоров судов, требований выпуска бумажных денег, споров о земле с крупными землевладельцами и т. д. «Простой народ,— пишет автор,— знал, что у него враги как дома, так и за океаном».

Книга даёт ясное представление о той роли, которую народные массы сыграли в завоевании свободы и независимости.

Вокруг гербового сбора, являвшегося первой попыткой прямого налогообложения, в 1765 г. возникло массовое движение. Руководимый революционными организациями «Сыновей свободы», народ сжигал склады с гербовой бумагой, полутно также и изображения ненавистных ему официальных лиц. Проводился бойкот английских товаров; в Нью-Йорке происходили столкновения масс с войсками, в Бостоне толпа разгромила дом ненавистного губернатора Гатчинсона.

1 ноября, в день вступления в силу закона о гербовом сборе, были объявлены похороны колониальной свободы, насчитывавшей 145 лет со времени первого поселения, в 1620 году. Как известно, британскому парламенту пришлось отменить гербовый сбор. Эта победа была пышно отпразднована американцами. На улицах для народа стояли бочки мадеры, устраивались иллюминации.

Но вскоре решение парламента о роспуске законодательного собрания Нью-Йорка за отказ от содержания британских войск вызвало новые волнения. Закон о так называемых пошлинах Тауншенда привёл к движению за бойкот английских товаров. Мероприятия, связанные с насильственным введением этих пошлин, привели к объединению колонистов. Они решили защищать свои права с оружием в руках. Кстати, готовность, с какой осуществлялся бойкот английских товаров в северных колониях, является убедительным доказательством того, что к тому времени они уже производили для себя почти всё необходимое.

Характерно, что колониальная пресса оказалась целиком в руках радикально настроенных элементов. Её агитация, с постоянным обращением к примеру угнетённой и истерзанной Ирландии, находила живой отклик в массах и в особенности среди фермерства. Известие о первом столкновении с войсками 5 марта 1770 г. в Бостоне вызвало новый подъём движения. Появились памфлеты с призывом к мести, с красноречивыми названиями: «Невинная кровь с мостовых Бостона взывает к богу».

Движение приняло огромный размах и вышло из тех рамок, которые готовы были допустить привилегированные классы. Первыми стали бить отбой крупные ньюйоркские купцы. Они потребовали отказа от бойкота английских товаров.

Несмотря на безработицу и рост нищеты среди ремесленников и «механиков» (так называли тогда рабочих) в результате бойкота, эти подлинные патриоты настаивали на его продолжении. Однако крупной буржуазии удалось добиться своего. Отказ Нью-Йорка от бойкота нанёс серьёзный удар революционному движению, но ненадолго задержал его мощное развитие. «Бостонское чаепитие» и последовавшие за ним репрессии привели к тому, что в 1774 г. все колонии оказались в огне восстания.

Указанные факты убедительно говорят о том, что новый успех движения был обязан массам и тому, что радикальное крыло движения одерживало верх.

Достоинством работы является и то, что в ней показана реакционная роль верхушки колониальной буржуазии.

В 1774 г. руководство движением оказалось в руках представителей Юга — Виргинии и Южной Каролины. Автор не показывает, чем объясняется переход Новой Англии в то время на более умеренные по сравнению с Югом позиции. Радикализм южан для читателя несколько неожидан, так как весь процесс излагается до сих пор с точки зрения Новой Англии. В связи с этим автор даёт искажённое представление об отношении колонистов к идеям республиканизма. По его мнению, первую брешь в недооценке этих идей пробил Томас Пэн в январе 1776 г. своим памфлетом «Здравый смысл», неспровергнувшим в массах авторитет Георга III. А через пять месяцев начатое Пэном завершил Джефферсон «Декларацией независимости».

В действительности республиканские идеи были гораздо глубже, чем это изображает автор, и Пэну не было нужды «импортировать» их из Англии.

Республиканизм американцев был одним из обычных обвинений против них в Англии. Автор сам пишет о том, что английские газеты приписывали все осложнения с колониями развитию в них «гангрены республиканизма». Миллер легко умножил бы число республиканцев, если бы отвёл в книге подобающее место Югу и, кроме Патрика Генри, показал также и других представителей радикальной мысли. Кстати, образ Франклина не удался автору. Он показан слишком умеренным, и трудно понять переход его к «Статьям конфедерации и вечного союза», — конституции, составленной Франклином в июле 1775 г. и настолько радикальной, что она не могла найти в то время места в протоколах конгресса (стр. 419).

В главе об идеологическом конфликте автор хорошо показал, что в то время как в Англии на политические идеи Локка смотрели как на «музейную реликвию», ибо «трясти дерево дальше уже было опасно и это могло привести к получению кислых плодов демократии и уравнительности» (стр. 202), в колониях революционная буржуазия написала идеи Локка на своём знамени. Однако Миллер умалчивает о том, что различные и часто противостоящие друг другу направления общественной мысли колоний по-разному толковали учение Локка.

Вся книга, и в особенности её последние главы, даёт основание для понимания американской революции как движения буржуазно-демократического.

С началом вооружённой борьбы роль народных низов усилилась. Если до этого в событиях оказались вовлечёнными главным образом демократические низы городов, то теперь всю силу первого удара регулярной армии «красных мундиров», а затем и тяготы длившейся семь лет войны за независимость приняли на себя фермеры — люди плуга и сохи. Приученные с детства владеть оружием, они уже при первом боевом крещении

проявили стойкость и высокие боевые качества. По поводу сражения у Бункер-Хилла, где отрядом крестьян руководил физиолог доктор Жозеф Варрен, в Англии писали: «Ещё одна такая победа — и не останется никого, чтобы привезти новость домой» (стр. 411). Исход борьбы показал, что англичане напрасно иронизировали над американской милицией, где солдаты избирали полковниками цырюльников, капитанами — сапожников, а кузнеца сделали генералом.

Проф. Миллер правильно подчёркивает демократический характер революционной армии и роль простого народа в завоевании национальной независимости США. Он пишет: «Если в своём происхождении революционное движение началось в колониальных портах и было главным образом протестом против британского угнетения со стороны торговцев и горожан, то оно черпало свои силы среди тех, кто обрабатывал землю своим трудом. Без их помощи Великобритания оставалась бы сувереном в Америке» (стр. 402). И в самом деле: изложение истории американской революции у Миллера свидетельствует о том, что национальная буржуазия не раз готова была остановиться на полпути и даже предать интересы национального освобождения. Довести до решительного конца разрыв с Великобританией смог только бурный подъём демократического движения в 1776 году.

Нельзя не присоединиться к мнению автора о том, что «Декларация независимости» означала не только победу вигов над тори, но и победу радикального крыла над консервативным внутри самой партии вигов» (стр. 498).

В заключительной, XXI главе «Американская революция как демократическое движение» автор показал, что подъём демократического движения достигает своего апогея в Пенсильвании. Демократическая конституция Пенсильвании представляла собой торжество идей фермеров западных районов и ремесленников Филадельфии над господствовавшей ранее квакерской олигархией восточных районов. Эта конституция, составленная Франклином и Пэном, предусматривала всеобщее избирательное право для мужчин, законодательное собрание, избираемое ежегодно и состоящее из одной палаты, полную религиозную свободу и другие демократические принципы 1776 года.

Проф. Миллер заканчивает книгу словами одного из участников революции, обращёнными к другу: «Вы и я не воображали, когда кончилась война с Британией, что революция только что начиналась». И, связывая историческую традицию первой американской революции с современной борьбой за демократию в Америке, автор многозначительно заключает: «Она не закончилась до сих пор».

М. Захарова

WILLIAM HALLER AND GODFREY DAVIES. *The Leveller Tracts. 1647—1653.* New York, Columbia University press. 1944, 481 p.

УИЛЬЯМ ХОЛЛЕР И ГОДФРИ ДЕВИС. *Левеллерские памфлеты. 1647—1653.*

Сборник левеллерских памфлетов, изданный Нью-Йоркским (Колумбийским) университетом, представляет большой интерес для историков, изучающих историю английской революции XVII в., в частности развитие политических идей этой эпохи. Сборник состоит из короткого предисловия, довольно обстоятельного введения (1—50 стр.) и основного текста в виде 16 левеллерских памфлетов периода 1647—1653 годов. Эти памфлеты следующие: 1) «Декларация... или представление от его превосходительства сэра Томаса Ферфакса и армии, состоящей под его командованием, почтительно представленная парламенту относительно справедливых и основных прав их самих и всего королевства», от 14 июня 1647 г.; 2) «Дело армии, справедливо изложенное... почтительно представленное агентами пяти конных полков этим полкам и всей армии», от 15 октября 1647 г. (автор, повидимому, — Джон Уальдман); 3) «Декларация о некоторых деяниях подполковника Джона Лильберна и его сообщников, с некоторыми замечаниями и разбором недавно напечатанных и распространенных ими произведений: «Серьезная петиция многих из свободнорожденного народа Англии» и «Горестные вопли многих тысяч бедных ремесленников и торговцев», около 14 февраля 1648 г. (автор — Джордж Мастерсон, индепендентский священник, противник Лильберна); 4) «Кровавый проект, или раскрытие нового заговора в настоящей войне, являющийся точным рассказом о некоторых делах грандов...», от 21 августа 1648 г. (автор, повидимому, — Уильям Уольвин); 5) «Почтительная петиция благомыслящих людей лондонского Сити, а также Вестминстера, Саутворка, Хемблетса и др. мест, к почтеннейшей палате общин Англии», от 11 сентября 1648 г.; 6) «Новые цепи Англии», ч. 1-я, от 26 февраля 1649 г.; 7) «Новые цепи Англии», ч. 2-я, от 24 марта 1649 г. (автор обеих частей — Джон Лильберн); 8) «Картина Государственного совета, к сведению свободного народа Англии» (авторы — Джон Лильберн, Томас Принс и Ричард Овертон); кроме того к этому памфлету в извлечениях присоединен еще один памфлет Уольвина «Источник злословия», от 30 мая 1649 г.; 9) «Суэта современных церквей», от начала марта 1649 г. (автор неизвестен, возможно, Джон Уальдман или Уильям Уольвин); 10) «Манифест подполковника Джона Лильберна, мистера Уильяма Уольвина, мистера Томаса Принса и мистера Ричарда Овертона, находящихся в заключении в Лондонском Тоузере, и других, обычно (хотя и несправедливо) именуемых левеллерами», от 14 апреля 1649 г.; 11) «Уловка Уольвина» или разоблаченные манифестанты», от 25 апреля 1649 г. (Введение подписано семью индепендентскими священниками, обвинявшими Уольвина в атеизме. Основной текст памфлета, повидимому, принадлежит пастору Джону Прайсу);

12) «Договор свободного народа Англии», от 1 мая 1649 г. (написан совместно Джоном Лильберном, Уильямом Уольвином, Томасом Принсом и Ричардом Овертоном); 13) «Милосердие церковников» или ответ... на памфлет, озаглавленный «Уловки Уольвина», от 28 мая 1649 г. (автор — один из друзей Уольвина врач Хемфри Брук); 14) «Справедливая защита Уольвина», написан самим Уольвином и относится к началу июня 1649 г.; 15) «Законные и основные вольности народа Англии», от 8 июня 1649 г. (автор — Джон Лильберн; ввиду обширности памфлета он дан в извлечениях); 16) «Справедливая защита Джона Лильберна», напечатан около 23 августа 1653 года.

Таково богатое содержание сборника, составленного авторами на основании оригиналов и фотостатов с оригиналами, имеющихся в различных американских книгохранилищах, частью взятых из собственной коллекции Дэвиса. Каждому памфлету предшествует небольшая аннотация, указывающая на авторство, время появления и местонахождение оригинала или фотостата, с которых перепечатывался документ. Книга снабжена тщательно составленным предметно-именным указателем.

По содержанию сборник Холлера и Дэвиса получился достаточно интересным и ярким. Наряду с памфлетами, хорошо известными историкам, вроде таких произведений Лильберна, как: «Новые цепи Англии», «Манифест» левеллеров от 14 апреля 1649 г., «Народный договор от 1 мая 1649 г.» и «Законные и основные вольности народа Англии», от 8 июня 1649 г. (перевод их имеется на русском языке — Джон Лильберн, Памфлеты, изд. 1937 г. в серии «Трибуны революции»), читатель встречает здесь много весьма редких памфлетов, которые трудно бывает найти даже в столичных книгохранилищах.

В сборнике обильно представлены главнейшие левеллерские декларации и петиции, принимавшиеся широкими массами населения и наглядно демонстрирующие факт глубокого влияния на них демократической пропаганды левеллеров во время великой революции. Особенно колоритно выглядит «Декларация от 14 июня 1648 г.», обычно известная у современников под названием «армейской декларации» и являвшаяся как бы своего рода «солдатским манифестом». Большое политическое значение имела левеллерская петиция от 11 сентября 1648 г., требовавшая привлечения к судебной ответственности виновников гражданской войны и, таким образом, в значительной степени определившая направление последующего хода драматических событий конца 1648 и начала 1649 г. (чистка Прайда, суд и казнь Карла I, провозглашение Англии республикой).

Сборник хорошо иллюстрирует публицистическую деятельность Уильяма Уольвина, являвшегося ближайшим и наиболее ак-

тивным помощником Лильберна по распространению левеллерских взглядов. Характерна полемика Уольвина с индипендентскими пасторами, отражающая эволюцию философских взглядов левеллеров, постепенно всё более переходивших от теологических, религиозных форм аргументации к философско-рационалистической идеологии.

Наконец, памфлет Лильберна — его «Защита» перед судом 1653 г. — является последним публичным политическим выступлением, своего рода лебединой песней свободнорождённого Джона и совпадает с концом активной деятельности всей партии левеллеров.

Однако в подборе материалов имеются два серьёзных упущения. Во-первых, левеллерскую публицистику нельзя уложить в установленные авторами публикации рамки 1647—1653 годов. Джон Лильберн и его друзья начали выступать в печати гораздо раньше 1647 г.; поэтому нельзя понять генезиса и формирования их идей, если начать изучение их произведений только с этого времени. В частности, очень большое место среди памфлетов Джона Лильберна занимает памфлет «Оправдание прирождённого права Англии», от 1645 года. В этом памфлете Лильберн — ещё индипендент, но ряд его последующих левеллерских положений уже явно чувствуется и здесь. Этот памфлет не вошёл в сборник. Нет в сборнике (как уже указано выше) и первого проекта агримента, от 28 октября 1647 года.

Хотя Лильберн сошёл с политической сцены в 1653 г., другие левеллеры продолжали политические выступления в течение всех 50-х и даже в начале 60-х годов. В частности, хорошо известный историкам памфлет левеллера Сексби «Умерщвление — не есть убийство» был бы очень уместен в сборнике, так как он отражает эволюцию наиболее непримиримых левеллеров, вставших на путь террора против протектората Кромвеля. Таким образом, приходится признать, что в сборник включены наиболее яркие памфлеты левеллеров, но далеко не все и не за весь период их политической деятельности.

Второе упущение состоит в том, что составители включили в сборник наряду с произведениями самих левеллеров памфлеты их политических противников. Правда, этот материал ярко показывает читателю атмо-

сферу горячих споров и дискуссий, имевших место во время английской революции между различными политическими партиями и направлениями. Кроме того враждебные левеллерам авторы включали в свои работы часто отрывки, а иногда даже целые памфлеты левеллеров. Но всё же включение этих материалов в сборник противоречит основной задаче издания — дать левеллерские памфлеты. В крайнем случае можно было бы публицистику врагов левеллеров отнести в приложение и, во всяком случае, сократить её за счёт увеличения оригинального текста собственно левеллерских произведений.

Введение, предпосланное авторами сборнику левеллерских памфлетов, написано с большим знанием источников эпохи и содержит много ценных сведений по истории левеллерского движения. Авторы правильно указывают на долгое и незаслуженное игнорирование учёными литературного наследия левеллеров. Они признают громадное значение идей левеллеров в развитии всей последующей демократии в Европе и Америке: «Лильберн проложил основной путь будущей демократии» (стр. 2). Хорошо охарактеризован круг литературно-политических сотрудников и друзей Лильберна. К самому вождю левеллеров авторы относятся с большой симпатией, хотя и не могут отделаться от обычной в буржуазной литературе характеристики его как «тиреславного, сварливого и упрямого человека» (стр. 5). Поэтому облик Лильберна в их характеристике остался двойственным. Гораздо лучше удалось авторам определить литературных предшественников левеллеров. Во введении указаны многие авторы, которые наиболее часто цитируются Лильберном и другими левеллерами в их памфлетах. Среди них наибольшее место занимает Эдуард Кок. Последний был как бы непосредственным учителем Лильберна, который возматервовал именно от него идеи естественного права и верховенства народа.

Рецензируемый сборник может принести большую пользу советским учёным-историкам. Он даёт прекрасный, свежий материал для лекционных курсов, его можно привлекать для студенческих семинаров на старших курсах, а также при работе с аспирантами.

Проф. В. Семёнов

MORGENTHAU H. *Germany is our problem*. Harper Brothers, New York and London, 1945. 239 p.

МОРГЕНТАУ Г. *Германия — наша проблема*.

На общественно-политической арене США за последнее время появились многие услужливые адвокаты германского империализма, выступающие в защиту восстановления сильной Германии. В этой связи представляет несомненный интерес книга Генри Моргантау «Германия — наша проблема».

выпущенная издательством «Харпер Бразерс».

Автор книги — видная политическая фигура США — являлся в прошлом не только министром финансов Соединённых Штатов, но и автором так называемого сверхсекретного плана, разработанного им для Рузвель-

тивным помощником Лильберна по распространению левеллерских взглядов. Характерна полемика Уольвина с индипендентскими пасторами, отражающая эволюцию философских взглядов левеллеров, постепенно всё более переходивших от теологических, религиозных форм аргументации к философско-рационалистической идеологии.

Наконец, памфлет Лильберна — его «Защита» перед судом 1653 г. — является последним публичным политическим выступлением, своего рода лебединой песней свободнорождённого Джона и совпадает с концом активной деятельности всей партии левеллеров.

Однако в подборе материалов имеются два серьёзных упущения. Во-первых, левеллерскую публицистику нельзя уложить в установленные авторами публикации рамки 1647—1653 годов. Джон Лильберн и его друзья начали выступать в печати гораздо раньше 1647 г.; поэтому нельзя понять генезиса и формирования их идей, если начать изучение их произведений только с этого времени. В частности, очень большое место среди памфлетов Джона Лильберна занимает памфлет «Оправдание прирождённого права Англии», от 1645 года. В этом памфлете Лильберн — ещё индипендент, но ряд его последующих левеллерских положений уже явно чувствуется и здесь. Этот памфлет не вошёл в сборник. Нет в сборнике (как уже указано выше) и первого проекта агримента, от 28 октября 1647 года.

Хотя Лильберн сошёл с политической сцены в 1653 г., другие левеллеры продолжали политические выступления в течение всех 50-х и даже в начале 60-х годов. В частности, хорошо известный историкам памфлет левеллера Сексби «Умерщвление — не есть убийство» был бы очень уместен в сборнике, так как он отражает эволюцию наиболее непримиримых левеллеров, вставших на путь террора против протектората Кромвеля. Таким образом, приходится признать, что в сборник включены наиболее яркие памфлеты левеллеров, но далеко не все и не за весь период их политической деятельности.

Второе упущение состоит в том, что составители включили в сборник наряду с произведениями самих левеллеров памфлеты их политических противников. Правда, этот материал ярко показывает читателю атмо-

сферу горячих споров и дискуссий, имевших место во время английской революции между различными политическими партиями и направлениями. Кроме того враждебные левеллерам авторы включали в свои работы часто отрывки, а иногда даже целые памфлеты левеллеров. Но всё же включение этих материалов в сборник противоречит основной задаче издания — дать левеллерские памфлеты. В крайнем случае можно было бы публицистику врагов левеллеров отнести в приложение и, во всяком случае, сократить её за счёт увеличения оригинального текста собственно левеллерских произведений.

Введение, предпосланное авторами сборнику левеллерских памфлетов, написано с большим знанием источников эпохи и содержит много ценных сведений по истории левеллерского движения. Авторы правильно указывают на долгое и незаслуженное игнорирование учёными литературного наследия левеллеров. Они признают громадное значение идей левеллеров в развитии всей последующей демократии в Европе и Америке: «Лильберн проложил основной путь будущей демократии» (стр. 2). Хорошо охарактеризован круг литературно-политических сотрудников и друзей Лильберна. К самому вождю левеллеров авторы относятся с большой симпатией, хотя и не могут отделаться от обычной в буржуазной литературе характеристики его как «тиреславного, сварливого и упрямого человека» (стр. 5). Поэтому облик Лильберна в их характеристике остался двойственным. Гораздо лучше удалось авторам определить литературных предшественников левеллеров. Во введении указаны многие авторы, которые наиболее часто цитируются Лильберном и другими левеллерами в их памфлетах. Среди них наибольшее место занимает Эдуард Кок. Последний был как бы непосредственным учителем Лильберна, который возматервовал именно от него идеи естественного права и верховенства народа.

Рецензируемый сборник может принести большую пользу советским учёным-историкам. Он даёт прекрасный, свежий материал для лекционных курсов, его можно привлекать для студенческих семинаров на старших курсах, а также при работе с аспирантами.

Проф. В. Семёнов

MORGENTHAU H. *Germany is our problem*. Harper Brothers, New York and London, 1945. 239 p.

МОРГЕНТАУ Г. *Германия — наша проблема*.

На общественно-политической арене США за последнее время появились многие услужливые адвокаты германского империализма, выступающие в защиту восстановления сильной Германии. В этой связи представляет несомненный интерес книга Генри Моргантау «Германия — наша проблема».

выпущенная издательством «Харпер Бразерс».

Автор книги — видная политическая фигура США — являлся в прошлом не только министром финансов Соединённых Штатов, но и автором так называемого сверхсекретного плана, разработанного им для Рузвель-

та к Квебекской конференции, состоявшейся в сентябре 1944 года. В предисловии к книге Моргентау сообщает: «Президент Рузвельт просил меня подготовить для него программу в отношении Германии после её поражения». В сущности книга и является изложением этого плана. В этой программе Моргентау является решительным сторонником таких мер, которые бы лишили милитаристскую Германию возможности снова угрожать человечеству. В главе «Путь к миру» он заявляет: «Моя собственная программа покончить с угрозой германской агрессии состоит в простейших условиях: в лишении Германии всей тяжёлой индустрии» (стр. 16).

Моргентау подчёркивает, что в своей политике по отношению к Германии союзники должны преследовать цель поддержания мира путём пресечения немецкой агрессии. Но, чтобы положить конец этой угрозе, надо лишить Германию тяжёлой промышленности. Он обстоятельно критикует тех, кто считает германскую тяжёлую промышленность незаменимой. Он считает, что этот миф «настойчиво распространялся германской пропагандой в течение многих лет».

Базой германской экономики, по мнению автора, должно быть сельское хозяйство. «Дорога Германии к миру ведёт к фермам. Мужская и женская рабочая сила в Германии может наилучшим образом служить себе и всему миру путём культивирования германской земли» (стр. 48). Надлежащее использование земли, раздел огромных поместий и переброска промышленных рабочих на фермы дали бы Германии возможность прокормить себя, если бы она серьёзно попыталась это сделать. «Если безопасность Европы,— пишет он,— не требует того, чтобы все немцы стали фермерами, то этого требует их собственная страна» (стр. 63).

Исходя из необходимости предотвратить угрозу миру и безопасности, Моргентау предлагает расчленив Германию, по крайней мере, на две части. «С двумя Германиями будет легче иметь отношения, чем с одной». Нельзя считать, как в арифметике, что «две половины равны целому. Они значительно меньше, и, если эти половины есть Германия, угроза миру исключена» (стр. 155).

Здесь Моргентау вступает в противоречие с потсдамскими соглашениями. Принятие советов Моргентау о расчленении и аграризации Германии едва ли смогло бы дать положительные результаты. Наоборот, это привело бы «к подрыву экономики Европы, к расстройству мирового хозяйства и к хроническому политическому кризису в Германии, последствия которого создали бы угрозу для мира и спокойствия» (М о л о т о в). Разумеется, Германия должна быть лишена таких хозяйственных и военных возможностей, которые позволили бы ей снова стать агрессивным государством. Но отсюда не следует, что она должна быть уничтожена как государство. Германия должна быть преобразована в демократическое государство, которое наряду с сельским хозяйством должно иметь свою промышленность и свою внешнюю торговлю.

Другое дело, когда современные мюнхенцы и поджигатели войны хотят видеть силь-

ную Германию, которую можно было бы противопоставить Советскому Союзу. Эти люди не менее опасны для свободных народов в настоящее время, чем мюнхенцы в 1938 году. Их деятельность может привести к уничтожению основного и главного оплота мира — длительного сотрудничества США, Англии и Советского Союза.

В этой связи веским и логическим является утверждение Моргентау, что «эффективная, согласованная деятельность этих трёх держав, направленная на поражение Германии, была обеспечена только потому, что правительства и народы этих стран знали, что у них всех одна цель — поражение Германии в возможно кратчайший срок. Победа была основана на взаимной уверенности в том, что все три союзника делают всё возможное, чтобы завоевать её, и мир также будет зависеть от взаимной уверенности в том, что все трое намереваются поддерживать его» (стр. 92).

Моргентау решительно выступает против тех, кто готов «забыть» важнейшие уроки второй мировой войны, и разоблачает двусмысленные цели этой забывчивости и методы, какими эту же «забывчивость» кое-где пытаются внушить мировому общественному мнению и тем его дезориентировать. Он убедительно показывает, что многие из тех, кто вопреки всем урокам истории хотели бы и сейчас видеть Германию мощной страной, меньше всего озабочены судьбой самой Германии. Слезы по поводу будущего Германии, рассуждения о человеколюбии, экскурсы в области морали — всё это нужно для того, чтобы замаскировать иные задачи, иные цели.

В главе «Германия как антирусская дымовая завеса» автор напоминает, что между первой и второй мировыми войнами была распространена среди политических деятелей идея о том, что сильная Германия, находящаяся в центре Европы, будет оплотом против неустойчивости и коммунизма. Моргентау предостерегает мировое общественное мнение, что такую «мысль» нельзя считать полностью относящейся к прошлому. «В настоящее время,— пишет он,— та же мысль руководит многими сторонниками той точки зрения, что сильная Германия в некотором отношении выгодна её недавним врагам на Западе. Сторонники такого взгляда даже опаснее для дела мира, чем их предшественники, действовавшие в 20-х и 30-х годах. Они менее откровенны и не говорят открыто, что нуждаются в Германии как в форпосте против России и против коммунизма. По причинам, которые они, безусловно, считают причинами государственного характера, они предпочитают действовать за дымовой завесой более или менее приемлемых «объяснений» (стр. 89—90).

Считая, что подлинным и основным оплотом мира является единство Советского Союза, Англии и США, Моргентау решительно выступает против каких-либо попыток восстановления германской военной мощи и использования Германии в качестве форпоста против Советского Союза. Он последовательно опровергает утверждение, будто Европе нужна сильная Германия, на-

зывая самое это утверждение «дымовой завесой», под покровом которой иным людям хотелось бы противопоставить Германию Советскому Союзу. Указывая причины, по которым сторонники такого «использования» Германии выступают под этой «дымовой завесой», Моргентау пишет: «Опасность для Америки и всего мира состоит не столько в этих доводах, сколько в том обстоятельстве, что люди, выдвигающие эти доводы, приводят их, не особенно веря в их справедливость. Если бы они признались в своих настоящих побуждениях, можно быть уверенным, что народ быстро отверг бы их программу. Американцы знают, что именно с Германией, а не с Россией, им приходилось дважды бороться на протяжении четверти столетия. Они знают, что немцы, а не русские, убивали наших солдат и торпедировали суда с мирными гражданами. Они знают, что планы покорения Западного полушария были разработаны немцами, а не русскими» (стр. 90—91).

Автор едко высмеивает идею сохранения сильной Германии для использования её в качестве форпоста против СССР и называет носителей такой идеи «слепыми последователями мюнхенского безумия, которые не могут предложить миру никакую другую программу, кроме доводов, подозрений и опасных умиротворителей». Моргентау тщательно обосновывает свою мысль, что новые мюнхенцы меньше всего работают на пользу Соединённых Штатов и для дела мира, а более всего на пользу воинственной Германии, империалисты которой «никогда не упускают из виду того, что действительно демилитаризованная и дезиндустриализованная Германия не будет иметь козырей, чтобы принять участие в состязании политики силы. А сильная Германия не только сможет принять участие в этой игре, но и сможет заставить остальной мир применять эту политику, как бы она ни противоречила желаниям всех народов» (стр. 99).

Автор напоминает и о другой черте «сильной Германии» — о провокационных приёмах её игры, в которой она не хочет знать никаких обязательств, в том числе и перед теми государствами, у которых она ещё сегодня могла лицемерно вымогать покровительство. Никогда нельзя заранее знать, против кого она направит свой удар. «Мы никогда не сможем быть уверены в том, будет ли Германия бороться вместе с Россией против Соединённых Штатов или с Соединёнными Штатами против России. Возможно, она будет бороться одна или с какими-нибудь более мелкими сателлитами, которых она сможет вовлечь в орбиту своего влияния при помощи своей промышленной мощи. Несомненно лишь то, что она будет бороться, и снова за мировое господство» (стр. 99—100).

Многие экскурсы в прошлое, которые делает Моргентау, пронизаны одним и тем же убеждением, что это прошлое полно роковых ошибок и что немало деятелей в этом прошлом были ослеплены страхом перед Советской Россией, перед несуществующей опасностью. Моргентау цитирует меморандум Ллойда Джорджа, в котором этот англ-

ийский политик призывал укрепить Германию для борьбы против большевизма. «Теперь мы знаем, — пишет Моргентау, — что Ллойд Джордж и его нервные коллеги видели несуществующую опасность. Но Ллойд Джордж по крайней мере был откровенен в своём страхе, и на него могли воздействовать и воздействовали более хладнокровные люди, поскольку дело шло о предложении непосредственной интервенции». Однако этот страх был полезен прежде всего самой Германии, поскольку он сыграл «большую роль в деле смягчения условий, предложенных союзниками Германии» (стр. 92).

Есть тривиальные вещи, которые настолько избиты, что и неискущённому в толкостях уму ясна их ложь. Но ложь иногда имеет реальную силу, хотя бы потому, что её слишком часто повторяют. Такой тривиальной, но имеющей до сих пор опасную живучесть ложью является старогитлеровский лозунг о роли Германии как форпоста против большевизма. Видимо, поэтому с такой настойчивостью останавливается Моргентау на развенчании подобной дешёвки. «К 1944 году Гитлер злоупотребил этим лозунгом настолько, что в него перестали верить. Но в прошлом он сыграл свою роль и обеспечил Гитлеру некоторые из его крупнейших триумфов, кульминационным пунктом которых явилось мюнхенское умиротворение. Этот лозунг окончательно перестал действовать, когда Россия и её нынешние союзники объединились, чтобы уничтожить реальную опасность. Но сторонники Мюнхена, а к их числу относятся некоторые лица, занимающие высокие посты, попрежнему доверчивы» (стр. 93).

Это утверждение Моргентау свидетельствует прежде всего о том, что «некоторые лица» всё ещё проникнуты опасными иллюзиями. Как одну из таких опасных иллюзий Моргентау рассматривает то ложное представление, по которому известные расхождения в идеологии должны привести к антагонизму государств. Он надеется, что «дружба с Россией достаточно прочна, чтобы выдержать нападки» (стр. 95). С момента самостоятельности Соединённых Штатов, пишет Моргентау, хотя русская и американская идеологии и были антагонистичны, тем не менее даже при тяжёлых обстоятельствах взаимоотношения этих стран были не только последовательно мирными, но и фактически дружественными.

Он приводит ряд доказательств этому положению. «Ни одна из этих стран не конкурирует с другой на мировом рынке, обе они в экономическом отношении относительно независимы, обе богаты ресурсами и нуждаются в мире для их развития. Россия особенно стремится возместить тот ущерб, который она потерпела в результате войны, и возобновить осуществление той программы национального развития, в которую западный мир фактически не верил до тех пор, пока не увидел её результатов на поле боя. Едва ли вероятно, чтобы у России было время и склонность к агрессии. Однако трусы и лицемеры убеждают, что Соединённые Штаты должны создать форпост против коммунизма» (стр. 98).

Не менее серьёзным является указание Моргентау на то, что всякое возвращение к политике санитарного кордона по отношению к Советскому Союзу представляет собой подготовку третьей мировой войны. Он вновь подчёркивает, что «открыто эту политику никогда нельзя было бы навязать американскому народу. Поэтому делаются попытки навязать ему эту политику тайно, окольными путями» (стр. 100).

Тем труднее согласиться с неожиданным заявлением автора об антисоветской пропаганде, которая ведётся в прессе, что вред от неё «для наших внешних отношений был сравнительно невелик лишь потому, что несолидность этой прессы хорошо известна».

Разумеется, несолидность части, но только части, этой прессы хорошо известна. К сожалению, вред всякой ядовитой пропаган-

ды для дела мира всегда непропорционально велик по отношению к собственному значению тех органов печати, которые такой пропагандой занимаются.

В другом месте автор пишет об иной, также малоисследованной прозойке, которая якобы только бессознательно распространяет пропаганду, благоприятную для немцев, и делает это как будто с хорошими намерениями. Моргентау удачно замечает при этом: «Я могу поверить, что они действуют с хорошими намерениями, но хорошие намерения вошли в пословицу, как весьма опасный материал для мостовой» (стр. 101).

В русском языке тоже есть эта пословица, но она звучит более лаконично: «Добрыми намерениями ад вымощен».

Б. Вронский

DIENL. CH. *Les grands problèmes de l'histoire byzantine*. Collection Armand Colin (Section d'Histoire et Sciences économiques). Librairie Armand Colin. Paris. 1943. 176 p.

ДИЛЬ Ш. *Большие проблемы византийской истории*.

Лежащая перед нами книжка — лебединая песнь известного французского византиста Ш. Дилья (ум. в 1944 г.), с произведениями которого русские читатели знакомы со времени появления в 1902 г. перевода его работы «Юстиниан и византийская цивилизация» и в 1914 г. — серии блестящих очерков под общим названием «Византийские портреты».

Глубокий, всесторонний исследователь и большой знаток византийского искусства, Дилья внёс много нового и интересного в литературу по истории Византии.

В своей последней работе Дилья поставил задачей определить место, которое занимала Византия в истории средних веков, рассмотреть проблемы, стоявшие перед Византией, и способы, которыми она их разрешала. Круг вопросов, охваченных Дильем, весьма широк. Об этом свидетельствует перечень глав, который даст представление о содержании рецензируемой книжки: 1. Место Византии в истории средних веков. 2. Основание Византийской империи. Её географическая область и население. 3. Период византийской истории. 4. Проблема национальностей. 5. Политическая проблема. 6. Религиозная проблема. 7. Военная проблема. 8. Административная проблема. 9. Социальная проблема. 10. Экономическая проблема: а) аграрный вопрос; б) промышленность и торговля. 11. Проблемы внешней политики. 12. Византийская цивилизация. Литература и искусство. 13. Актуальные проблемы византийской истории.

В предисловии к своей книге Дилья напоминает, что ещё и в наше время существуют упорные предрассудки, в силу которых Византии часто отказывают в справедливой и заслуженной ею оценке. Он отмечает, что подобное отношение к Византии установилось ещё со времён Вольтера, который го-

ворил, что её история была лишь «ужасным и отвратительным» рядом фактов. Для Монтескье, а после него для Гиббона Византийская империя была лишь упадком Римской империи. Лебо, написавший историю Византии в тридцати томах, затопил её потоком скуки, довершив этим дело её дискредитации.

Интерес к исследованиям в области истории Византии был восстановлен только в середине XIX века. Дилья отмечает, что в России выдающиеся учёные В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Н. П. Кондаков с исключительной глубиной изучали историю Византии и византийского искусства. «Боннский корпус» византийских историков содействовал развитию византийских исследований. Во Франции, стране Диоканжа, много было сделано для развития историографии Византии. Рамбо, Шлюмберже, Габриель Милле и много других учёных, среди которых в первую очередь нужно назвать и Дилья, автора рецензируемой книги, создавали там труды большой ценности. В результате всех этих исследований выявлялся, наконец, более верный образ Византии, возникало более точное представление о месте, которое она играла в истории средних веков. Подвести основные итоги, к которым пришла наука в изучении истории Византии, наметить ещё не разрешённые проблемы, над которыми должны работать византилисты всех стран, — таковы цели, которые поставил Дилья в рассматриваемой книге.

Говоря о месте, которое Византия занимала в истории средних веков, останавливаясь на географическом обзоре её областей и этническом составе империи, Дилья прежде всего подводит итоги работе учёных всех стран в разрешении вопроса о различии в судьбах Западной и Восточной Римской им-

Не менее серьёзным является указание Моргентау на то, что всякое возвращение к политике санитарного кордона по отношению к Советскому Союзу представляет собой подготовку третьей мировой войны. Он вновь подчёркивает, что «открыто эту политику никогда нельзя было бы навязать американскому народу. Поэтому делаются попытки навязать ему эту политику тайно, окольными путями» (стр. 100).

Тем труднее согласиться с неожиданным заявлением автора об антисоветской пропаганде, которая ведётся в прессе, что вред от неё «для наших внешних отношений был сравнительно невелик лишь потому, что несолидность этой прессы хорошо известна».

Разумеется, несолидность части, но только части, этой прессы хорошо известна. К сожалению, вред всякой ядовитой пропаган-

ды для дела мира всегда непропорционально велик по отношению к собственному значению тех органов печати, которые такой пропагандой занимаются.

В другом месте автор пишет об иной, также малоисследованной прозойке, которая якобы только бессознательно распространяет пропаганду, благоприятную для немцев, и делает это как будто с хорошими намерениями. Моргентау удачно замечает при этом: «Я могу поверить, что они действуют с хорошими намерениями, но хорошие намерения вошли в пословицу, как весьма опасный материал для мостовой» (стр. 101).

В русском языке тоже есть эта пословица, но она звучит более лаконично: «Добрыми намерениями ад вымощен».

Б. Вронский

DIENL. CH. *Les grands problèmes de l'histoire byzantine*. Collection Armand Colin (Section d'Histoire et Sciences économiques). Librairie Armand Colin. Paris. 1943. 176 p.

ДИЛЬ Ш. *Большие проблемы византийской истории*.

Лежащая перед нами книжка — лебединая песнь известного французского византиста Ш. Дилья (ум. в 1944 г.), с произведениями которого русские читатели знакомы со времени появления в 1902 г. перевода его работы «Юстиниан и византийская цивилизация» и в 1914 г. — серии блестящих очерков под общим названием «Византийские портреты».

Глубокий, всесторонний исследователь и большой знаток византийского искусства, Дилья внёс много нового и интересного в литературу по истории Византии.

В своей последней работе Дилья поставил задачей определить место, которое занимала Византия в истории средних веков, рассмотреть проблемы, стоявшие перед Византией, и способы, которыми она их разрешала. Круг вопросов, охваченных Дильем, весьма широк. Об этом свидетельствует перечень глав, который даст представление о содержании рецензируемой книжки: 1. Место Византии в истории средних веков. 2. Основание Византийской империи. Её географическая область и население. 3. Период византийской истории. 4. Проблема национальностей. 5. Политическая проблема. 6. Религиозная проблема. 7. Военная проблема. 8. Административная проблема. 9. Социальная проблема. 10. Экономическая проблема: а) аграрный вопрос; б) промышленность и торговля. 11. Проблемы внешней политики. 12. Византийская цивилизация. Литература и искусство. 13. Актуальные проблемы византийской истории.

В предисловии к своей книге Дилья напоминает, что ещё и в наше время существуют упорные предрассудки, в силу которых Византии часто отказывают в справедливой и заслуженной ею оценке. Он отмечает, что подобное отношение к Византии установилось ещё со времён Вольтера, который го-

ворил, что её история была лишь «ужасным и отвратительным» рядом фактов. Для Монтескье, а после него для Гиббона Византийская империя была лишь упадком Римской империи. Лебо, написавший историю Византии в тридцати томах, затопил её потоком скуки, довершив этим дело её дискредитации.

Интерес к исследованиям в области истории Византии был восстановлен только в середине XIX века. Дилья отмечает, что в России выдающиеся учёные В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Н. П. Кондаков с исключительной глубиной изучали историю Византии и византийского искусства. «Боннский корпус» византийских историков содействовал развитию византийских исследований. Во Франции, стране Диоканжа, много было сделано для развития историографии Византии. Рамбо, Шлюмберже, Габриель Милле и много других учёных, среди которых в первую очередь нужно назвать и Дилья, автора рецензируемой книги, создавали там труды большой ценности. В результате всех этих исследований выявлялся, наконец, более верный образ Византии, возникало более точное представление о месте, которое она играла в истории средних веков. Подвести основные итоги, к которым пришла наука в изучении истории Византии, наметить ещё не разрешённые проблемы, над которыми должны работать византилисты всех стран, — таковы цели, которые поставил Дилья в рассматриваемой книге.

Говоря о месте, которое Византия занимала в истории средних веков, останавливаясь на географическом обзоре её областей и этническом составе империи, Дилья прежде всего подводит итоги работе учёных всех стран в разрешении вопроса о различии в судьбах Западной и Восточной Римской им-

перии. Необходимо отметить, что советская историческая наука не может удовлетвориться анализом причины большей устойчивости Восточной Римской империи, который даёт Диль в рассматриваемой книге, как и в прежних своих трудах. В сравнительном анализе положения Римской империи на Западе и на Востоке из поля зрения Диль выпадает революция рабов и колоннов, которая должна служить основным критерием в рассматриваемом вопросе. Кроме того Диль недооценивает также роль славянской иммиграции на Балканском полуострове и её влияние на общественно-экономический строй Византийской империи, хотя и правильно изображает рост славянских элементов в этническом составе империи.

Советские историки не согласятся и с периодизацией византийской истории, которую даёт Диль в третьей главе своей книги. По существу, он не даёт никакой строго очерченной периодизации, а перечисляет этапы истории Византии, поочередно останавливаясь на отдельных периодах возвышения и упадка империи, сменявших друг друга на протяжении её истории. Своё изложение этих периодов Диль сопровождает их характеристикой.

Нужно отметить, что, говоря об эпохе иконоборческих императоров (717—867), Диль правильно изображает их деятельность как проводников обширного плана социально-экономических и общественно-политических реформ, являвшихся целью иконоборческого движения. Он приходит к справедливому выводу о том, что империя вышла из этого бурного периода более сильной, чем она была до начала VIII века.

В четвёртой главе Диль особо рассматривает проблему национальностей, стоящую перед Византией на протяжении всей её истории. Многонациональный характер византийского государства причинял его правительству большие трудности, и Диль рассматривает его политику, направленную к достижению политического единства в империи. Империя, указывает Диль, пользовалась военной силой, чтобы подчинить варварские племена своей власти. Однако византийское правительство понимало, что одной силой нельзя создать политического единства, и стремилось приобщить всё население империи к византийской культуре. Важнейшим оружием для достижения этой цели Диль справедливо считает превращение греческого языка в национальный язык для всей империи. Но особенно сильным орудием ассимиляции варварских элементов населения Диль правильно считает внедрение общей православной религии. Он подробно останавливается на деятельности византийских церковных миссий и показывает их успехи на вновь приобретаемых территориях.

Говоря о византийской политике в Болгарии после ликвидации первого Болгарского царства, Диль пишет, что за время византийского господства в Болгарии (1018—1186) Византия стремилась завоевать симпатии покорённого населения. С этой целью, например, Василий II Болгаробойца, по его словам, проводил политику, направленную к

сохранению всего строя Болгарии без всяких изменений. Даже болгарская церковь оставалась, по его мнению, совершенно независимой во главе с болгарскими священниками (стр. 47).

С подобным изображением византийского господства в Болгарии, конечно, нельзя согласиться. Как хорошо показал чл.-корр. АН СССР В. И. Пичета в своём докладе «Византия и славяне» на сессии отделения истории и философии АН СССР в мае 1914 г., годы византийского господства были весьма тяжёлыми в истории болгарского народа. Византия проводила политику полной денационализации болгарского народа, стремилась подавить его самобытную культуру, полностью подчинить константинопольскому патриархату болгарскую национальную церковь, лишить её всякой самостоятельности. Именно в годы византийского господства достигает особого расцвета движение богомилов, которое представляло собой реакцию против византийского засилья. В то время как болгарские феодалы, на которых опиралось византийское правительство, стремились «эллинизироваться», облакались в модные греческие костюмы, переставали говорить на болгарском языке, хранителем болгарско-славянской народности и борцом за эту народность явился сам болгарский народ¹, говорит В. И. Пичета. К этому следует добавить, что в период продвижения турок-османов эта антиславянская политика Византийской империи привела не к объединению всех балканских государств, а к раздроблению их сил, к ослаблению их позиции в борьбе против турок и явилась одной из основных причин гибели Византийской империи.

В последующих главах Диль обстоятельно излагает основные итоги изучения политического устройства, религиозной жизни, военного и административного управления Византийской империи. На широком историческом фоне он прослеживает эволюцию императорской власти в Византии, а также показывает элементы, которые ограничивали или, точнее сказать, сдерживали власть византийского императора.

Хорошо показана также и система стратотетских участков, являвшаяся основой военного устройства империи, а также падение обороноспособности империи, как следствие упадка и разрушения этой системы.

В главе о «религиозной проблеме» Диль освещает не достаточно ещё исследованный вопрос о взаимоотношениях государственной власти и церкви, отмечая наряду с этим и роль, которую в политической жизни империи играла борьба между духовной и светской властью. Здесь же он ярко изображает растущую экономическую мощь византийских монастырей и их влияние на общественно-экономическую жизнь страны.

На страницах своей книжки Диль ярко описывает мощный административный аппарат с чётко разработанным кругом обязанностей чиновников, эволюцию административных органов империи, начиная от реформ

¹ См. «Вестник Академии наук СССР» № 7—8 за 1914 г., стр. 112.

Диоклетиана и Константина и кончая преобразованиями эпохи Палеологов. Сказано, но недостаточно всесторонне дан анализ феодного устройства империи и его развития.

Говоря о функциях эпарха столицы, наблюдавшего за деятельностью столичных народных организаций, Диль ставит знак равенства между фракциями и димами (стр. 85). Между тем, как убедительно показал А. П. Дьяконов в своей статье «Византийские димы и фракции в V—VII вв.», помещённой в вышедшем в 1945 г., после смерти Диль, «Византийском сборнике», димы и фракции были различными организациями. Необходимо вместе с тем отметить встречающуюся у Диль чрезмерную идеализацию административного аппарата Византии, которому он приписывает «прогрессивную роль в распространении православия, до некоторой степени заменявшего национальное единство» (стр. 89). Конечно, такое утверждение возможно лишь в том случае, если совершенно отбросить ожесточённую классовую борьбу, раздиравшую византийское общество, не позволяющую говорить о каком бы то ни было «единстве». Нельзя согласиться также и с тем, что Диль повсюду, говоря о дворцовых переворотах в Византии, пользуется термином «революция», совершенно неприемлемым в данном случае.

Обстоятельно, широкими мазками рисует Диль социально-экономический строй Византийской империи. Можно считать, что со своей задачей он в основном справился. Однако мы встречаем у Диль обычное для буржуазных византинистов представление о «заботах» Македонской династии о мелком крестьянском землевладении (стр. 96). Между тем эти заботы проявлялись только тогда, когда византийские императоры искали расширения социальной базы в их борьбе с представлявшим для них большую опасность растущим крупным феодальным землевладением. Неверно утверждение о том, что положение крепостных париков могло быть лучше положения свободных крестьян (стр. 104): исследования большинства учёных, занимавшихся аграрной историей Византии, как и свидетельства источников, доказывают совершенно обратное.

Нельзя согласиться с утверждением, что Комнины «не управляли империей в духе феодального развития» (стр. 100). Династия Комнинов пришла к власти в результате

победы феодалов, и при их власти, как показал ещё Ф. И. Успенский, феодализация империи достигает своего апогея. Наконец, нужно отметить склонность Диль к некоторой модернизации. Говоря о восстании эпитатов в Фессалонике (1342—1349), Диль употребляет термины «коммуна», «революция».

Большой знаток византийского искусства Диль даёт в своей книге интересный очерк его истории, отмечает также влияние, которое оно оказывало на искусство Запада и славянских стран. С большим интересом прочтут читатели главу, посвящённую обзору византийской внешней политики и дипломатического искусства византийского правительства.

В тринадцатой главе, озаглавленной «Актуальные проблемы византийской истории», Диль приводит перечень проблем, которыми он рекомендует заниматься исследователям-византинистам. Его указания заслуживают большого внимания. Он подчёркивает необходимость дальнейших поисков неизданных текстов, могущих привести к важным находкам. В области политической и социально-экономической истории Византии Диль рекомендует в первую очередь заняться двумя последними веками её истории, эпохой Палеологов, почти не освещённой в историографии.

История эфирского деспотата Мистры, византийского Египта, Никейской империи также, по мнению Диль, недостаточно изучена и ещё ждёт своих исследователей. Необходимо, говорит Диль, создать обстоятельные монографии о таких выдающихся византийских деятелях, как Феодор Метохит, Иоанн Кантакузин, Михаил VIII Палеолог и др. Далее Диль советует расширить исследования византийских учреждений, византийского быта, театра. Наконец, он рекомендует уточнить вопрос о корнях византийского искусства, вопрос, вокруг которого ведётся ещё много споров и в котором далеко не всё ещё решено.

Работа выдающегося французского византиниста Диль подводит итоги его многолетним исследованиям и является большим вкладом в научную литературу по византийской историографии.

Б. Горянов

ПЕТРУШОВ А. *Аграрные отношения в Германии* (по данным сельскохозяйственных переписей 1882—1939 гг.). Институт мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР. Огиз, Госполитиздат. 1945. 215 стр.

Проблема капиталистического развития сельского хозяйства в Германии давно привлекала внимание политических и общественных деятелей и историков. Маркс и Энгельс во многих своих работах неоднократно останавливались на особенностях развития аграрных отношений в Германии. В. И. Ленин охарактеризовал особенности прусского

пути развития капитализма в сельском хозяйстве и показал его связь с развитием германского разбойничьего империализма и военизации. Товарищ Сталин также в ряде выступлений давал оценку социальным отношениям в немецкой деревне. У нас до сих пор не было специальных исследований о развитии земельных отношений, о положении не-

Диоклетиана и Константина и кончая преобразованиями эпохи Палеологов. Сказано, но недостаточно всесторонние дан анализ феодного устройства империи и его развития.

Говоря о функциях эпарха столицы, наблюдавшего за деятельностью столичных народных организаций, Диль ставит знак равенства между фракциями и димами (стр. 85). Между тем, как убедительно показал А. П. Дьяков в своей статье «Византийские димы и фракции в V—VII вв.», помещённой в вышедшем в 1945 г., после смерти Диль, «Византийском сборнике», димы и фракции были различными организациями. Необходимо вместе с тем отметить встречающуюся у Диль чрезмерную идеализацию административного аппарата Византии, которому он приписывает «прогрессивную роль в распространении православия, до некоторой степени заменявшего национальное единство» (стр. 89). Конечно, такое утверждение возможно лишь в том случае, если совершенно отбросить ожесточённую классовую борьбу, раздиравшую византийское общество, не позволяющую говорить о каком бы то ни было «единстве». Нельзя согласиться также и с тем, что Диль повсюду, говоря о дворцовых переворотах в Византии, пользуется термином «революция», совершенно неприемлемым в данном случае.

Обстоятельно, широкими мазками рисует Диль социально-экономический строй Византийской империи. Можно считать, что со своей задачей он в основном справился. Однако мы встречаем у Диль обычное для буржуазных византистов представление о «заботах» Македонской династии о мелком крестьянском землевладении (стр. 96). Между тем эти заботы проявлялись только тогда, когда византийские императоры искали расширения социальной базы в их борьбе с представлявшим для них большую опасность растущим крупным феодальным землевладением. Неверно утверждение о том, что положение крепостных париков могло быть лучше положения свободных крестьян (стр. 104): исследования большинства учёных, занимавшихся аграрной историей Византии, как и свидетельства источников, доказывают совершенно обратное.

Нельзя согласиться с утверждением, что Комнины «не управляли империей в духе феодального развития» (стр. 100). Династия Комнинов пришла к власти в результате

победы феодалов, и при их власти, как показал ещё Ф. И. Успенский, феодализация империи достигает своего апогея. Наконец, нужно отметить склонность Диль к некоторой модернизации. Говоря о восстании эпитатов в Фессалонике (1342—1349), Диль употребляет термины «коммуна», «революция».

Большой знаток византийского искусства Диль даёт в своей книге интересный очерк его истории, отмечает также влияние, которое оно оказывало на искусство Запада и славянских стран. С большим интересом прочтут читатели главу, посвящённую обзору византийской внешней политики и дипломатического искусства византийского правительства.

В тринадцатой главе, озаглавленной «Актуальные проблемы византийской истории», Диль приводит перечень проблем, которыми он рекомендует заниматься исследователям-византистам. Его указания заслуживают большого внимания. Он подчёркивает необходимость дальнейших поисков неизданных текстов, могущих привести к важным находкам. В области политической и социально-экономической истории Византии Диль рекомендует в первую очередь заняться двумя последними веками её истории, эпохой Палеологов, почти не освещённой в историографии.

История эфирского деспотата Мистры, византийского Египта, Никейской империи также, по мнению Диль, недостаточно изучена и ещё ждёт своих исследователей. Необходимо, говорит Диль, создать обстоятельные монографии о таких выдающихся византийских деятелях, как Феодор Метохит, Иоанн Кантакузин, Михаил VIII Палеолог и др. Далее Диль советует расширить исследования византийских учреждений, византийского быта, театра. Наконец, он рекомендует уточнить вопрос о корнях византийского искусства, вопрос, вокруг которого ведётся ещё много споров и в котором далеко не всё ещё решено.

Работа выдающегося французского византиста Диль подводит итоги его многолетним исследованиям и является большим вкладом в научную литературу по византийской историографии.

Б. Горянов

ПЕТРУШОВ А. *Аграрные отношения в Германии (по данным сельскохозяйственных переписей 1882—1939 гг.)*. Институт мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР. Огиз, Госполитиздат. 1945. 215 стр.

Проблема капиталистического развития сельского хозяйства в Германии давно привлекала внимание политических и общественных деятелей и историков. Маркс и Энгельс во многих своих работах неоднократно останавливались на особенностях развития аграрных отношений в Германии. В. И. Ленин охарактеризовал особенности прусского

пути развития капитализма в сельском хозяйстве и показал его связь с развитием германского разбойничьего империализма и военизации. Товарищ Сталин также в ряде выступлений давал оценку социальным отношениям в немецкой деревне. У нас до сих пор не было специальных исследований о развитии земельных отношений, о положении не-

мецкого крестьянства и роли сельского хозяйства в народном хозяйстве Германии в условиях фашистской диктатуры. Вот почему издание Госполитиздатом работы тов. Петрушова вызывает большой интерес.

Автор использовал большой статистический материал официальных немецких изданий, многочисленные данные журналов: «Wirtschaft und Statistik», «Mitteilungen für die Landwirtschaft», «Statist», «Die Bank» и других, — а также очень многих газет и большую литературу.

Основная часть работы тов. Петрушова посвящена исследованию земельных отношений в фашистской Германии. Правда, на стр. 32—35 в различных сводных статистических таблицах читатель найдёт конкретный цифровой материал всех немецких переписей с 1882 по 1939 г., но основные выводы даются об аграрных отношениях за период фашистской диктатуры, и в этом — особый интерес и значение работы тов. Петрушова.

Основное же внимание автора направлено на освещение земельных отношений в период 1933—1939 годов.

Во второй главе книги убедительно показано, что земля в фашистской Германии была сосредоточена в основном в руках помещиков и кулаков. Здесь приведены яркие факты, рисующие роль феодальной аристократии (Гогенцоллерны, фон Сольмсы, Штольберги, Шульенбург, Дона, Арнимы и многие другие) в деревне после буржуазной революции 1918 г. и в гитлеровской «третьей империи». Рядом цифр подтверждается факт оскудения и обнищания самой большей части крестьянства — мелкого и мельчайшего — и сокращение числа середняцких хозяйств. Ипотечная задолженность способствовала дальнейшему ухудшению положения этих разоряемых групп трудового крестьянства и вела к росту принудительной продажи с аукциона земельных участков в период 1933—1939 годов.

Интересны данные об арендных отношениях, а также сведения о «наследственных дворах» и поселениях (Siedlung). В дофашистский период германская статистика анализировала положение в земледелии, исходя из количества обрабатываемой земли. В целях сознательной фальсификации положения фашистской статистикой с 1933 г. в основу классификации хозяйств был положен принцип учёта наличия в них всей земли. Если и прежние немецкие статистические материалы были недостаточны для точного анализа земельной собственности и требовали привлечения ряда дополнительных данных, то с 1933 г. оказалось невозможным сопоставлять эти статистические данные даже с цифрами прежних сельскохозяйственных переписей.

Несмотря на эти трудности, тов. Петрушов удачно разрешил поставленные перед ним задачи. В книге мы находим яркую картину продолжающейся в фашистской Германии концентрации земли в руках немецких баронов, банкиров и кулачества. В частности большой интерес представляют таблицы о числе земельных владений (по группам их) и о количестве их земельной пло-

щади по данным всех семи переписей (1882—1939).

Фактическая дифференциация сельского хозяйства даётся тов. Петрушовым интересно и убедительно по ряду показателей: по количеству используемых с.-х. машин, по количеству и качеству рабочего скота (лошади, быки, коровы), по молочному скоту (коровы и козы) и, несколько менее подробно, по количеству применяемых удобрений и вложению в хозяйство капиталов, а также по количеству применяемого наёмного труда.

Фашистская статистика, чтобы приукрасить положение в гитлеровской Германии, старалась подтасовать факты. Поэтому в переписях 1933—1939 гг. выпадает около 3 млн. мельчайших земельных владений, размером от 0,05 до 0,5 га.

Этой фальсификацией фашисты хотели скрыть сильную дифференциацию и массовое обнищание крестьянства в гитлеровской деревне и доказать якобы имевший место после захвата власти нацистами рост количества зажиточных крестьян. Работа тов. Петрушова разоблачила фашистских мошенников от статистики. Она показывает, что за шесть лет фашистского господства произошёл большой рост мельчайших крестьянских хозяйств с резким снижением размера земельной площади на каждое хозяйство. В 1933 г. их было 3640,2 тыс., или 62% всех хозяйств, а в 1939 г. — 3197,9 тыс., или 66,4% всех хозяйств, общее же число мелких и мельчайших хозяйств, имеющих от 0,05 до 0,5 га всей земли (5 млн.), составляет 77,8% всех хозяйств. Все они вместе владели 4 млн. га, т. е. 9,5% всей земли. Противоположный полюс гитлеровской деревни — 370 тыс. крупных и крупнейших хозяйств, что составляет всего лишь 5,6% всех хозяйств, — владел 28 млн. га, или 64,3% всей земельной площади. Из этого числа целесообразно выделить 34 тыс. самых крупных хозяйств, которые владели 100 и более га каждое. Эти хозяйства, составлявшие всего 0,5% всех с.-х. владений, имели в качестве своей собственности 16 млн. га земли, или 36,4% всей земельной собственности (см. табл. на стр. 41). Следы феодальной эксплуатации крестьянства в этих хозяйствах сохранились до конца гитлеровской Германии в виде большого числа сельскохозяйственных рабочих с наделом за счёт жалких участков на окраине этих крупных владений. Многие мелкие хозяйства рабочих этих имений являлись «депутатскими» (т. е. батрак ежедневно работал на барской земле за предоставленный ему земельный участок, получая самое ничтожное денежное вознаграждение и хлебный паёк — Deputat). Это «депутатское» мельчайшее «хозяйство» является прямым остатком крепостничества в капиталистическо-фашистской деревне. Подобных пережитков феодализма в германской деревне сохранилось множество, особенно на востоке.

Тов. Петрушов ярко показывает особенности так называемого «прусского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве (стр. 16). Благодаря постепенности и мед-

ленному развитию капитализма, пользуясь тем, что в государственном аппарате верлушка и чиновничья масса составлялась из феодального дворянства, юнкер сумел сохранить остатки крепостнических форм эксплуатации. Сельскохозяйственный предприниматель — юнкер — сумел до самого последнего времени сохранить и даже приумножить свои поместья и превратить работающих у него батраков и крестьян в рабочих с наделом, в кнехтов, страдающих от нищеты и непомерной эксплуатации со стороны юнкерства и кулачества. «Эта черта капиталистического хозяйства прусского типа, — правильно отмечает автор, — характерна в полном объеме и для фашистской Германии. Несмотря на все демагогические речи и обещания фашистов, в «третьей империи» больше чем когда бы то ни было помещики и кулаки прибирали к рукам землю, грабили и разоряли трудовое крестьянство. Происходило неслыханное обнищание многомиллионной массы крестьянства в Германии» (стр. 28).

Захватив власть, фашисты не выполнили своего обещания отдать землю помещиков безвозмездно деревенскому труженнику. Провозгласив летом 1933 г. «национальную революцию законченной», фашисты внушали германскому крестьянину ложную идею о необходимости завоевания новых земель на востоке и в других славянских странах. Гитлеровцы внушали немецкому крестьянину, что Германия страдает от недостатка «жизненно необходимого пространства» и что удовлетворить потребности крестьян в рамках только немецкой территории невозможно.

Книга тов. Петрушова показывает результаты фашистской политики в деревне. Разорение приводило к массовой принудительной продаже земельных участков с аукциона (табл. на стр. 55). Следствием этого явилось обезлюдение деревни, бегство разорённых крестьян в город. Жаль только, что об этом говорится в книге вскользь, недостаточно развёрнуто.

Финансовая олигархия Германии давно видела упадок сельского хозяйства. Ещё в 1928 г. на совещании руководителей крупнейших банков Германии обсуждался вопрос

о несоответствии уровня производства сельского хозяйства производительной мощи индустрии. Финансовые магнаты искали выхода в концентрации земельной собственности и в политике автаркии. Но решить эту задачу гитлеровская Германия не смогла. Политика автаркии, которую нацисты проводили, готовясь к войне за завоевание мирового господства, лишь способствовала упадку сельскохозяйственного производства.

Книга тов. Петрушова показывает, что фашистская диктатура привела к дальнейшей деградации сельского хозяйства страны.

Говоря о недостатках работы тов. Петрушова, надо прежде всего отметить, что в ней не исследовано и не изложено аграрное и крестьянское законодательство гитлеровского правительства. Автор упускает из виду, что многие процессы проводились не только методами экономического принуждения. Например, говоря об аграрных отношениях, нельзя умалчивать о проведённой гитлеровцами политике ликвидации общинного землевладения и землепользования. В книге совсем не разработан вопрос о роли кооперации в немецкой деревне в период между двумя мировыми войнами.

Крупным недочётом работы является полное отсутствие характеристики политики финансового капитала в отношении юнкерства и повседневной политики банков в немецкой деревне. А без этого нельзя дать правильный анализ аграрных отношений в Германии.

Приходится отметить также, что тов. Петрушов не затрагивает вопроса о доходности разных групп немецкого сельского хозяйства в период фашистской диктатуры и о том, каких размеров достигали в крестьянских хозяйствах принижение потребностей и усиление интенсивности труда, как орудия в конкуренции с крупным производством.

Желательно, чтобы во 2-м издании этой интересной книги указанные вопросы получили освещение вместе со значительными дополнениями по истории аграрных отношений в XIX в. в Германии.

Несмотря на указанные выше недостатки и погрешности, книга тов. Петрушова заслуживает внимания историков.

Г. Толмачов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ СССР, ВЫШЕДШАЯ В ИЮЛЕ 1946 ГОДА

- Сталин И. В. Сочинения. Т. II. 1907—1913. М. Госполитиздат. 1946. 427 стр.
- Михаил Иванович Калинин. 1875—1946. М. Госполитиздат. 1946. 51 стр.
- Ариховский А. Древнерусские областные гербы. «Учёные записки (Моск. ордена Ленина гос. ун-та имени М. В. Ломоносова)». Вып. 93. История. Кн. 1-я, стр. 43—67. 1946.
- Барнавели С. Новые Атенские надписи. «Сообщения Акад. наук Груз. ССР». Т. VII. 1946, № 1—2, стр. 87—93.
- Беляев Е. Б. А. Тураев. 1868—1920. (К 25-летию со дня смерти.) «Труды Моск. ин-та востоковедения». Вып. 3. 1946, стр. 210—222.
- Блаватский В. Раскопки Пантикалея в 1945 г. «Сов. Крым». 1946, № 2, стр. 117—126, илл.
- Богатов М. и Меркурьев В. Ленинградская артиллерия. Под ред. Г. Ф. Одинцова. Л. Лениздат. 1946. 256 стр., илл.
- Бретаницкий Л. К характеристике мастеров средневекового Азербайджана. «Доклады Акад. наук Азерб. ССР». Т. II. 1946, № 3, стр. 129—133.
- Бретаницкий Л. К проблеме изучения архитектурных направлений средневекового Азербайджана. «Доклады Акад. наук Азерб. ССР». Т. II. 1946, № 1, стр. 30—35, илл.
- Воронец М. Орудия эпохи бронзы в Музее истории АН Узб. ССР. «Бюллетень Акад. наук Узб. ССР». 1946, № 2, стр. 31.
- Воронец М. Описание Герата XV в. в труде Аль-Исфизари. «Бюллетень Акад. наук Узб. ССР». 1946, № 2, стр. 30.
- Городецкий Е. История СССР (1870—1903). Лекции, прочитанные в Высшей партшколе при ЦК ВКП(б). М. 1946. 191 стр. (Высшая партшкола при ЦК ВКП(б). Лекции 53—59).
- Дагестанцы в боях за советскую родину. По документальным материалам фронтовой печати. Сост. А. Путерброт. Махачкала. Даггиз. 1946. 165 стр. Портр.
- Днепровский М. и Кара-Дэмур С. Двенадцать дней. Очерк о великой победе под Ленинградом. Л. Воениздат. 1946. 83 стр. (Полит. упр. Ленингр. военного округа).
- Дружинин Н. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва. Т. I. Предпосылки и сущность реформы. М.—Л. Акад. наук СССР. 1946. 634 стр.
- Зинченко Ф. Штурм рейхстага. «Военный вестник». 1946, № 9, стр. 11—13, илл.
- Игнатов С. Коми край. (Записки о прошлом). Сыктывкар. Комигосиздат. 1946. 63 стр.
- Исторические записки. Отв. ред.—Б. Д. Греков. Кн. 18-я. М.—Л. Акад. наук СССР. 1946. 336 стр. (Ин-т истории).
- Капападзе Д. О нескольких спорных медных монетах, чеканенных в XIII—XIV веках. «Сообщения Акад. наук Груз. ССР». Т. VII, 1946, № 1—2, стр. 73—80.
- Каулянь К. Первое мая в истории революционной борьбы рабочего класса Латвии. «Большевик сов. Латвии» № 7—3, 1946, стр. 82—91.
- Князев Г. Вольтер — почётный член Академии наук в Петербурге. «Известия Акад. наук СССР». Серия истории и философии. Т. III, 1946, № 2, стр. 189—191.
- Козлов Н. Керченский десант. «Сов. Крым» № 2. 1946, стр. 40—58, илл.
- Кужельков И. Издания Артиллерийской академии за 125 лет. Библиографический указатель. М. 1946. 215 стр. (Артил. ордена Ленина и ордена Суворова акад. Красной Армии имени Дзержинского).
- Левятов В. Две марки керамических мастерских Шаберана. «Доклады Акад. наук Азерб. ССР». Т. II. 1946, № 2, стр. 84—87, илл.
- Мавродин В. Древняя Русь. (Происхождение русского народа и образование Киевского государства.) М. Госполитиздат. 1946, 311 стр., илл. 2 л. карт.
- Меликсет-бек. К биографии сподвижника Израэля Ори Минаса вардапета. (Предсмертные дни и опись оставшегося после Минаса имущества.) «Известия Акад. наук Армян. ССР». Общественные науки, 1946, № 1, стр. 75—88.
- Миц И. История СССР (1912—март 1917). Лекции, прочитанные в Высшей партшколе при ЦК ВКП(б). М. 1946. 103 стр. (Высшая партшкола при ЦК ВКП(б). Лекции 66—68).
- Митяев К. Теория и практика архивного дела. Учебное пособие. Под ред. И. Л. Маяковского. М. 1946. 248 стр. (Глав. архив. упр. МВД СССР. Историко-архив. ин-т. Учебные пособия по архивоведению).
- Михайлов А. Рукописные материалы по истории русского военно-морского флота. «Морской сборник» № 3. 1946, стр. 114—128.
- Мылов П. Уличные бои в Берлине. (Воспоминания участника — командира стрелкового полка.) «Военный вестник» № 9. 1946, стр. 9—10, илл.
- Обнорский С. Итоги научного изучения русского языка. «Учёные записки (Моск. ордена Ленина гос. ун-та имени М. В. Ломоносова)». Вып. 106. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Т. III. Кн. 1-я. 1946, стр. 3—21.
- Обнорский С. Очерки по истории русского литературного языка старшего пе-

риода, М.—Л. Акад. наук СССР. 1946. 199 стр.

Очерки по истории Азербайджана. «Известия Акад. наук Азерб. ССР». Отделение общественных наук. Вып. 1. 1946, № 1, стр. 13—72, илл.

Пичета В. Восточная Белоруссия под властью царизма (1773—1795). «Учёные записки (Моск. ордена Ленина гос. ун-та имени М. В. Ломоносова)». Вып. 93. История. Кн. 1-я. 1946, стр. 20—42.

Подозерская-Уткина Г. Судебник Казимира Ягеллона. «Научный бюллетень Ленинградского гос. ордена Ленина ун-та». № 7. 1946, стр. 42—44.

Ромашин М. Крах врагелевской авантюры. (К 25-летию разгрома Врангеля.) «Сов. Крым» № 2. 1946, стр. 19—39. Факсим.

Рубинштейн И. Летописный период русской историографии (историография феодальной Руси XI—XVII вв.). «Учёные записки (Моск. ордена Ленина гос. ун-та имени М. В. Ломоносова)». Вып. 93. История. Кн. 1-я. 1946, стр. 3—19.

Рыбаков Б. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. «Учёные записки (Моск. ордена Ленина гос. ун-та имени М. В. Ломоносова)». Вып. 93. История. Кн. 1-я. 1946, стр. 68—112, илл.

Сессии, посвящённые академику Н. Я. Марру. «Вестник Акад. наук СССР» № 2. 1946, стр. 92—97.

Старосельская О. История науки в работах Отделения истории и философии Академии наук СССР за 10 лет (1934—

1944). «Известия Акад. наук СССР». Серия истории и философии. Т. III. 1946, № 2, стр. 175—188.

Телегин К. Битва за Берлин. «Военный вестник» № 9. 1946, стр. 5—8, илл.

Тодстов С. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР. 1945 г. «Известия Акад. наук СССР». Серия истории и философии. Т. III. 1946, № 1, стр. 83—86.

Трухин Г. Могильники и городища в окрестностях Томска. В кн.: Томск. Лит.-худож., общественно-политический и научный альманах. 1946, январь—февраль, стр. 59—63.

Хонштариа И. Археологические исследования в сел. Кулеви. (Краткий предварительный отчёт экспедиции 1945 г.) «Сообщения Акад. наук Груз. ССР». Т. VII. 1946, № 1—2, стр. 81—86.

Шадури В. Грибоедов и грузинская культура. Тбилиси. Заря Востока. 1946. 75 стр.

Шафрановский К. Первый научный географический атлас России. (К 200-летию выхода в свет.) «Вестник Акад. наук СССР» № 4. 1946, стр. 91—97, илл.

Шульц П. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму. «Сов. Крым». 1946, № 2, стр. 97—116, илл.

Ярославский Е. Партия большевиков в период империалистической войны. Вторая революция в России (1914 г.—март 1917). М. 1946. 79 стр. (Высшая партшкола при ЦК ВКП(б)). «Курс истории ВКП(б)», гл. 6).

Государственная публичная историческая библиотека.

НОВЫЕ ИНОСТРАННЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Источники

St. Augustine Confessions. Tr. by F. J. Sheed. London. 1944. 339 p.

S. Aureli Augustini de Beata vita. A translation with an introduction and commentary by K. A. Brown. Washington. 1944. XVII, 193 p.

Comnena Anna. Alexiade. Règne de l'empereur Alexis I Comnène (1081—1118). Texte établi et trad. par B. Leib. T. 2. Paris. 1943. (Coll. bysantine). ЛБ.

William, archbishop of Tyre. History of deeds done beyond the Sea; tr. and annot. by E. A. Babcock and A. C. Krey. Vol. 1—2. Oxford. 1943—1944. (Columbia University Records of civilization: Sources and studies, N 35). ФБОИ.

Corpus inscriptionum insularum Celticarum. Ed. by R. A. S. Mac Alister. Vol. I. Dublin. 1945. XVII, 515 p.

Commentarius Cantabrigiensis in epistolas Pauline Schola Petri Abailardi. Vol. III, Ed. by A. Landgraf. Notre Dame. Indiana. 1944. (The

University of Notre Dame. Publications in Mediaeval studies, 447—651 p.).

Anticlaudian, a thirteenth century french adaptation of the «Anticlaudianus» of Alain de Lille by Ellebant. Ed. for the first time with introduct., commentary and glossary by A. J. Creighton. Washington. 1944. VI, 172 p.

The tractatus de Successivis. Attributed to William Ockham. Ed. with a study on the life and works of Ockham Ph. Boehner. New York. 1944. XI, 122 p. (Franciscan Institute publications, № 1).

The Tractatus de Praedestinatione et de Praescientia Dei et de Futuris Contingentibus of William Ockham by Ph. Boehner with a study on the mediaeval problem of a three-valued logic. New York. 1945. XI, 139 p. (Franciscan Institute publications, № 2).

Pierre d'Abernum. of Felcham. Le secret de Secrez. Ed. by O. A. Beckerlegge. Oxford. 1944. 93, LVIII p. (Anglo-norman text society, № 5).

The life of St. Dominic in old French verse.

Ed. by W. F. Manning. Cambridge. 1944. XIII, 258 p.

Marie de France. Lais. Ed. by A. Ewert. Oxford. 1944. 220, XXXI p.

Excidium Troiae. Ed. by W. B. Atwood and V. K. Whitker. Cambridge. Mass. 1944. XCI, 81 p. (Mediaeval Academy publications, N 44).

Bodin J. Method for the easy comprehension of history. Tr. by B. Reynolds. Oxford. 1945. XXIX, 402 p. (Records of civilization. Sources and studies. № 37).

Penry J. The notebook of John Penry, 1593. Ed. by A. Peel. London. 1944, XXVIII, 99 p. (Camden Soc. third series, Vol. 67). ФБОН

The Basilicon Doron of King James VI. Vol. I, ed. by J. Craigie. Edinburgh and London. 1944. (Scottish text society, 3-d series, vol. 16).

A. Middlewich; Chartulary, ed. by J. Varley and J. Tait. Manchester, 1941—1944. (Chethan society. Publ. New series, Vol. 105 and 108). ФБОН

A Lincolnshire Assize Roll for 1298 (P. R. O. Assize Roll N 505). Ed. by W. S. Thompson, with an introduction on Royal local Government in Lincolnshire during the war of 1294—1298. Hereford. 1944. CXXVII, 305 p. (The Lincoln Record Society. Vol. XXXVI).

The register of Henry Chichele, Archbishop of Canterbury, 1414—1443. Vol. III. Ed. by E. F. Jacob. Oxford-New York. 1945. 526 p.

Al-Farghani. Differentie, ed. by F. J. Carmody. Berkeley, Cal. 1943. 5, 52 p.

Moamine et Ghatrii. Traités de fauconnerie et des chiens de chasse. Ed. by H. Tjerheld, Stockholm. Paris. 1945. 442 p. 3 pl.

Arab archery: an arabic manuscript about A. D. 1500. «A book on the Excellence of the Bow and Arrow» and the description thereof. Ed. by N. A. Paris and R. P. Elmer. Princeton. 1945. VI, 182 p.

Источниковедение. Вспомогательные дисциплины

Mierow Ch. The 35 Vatican MSS of St. Jerome's vita Malchi. Prolegomena to an edition. «Speculum». 1945. Vol. XX, № 4, p. 468—481.

Wainwright F. The chronology of the «Mercian Register». «English historical review». 1945. Vol. LX, № 238, p. 385—392.

Magoun F. The Domitian bilingual of the old-english annals. The latin preface. «Speculum». 1945. Vol. XX, № 1, 65—72 p.

Keeler L. The Historia Regum Britanniae and four mediaeval chroniclers. «Speculum». 1946. Vol. XXI, № 1, p. 24—37.

Friedlaender M. Growth in the resources for studies in earlier English history 1534—1625. A part of a diss. Chicago. 1943. 61 p. (The University of Chicago). ЛБ

Thorndike L. More manuscripts of the *Pragmaticum* and *Philosophia* of William of Conches. «Speculum». 1945. Vol. XX, № 1, 84—87 p.

Denholm-Young N. A letter from the Council to pope Honorius III, 1220—1221. «English historical review». 1945. Vol. LX, № 236, p. 88—96.

Kuttner S. Smalley B. The «Glossa ordinaria» to the Gregorian decretals. «English historical review». 1945. Vol. LX, № 236, p. 97—101. Appendix I, p. 101—105.

Foulet A. The archetype of Joinville's «Vie de Saint Louis». «Modern Language Quarterly». 1945, Vol. VI, № 1, p. 77—81.

Petersen T. Johannes Sintram de Herbipoli in two of his MSS. «Speculum». 1945. Vol. XX, № 1, p. 73—83.

Newell E. The Byzantine hoard of Lagbe. New York. 1945. 102 p. (American numismatic society. Numismatic notes and monographs. № 105).

Jones E., ed. Medieval heraldry; some fourteenth century heraldic works; with introd. English tr. of the Welsh text, arms in colour and notes; foreword by A. R. Wagner. Cardiff. 1943. LXVI, 260 p.

Powlay B. The house of de la Pommerai, the annals of the family. London. 1944. XXIII, 135 p.

Исторические исследования

Brooke Z. N. The prospects of medieval history. An inaugural lecture delivered at Cambridge. 17/X 1944. Cambridge—New York. 1945. 32 p.

O'Sullivan J., Burns J. Medieval Europe. New York. 1943. 770 p. ФБОН, ИБ.

Coulton G. Medieval panorama: the English scene from conquest to Reformation. New York. 1944. XIV, 801 p. ФБОН, ИБ.

Baruch T. History of the Jews of the Middle ages. Chicago. 1943. 108 p.

Diehl Ch. Les grands problèmes de l'histoire Byzantine. Paris. 1943. 178 p. avec carte. (Collection A. Colin. Section d'histoire et sciences économiques, № 237). ЛБ, МГУ.

Muller H. F. L'époque mérovingienne. Essai de synthèse de philologie et d'histoire. New York. 1945. 304 p.

Odegard C. Vassi and fideles in the Carolingian empire. Cambridge, Mass. 1945. XI, 166 p. (Harvard hist. monographs. № 19).

Odegard C. The concept of royal power in Carolingian oaths of fidelity. «Speculum». 1945. Vol. XX, № 3, p. 279—289.

Ross J. Two neglected paladins of Charlemagne: Erich of Friuli and Gerold of Bavaria. «Speculum». 1945. Vol. XX, № 2, p. 212—235.

Engreen F. Pope John the eighth and the arabs. «Speculum», 1945. Vol. XX, № 3, p. 318—330.

Porges W. The clergy, the poor and the non-combatants on the first crusade. «Speculum». 1946. Vol. XXI, № 1, p. 1—23.

Reed T. Battle for Britain in the fifth century: an essay in dark age history. London. 1944. VIII, 208 p. ЛБ.

Stenton F. Anglo-Saxon England. Oxford. 1943. VII, 749 p. with map. (Oxford history of England by G. N. Clark). ФБОИ, ЛБ.

Painter S. Studies in the history of the English feudal barony. Baltimore. 1943. XIV, 211 p. ФБОИ

Perroy E. La guerre de Cent ans. Paris. 1946. 342 p.

Rothwell H. The confirmation of the charters, 1297, Pt. I—III. «English historical review». 1945, Vol. LX, № 236, p. 16—35; № 237, p. 177—191; № 238, p. 300—315.

Lucas H. The low countries and the disputed imperial election of 1314. «Speculum». 1946. Vol. XXI, № 1. P. 72—114.

Cam H. Liberties and communities in medieval England; collected studies in local administration and topography. Cambridge. 1944. XIV, 267 p.

Morgan M. Early Canterbury jurisdiction «English historical review». 1945. Vol. LX, № 239, p. 392—399.

Fox L. The early history of Coventry. «History» 1945. Vol. XXX, № 3, p. 21—37.

Stephens G. The early life of Joan Makepeace. «Speculum». 1945. Vol. XX, № 3, p. 300—309.

Cooper, lord. Select scottish cases of the thirteenth century. Edinburgh. 1944.

Schulz F. Bracton on Kingship. «English historical review». 1945. Vol. LX, № 237, p. 136—176.

Parsons G. A scottish «Father of Courtesy» and Malory. «Speculum». 1945. Vol. XX, № 1, p. 51—64.

McFarlan K. Henry V, bishop Beaufort and the Red Hat, 1417—1421. «English historical review». 1945. Vol. LX, № 238, p. 316—348.

Short R. Stories of the Reformation in England and Scotland. Washington. 1944. 249 p.

Donaldson G. The scottish Episcopate at the Reformation. «English historical review», 1945, Vol. LX, № 238, p. 349—361.

Bindoff S. The Stuarts and their style. «English historical review». 1945. Vol. LX, № 237, p. 192—216.

Toussaint J. Les relations diplomatiques de Philippe le Bon avec la Concile de Bâle (1431—1449). Louvain. 1942. 358 p.

Wedgwood C. William the Silent; William of Nassau, prince of Orange, 1533—1584. London. 1944. 256 p. ЛБ.

Halecki O. Gilbert de Lannoy (1386—1462) and his discovery of East Central Europe. «Bulletin of the Polish Inst. of arts and sciences in America». New York. 1944. Vol. II, № 2, p. 314—331.

Klimas P. Gilbert de Lannoy (1386—1462) in mediaeval Lithuania. An introduction by C. R. Jurgelas. New York. 1945. 96 p.

Lucas H. John Crabbe. Flemish pirate, merchant and adventurer (XIV century). «Speculum». 1945, Vol. XX, № 3, p. 334—350.

Foster W., ed. The voyage of Sir Henry Middleton to the Moluccas. 1604—1606. London. 1944. XIII, 409 p. (Hakluyt Society. Second series, Vol. 88).

Zavala S. New view points on the Spanish colonization of America. Philadelphia. 1943. 118 p. ФБОИ

Wedgwood C. Thirty years war. London. 1944. 544 p. (Bedford hist. ser. № 10).

Cambridge economic history of Europe from the decline of the Roman empire; ed. by J. H. Clapham and E. Power. Vol. I. The agrarian ФБОИ, ЛБ, МГУ

Экономическая история

Cambridge economic history of Europe from the decline of the Roman empire; ed. by J. H. Clapham and E. Power, U. I. The agrarian, life of the middle ages. Cambridge—New York. 1944. 667 p. ФБОИ.

Charanis P. The phonikon and other byzantine taxes. «Speculum». 1945. Vol. XX, № 3, p. 331—333.

Lopez R. Silk industry in the Byzantine Empire. «Speculum». 1945, Vol. XX, № 1, p. 1—42.

Russel J. Late mediaeval population patterns. «Speculum», 1945. Vol. XX, № 2, p. 157—171.

Lizerand G. Le régime rural de l'ancienne France. Paris. 1942. 191 p.

Grandihon R. Politique économique De Louis XI. Paris. 1941. 476 p.

Génicot L. L'économie rurale namuroise au bas moyen âge (1199—1429). V. I. La seigneurie foncière. Namur. 1943.

Stieherman Bath B. Manor, mark and village in the eastern Netherlands. «Speculum». 1946. Vol. XXI, № 1, p. 115—128.

Clune G. Medieval gild system. London. 1943. XIX, 300 p. ФБОИ

Usher A. The early history of deposit banking in mediterranean Europe. Vol. I, Pt. I. The structure and function of the early credit system. Pt. 2, Banking in Catalonia 1240—1723. Cambridge, Mass. 1945. XX, 649 p. (Harvard econ. studies. № 75). ФБОИ, МГУ

Lennard R. Domesday Plough. — teams: the South—western evidence. «English historical review», 1945. Vol. LX, № 237, p. 217—233.

Little A. Personal tithes. «English historical review». 1945. Vol. LX, № 236, p. 67—88.

Chew H. Mortmain in medieval London. «English historical review». 1945. Vol. LX, № 236, p. 1—15.

Extents of Irish monastic possessions, 1540—1541, from manuscripts in the Public record office. London—Dublin. 1943. XI, 453 p. (Irish manuscripts Commission). ФБОИ, ИБ

Brooks F. A wage-scale for seamen 1546. «English historical review». 1945. Vol. LX, № 237, p. 234—246.

Campbell M. The English yeoman under Elizabeth and the early Stuarts. New Haven—London. 1945. IX, 453 p. ФБОИ

Foster W. England's quest of Eastern trade. London, 1944. XIV, 354 p. with map (The Pioneer histories. Ed. by V. T. Harlow and J. Williamson).

Foster W. A short history of the Worshippule company of the Coopers of London. Cambridge, 1944. ЛБ

Ramsay G. The wiltshire woolen industry in the sixteenth and seventeenth centuries. London, 1943. 149 p. with map. (Oxford historical series. Ed. G. N. Clark, F. M. Powicke). ЛБ

История культуры

Traditio. Studies in ancient and medieval history, thoughts and religion. Ed. J. Quasten and S. Kuttner. Vol. I—II. New York, 1943—1944.

Medieval studies. Vol. VI—VII Toronto. 1944—1945.

Simpson W. St. Augustin's episcopate; a brief introduction to his writings as a christian. New York, 1945. XIV, 144 p.

O'Tole C. Philosophy of creation in the writings of St. Augustin. Washington, 1944. IX, 119 p. (Catholic University of America. Philosophical ser. № 81).

Jones L. The influence of Cassiodorus on mediaeval culture. «Speculum». 1945. Vol. XX, № 4, p. 433—442.

Der Nersessian S. Armenia and the Byzantine empire. A brief study of Armenian art and civilization. Preface by Henri Grégoires. Cambridge, 1945. XXI, 148 p. 32 pl.

Chaytor H. From script to print: an introduction to mediaeval literature. Cambridge—New York, 1945. VII, 156 p.

Cohen G. La grande clarté du Moyen âge. New York, 1943. 225 p. ФБОИ. ЛБ

Kristellar P. The school of Salerno. «Bulletin of the history of medicine». 1945. Vol. XVIII, № 2, 138—194 p.

Meyeroth M. Sultan Saladin's physician on the transmission of Greek medicine to the arabs. «Bulletin of the history of medicine». 1945. Vol. XVIII, № 2, 169—178 p.

Pegis A. ed. Essays in modern scholasticism. In honor of John F. McCormick, 1874—1943. Westminster, Maryland, 1944. 295 p.

Bourke V. Thomistic bibliography 1920—1940. St. Louis, Miss. 1945. 312 p. (The modern schoolman. Vol. XXI. Supplement).

D'Arcy M. Thomas Aquinas. Westminster, 1944. IX, 292 p. (Leaders of philosophy).

Duzy E. Philosophy of social change according to the principles of Saint Thomas. Washington, 1944. X, 200 p. (Catholic University of America. Philosophical studies, № 91).

Wellmuth J. The nature and origins of scientism. Milwaukee. 60 p. 1944 (Aquinas lecture of the Aristotelian Society of Marquette University).

Raby F. The date and authorship of the poem «Adorote deuote». «Speculum». 1945. Vol. XX, № 2, 236—238 p.

Chroust A. A contribution to the medieval discussion: utrum Aristoteles sit salva-

tus. «Journal of the history of ideas». 1945. Vol. VI, № 2, 231—283 p.

Dunchad Glossae in Martiannum. Ed. by C. E. Lutz. Lancaster, Pa. 1944. XXX, 58 p. (Philological monographs XII).

Huber M. A documented history of the Franciscan Order. Vol. I: 1182—1517. Westminster—Milwaukee. 1944. XXXIV, 1028 p.

Little A. Franciscan papers, lists and documents. Manchester, 1943. XIII, 262 p. (Publications of the University of Manchester, № 284. Historical ser. № 81). ФБОИ

Moorman J. Church life in England in the thirteenth century. Cambridge, 1945. 444 p.

Douglas D. English scholars. London, 1943. 381 p. (Academy of books, № 38). ФБОИ, ЛБ

Calbraith V. Roger Wendover and Matthew Paris. (Being the eleventh lecture on the David Murray foundation in the University of Glasgow delivered on March 9th, 1944). Glasgow, 1944. 48 p.

Deutsch K. Anti-semitic ideas in the middle ages. «Journal of the history of ideas». 1945. Vol. VI, № 2, p. 239—251.

Weisinger H. The Renaissance theory of the reaction against the middle ages as a cause of the Renaissance. «Speculum». 1945. Vol. XX, № 4, p. 461—467.

Knowles M. Revision to lists of medieval religious houses. «English historical review». 1945. Vol. LX, № 238, p. 380—385.

Darwin F. English mediaeval recluse. London, 1944. VI, 90 p.

Trevelyan G. English social history. A survey of six centuries Chaucer to queen Victoria. London, 1944. XIII, 628 p. ФБОИ

Rowse A. Tudor Cornwall. Portrait of a Society. 3-d impression. London, 1943. 462 p. ФБОИ

Hellman C. The comet of 1577; its place in the history of astronomy. New York, 1944. 488 p. (Studies in history, economics and public law, № 510).

Altrocchi R. Sleuthing in the stacks. Cambridge, Mass. 1944. XIII, 279 p.

Brady C. The legends of Ermanaric. Berkeley and Los Angeles, 1943, X, 341 p. ФБОИ

Zeydel E. Ekkehard's influence upon Hrotsvitha: a study in literary integrity. «Modern language quarterly». 1945. Vol. VI, № 3, p. 333—339.

Zeydel E. Were Hrotsvitha's dramas performed during her lifetime? «Speculum». 1945. Vol. XX, № 4, p. 443—456.

Errante G. Old Provençal lyric poetry: Latin and Arab influences. «Thought». 1945. Vol. XX, № 77, p. 305—330.

Spitzer L. L'amour lointain de Jaufré Rudel et le sens de la poésie des troubadours. Chapel Hill, 1944. 74 p. (University of North Carolina. Studis in the Romance languages and literature, № 5).

Whiting B. The Vows of the Heron. «Speculum». 1945. Vol. XX, № 3, p. 261—278.

Cline P. The influence of romances on tournaments of the middle ages. «Speculum», 1945. Vol. XX, № 2, p. 201—211.

Pharr C. A thirteenth century formula of anathema. «American Journal of Philology», 1945. Vol. LXVI, № 2, p. 135—150.

Goener M. Mary-Verse of the Teutonic knights. Washington. 1944. VI, 172 p.

Mierow C. Otto of Freising and his two cities theory. «Philological Quarterly», 1945. Vol. XXIV, № 2, p. 97—105.

Loomis R. Morgain la fee and cellic goddesses. «Speculum», 1945. Vol. XX, № 2, p. 183—203.

Meroney H. Irish in the old English charms. «Speculum», 1945. Vol. XX, № 2, p. 172—182.

Kennedy Ch. The earliest English poetry. A critical survey of the poetry written before the Norman Conquest with illustrative translations. London. New York-Toronto, 1943. 375 p. ФБОИ

Atkins J. English literary criticism: the mediaeval phase. Cambridge. 1944. X, 212 p.

Schlauch H. Chaucer's doctrine of kings and tyrants. «Speculum», 1945. Vol. XX, № 2, p. 132—156.

Utly F. The Crooked Rib. An analytical index to the argument about women in English

and Scot literature to the end of the year 1500. Columbus, Chic. 1944. XII, 368 p.

Loomis R. Were there theatres in the twelfth and thirteenth centuries, with commentary by G. Cohen. «Speculum», 1945. Vol. XX, № 1, p. 92—98.

Gardiner H. C. Mysteries' end. An investigation of the last days of the medieval religious stage. New Haven. 1946. XIV, 142 p.

White H. Social criticism in popular religion literature of the sixteenth century. New York. 1944. 330 p. ФБОИ

Batten J. John Dury, advocate of christian reunion. Chicago. 1944.

Weisbach W. Religiöse Reform und mittelalterliche Kunst Zürich und Einsiedeln. 1945. 230 S. 48 Abbild.

Smith R. The early community of St. Andrew at Rochester, 604—c. 1080. «English historical review», 1945. Vol. LX, № 238, p. 289—299.

Weiss R. Piero del Monte, John Whestamsted, and the library of St. Albans Abbey. «English historical review», 1945. Vol. LX, № 238, p. 399—406.

Reaney W. St. Theodore of Canterbury. London. 1944. IX, 227 p.

*Сектор истории Фундаментальной библиотеки
общественных наук Академии наук СССР*

Х Р О Н И К А

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Заметка архивистов

В Центральном государственном архиве древних актов закончилось описание малоизвестных документальных материалов 5-го департамента Правительствующего сената (1764—1814 гг.). До последнего времени эти документы находились в состоянии россыпи и поэтому не были доступны для изучения. Среди описанных материалов 5-го департамента встречается много интересных документов, заслуживающих внимания исследователей.

Имеются новые материалы об известных архитекторах: Баженове, Бланке и Яковлеве; о преобразовании местных правительственных учреждений в Московской губернии по указу от 1 октября 1781 г., о распространении в 1771 г. в Москве эпидемии «моровой язвы» и строительстве вокруг Москвы в связи с этим оградительных валов и ровов, о волнениях жителей Москвы, вызванных распространением эпидемии; ведомости о количестве рождаемости и смертности в Москве с 1764 по 1773 г.; дела с рапортами и ведомостями губернаторов о наличии в Москве и близости от города фабрик, находящихся в ведомстве мануфактур-коллегии, о числе работающих на них людей на июнь месяц 1773 г.; о развитии ремёсел в городах и сёлах Московской, Иркутской, Архангельской, Новгородской, Казанской, Воронежской и Астраханской губерний, о количестве в них кузниц, мельниц, торговых лавок, о рыбном промысле, состоянии посевов и урожае хлебов. В этих делах имеется сводная «ведомость, učinённая в камер-коллегии из последних присланных в оную коллегию из

губерний провинций и городов ведомостей где какими ценами хлеб в продаже производится».

Большой интерес представляют дела: о неповиновении жителей Ялуторского дистрикта. В своём рапорте от 18 февраля 1766 г. сибирский губернатор Чичерин писал, что жители эти, бунтовавшие «прежде и ныне (находятся) в таком же смятении и бунте», что посланных на усмирение «офицера и команду (они) били и великим числом собравшись в Курганской и Утятской слободах едреконием контору разбили, взятых возмутителей под караул отбили (и) никого к себе не допускают»; о восстании в 1776 г. крестьян Ливенского уезда, Воронежской губернии, под водительством однодворца Сергея Ивана Клеменовича, который, «собрав многочисленную толпу и предводительствуя оною», объявлял, «будто бывший император Пётр Фёдорович здравствует и он-де имеет от него указ сыскивать дворян». Там же содержатся указания о том, как Сергеев вместе с другими однодворцами разъезжал по сёлам, чинил «смертные убийства» и подвергал разгрому дворянские имения. Имеются документы о неповиновении в 1795 г. крестьян графини Орловой-Чесменской в её имении в Финляндской губернии; о чинам в 1791 г. дворянином Алексеем Демидовым «живущим в близости его Дынской волости экономическим крестьянам обидах (и) разорениях» и другие документальные материалы.

И. Кунтиков, М. Евангулова

К 25-летию существования Североосетинского государственного педагогического института имени К. Л. Хетагурова

В марте в связи с 25-летием существования института была проведена научная сессия, посвящённая истории, расцвету культуры и искусства осетинского народа.

На сессии было заслушано 18 докладов, из них 7 — по историко-экономическому циклу, 3 — по школьно-просветительному, 6 — по естественно-географическому и физическому и 2 — по национальному искусству.

По циклам историко-экономическому и школьно-просветительному были сделаны

следующие доклады: «25 лет существования Североосетинского государственного педагогического института имени Хетагурова», докладчик — директор института С. Кулов; «Образование и развитие Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики» — проф. Ф. Лидунов; «Основные этапы развития истории осетинского народа» — проф. Б. Скитский; «Возникновение и развитие осетинской письменности» — Б. Бигулаев; «Образование и развитие единого литературного осетинского языка» —

Х Р О Н И К А

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Заметка архивистов

В Центральном государственном архиве древних актов закончилось описание малоизвестных документальных материалов 5-го департамента Правительствующего сената (1764—1814 гг.). До последнего времени эти документы находились в состоянии россыпи и поэтому не были доступны для изучения. Среди описанных материалов 5-го департамента встречается много интересных документов, заслуживающих внимания исследователей.

Имеются новые материалы об известных архитекторах: Баженове, Бланке и Яковлеве; о преобразовании местных правительственных учреждений в Московской губернии по указу от 1 октября 1781 г., о распространении в 1771 г. в Москве эпидемии «моровой язвы» и строительстве вокруг Москвы в связи с этим оградительных валов и рвов, о волнениях жителей Москвы, вызванных распространением эпидемии; ведомости о количестве рождаемости и смертности в Москве с 1764 по 1773 г.; дела с рапортами и ведомостями губернаторов о наличии в Москве и близости от города фабрик, находящихся в ведомстве мануфактур-коллегии, о числе работающих на них людей на июнь месяц 1773 г.; о развитии ремёсел в городах и сёлах Московской, Иркутской, Архангельской, Новгородской, Казанской, Воронежской и Астраханской губерний, о количестве в них кузниц, мельниц, торговых лавок, о рыбном промысле, состоянии посевов и урожае хлебов. В этих делах имеется сводная «ведомость, učinённая в камер-коллегии из последних присланных в оную коллегию из

губерний провинций и городов ведомостей где какими ценами хлеб в продаже производится».

Большой интерес представляют дела: о неповиновении жителей Ялуторского дистрикта. В своём рапорте от 18 февраля 1766 г. сибирский губернатор Чичерин писал, что жители эти, бунтовавшие «прежде и ныне (находятся) в таком же смятении и бунте», что посланных на усмирение «офицера и команду (они) били и великим числом собравшись в Курганской и Утятской слободах едреконием контору разбили, взятых возмутителей под караул отбили (и) никого к себе не допускают»; о восстании в 1776 г. крестьян Ливенского уезда, Воронежской губернии, под водительством однодворца Сергея Ивана Клеменовича, который, «собрав многочисленную толпу и предводительствуя оною», объявлял, «будто бывший император Пётр Фёдорович здравствует и он-де имеет от него указ сыскивать дворян». Там же содержатся указания о том, как Сергеев вместе с другими однодворцами разъезжал по сёлам, чинил «смертные убийства» и подвергал разгрому дворянские имения. Имеются документы о неповиновении в 1795 г. крестьян графини Орловой-Чесменской в её имении в Финляндской губернии; о чинам в 1791 г. дворянином Алексеем Демидовым «живущим в близости его Дынской волости экономическим крестьянам обидах (и) разорениях» и другие документальные материалы.

И. Кунтиков, М. Евангулова

К 25-летию существования Североосетинского государственного педагогического института имени К. Л. Хетагурова

В марте в связи с 25-летием существования института была проведена научная сессия, посвящённая истории, расцвету культуры и искусства осетинского народа.

На сессии было заслушано 18 докладов, из них 7 — по историко-экономическому циклу, 3 — по школьно-просветительному, 6 — по естественно-географическому и физическому и 2 — по национальному искусству.

По циклам историко-экономическому и школьно-просветительному были сделаны

следующие доклады: «25 лет существования Североосетинского государственного педагогического института имени Хетагурова», докладчик — директор института С. Кулов; «Образование и развитие Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики» — проф. Ф. Лидунов; «Основные этапы развития истории осетинского народа» — проф. Б. Скитский; «Возникновение и развитие осетинской письменности» — Б. Бигулаев; «Образование и развитие единого литературного осетинского языка» —

доц. О. Туаева; «Осетинский народ в Октябрьской революции и гражданской войне» — доц. К. Дзокаев; «Народное хозяйство Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны» — доц. Б. Цуцнев; «Героические сыны и дочери осетинского народа в годы Великой Отечественной войны Советского Союза на фронте и в тылу» — Н. Кулаев; «Основные задачи развития народного хозяйства и культура Северо-Осетинской АССР в четвёртой сталинской пятилетке», докладчик — председатель Госплана СО АССР В. Бриганов; «Состояние и развитие народного образования в Северо-Осетинской АССР», докладчик — заместитель

министра народного просвещения СО АССР В. Тимошенко.

Все доклады и особенно доклады по национальному искусству привлекли большое число слушателей не только из среды научных работников и студентов института, но и широкой общественности и трудящихся города.

Сессия явилась яркой демонстрацией роста осетинской национальной культуры, а также показателем роста национальных кадров. Из восемнадцати одиннадцать докладов было сделано осетинами.

В. Дядькин

В Горьковском педагогическом институте

3, 10 и 17 апреля историческим факультетом института была проведена вторая научная сессия, посвящённая вопросам всеобщей истории и истории СССР. Сессия привлекла внимание учителей, архивных и музейных работников и студентов.

В работе «Крестьянское движение в Восточной Англии в 40 и 50-х годах XVII века», доложенной на сессии, доктор исторических наук проф. С. И. Архангельский подвёл итоги своему исследованию о движении крестьян-общинников Восточной Англии.

Движение крестьян-общинников Восточной Англии проходило главным образом в графстве Личкошир, хотя очаги движения возникали также и в других местах «Великой равнины болот». Зарождение движения предшествовало английской революции, а конец его относился уже к началу реставрации.

Это было время медленного отмирания старинной общины, которой революция нанесла серьёзный удар. Крестьяне-общинники в своей упорной борьбе против раздела общинной земли ещё в начале 40-х годов искали поддержки сначала у Палаты общин, а позднее — у главного командования парламентской армии. В начале 50-х годов лидеры левеллеров в своей борьбе против индепендентов за демократическую Англию пытались опереться на движение общинников.

Теме «Начальная организация управления Венецианской колониальной империей» был посвящён фрагмент докторской диссертации кандидата исторических наук доцента Н. П. Соколова. Автор показал, что отдельные территории колониальной империи, созданные Венецией в первой половине XIII в., различались степенью зависимости от метрополии. Одни из её владений были её «собственными» землями, другие — «зависимыми», третьи — территориями со слабой ленной связью. В условном смысле, к составу империи могут быть отнесены экстерриториальные и полуэкстерриториальные опорные торговые пункты Венеции. Окончательно система управления колониями, на первом этапе существования империи, сложилась в конце 20-х годов XIII века.

Проф. С. И. Архангельский отметил, что в докладе Н. П. Соколова чувствуется недостаток в обрисовке реальной обстановки возникновения Венецианской империи. Н. П. Соколов анализирует источники главным образом с государственно-правовой точки зрения. В своём докладе Н. П. Соколов попытался сформулировать вывод, что сложившаяся централизация торговой империи является результатом перерастания феодальных отношений и становления новых отношений этатизма. С выводами этими, сказал проф. Архангельский, согласиться трудно. Централизация не противоречит феодальным отношениям. Централизацию нужно объяснить другими причинами: Венецианская империя жила в окружении противников, с одной стороны, и должна была считаться с сопротивлением населения в подвластных ей землях — с другой.

Аспирантка М. Г. Иванова выступила с докладом «Образование Рейнской лиги». В докладе был дан анализ французской политики по отношению к Германии в первые годы после Вестфальского мира. Автор остановился на отношении к Вестфальскому миру Габсбургов и римского папы, на тех нарушениях, которые в первые годы после заключения мира были допущены со стороны противников этого мира. Докладчица охарактеризовала дипломатическую деятельность Мазарини, Грамона и Де-Лиона и показала, как Рейнская лига стала орудием французской политики в Германии.

Проф. В. П. Кустов сделал доклад «Новая демократия в странах Восточной и Юго-Восточной Европы».

Оживлённую дискуссию вызвал доклад кандидата исторических наук доцента заведующего кафедрой истории СССР Н. М. Добротвора «К вопросу о первоначальной истории Нижнего-Новгорода». По его мнению, главный недостаток горьковской историографии заключается в том, что до сих пор историю города Горького представляли узко краеведчески, вне показа её общероссийского значения. Н. М. Добротвор высказал предположение о возможности заселения славянами района устья Оки задолго до

доц. О. Туаева; «Осетинский народ в Октябрьской революции и гражданской войне» — доц. К. Дзокаев; «Народное хозяйство Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны» — доц. Б. Цуцнев; «Героические сыны и дочери осетинского народа в годы Великой Отечественной войны Советского Союза на фронте и в тылу» — Н. Кулаев; «Основные задачи развития народного хозяйства и культура Северо-Осетинской АССР в четвёртой сталинской пятилетке», докладчик — председатель Госплана СО АССР В. Бриганов; «Состояние и развитие народного образования в Северо-Осетинской АССР», докладчик — заместитель

министра народного просвещения СО АССР В. Тимошенко.

Все доклады и особенно доклады по национальному искусству привлекли большое число слушателей не только из среды научных работников и студентов института, но и широкой общественности и трудящихся города.

Сессия явилась яркой демонстрацией роста осетинской национальной культуры, а также показателем роста национальных кадров. Из восемнадцати одиннадцать докладов было сделано осетинами.

В. Дядькин

В Горьковском педагогическом институте

3, 10 и 17 апреля историческим факультетом института была проведена вторая научная сессия, посвящённая вопросам всеобщей истории и истории СССР. Сессия привлекла внимание учителей, архивных и музейных работников и студентов.

В работе «Крестьянское движение в Восточной Англии в 40 и 50-х годах XVII века», доложенной на сессии, доктор исторических наук проф. С. И. Архангельский подвёл итоги своему исследованию о движении крестьян-общинников Восточной Англии.

Движение крестьян-общинников Восточной Англии проходило главным образом в графстве Личкошир, хотя очаги движения возникали также и в других местах «Великой равнины болот». Зарождение движения предшествовало английской революции, а конец его относился уже к началу реставрации.

Это было время медленного отмирания старинной общины, которой революция нанесла серьёзный удар. Крестьяне-общинники в своей упорной борьбе против раздела общинной земли ещё в начале 40-х годов искали поддержки сначала у Палаты общин, а позднее — у главного командования парламентской армии. В начале 50-х годов лидеры левеллеров в своей борьбе против индепендентов за демократическую Англию пытались опереться на движение общинников.

Теме «Начальная организация управления Венецианской колониальной империей» был посвящён фрагмент докторской диссертации кандидата исторических наук доцента Н. П. Соколова. Автор показал, что отдельные территории колониальной империи, созданные Венецией в первой половине XIII в., различались степенью зависимости от метрополии. Одни из её владений были её «собственными» землями, другие — «зависимыми», третьи — территориями со слабой ленной связью. В условном смысле, к составу империи могут быть отнесены экстерриториальные и полуэкстерриториальные опорные торговые пункты Венеции. Окончательно система управления колониями, на первом этапе существования империи, сложилась в конце 20-х годов XIII века.

Проф. С. И. Архангельский отметил, что в докладе Н. П. Соколова чувствуется недостаток в обрисовке реальной обстановки возникновения Венецианской империи. Н. П. Соколов анализирует источники главным образом с государственно-правовой точки зрения. В своём докладе Н. П. Соколов попытался сформулировать вывод, что сложившаяся централизация торговой империи является результатом перерастания феодальных отношений и становления новых отношений этатизма. С выводами этими, сказал проф. Архангельский, согласиться трудно. Централизация не противоречит феодальным отношениям. Централизацию нужно объяснить другими причинами: Венецианская империя жила в окружении противников, с одной стороны, и должна была считаться с сопротивлением населения в подвластных ей землях — с другой.

Аспирантка М. Г. Иванова выступила с докладом «Образование Рейнской лиги». В докладе был дан анализ французской политики по отношению к Германии в первые годы после Вестфальского мира. Автор остановился на отношении к Вестфальскому миру Габсбургов и римского папы, на тех нарушениях, которые в первые годы после заключения мира были допущены со стороны противников этого мира. Докладчица охарактеризовала дипломатическую деятельность Мазарини, Грамона и Де-Лиона и показала, как Рейнская лига стала орудием французской политики в Германии.

Проф. В. П. Кустов сделал доклад «Новая демократия в странах Восточной и Юго-Восточной Европы».

Оживлённую дискуссию вызвал доклад кандидата исторических наук доцента заведующего кафедрой истории СССР Н. М. Добротвора «К вопросу о первоначальной истории Нижнего-Новгорода». По его мнению, главный недостаток горьковской историографии заключается в том, что до сих пор историю города Горького представляли узко краеведчески, вне показа её общероссийского значения. Н. М. Добротвор высказал предположение о возможности заселения славянами района устья Оки задолго до

основания Нижнего Новгорода. По мнению Н. М. Добротвора, не исключена возможность, что Брахимов (Ибрагимов), упоминаемый в летописи, был городом, расположенным в районе устья Оки.

Основание Нижнего Новгорода в 1221 г. было событием исторического значения для всей Северо-Восточной Руси. Автор отмечает, что возникшее в XIV в. Нижегородское великое княжество имело значение для всей Восточной Европы. Присоединение Нижегородского княжества к Москве серьезно усилило Московское великое княжество и ознаменовало собою новый этап в деле объеди-

нения земель русской. Докладчик осветил значение Нижнего в борьбе Руси за волжский водный путь.

Аспирантка А. И. Кочина сделала доклад «Вотчина конца XVIII и первой половины XIX в. в русской историографии». В докладе был дан анализ концепций по истории русской вотчины конца XVIII и начала XIX в. по трудам Семевского (народническая), Струве (либеральная) и В. И. Ленина (марксистская).

В. Илларионов

Научная сессия по вопросам истории Татарской АССР

Состоявшаяся недавно в Москве научная сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР разрешила ряд спорных вопросов истории Татарии. Были заслушаны доклады специалистов по вопросу о происхождении казанских татар. С докладами выступили проф. А. П. Смирнов — «К вопросу происхождения казанских татар», проф. Н. И. Воробьев — «Этногенез казанских татар по данным этнографии», кандидат наук Т. А. Трофимова — «Происхождение татар по материалам антропологии» и доцент Л. З. Залая — «Происхождение казанских татар по данным татарской лингвистики». В обсуждении докладов приняли участие члены-корреспонденты АН СССР М. И. Тихомиров, А. И. Якубовский, С. Е. Малов (Ленинград), Н. К. Дмитриев, проф. С. П. Толстов, заслуженный деятель науки Н. Ф. Калинин, ст. научный сотрудник Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР Х. Г. Гимади и другие. Председательствовали на сессии акад. Б. Д. Греков и член-корреспондент АН СССР И. И. Минц.

Сессия подвела итог многолетней дискуссии по вопросу этногенеза казанских татар. На основе данных лингвистики, этнографии, антропологии, археологии и других смежных дисциплин сессия пришла к выводу, что казанские татары — не пришельцы («монголо-татары»), а народ, сформировавшийся в бассейне Среднего Поволжья и Прикамья. На формирование и развитие этого народа решающее влияние оказали местные племена и тюрко-язычные народности: болгары, кичаки и т. д., которые до прихода в край монгольских завоевателей создали государство камских болгар. Камские болгары, как и другие народности Восточной Европы, имели по сравнению с кочевниками-монголами более высокие формы хозяйства и культуры. Это было блестяще доказано в докладе проф. А. П. Смирнова и выступлении заслуженного деятеля науки Н. Ф. Калинина. Огромное влияние на развитие и формирование татарской народности оказывал русский народ, с которым камские болгары поддерживали обширные экономические и дипломатические связи. Особенно значительным является влияние русского на-

рода на формирование бытового уклада казанских татар. В докладе заслуженного деятеля науки проф. Н. И. Воробьева были приведены многочисленные факты проникновения в быт татар более прогрессивных форм быта и хозяйства русского народа.

Сессия решительно отвергла тезис некоторых историков, отождествлявших казанских татар с монгольскими и золотоордынскими татарами. В докладах и выступлениях была доказана полная несостоятельность подобных утверждений. Население, проживавшее на территории камской Булгарии и входившее в состав Золотой Орды, как и другие народности Восточной Европы, было на положении поработанного народа. Оно было обложено непосильным ясаком (данью) и подвергалось жестокому военно-феодалному угнетению.

Как и русский народ, население, входившее в состав Булгарии, вело многолетнюю борьбу со своими завоевателями — «монголо-татарами». Многократно они поднимались против ханов Золотой Орды (30-е годы XIII в., 1381 г. и т. д.). Эта борьба народом запечатлена в исторической литературе¹ и в народном эпосе².

Итоги сессии Отделения истории и философии были подведены акад. Б. Д. Грековым, отметившим огромное значение данного научного совещания. Материалы сессии, сказал Б. Д. Греков, являются ценным вкладом не только в литературу по истории Татарии, но и других народов Среднего Поволжья, в частности чувашей. Теперь историки Татарии будут смелее и более уверенно разрабатывать историю своей республики, ибо в значительной степени устранены те трудности, которые стояли на пути решения этой ответственной задачи.

Материалы сессии будут опубликованы в одном из ближайших номеров журнала «Советская этнография». Создана редколлегия в составе акад. Б. Д. Грекова, проф. Н. И. Воробьева, проф. С. П. Толстова, проф. Н. К. Дмитриева и Х. Г. Гимади.

¹ С. М. Тизенгаузен «Материалы, относящиеся к истории Золотой Орды». Т. II.

² Легенды «Алтын чеч», «О нестораевной царице» и др.).

основания Нижнего Новгорода. По мнению Н. М. Добротвора, не исключена возможность, что Брахимов (Ибрагимов), упоминаемый в летописи, был городом, расположенным в районе устья Оки.

Основание Нижнего Новгорода в 1221 г. было событием исторического значения для всей Северо-Восточной Руси. Автор отмечает, что возникшее в XIV в. Нижегородское великое княжество имело значение для всей Восточной Европы. Присоединение Нижегородского княжества к Москве серьезно усилило Московское великое княжество и ознаменовало собою новый этап в деле объеди-

нения земель русской. Докладчик осветил значение Нижнего в борьбе Руси за волжский водный путь.

Аспирантка А. И. Кочина сделала доклад «Вотчина конца XVIII и первой половины XIX в. в русской историографии». В докладе был дан анализ концепций по истории русской вотчины конца XVIII и начала XIX в. по трудам Семевского (народническая), Струве (либеральная) и В. И. Ленина (марксистская).

В. Илларионов

Научная сессия по вопросам истории Татарской АССР

Состоявшаяся недавно в Москве научная сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР разрешила ряд спорных вопросов истории Татарии. Были заслушаны доклады специалистов по вопросу о происхождении казанских татар. С докладами выступили проф. А. П. Смирнов — «К вопросу происхождения казанских татар», проф. Н. И. Воробьев — «Этногенез казанских татар по данным этнографии», кандидат наук Т. А. Трофимова — «Происхождение татар по материалам антропологии» и доцент Л. З. Залая — «Происхождение казанских татар по данным татарской лингвистики». В обсуждении докладов приняли участие члены-корреспонденты АН СССР М. И. Тихомиров, А. И. Якубовский, С. Е. Малов (Ленинград), Н. К. Дмитриев, проф. С. П. Толстов, заслуженный деятель науки Н. Ф. Калинин, ст. научный сотрудник Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР Х. Г. Гимади и другие. Председательствовали на сессии акад. Б. Д. Греков и член-корреспондент АН СССР И. И. Минц.

Сессия подвела итог многолетней дискуссии по вопросу этногенеза казанских татар. На основе данных лингвистики, этнографии, антропологии, археологии и других смежных дисциплин сессия пришла к выводу, что казанские татары — не пришельцы («монголо-татары»), а народ, сформировавшийся в бассейне Среднего Поволжья и Прикамья. На формирование и развитие этого народа решающее влияние оказали местные племена и тюрко-язычные народности: болгары, кичаки и т. д., которые до прихода в край монгольских завоевателей создали государство камских болгар. Камские болгары, как и другие народности Восточной Европы, имели по сравнению с кочевниками-монголами более высокие формы хозяйства и культуры. Это было блестяще доказано в докладе проф. А. П. Смирнова и выступлении заслуженного деятеля науки Н. Ф. Калинина. Огромное влияние на развитие и формирование татарской народности оказывал русский народ, с которым камские болгары поддерживали обширные экономические и дипломатические связи. Особенно значительным является влияние русского на-

рода на формирование бытового уклада казанских татар. В докладе заслуженного деятеля науки проф. Н. И. Воробьева были приведены многочисленные факты проникновения в быт татар более прогрессивных форм быта и хозяйства русского народа.

Сессия решительно отвергла тезис некоторых историков, отождествлявших казанских татар с монгольскими и золотоордынскими татарами. В докладах и выступлениях была доказана полная несостоятельность подобных утверждений. Население, проживавшее на территории камской Булгарии и входившее в состав Золотой Орды, как и другие народности Восточной Европы, было на положении поработанного народа. Оно было обложено непосильным ясаком (данью) и подвергалось жестокому военно-феодалному угнетению.

Как и русский народ, население, входившее в состав Булгарии, вело многолетнюю борьбу со своими завоевателями — «монголо-татарами». Многократно они поднимались против ханов Золотой Орды (30-е годы XIII в., 1381 г. и т. д.). Эта борьба народом запечатлена в исторической литературе¹ и в народном эпосе².

Итоги сессии Отделения истории и философии были подведены акад. Б. Д. Грековым, отметившим огромное значение данного научного совещания. Материалы сессии, сказал Б. Д. Греков, являются ценным вкладом не только в литературу по истории Татарии, но и других народов Среднего Поволжья, в частности чувашей. Теперь историки Татарии будут смелее и более уверенно разрабатывать историю своей республики, ибо в значительной степени устранены те трудности, которые стояли на пути решения этой ответственной задачи.

Материалы сессии будут опубликованы в одном из ближайших номеров журнала «Советская этнография». Создана редколлегия в составе акад. Б. Д. Грекова, проф. Н. И. Воробьева, проф. С. П. Толстова, проф. Н. К. Дмитриева и Х. Г. Гимади.

¹ С. М. Тизенгаузен «Материалы, относящиеся к истории Золотой Орды». Т. II.

² Легенды «Алтын чеч», «О нестерпящейся царице» и др.).

Сессия вынесла постановление и впредь практиковать созыв подобных научных конференций по отдельным актуальным вопросам истории Татарии. Следующая сессия, по вопросу о Казанском ханстве и присоединении его к Русскому государству, намечена в начале 1947 года.

С докладами на эти темы дали своё согласие выступить профессор М. Н. Тихомиров, С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский и другие.

В Институте истории АН СССР был обсуждён и проект проспекта «История Татарии», разработанный Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Проект составлен в соответствии

с теми указаниями Центрального Комитета ВКП(б), которые были даны в постановлении от 9/VIII 1944 г., и бюро Областного комитета ВКП(б) Татарской АССР от 6/X 1944 года. В рецензировании и обсуждении проспекта приняли участие крупнейшие историки СССР (А. М. Панкратова, С. В. Бахрушин, А. П. Смирнов и др.). В целом проспект признан удовлетворительным и годным для составления очерков «История Татарии». Институту языка, литературы и истории поручено руководствоваться при разработке вопросов истории Татарии теми установками, которые даны в этом проспекте.

Х. Гимади

Ленинградская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР

12—14 июня 1946 г. в Ленинграде в Большом конференц-зале Академии наук СССР проходила очередная сессия Отделения истории и философии. Для участия в её работах из Москвы прибыла группа учёных во главе с вице-президентом АН СССР акад. В. П. Волгиным.

Сессия подвела итоги изысканиям в области происхождения и истории славянских народов, их культурного развития и истории культурных связей всех славян с русским народом.

Первым в порядке дня был доклад акад. Б. Д. Грекова «Польская и русская община», зачитанный ввиду отсутствия докладчика проф. А. В. Предтеченским.

В конце XIV в. Галицкая Русь как завоёванная земля вошла в состав польского государства. Но долго ещё она, указывает акад. Б. Д. Греков, продолжала жить по нормам русского права. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что в Червоной Руси «Русская Правда» была кодексом действующего права не только во время самостоятельности Галицкой земли, но и некоторое время после её потери. Основные функции русской общины, нашедшие выражение в соответствующих статьях «Русской Правды», совпадают с функциями польской общины, отражёнными в записанной немцами значительно позднее «Польской Правде». Они сводятся к защите членов общины, помощи в розыскании вора или убийцы, раскладке повинностей, ответственности перед государством и землевладельцем. «Краткая Правда» знает зависимых смердов, приравненных в некоторых отношениях к холопам. В Польше мы видим то же. Вислицкий статут, нашедший применение в Галицкой земле, имел в виду значительный параллелизм в общественных отношениях Польши и Червоной Руси.

Русско-украинское крестьянство не было заинтересовано в уничтожении общины. Не стремились к этому и валахи, рано начавшие селиться на пограничной с Венгрией территории Галицкого княжества. Само-

управление общин, сидевших на валашском праве, сохранялось очень долго. Ни русское, ни польское, ни валашское право не угрожало существованию общинного строя в Галицкой земле. Этого нельзя сказать о поселениях на Польской или Русской земле немецких колонистов. Они не считались ни с польским, ни с русским правом, неся с собой своё собственное. В немецких колониях не было и признака общинных отношений. Немецкий колонист изжил их ещё у себя на родине. Поскольку польские и галицкие землевладельцы стали переустраивать хозяйство своих крестьян на немецкий лад и насаждать немецкое право, старые польская и русская общины, несомненно, оказались под угрозой распада. Эволюция внутриобщинных отношений, с другой стороны, ускорила этот процесс.

Доклад чл.-корр. АН СССР В. И. Пичеты был посвящён теме «Развитие исторической науки у славянских народов в XIX веке».

Зарождение исторической науки у южных и западных славян относится ко второй половине XVIII в., сказал В. И. Пичета. Её возникновение связано с национально-культурными и политическими движениями славянских народов.

Ко второй половине XVIII в. болгары и сербы находились в зависимости от чужеземной власти. Хорваты политической унией были связаны с Венгрией, словенцы находились под властью австрийских Габсбургов, в тисках которых задыхалась и Чехия. Польша уже клонилась к политическому упадку и в конце XVIII в. прекратила своё существование как самостоятельное государство. В этих тяжёлых политических условиях и началось национально-культурное и политическое возрождение славянских народов.

Дал затем анализ социально-исторического развития славянских стран в указанный период, докладчик переходит к характеристике трудов виднейших представителей исторической науки. Он останавливается на труде болгарского учёного — монаха Хиллен-

Сессия вынесла постановление и впредь практиковать созыв подобных научных конференций по отдельным актуальным вопросам истории Татарии. Следующая сессия, по вопросу о Казанском ханстве и присоединении его к Русскому государству, намечена в начале 1947 года.

С докладами на эти темы дали своё согласие выступить профессора М. Н. Тихомиров, С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский и другие.

В Институте истории АН СССР был обсуждён и проект проспекта «История Татарии», разработанный Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Проект составлен в соответствии

с теми указаниями Центрального Комитета ВКП(б), которые были даны в постановлении от 9/VIII 1944 г., и бюро Областного комитета ВКП(б) Татарской АССР от 6/X 1944 года. В рецензировании и обсуждении проспекта приняли участие крупнейшие историки СССР (А. М. Панкратова, С. В. Бахрушин, А. П. Смирнов и др.). В целом проспект признан удовлетворительным и годным для составления очерков «История Татарии». Институту языка, литературы и истории поручено руководствоваться при разработке вопросов истории Татарии теми установками, которые даны в этом проспекте.

Х. Гимади

Ленинградская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР

12—14 июня 1946 г. в Ленинграде в Большом конференц-зале Академии наук СССР проходила очередная сессия Отделения истории и философии. Для участия в её работах из Москвы прибыла группа учёных во главе с вице-президентом АН СССР акад. В. П. Волгиным.

Сессия подвела итоги изысканиям в области происхождения и истории славянских народов, их культурного развития и истории культурных связей всех славян с русским народом.

Первым в порядке дня был доклад акад. Б. Д. Грекова «Польская и русская община», зачитанный ввиду отсутствия докладчика проф. А. В. Предтеченским.

В конце XIV в. Галицкая Русь как завоёванная земля вошла в состав польского государства. Но долго ещё она, указывает акад. Б. Д. Греков, продолжала жить по нормам русского права. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что в Червоной Руси «Русская Правда» была кодексом действующего права не только во время самостоятельности Галицкой земли, но и некоторое время после её потери. Основные функции русской общины, нашедшие выражение в соответствующих статьях «Русской Правды», совпадают с функциями польской общины, отражёнными в записанной немцами значительно позднее «Польской Правде». Они сводятся к защите членов общины, помощи в розыскании вора или убийцы, раскладке повинностей, ответственности перед государством и землевладельцем. «Краткая Правда» знает зависимых смердов, приравненных в некоторых отношениях к холопам. В Польше мы видим то же. Вислицкий статут, нашедший применение в Галицкой земле, имел в виду значительный параллелизм в общественных отношениях Польши и Червоной Руси.

Русско-украинское крестьянство не было заинтересовано в уничтожении общины. Не стремились к этому и валахи, рано начавшие селиться на пограничной с Венгрией территории Галицкого княжества. Само-

управление общин, сидевших на валашском праве, сохранялось очень долго. Ни русское, ни польское, ни валашское право не угрожало существованию общинного строя в Галицкой земле. Этого нельзя сказать о поселениях на Польской или Русской земле немецких колонистов. Они не считались ни с польским, ни с русским правом, неся с собой своё собственное. В немецких колониях не было и признака общинных отношений. Немецкий колонист изжил их ещё у себя на родине. Поскольку польские и галицкие землевладельцы стали переустраивать хозяйство своих крестьян на немецкий лад и насаждать немецкое право, старые польская и русская общины, несомненно, оказались под угрозой распада. Эволюция внутриобщинных отношений, с другой стороны, ускорила этот процесс.

Доклад чл.-корр. АН СССР В. И. Пичеты был посвящён теме «Развитие исторической науки у славянских народов в XIX веке».

Зарождение исторической науки у южных и западных славян относится ко второй половине XVIII в., сказал В. И. Пичета. Её возникновение связано с национально-культурными и политическими движениями славянских народов.

Ко второй половине XVIII в. болгары и сербы находились в зависимости от чужеземной власти. Хорваты политической унией были связаны с Венгрией, словенцы находились под властью австрийских Габсбургов, в тисках которых задыхалась и Чехия. Польша уже клонилась к политическому упадку и в конце XVIII в. прекратила своё существование как самостоятельное государство. В этих тяжёлых политических условиях и началось национально-культурное и политическое возрождение славянских народов.

Дал затем анализ социально-исторического развития славянских стран в указанный период, докладчик переходит к характеристике трудов виднейших представителей исторической науки. Он останавливается на труде болгарского учёного — монаха Хиллен-

дарского монастыря Паисия «История славяно-болгарская о народе, и о царях, и о святых болгарских, и о всех деяния и бытия болгарская, составленная в 1762 году на пользу народа болгарского», на труде серба Раича «История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов, сербов, из тьмы забвения изъятая и в свет исторический произведенная», на исследовании первого польского историографа Адама Нарушевича по истории польского народа и др.

Политическое возбуждение, говорит В. И. Пичета, вызванное борьбой славянских народов за национально-культурное и политическое возрождение, создало романтическое направление, наиболее ярко представленное в польской историографии Иохимом Лелевеллем (1786—1861), виднейшим учёным, членом революционного правительства 1831 года.

С развитием капиталистических отношений романтическая школа сходит с исторической сцены и заменяется позитивизмом. Позитивная историческая наука прежде всего оформилась в Чехии и была представлена патриархом чешской историографии Ф. Палацкич. Он первый приступил к систематическому исследованию чешских архивов, дал критическое описание 36 чешских хроник. Его основной труд — «История чешского народа в Чехии и Моравии» — отличается строгой документальностью.

Позитивный период историографии у славянских народов, заключает В. И. Пичета, характеризуется публикацией многочисленных собраний и серий документов, развитием монографических исследований и опытом построения синтетической истории славянских народов с древнейших времён. Для своей эпохи работы эти стояли на высоком уровне. Главное внимание в них обращалось на политическую историю. Историки позитивного направления ставили своей задачей только установление строго проверенного фактического материала, объяснить же закономерность исторического процесса они оказались бессильны.

На вечернем заседании 12 июня проф. М. И. Артамонов, основываясь на археологических материалах, сделал попытку осветить вопрос о венедах. Он указал, что в исторических источниках славяне впервые выступают под именем венедов. Однако письменные сведения о венедах ничтожны. Поэтому для изучения этого древнейшего образования огромное значение приобретают данные археологии.

Польские археологи первые доказали, что археологические памятники, которые немецкие археологи приписывали германцам-вандалам, в действительности принадлежат венедам-славянам.

Собранный польской археологией обширный материал позволяет с уверенностью считать венедскую культуру прямым продолжением древней лужицкой культуры. Последняя представляет собой культуру исконного земледельческого населения Средней Европы. Она распространилась по всей Польше, значительной части Восточной Германии, Чехословакии и прилегающим к последней

частям Австрии и Венгрии ещё в бронзовом веке (вторая половина II тысячелетия до н. э.) и особенно ярко развилась в начале эпохи железа. Исторические венеды возникли в результате скрещения старого лужицкого населения Польши с народностью, появившейся в польском Поморье и распространившейся оттуда по всему бассейну Десны и частично Одера. Немецкие археологи выводят её из Скандинавии и выдают за ранних германцев, считая её древнейшим германским населением Польши. На самом же деле народность эта возникла в польском Поморье, на местной лужицкой основе. Культура этой народности близка к культуре древнего населения Восточной Пруссии, позже выступающего как латто-литовцы.

Распространение этой народности с её яркой и передовой для своего времени культурой на юг и юго-восток в 700—300-х гг. до н. э. и привело её к скрещению с старым лужицким населением Польши и к образованию исторических венедов.

Проф. П. Н. Третьяков подверг анализу взаимоотношения древних славянских племён — антов — с Киевской Русью. Проф. Третьяков подтверждает господствующее в советской исторической науке мнение о том, что анты являлись непосредственными предшественниками населения Киевской Руси, но в то же время он доказывает, что активную роль в создании древнерусской культуры и государства сыграли и другие восточнославянские племена, заселявшие побережье Чёрного моря под именем руссов, или руссов. В основу древнерусской культуры и государственности, отметил докладчик, легли высокая культура антских племён и политическая и военная активность руссов.

Утреннее заседание 13 июня открылось докладом чл.-корр. АН СССР Д. К. Зеленина «Потомки древних киевлян в Карпатах».

Этнографический анализ быта украинской этнической группы в Карпатах, так называемых гуцулов, показывает, говорит Д. К. Зеленин, что предки гуцулов жили в окрестностях крупного торгового центра, где имели сбыт разнообразные художественные изделия гуцульских мастеров. Докладчик выдвинул предположение, что таким торговым центром мог быть древний Киев, после разгрома которого Батыем в начале XIII в. предки гуцулов ушли в Карпаты.

Проф. М. Н. Тихомиров сделал доклад «Россия и южнославянские царства в XIII—XIV вв.».

Татарские погромы нарушили связи русских земель с балканскими странами, но не повели к полному прекращению этих связей, сказал докладчик. Часть русского населения передвинулась на юго-запад, в бассейн нижнего течения Дуная. Во второй половине XIII в. выходцы из русских княжеских фамилий появляются в Болгарии. Наиболее известным из них был Яков Святослав, претендовавший на болгарский престол. Связи русских земель с южнославянскими странами поддерживались как прямым путём, через Молдавию, так и при посредстве Константинополя и Афона, где существовали русские колонии. Выходцы из Сербии и Болгарии были желанными людьми у русских.

В Россию приезжали южнославянские писатели, мастера-ремесленники. Первые часы в Кремле были установлены сербом Лазарем.

Участие русских в болгарских и сербских делах XIV в. засвидетельствовано византийскими источниками. В свою очередь, сербы, как показывают ссылки на русский язык в трактате Константина Костенчекого, были знакомы с русскими и русским языком. Тырновская патриархия одно время стремилась сделаться центром южнорусских земель. Известность южнославянских земель на Руси доказывается упоминанием о Тырнове в повести о Куликовской битве «Задонщина» наравне с Царьградом, Римом и другими крупными центрами, к которым донеслась слава о куликовской победе. Южнославянское влияние сказалось в Московской Руси уже в первой половине XIV века.

Связи русского народа с народами Сербии и Болгарии были основаны на общности языка и культуры и являлись полезными для тех и других. В тяжкие годы татарщины русские заимствовали культуру у южных славян. После падения южнославянских царств русский народ приумножил культурное наследие южных славян и в свою очередь оказал поддержку южнославянским народам, подпавшим под турецкое господство.

Чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарев охарактеризовал связи московского и повгородского искусства с искусством Сербии на рубеже XIV—XV веков.

Оба заседания 14 июня были объединёнными с Отделением литературы и языка и посвящены памяти акад. А. А. Шахматова. После зачитания доклада акад. С. П. Обнорского «А. А. Шахматов как историк русского языка» на утреннем заседании с весьма интересным докладом об А. А. Шахматове как исследователе русского летописания выступил Д. С. Лихачёв.

Наиболее важной заслугой акад. А. А. Шахматова в области изучения русского летописания Д. С. Лихачёв считает исследование им летописных сводов XIV—XV веков. Выводы А. А. Шахматова в этой области прочно вошли в обиход науки. Докладчик подчёркивает важность открытия А. А. Шахматовым новых первоклассных списков русских летописей (в особенности Симеоновской и Ермолинской).

Следующей заслугой А. А. Шахматова докладчик считает разработку им вопросов начального летописания. «Разыскания в области древнейших русских летописных сводов» ценны своими обильными и убедительными наблюдениями. Общие же выводы акад.

А. А. Шахматова о древнейших сводах далеко не одинаковы по степени убедительности, а потому нельзя решать вопрос о концепции А. А. Шахматова, целиком отвергая её или целиком принимая. Докладчик подчёркивает особенную убедительность аргументации А. А. Шахматова в пользу существования свода 1095 года и отмечает, что последняя неизданная работа Шахматова, «О Начальном своде», значительно восполнит знакомство с его аргументацией в этом вопросе.

Последний раздел доклада Д. С. Лихачёва был посвящён вопросу о методе А. А. Шахматова в исследовании летописания. Д. С. Лихачёв считает, что А. А. Шахматов создал свой метод главным образом на материале позднего летописания. Здесь метод А. А. Шахматова дал бесспорные результаты. Точность исследования А. А. Шахматовым позднего летописания подтверждается тем, что некоторые из теоретически предположенных им сводов были затем непосредственно открыты в рукописях. Тот же самый метод был применён А. А. Шахматовым и к начальному русскому летописанию. Следовательно, если в разработке вопросов начального летописания выводы его не оказались в той же мере бесспорными, то дело здесь не в методе, а в недостатке материала.

Не все из работ А. А. Шахматова одинаковы по методу, подчёркивает Д. С. Лихачёв. В первых работах А. А. Шахматова господствует ещё метод чисто текстологического анализа; впоследствии А. А. Шахматов пришёл к выводу о теснейшей связи летописания с политической жизнью русского народа и неуклонно, от исследования к исследованию, усиливает историческую аргументацию своих выводов.

Выступивший затем чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышёв поделился своими воспоминаниями о Шахматове и его научной среде.

В вечернем заседании 14 июня были заслушаны два доклада: проф. Д. Б. Бубрих «А. А. Шахматов и финно-угорские языки» и чл.-корр. АН СССР Е. С. Истриной «А. А. Шахматов как лексиколог».

Сессия вызвала большое оживление среди историков, археологов, этнографов и лингвистов Ленинграда. Были высказаны многочисленные пожелания периодически проводить подобные сессии, организуя их хотя бы ежегодно. К этим пожеланиям нельзя не присоединиться.

В. А.

Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР

21—22 мая 1946 г. состоялась очередная сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР. Первое заседание, объединённое с Отделением литературы и языка, было посвящено трудам академика А. А. Шахматова в связи с 25-летием со дня его кончины.

С докладом о Шахматове как историке русского языка выступил акад. С. П. Обнорский. Проф. В. В. Виноградов сделал доклад на тему «Русский литературный язык в исследованиях Шахматова».

Большой интерес вызвал доклад проф. М. И. Тихомирова «Что нового внёс Шахматов в изучение древнерусских летописей».

В Россию приезжали южнославянские писатели, мастера-ремесленники. Первые часы в Кремле были установлены сербом Лазарем.

Участие русских в болгарских и сербских делах XIV в. засвидетельствовано византийскими источниками. В свою очередь, сербы, как показывают ссылки на русский язык в трактате Константина Костенчекого, были знакомы с русскими и русским языком. Тырновская патриархия одно время стремилась сделаться центром южнорусских земель. Известность южнославянских земель на Руси доказывается упоминанием о Тырнове в повести о Куликовской битве «Задонщина» наравне с Царьградом, Римом и другими крупными центрами, к которым донеслась слава о куликовской победе. Южнославянское влияние сказалось в Московской Руси уже в первой половине XIV века.

Связи русского народа с народами Сербии и Болгарии были основаны на общности языка и культуры и являлись полезными для тех и других. В тяжкие годы татарщины русские заимствовали культуру у южных славян. После падения южнославянских царств русский народ приумножил культурное наследие южных славян и в свою очередь оказал поддержку южнославянским народам, подпавшим под турецкое господство.

Чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарев охарактеризовал связи московского и повгородского искусства с искусством Сербии на рубеже XIV—XV веков.

Оба заседания 14 июня были объединёнными с Отделением литературы и языка и посвящены памяти акад. А. А. Шахматова. После зачитания доклада акад. С. П. Обнорского «А. А. Шахматов как историк русского языка» на утреннем заседании с весьма интересным докладом об А. А. Шахматове как исследователе русского летописания выступил Д. С. Лихачёв.

Наиболее важной заслугой акад. А. А. Шахматова в области изучения русского летописания Д. С. Лихачёв считает исследование им летописных сводов XIV—XV веков. Выводы А. А. Шахматова в этой области прочно вошли в обиход науки. Докладчик подчёркивает важность открытия А. А. Шахматовым новых первоклассных списков русских летописей (в особенности Симеоновской и Ермолинской).

Следующей заслугой А. А. Шахматова докладчик считает разработку им вопросов начального летописания. «Разыскания в области древнейших русских летописных сводов» ценны своими обильными и убедительными наблюдениями. Общие же выводы акад.

А. А. Шахматова о древнейших сводах далеко не одинаковы по степени убедительности, а потому нельзя решать вопрос о концепции А. А. Шахматова, целиком отвергая её или целиком принимая. Докладчик подчёркивает особенную убедительность аргументации А. А. Шахматова в пользу существования свода 1095 года и отмечает, что последняя неизданная работа Шахматова, «О Начальном своде», значительно восполнит знакомство с его аргументацией в этом вопросе.

Последний раздел доклада Д. С. Лихачёва был посвящён вопросу о методе А. А. Шахматова в исследовании летописания. Д. С. Лихачёв считает, что А. А. Шахматов создал свой метод главным образом на материале позднего летописания. Здесь метод А. А. Шахматова дал бесспорные результаты. Точность исследования А. А. Шахматовым позднего летописания подтверждается тем, что некоторые из теоретически предположенных им сводов были затем непосредственно открыты в рукописях. Тот же самый метод был применён А. А. Шахматовым и к начальному русскому летописанию. Следовательно, если в разработке вопросов начального летописания выводы его не оказались в той же мере бесспорными, то дело здесь не в методе, а в недостатке материала.

Не все из работ А. А. Шахматова одинаковы по методу, подчёркивает Д. С. Лихачёв. В первых работах А. А. Шахматова господствует ещё метод чисто текстологического анализа; впоследствии А. А. Шахматов пришёл к выводу о теснейшей связи летописания с политической жизнью русского народа и неуклонно, от исследования к исследованию, усиливает историческую аргументацию своих выводов.

Выступивший затем чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышёв поделился своими воспоминаниями о Шахматове и его научной среде.

В вечернем заседании 14 июня были заслушаны два доклада: проф. Д. Б. Бубрих «А. А. Шахматов и финно-угорские языки» и чл.-корр. АН СССР Е. С. Истриной «А. А. Шахматов как лексиколог».

Сессия вызвала большое оживление среди историков, археологов, этнографов и лингвистов Ленинграда. Были высказаны многочисленные пожелания периодически проводить подобные сессии, организуя их хотя бы ежегодно. К этим пожеланиям нельзя не присоединиться.

В. А.

Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР

21—22 мая 1946 г. состоялась очередная сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР. Первое заседание, объединённое с Отделением литературы и языка, было посвящено трудам академика А. А. Шахматова в связи с 25-летием со дня его кончины.

С докладом о Шахматове как историке русского языка выступил акад. С. П. Обнорский. Проф. В. В. Виноградов сделал доклад на тему «Русский литературный язык в исследованиях Шахматова».

Большой интерес вызвал доклад проф. М. И. Тихомирова «Что нового внёс Шахматов в изучение древнерусских летописей».

А. А. Шахматов занимает исключительное место среди историков литературы, изучавших русские летописи. Любой современный исследователь древнерусской письменности в той или иной мере должен опираться на труды Шахматова. Его труды по истории русского летописания внесли коренные изменения в понимание этих памятников, создали эпоху в этой области и совершили своего рода переворот в самых методах изучения русских летописей. Шахматов проводил изучение летописей комплексно — одинаково полно с лингвистической, историко-литературной и исторической точек зрения — путём сличения летописных текстов между собой и глубокого, всестороннего анализа.

Наиболее ценным открытием Шахматова в области изучения русского летописания было установление факта, что так называемая первая Новгородская летопись является по своему составу более древней, чем «Повесть Временных лет». Впервые эту мысль А. А. Шахматов кратко высказал в статье «Хронология древнейших русских летописных сводов»¹. Страницы основного труда А. А. Шахматова — «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», — посвящённые анализу Первой Новгородской летописи, могут быть отнесены к шедеврам научной проницательности.

А. А. Шахматов разработал научное представление о русских летописях как о летописных сводах, т. е. особом виде исторических памятников. Его метод себя вполне оправдал и дал исключительно ценные результаты по изучению древнейших летописных и общерусских сводов XV—XVI веков.

Работы Шахматова охватывают огромное количество летописных памятников, им выявлены новые летописные своды и определено их содержание. После работ Шахматова основное богатство древнерусского летописания может считаться известным.

К изучению летописей Шахматов подходил как историк. Поэтому ему принадлежит заслуга установления политического значения летописей в древней Руси. Он показал, что в текстах летописей отражены классовая борьба и политическая жизнь прошлых веков.

Особой заслугой Шахматова является установление происхождения общерусских сводов. Задача советской исторической науки, подчёркивает проф. М. Н. Тихомиров, — продолжить и углубить начатые Шахматовым работы по изучению и изданию русских летописей.

Проф. М. О. Косвен выступил с докладом «Семейная община и патронимия», в котором изложил итоги своих исследований по истории семейной общины.

Семейная община, или большая семья, — универсально-историческая форма, составлявшая основную ячейку родового строя, сохранялась у многих народов и в условиях классового строя.

По широко распространённому воззрению, семейная община является результатом размножения малой, индивидуальной семьи, причём большая семья определяется как

«совокупность малых семей». На деле известная нам патриархальная большая семья представляет собой лишь патриархальное превращение существовавшей и ранее материнской семейной общины. Столь же ошибочен взгляд об искусственном возникновении большой семьи как результате феодально-крепостнической политики, вызвавшей к жизни большую, сильную тягловую и податную единицу.

Семейная община у различных народов прошла разный путь развития. Докладчик предлагает различать две фазы и соответственно два типа семейной общины: демократический, характеризующийся устойчивым сохранением первобытно-общинных начал, в частности господством коллективной собственности, и соответственно — демократизмом быта и управления, и деспотический, характеризующийся активной тенденцией главы семьи обратить общесемейное имущество в свою частную собственность и резким усилением его личной власти. Образцом первого типа может служить югославянская задруга, второго — великорусская Большая семья с её всевластным «большаком». Общее экономическое развитие и победа частной собственности приводят в конечном счёте к распаду семейной общины того и другого типа на малые семьи.

Наряду с большой семьёй столь же реальную общественно-историческую форму представляет собой патронимия. До сих пор эта форма, однако, в науке не выделялась. Естественное размножение большой семьи приводит к её сегментации (что следует отличать от раздела на малые семьи) и образованию группы родственных, связанных общим происхождением больших семей. Патронимия сохраняет хозяйственное единство: коллективное владение землёй и коллективное производство. Впоследствии часть земли (пашня) делится и переделяется подворно. Существование патронимий констатируется в историческом прошлом многих народов. Таковы печища на севере России, дворнища на юге, в Литовско-русском государстве, сябры на Украине, представлявшие собой родственные поселения со своеобразным «долевым» землевладением; таковы же вервь Полицкого статута, сенты Ирландии, cognationes (у Цезаря) и propinquitates (у Тацита) древних германцев и т. д.

Семейные общины и патронимии сыграли большую роль в процессах исторической миграции и колонизации, являясь теми подвижными коллективами, которым было под силу осваивать новые, в особенности девственные, места. Этим объясняется большая сохранность данных форм в районах исторической русской колонизации на Севере, Юге и в Приуралье.

Член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов сделал доклад на тему «Русские карты Северной Америки начала XVIII века». Изучение архивных фондов дало возможность докладчику ознакомиться не только с рядом неопубликованных документов, содержащих ранние сведения об Америке, но и с ещё не опубликованными картами начала XVIII века. Первая карта может быть названа

¹ Ж. М. Н. II. 1897, апрель.

Якутской картой 1710—1711 годов. Она, как можно предполагать, составлена по распоряжению племянника якутского губернатора стольника князя Гагарина и якутского воеводы Дерофея Траурнихта на основании распросных речей промышленников и служилых людей в Якутске в 1710—1711 годах. Эта первая в России и вообще первая в мире карта, на которой изображены пролив, названный впоследствии проливом Беринга, и часть континента Северной Америки, сообщает некоторые сведения и о жителях Америки. Кроме того она представляет собой большую ценность как документ о колонизации Камчатки и Чукотской земли.

Вторая знаменитая карта якутского дворянина Ивана Львова описана Г. Ф. Миллером. На неё ссылаются все исследователи, однако найти её никому не удавалось. Обнаружение данной карты позволит установить ту конфигурацию суши и моря, которая не соответствует современной карте и без которой описание Миллера может привести к ряду превратных толкований.

Третья карта была упомянута П. Н. Милюковым в его работе «Государственное хозяйство России в XVIII веке». Но П. Н. Милюков не определил автора и происхождения этой карты. В советское время на неё сослался проф. А. И. Андреев, но не опубликовал её. Карта эта составлена в 1719 г. полковником Яковом Агеевичем Елчиным на основании второго чертежа Ивана Козыревского, сделанного в результате его экспедиции в 1713 году. Она была передана камчадалскому приказчику Ивану Енисейскому, почему его имя и фигурирует в легенде карты. Карта воспроизводит второй чертёж Ивана Козыревского и содержит ряд моментов, связанных с постройкой русского флота на Восточном океане.

Названные карты представляют большой научный интерес и вместе с другими материалами позволяют по-новому поставить ряд вопросов о ранних сведениях об Америке.

Кроме названных, сообщил А. В. Ефимов, в г. Молотове в марте 1946 г. в его распоряжение поступили копии трёх карт, подписанные «Библиотекарь В. К.». Это один из сподвижников Петра I, Василий Киприянов, которому Пётр особым указом дал звание библиотекаря (Навигацкой школы в Моск-

ве). Эти карты имели несомненное практическое значение при посылке экспедиции Беринга.

Сравнение названных карт с амстердамскими и штриббергскими, картами Блеу, Блавиана, Гомана, Меркатора и Гондия, с позднейшими русскими рукописными и печатными картами и картой Евреннова 1721 г. показывают большое значение русских географических карт начала XVIII в. в развитии мировой географической науки.

В заключение докладчик сообщил, что ему удалось найти в архиве Вессоюзного географического общества, в личных делах члена этого Общества почётного академика Ф. Ф. Веселаго, считавшуюся утерянной ценнейшую часть главного архива Российско-Американской компании.

Выступивший по докладу А. В. Ефимова проф. А. И. Андреев возразил против того, чтобы считать первой русской картой Америки карту 1710 года. А. И. Андреев указал, что упомянутые в докладе интересные сведения Владимира Атласова об Америке были использованы Семёном Ульяновичем Ремезовым. И первая русская карта Америки — это карта тобольского дворянина Ремезова, который вскрыл пакет Атласова и, таким образом познакомившись с его якутскими отписками, впервые занёс на свою карту сведения Атласова о Камчатке и о Большой земле. Ремезов жил в Тобольске в те годы, когда там пленником жил швед Страленберг. Несомненно, что весьма подробные сведения, которые мы находим на карте Страленберга, основаны на русских источниках. Родство карт Страленберга и Ремезова поразительно.

Проф. А. В. Мишулин прочитал доклад на тему «Идеи международного права у древних эллинов». Докладчик, насколько это позволяют литературные тексты древних авторов и надписи, охарактеризовал институты обычного права у греков в области международной жизни и показал развитие идей международного правопорядка.

Сессия закончилась докладом чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарева, сделавшего интересный обзор и анализ скульптурных декораций Дмитриевского собора во Владимире.

В. А.

Защита диссертации в Институте истории Академии наук СССР

Защита докторской диссертации на тему «Народная реформация Томаса Мюнцера и Крестьянская война» старшим научным сотрудником Института истории АН СССР М. М. Смирным состоялась на заседании Учёного совета института 27 мая 1946 года.

В качестве официальных оппонентов выступали чл.-корр. АН СССР С. Д. Сказкин, чл.-корр. АН СССР Е. А. Косминский и проф. МГУ В. В. Стреланин-Терешкович.

Диссертант изложил три основные проблемы, которые он стремился разрешить в

своей работе, а именно: как была воспринята реформация теми крестьянскими и городскими массами, которые явились решающей силой в Крестьянской войне; каковы были источники народной реформации и, наконец, какое влияние оказала народная реформация на самый ход Крестьянской войны.

Работая над разрешением первой из этих проблем, М. М. Смирнин пришёл к выводу, что главным, центральным учением народной реформации в Германии явилось учение Томаса Мюнцера, который утверждал,

Якутской картой 1710—1711 годов. Она, как можно предполагать, составлена по распоряжению племянника якутского губернатора стольника князя Гагарина и якутского воеводы Дерофея Траурнихта на основании распросных речей промышленников и служилых людей в Якутске в 1710—1711 годах. Эта первая в России и вообще первая в мире карта, на которой изображены пролив, названный впоследствии проливом Беринга, и часть континента Северной Америки, сообщает некоторые сведения и о жителях Америки. Кроме того она представляет собой большую ценность как документ о колонизации Камчатки и Чукотской земли.

Вторая знаменитая карта якутского дворянина Ивана Львова описана Г. Ф. Миллером. На неё ссылаются все исследователи, однако найти её никому не удавалось. Обнаружение данной карты позволит установить ту конфигурацию суши и моря, которая не соответствует современной карте и без которой описание Миллера может привести к ряду превратных толкований.

Третья карта была упомянута П. Н. Милюковым в его работе «Государственное хозяйство России в XVIII веке». Но П. Н. Милюков не определил автора и происхождения этой карты. В советское время на неё сослался проф. А. И. Андреев, но не опубликовал её. Карта эта составлена в 1719 г. полковником Яковом Агеевичем Елчиным на основании второго чертежа Ивана Козыревского, сделанного в результате его экспедиции в 1713 году. Она была передана камчадалскому приказчику Ивану Енисейскому, почему его имя и фигурирует в легенде карты. Карта воспроизводит второй чертёж Ивана Козыревского и содержит ряд моментов, связанных с постройкой русского флота на Восточном океане.

Названные карты представляют большой научный интерес и вместе с другими материалами позволяют по-новому поставить ряд вопросов о ранних сведениях об Америке.

Кроме названных, сообщил А. В. Ефимов, в г. Молотове в марте 1946 г. в его распоряжение поступили копии трёх карт, подписанные «Библиотекарь В. К.». Это один из сподвижников Петра I, Василий Киприянов, которому Пётр особым указом дал звание библиотекаря (Навигацкой школы в Моск-

ве). Эти карты имели несомненное практическое значение при посылке экспедиции Беринга.

Сравнение названных карт с амстердамскими и штриббергскими, картами Блеу, Блавиана, Гомана, Меркатора и Гондия, с позднейшими русскими рукописными и печатными картами и картой Евреннова 1721 г. показывают большое значение русских географических карт начала XVIII в. в развитии мировой географической науки.

В заключение докладчик сообщил, что ему удалось найти в архиве Вессоюзного географического общества, в личных делах члена этого Общества почётного академика Ф. Ф. Веселаго, считавшуюся утерянной ценнейшую часть главного архива Российско-Американской компании.

Выступивший по докладу А. В. Ефимова проф. А. И. Андреев возразил против того, чтобы считать первой русской картой Америки карту 1710 года. А. И. Андреев указал, что упомянутые в докладе интересные сведения Владимира Атласова об Америке были использованы Семёном Ульяновичем Ремезовым. И первая русская карта Америки — это карта тобольского дворянина Ремезова, который вскрыл пакет Атласова и, таким образом познакомившись с его якутскими отписками, впервые занёс на свою карту сведения Атласова о Камчатке и о Большой земле. Ремезов жил в Тобольске в те годы, когда там пленником жил швед Страленберг. Несомненно, что весьма подробные сведения, которые мы находим на карте Страленберга, основаны на русских источниках. Родство карт Страленберга и Ремезова поразительно.

Проф. А. В. Мишулин прочитал доклад на тему «Идеи международного права у древних эллинов». Докладчик, насколько это позволяют литературные тексты древних авторов и надписи, охарактеризовал институты обычного права у греков в области международной жизни и показал развитие идей международного правопорядка.

Сессия закончилась докладом чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарева, сделавшего интересный обзор и анализ скульптурных декораций Дмитриевского собора во Владимире.

В. А.

Защита диссертации в Институте истории Академии наук СССР

Защита докторской диссертации на тему «Народная реформация Томаса Мюнцера и Крестьянская война» старшим научным сотрудником Института истории АН СССР М. М. Смирным состоялась на заседании Учёного совета института 27 мая 1946 года.

В качестве официальных оппонентов выступали чл.-корр. АН СССР С. Д. Сказкин, чл.-корр. АН СССР Е. А. Косминский и проф. МГУ В. В. Стреланин-Терешкович.

Диссертант изложил три основные проблемы, которые он стремился разрешить в

своей работе, а именно: как была воспринята реформация теми крестьянскими и городскими массами, которые явились решающей силой в Крестьянской войне; каковы были источники народной реформации и, наконец, какое влияние оказала народная реформация на самый ход Крестьянской войны.

Работая над разрешением первой из этих проблем, М. М. Смирнин пришёл к выводу, что главным, центральным учением народной реформации в Германии явилось учение Томаса Мюнцера, который утверждал,

что носителем истинного разума и социальной справедливости является народ. В качестве основных источников учения Мюнцера в диссертации рассматривается иоахимизм, мистические учения XIV в., в частности учение Таулера и учение таборитов. При этом автор подчёркивает, что даже в отношении таборитов Томас Мюнцер был не столько учеником, сколько продолжателем их учения. Диссертант показывает новизну и оригинальность концепции Мюнцера. Вторая часть работы М. М. Смиринна целиком посвящена выяснению роли Мюнцера и его «партии» (выражение Энгельса) в развёртывании Крестьянской войны.

Официальные оппоненты дали весьма высокую оценку работы М. М. Смиринна. Чл.-корр. АН СССР Сказкин подчеркнул, что диссертанту удалось дать на основе огромного количества новых документальных материалов, появившихся после 1843 г., т. е. после выхода книги Циммермана, такую обобщающую работу по Крестьянской войне, каких нет в западной исторической литературе. Критические замечания, сделанные С. Д. Сказкиным по первой части работы, касаются вопроса об источниках учения Томаса Мюнцера. С. Д. Сказкин считает недостатком работы игнорирование диссертантом влияния платоновских идей на Мюнцера, хотя Мюнцер сам упоминает о Платоне. Оппонент указывает диссертанту также на необходимость уточнить, о каком иоахимизме идёт речь в его работе. Томас Мюнцер не был, конечно, знаком с подлинным учением Иоахима Флорского, ему был доступен лишь псевдоиоахимизм. Во второй части диссертации, где речь идёт о конкретной революционной деятельности Мюнцера и о влиянии его радикальных идей на массы, по мнению оппонента, диссертант преувеличивает роль Томаса Мюнцера, вместе с тем неправильно рисует роль народа как какой-то пассивной массы. Конечно, значение Томаса Мюнцера в Крестьянской войне велико: он сумел сформулировать основные идеи этой революции и помог крестьянам изложить их требования, но крестьяне и сами знали, чего они хотят. Так, например, идея христианского союза, одна из основных идей в учении Мюнцера, нашла выражение ещё в манифесте Башмака в 1514 г., когда ни о каком влиянии Мюнцера говорить ещё нельзя.

Проф. Стоклицкая-Терешкович упрекает диссертанта в том, что он недостаточно показал роль городов и городских элементов в народной реформации и Крестьянской войне. Она отмечает также, что влияние мистиков на Томаса Мюнцера показано односторонне, Таулер выступает в работе М. М. Смиринна изолированно, а не на том фоне, на котором должна рисоваться эта фигура.

Чл.-корр. АН СССР Е. А. Косминский говорит в своём выступлении, что диссертация М. М. Смиринна является именно тем, чем должна быть докторская диссертация: плодом многолетней научной работы диссертанта. Отдельные части этого большого труда уже были опубликованы автором. С

основными выводами автора советские историки знакомились, слушая его доклады на учёных собраниях. Но только теперь, когда работа закончена, можно полностью оценить концепцию автора, его глубокую эрудицию и тот огромный труд, который вложен в два тома диссертации. Е. А. Косминский подчёркивает подкупающую стройность и завершенность концепции автора, который даёт сначала исчерпывающий анализ религиозного мировоззрения Мюнцера, а затем так же тщательно прослеживает ту роль, которую сам Мюнцер и мюнцеровская «партия» играли в Крестьянской войне. Е. А. Косминский замечает, что некоторое сомнение у читателя должно вызвать то обстоятельство, что в картине движения масс, как её даёт диссертант, как-то пропадают элементы стихийности, а остаётся лишь организованная, централизованная деятельность мюнцеровской «партии». Второе замечание Е. А. Косминского касается вопроса об источниках учения Мюнцера: оппонент полагает, что дополнительно к тем источникам учения Мюнцера, которые выяснены диссертантом, было бы весьма полезно проследить влияние на него идей Джона Болла, лоллардов и Виклифа.

В заключительном слове М. М. Смирин возражает против ряда упреков, сделанных ему оппонентами. Так, отвечая на замечание С. Д. Сказкина по поводу влияния на Мюнцера платоновских идей, М. М. Смирин приводит веские соображения, заставившие его придти к выводу, что гуманистическая идеология с её античной традицией в основном осталась чуждой Мюнцеру. М. М. Смирин возражает и против основного обвинения, выдвинутого против него С. Д. Сказкиным и поддержанного Е. А. Косминским, — недооценки им революционной инициативы народных масс. М. М. Смирин напоминает, что он использовал в своей работе весь хроникальный материал о конкретных крестьянских и плебейских выступлениях в различных частях Германии. Его основная мысль сводится к тому, что учение Мюнцера отвечало требованиям масс, поэтому оно получило такое эффективное значение в ходе Крестьянской войны и поэтому маленькая группа его учеников сыграла в ней непропорционально большую роль.

Не соглашается М. М. Смирин и с критикой В. В. Стоклицкой-Терешкович, упрекавшей его в недостаточном освещении влияния мистиков на Мюнцера. М. М. Смирин приводит высказывания Мюнцера, в которых последний с презрением отзывался о разного рода книжниках, к числу которых, несомненно, надо отнести и мистиков. Диссертант признаёт большую ценность соображений, высказанных Е. А. Косминским, о близости учения Мюнцера к учению Джона Болла, лоллардов и Виклифа. Однако разбор этих вопросов является большой и самостоятельной темой.

Учёный совет Института истории единогласно присудил М. М. Смирину степень доктора исторических наук.

З. Мосина

Сектор славяноведения Института истории Академии наук СССР

Сектор начал свою деятельность с 1939 года. С самого начала работы сектора в нём принял деятельное участие действительный член Чешской академии наук проф. З. Р. Неядлы, ныне министр социального обеспечения и президент Чешской академии наук. Своей огромной научной деятельностью З. Р. Неядлы много способствовал укреплению сектора. Возрождение изучения истории южных славян неразрывно связано с именем покойного академика Ю. В. Готье и с именем Д. С. Густинича, ныне декана экономического факультета Люблянского университета (Югославия). Участие в работе сектора таких видных историков, как академики Б. Д. Греков и Н. С. Державин, члены-корреспонденты АН СССР С. К. Богоявленский, А. Д. Удадьцов и доктор исторических наук проф. М. Н. Тихомиров, также много содействовало упрочению и развитию научно-исследовательской работы сектора. Общее руководство сектором было возложено на чл.-корр. АН СССР В. И. Пичету. Привлечение в аспирантуру окончивших исторический факультет Московского университета и специализирующихся на изучении истории славянских народов позволило подготовить кадры молодых специалистов.

В настоящее время сектор славяноведения располагает всеми данными, чтобы широко развернуть научно-исследовательскую деятельность. В годы Великой Отечественной войны сектор работал над популяризацией истории славянских народов. В коллективном сборнике статей «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии» (1944) составители показали, как славянские народы боролись за свою национальную и политическую независимость, против немецкой агрессии, стремившейся к порабощению и уничтожению славянских народов. Сектором была поставлена и разработана проблема образования государств у славянских народов. А. Д. Удадьцов и акад. Н. С. Державин разрабатывали вопрос об этногенезе славян. Сектор приступил к работе над составлением истории отдельных славянских народов. Уже опубликованы две части «Истории Болгарии» акад. Н. С. Державина. В. И. Пичета подготовил к печати «Историю Польши» с древнейших времён до восстания 1863 г. (в двух томах). С. К. Богоявленский написал «Историю Сербии»; Б. Т. Горянов — «Историю Черногории»; Д. С. Густинич — «Историю Хорватии». Наконец, сектор приступил к изучению историографии южных и западных славян, над которой работает В. И. Пичета.

В пятилетнем плане сектор ставит своей задачей разработку ряда важнейших проблем по истории славянских народов, сравнительно слабо отражённых в историографии.

Пятилетний план сектора славяноведения 1946—1950 годов представляется в следующем виде:

В. И. Пичета — «История Польши». Т. III (1863—1914), «Феодальные поместья

в Белоруссии в XV—XVIII вв.», «История города Дубровники в XV—XVI вв.»; В. Н. Кондратьева — «Босния и Герцеговина с 1875 по 1909 г.», «Русская дипломатия и печать в отношении к аннексии Боснии и Герцеговины»; М. В. Миско — «Польское государство в 1918—1939 гг.», Б. Т. Горянов — «Византийский поздний феодализм»; Б. М. Руколь — «Эпоха чешской реформации»; С. Ш. Гринберг — «Болгария 1878—1923 гг.»; А. К. Целовальникова — «Чешское возрождение в первой половине XIX века»; В. Д. Королюк «Русско-польские отношения при Петре I»; Г. Э. Санчук — «Феодальные отношения в Чехии в XIV—XV вв.»; И. И. Удадьцов — «Чехия в период капитализма»; И. С. Достян — «Внешнее положение Сербии в XIV—XVI вв.»; И. С. Миллер — «Международное положение Польши в XVII веке»; Н. Д. Ратнер — «Национально-политическое движение в Чехии во второй половине XIX века»; А. А. Никольская — «Газета «День» и славянские проблемы». Намечены к разработке следующие проблемы: «Польша и международное положение в XVIII веке», «Далматинские города», «Хорватское крестьянство в XV—XVI вв. и восстание крестьян», «Аграрный строй Сербии в средние века», «Рабочий класс и рабочее движение в Болгарии, Сербии, Словении, Чехии, Польше». Вне плана В. И. Пичета, И. И. Удадьцов и Д. С. Густинич заняты разработкой вопроса «Славянские народы в революции 1848 года».

Научная работа сектора славяноведения в первом полугодии 1946 г. нашла своё отражение в научных докладах, заслушанных на его заседаниях. Тематика докладов была следующая: В. И. Пичета «Дипломатия кн. Адама Чарторыжского», «Памяти ак. Ст. Кутшебы», «Христо Ботев и его историко-философские взгляды», «Аграрно-крестьянский вопрос в королевстве Польском 1815 — 1830 гг.»; «Очередные задачи советского славяноведения»; Н. В. Березников «Некоторые данные о захвате Молдавии Румынией в 1917 г.»; И. С. Достян «Политика России и Франции в славянских странах Адриатического побережья 1806—1813 гг. и образование иллирийских провинций Австрии»; С. В. Юшков «К вопросу о дофеодальном варварском государстве», «К проблеме образования феодального государства»; А. П. Никольская «Польский вопрос в освещении газеты «День»; И. И. Удадьцов «К вопросу о возникновении чешской «национально-свободолюбивой партии»; Б. М. Руколь «Взгляды Иеронима Пражского и программа таборитов», «Письмо Поджио Брачнолини»; Н. Д. Ратнер «Возникновение венгерско-хорватского соглашения 1868 г.»; М. В. Миско «Русско-польские отношения в период разделов Польши в освещении С. М. Соловьёва», «Концепции историков Бобржинского, Дмбовского, Кутшебы по вопросу о воссоздании польского государства»; Б. Т. Горянов «Феодор Метохит — визан-

тийский гуманист»; В. Д. Корольюк «Польско-русские отношения 1697—1702 гг.»; С. Ш. Гринберг «Болгария в 1918—1939 гг.»; В. Н. Кондратьева «Аграрный вопрос в Боснии накануне восстания 1875 г.»; Г. Э. Санчук «Majestas Carolina»; Ф. А. Грекул «Феодальные отношения в Молдавии при Стефане Великом».

Сектором сдан в печать «Славянский сборник», т. I, в котором помещены статьи З. Р. Песды «Образование чешского государства»; Ю. В. Готье «Образование гербского государства»; В. И. Пичеты «Образование польского государства» и «Юрий Крижанич и отношение его к Русскому го-

сударству»; С. К. Бюжяленского «Политические связи сербов с Русским государством в XVII—XVIII вв.»; М. П. Тихомирова «Культурные связи русского народа с южными славянами»; Л. В. Разумовского «Крестьянские возмущения в Подолье в XIII в.»; В. Д. Корольюк «Государство Готшалка»; Г. Э. Санчук «Majestas Carolina»; С. А. Никитина «Дипломатические сношения Сербии с Россией в 60-х годах XIX века». Кроме того сектором сданы в печать краткая история Польши и Чехии и подготавливаются к печати сборник «Югославия» и «Славянский сборник», т. II.

Проф. В. Пичета

Дипломные работы по новой истории студентов исторического факультета Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова

В весеннюю экзаменационную сессию студентами-дипломантами написаны и защищены на заседаниях кафедры новой истории 23 дипломные работы. Из них 7 работ представлены слушателями специальных семинаров профессоров Л. И. Зубока и А. С. Ерусалимского, в которых изучались вопросы подготовки Версальского мирного договора и разработки мирного договора на Парижской мирной конференции; 4 работы получили отличную оценку, 3 — хорошую.

Внимание кафедры привлекла работа дипломантки Поздеевой «Внешняя политика Германии в период от Комьенского перемирия до подписания Версальского договора». Дипломантка глубоко проработала XXIII том собрания Сочинений В. И. Ленина, сборник документов «Внешняя политика СССР 1917—1944 гг.», т. I, использовала огромную переводную литературу — мемуары французских, английских, американских и немецких политических деятелей, — а также значительное число книг на английском и немецком языках.

Руководитель семинара проф. А. С. Ерусалимский и рецензент доцент Г. Г. Толмачёв, высоко оценив сочинение Поздеевой, считают, что она, несомненно, обладает способностями к научно-исследовательской работе в области всеобщей истории.

В семинаре доц. А. Л. Парочкиного дипломанты работали над проблемами дальневосточной политики. Все пять представленных дипломантами работ удостоены отличной оценки. Наиболее выдающейся признана работа студентки Острецовой «Германия в Китае в годы 1861—1895». Дипломантка изучила официальную немецкую публикацию и ряд других материалов на немецком языке. Она сумела в небольшом исследовании дать яркую картину разбойничьей политики германского империализма в Китае. Рецензент проф. А. А. Гусер отметил, что даже на фоне очень хороших

работ этого выпуска работа Острецовой заслуживает особого внимания. Автора работы кафедра рекомендовала в аспирантуру.

Хорошую работу на тему «Французская дипломатия и позиция держав во франко-китайской войне 1884—1885 гг.» представила студентка Кислица.

В семинаре проф. В. М. Хвостова студенты занимались вопросами первой мировой войны. Две работы: студентки Орловой «Ветунление Турции в первую мировую войну» и студента Гиншберга «Комьенское перемирие» — получили отличные оценки.

Группа студентов избрала своей темой историю общественных и политических течений («Иоганн Якоби») в семинаре проф. Р. А. Авербух и вопросы экономической истории («Экономические вопросы в исторических произведениях, посвящённых революции 1848 г. у Рейнара») в семинаре проф. Ф. В. Потёмкина. В семинаре проф. В. М. Лавровского студентом Караваевым написана интересная работа «Кодексе агрикультуры» Синклера как исторический источник». В семинаре доцента А. Я. Гуральского студенткой Артемьевой написано дипломное сочинение «Борьба Жереса против опасности войны в период апрель — июль 1914 г.».

Дипломанты разработали несколько пограничных между новой историей и историей СССР тем, например: «Русская политика Дж. Квиннинга в период Тильзита и Эрфурта» (семинар проф. И. С. Завяича), «Россия и Октябрьское восстание в Вене», «Позиция Австрии в Крымской войне» (семинар проф. Р. А. Авербух), «Влияние русской революции 1905 г. на избирательную борьбу в Пруссии» (семинар доц. А. Я. Гуральского). Большинство этих работ, написанных с использованием значительного количества иностранных и русских источников, заслужило высокую оценку.

Повышой избранной темы обилием привлечённой литературы и самостоятельно-

тийский гуманист»; В. Д. Корольков «Польско-русские отношения 1697—1702 гг.»; С. Ш. Гринберг «Болгария в 1918—1939 гг.»; В. Н. Кондратьева «Аграрный вопрос в Боснии накануне восстания 1875 г.»; Г. Э. Санчук «Majestas Carolina»; Ф. А. Грекул «Феодальные отношения в Молдавии при Стефане Великом».

Сектором сдан в печать «Славянский сборник», т. I, в котором помещены статьи З. Р. Песды «Образование чешского государства»; Ю. В. Готье «Образование гербского государства»; В. И. Пичеты «Образование польского государства» и «Юрий Крижанич и отношение его к Русскому го-

сударству»; С. К. Бюжовленского «Политические связи сербов с Русским государством в XVII—XVIII вв.»; М. П. Тихомирова «Культурные связи русского народа с южными славянами»; Л. В. Разумовского «Крестьянские возмущения в Подолье в XIII в.»; В. Д. Корольков «Государство Готшалка»; Г. Э. Санчук «Majestas Carolina»; С. А. Никитина «Дипломатические сношения Сербии с Россией в 60-х годах XIX века». Кроме того сектором сданы в печать краткая история Польши и Чехии и подготавливаются к печати сборник «Югославия» и «Славянский сборник», т. II.

Проф. В. Пичета

Дипломные работы по новой истории студентов исторического факультета Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова

В весеннюю экзаменационную сессию студентами-дипломантами написаны и защищены на заседаниях кафедры новой истории 23 дипломные работы. Из них 7 работ представлены слушателями специальных семинаров профессоров Л. И. Зубока и А. С. Ерусалимского, в которых изучались вопросы подготовки Версальского мирного договора и разработки мирного договора на Парижской мирной конференции; 4 работы получили отличную оценку, 3 — хорошую.

Внимание кафедры привлекла работа дипломантки Поздеевой «Внешняя политика Германии в период от Комьенского перемирия до подписания Версальского договора». Дипломантка глубоко проработала XXIII том собрания Сочинений В. И. Ленина, сборник документов «Внешняя политика СССР 1917—1944 гг.», т. I, использовала огромную переводную литературу — мемуары французских, английских, американских и немецких политических деятелей, — а также значительное число книг на английском и немецком языках.

Руководитель семинара проф. А. С. Ерусалимский и рецензент доцент Г. Г. Толмачёв, высоко оценив сочинение Поздеевой, считают, что она, несомненно, обладает способностями к научно-исследовательской работе в области всеобщей истории.

В семинаре доц. А. Л. Парочкиного дипломанты работали над проблемами дальневосточной политики. Все пять представленных дипломантами работ удостоены отличной оценки. Наиболее выдающейся признана работа студентки Острецовой «Германия в Китае в годы 1861—1895». Дипломантка изучила официальную немецкую публикацию и ряд других материалов на немецком языке. Она сумела в небольшом исследовании дать яркую картину разбойничьей политики германского империализма в Китае. Рецензент проф. А. А. Губер отметил, что даже на фоне очень хороших

работ этого выпуска работа Острецовой заслуживает особого внимания. Автора работы кафедра рекомендовала в аспирантуру.

Хорошую работу на тему «Французская дипломатия и позиция держав во франко-китайской войне 1884—1885 гг.» представила студентка Кислица.

В семинаре проф. В. М. Хвостова студенты занимались вопросами первой мировой войны. Две работы: студентки Орловой «Ветунление Турции в первую мировую войну» и студента Гиншберга «Комьенское перемирие» — получили отличные оценки.

Группа студентов избрала своей темой историю общественных и политических течений («Иоганн Якоби») в семинаре проф. Р. А. Авербух и вопросы экономической истории («Экономические вопросы в исторических произведениях, посвящённых революции 1848 г. у Рейнара») в семинаре проф. Ф. В. Потёмкина. В семинаре проф. В. М. Лавровского студентом Караваевым написана интересная работа «Кодексе агрикультуры» Синклера как исторический источник». В семинаре доцента А. Я. Гуральского студенткой Артемьевой написано дипломное сочинение «Борьба Жереса против опасности войны в период апрель — июль 1914 г.».

Дипломанты разработали несколько пограничных между новой историей и историей СССР тем, например: «Русская политика Дж. Квиннинга в период Тильзита и Эрфурта» (семинар проф. И. С. Заввича), «Россия и Октябрьское восстание в Вене», «Позиция Австрии в Крымской войне» (семинар проф. Р. А. Авербух), «Влияние русской революции 1905 г. на избирательную борьбу в Пруссии» (семинар доц. А. Я. Гуральского). Большинство этих работ, написанных с использованием значительного количества иностранных и русских источников, заслужило высокую оценку.

Повышой избранной темы обилием привлечённой литературы и самостоятельно-

стью сделанных выводов заметно выделяется работа студентки Рабинович «Русская политика Джорджа Каннинга в период Тильзита и Эрфурта» (руководитель семинара — проф. И. С. Звавич). Особое достоинство этой работы рецензент проф. Н. М. Дружинин видит в анализе экономических причин, толкавших Англию на укрепление отношений с Россией (при посредничестве Турции и через новые южные порты России).

Из 23 дипломантов лишь одна студентка не использовала для своего сочинения ни одного иностранного материала, и потому её работа заслужила только удовлетвори-

тельную оценку (работа сама по себе написана толково и грамотно), все же остальные дипломные сочинения фундированы богатыми историческими источниками и материалами на иностранных языках.

Для написания сочинений дипломанты имели в своём распоряжении только второй семестр. Однако интенсивная работа студентов в сочетании с квалифицированным руководством и консультацией профессорско-преподавательского состава дала прекрасные результаты: 18 работ получили отличную оценку, 4 — хорошую и только 1 — удовлетворительную.

А. Крастилевская

Новая экспозиция по XIX веку в Государственном историческом музее

В сентябре 1945 г. в Государственном Историческом музее в Москве открылись два новых обширных зала, посвящённых истории России XIX века.

Первая часть экспозиции (зал 28-й) освещает события внешней и внутренней истории государства за первую четверть XIX в., а также явления социально-экономической истории первой половины века. Вторая часть (зал 28-а) посвящена в основном истории Отечественной войны 1812 г. и движению декабристов.

В разделе внешней и внутренней политики начала XIX в. представлены портреты четырёх членов Негласного комитета и малоизвестный ранний портрет императора Александра I (художник Молье). Руководитель внешней политики А. Р. Воронцов, разношерстный государственный деятель Н. П. Румянцев, выдающийся русский экономист Н. С. Мордвинов, реформатор М. М. Сперанский, герой Шенграбена П. И. Багратион, отличившиеся участники русско-шведской войны Я. П. Кульнев и М. Б. Барклай де Толли, командующий русскими войсками в турецкой войне М. И. Кутузов представлены в подлинных портретах того времени (масло, акварель, гравюра).

Здесь же представлены копии основных документов по дипломатической истории, в том числе Тильзитский мирный договор, договор со Швецией 1809 г., Гюллиштадтский договор и др.

Привлекают к себе внимание письма Кутузова Александру I с описанием событий под Кремсом и разоблачением предательских действий австрийцев и вновь открытые подлинные письма турецких государственных деятелей, датированные маем 1812 г., адресованные Кутузову в связи с завершением им переговоров о мире.

Центральное место экспозиции данного раздела занимает литография, иллюстрирующая знаменитое свидание Александра I с Наполеоном на реке Неман. В последнем разделе помещено изображение Эрфуртского свидания 1808 года.

Отечественной войне отведено наиболее значительное место: эта тема занимает две трети огромного зала. Исторический музей обладает богатейшей коллекцией вещей и документов эпохи Отечественной войны 1812 г., что помогло достойно отразить эту величественную тему.

В разделе, охватывающем время от вторжения Наполеона в Россию до изгнания его из Москвы и сражения при Малоярославце, вещевой материал исключительно русский. Уникальные мундиры русской армии: от генеральского — генерала Пресображенского полка (принадлежал лично Александру I) — до солдатских. Русские полковые знамёна, образцы всех видов строевого оружия, с марками заводов, изготовлявших его. В витринах расположены вещи, принадлежавшие отдельным военным деятелям. Кутузовских вещей немного: маленький плетёный бумажник и походный самоварчик. К этим вещам музею удалось присоединить ещё одну, непосредственно связанную с боевой деятельностью полководца, — приобретённую у его потомков подзорную трубу. Уцелела и выставлена орденская лента Багратиона. Экспонирована также сохранившаяся как семейная реликвия его хрустальная печатка-клише. К этой же категории вещей относится георгиевский крест, принадлежавший Я. П. Кульневу, его же сабля, сабля И. С. Дорохова, полученная им, как говорит зафиксированное предание, в память сражения при городе Верее, пара пистолетов, полученных М. И. Платовым от города Лондона во время его поездки в Англию вскоре после окончания войны, и др.

Наиболее интересная категория экспонатов — архивные документы. Здесь находятся и не опубликованные ещё или изданные в редких и забытых книгах и журналах письма и донесения героев войны 1812 года.

В специальной витрине собраны подлинные письма М. И. Кутузова. Здесь находится подлинник письма, адресованного исполняющему обязанности военного министра А. И. Герцкову с запросом о состоянии ар-

стью сделанных выводов заметно выделяется работа студентки Рабинович «Русская политика Джорджа Каннинга в период Тильзита и Эрфурта» (руководитель семинара — проф. И. С. Звавич). Особое достоинство этой работы рецензент проф. Н. М. Дружинин видит в анализе экономических причин, толкавших Англию на укрепление отношений с Россией (при посредничестве Турции и через новые южные порты России).

Из 23 дипломантов лишь одна студентка не использовала для своего сочинения ни одного иностранного материала, и потому её работа заслужила только удовлетвори-

тельную оценку (работа сама по себе написана толково и грамотно), все же остальные дипломные сочинения фундированы богатыми историческими источниками и материалами на иностранных языках.

Для написания сочинений дипломанты имели в своём распоряжении только второй семестр. Однако интенсивная работа студентов в сочетании с квалифицированным руководством и консультацией профессорско-преподавательского состава дала прекрасные результаты: 18 работ получили отличную оценку, 4 — хорошую и только 1 — удовлетворительную.

А. Крастилевская

Новая экспозиция по XIX веку в Государственном историческом музее

В сентябре 1945 г. в Государственном Историческом музее в Москве открылись два новых обширных зала, посвящённых истории России XIX века.

Первая часть экспозиции (зал 28-й) освещает события внешней и внутренней истории государства за первую четверть XIX в., а также явления социально-экономической истории первой половины века. Вторая часть (зал 28-а) посвящена в основном истории Отечественной войны 1812 г. и движению декабристов.

В разделе внешней и внутренней политики начала XIX в. представлены портреты четырёх членов Негласного комитета и малоизвестный ранний портрет императора Александра I (художник Молье). Руководитель внешней политики А. Р. Воронцов, разношерстный государственный деятель Н. П. Румянцев, выдающийся русский экономист Н. С. Мордвинов, реформатор М. М. Сперанский, герой Шенграбена П. И. Багратион, отличившиеся участники русско-шведской войны Я. П. Кульнев и М. Б. Барклай де Толли, командующий русскими войсками в турецкой войне М. И. Кутузов представлены в подлинных портретах того времени (масло, акварель, гравюра).

Здесь же представлены копии основных документов по дипломатической истории, в том числе Тильзитский мирный договор, договор со Швецией 1809 г., Гюллиштадтский договор и др.

Привлекают к себе внимание письма Кутузова Александру I с описанием событий под Кремсом и разоблачением предательских действий австрийцев и вновь открытые подлинные письма турецких государственных деятелей, датированные маем 1812 г., адресованные Кутузову в связи с завершением им переговоров о мире.

Центральное место экспозиции данного раздела занимает литография, иллюстрирующая знаменитое свидание Александра I с Наполеоном на реке Неман. В последнем разделе помещено изображение Эрфуртского свидания 1808 года.

Отечественной войне отведено наиболее значительное место: эта тема занимает две трети огромного зала. Исторический музей обладает богатейшей коллекцией вещей и документов эпохи Отечественной войны 1812 г., что помогло достойно отразить эту величественную тему.

В разделе, охватывающем время от вторжения Наполеона в Россию до изгнания его из Москвы и сражения при Малоярославце, вещевой материал исключительно русский. Уникальные мундиры русской армии: от генеральского — генерала Пресображенского полка (принадлежал лично Александру I) — до солдатских. Русские полковые знамёна, образцы всех видов строевого оружия, с марками заводов, изготовлявших его. В витринах расположены вещи, принадлежавшие отдельным военным деятелям. Кутузовских вещей немного: маленький плетёный бумажник и походный самоварчик. К этим вещам музее удалось присоединить ещё одну, непосредственно связанную с боевой деятельностью полководца, — приобретённую у его потомков подзорную трубу. Уцелела и выставлена орденская лента Багратиона. Экспонирована также сохранившаяся как семейная реликвия его хрустальная печатка-клише. К этой же категории вещей относится георгиевский крест, принадлежавший Я. П. Кульневу, его же сабля, сабля И. С. Дорохова, полученная им, как говорит зафиксированное предание, в память сражения при городе Верее, пара пистолетов, полученных М. И. Платовым от города Лондона во время его поездки в Англию вскоре после окончания войны, и др.

Наиболее интересная категория экспонатов — архивные документы. Здесь находятся и не опубликованные ещё или изданные в редких и забытых книгах и журналах письма и донесения героев войны 1812 года.

В специальной витрине собраны подлинные письма М. И. Кутузова. Здесь находится подлинник письма, адресованного исполняющему обязанности военного министра А. И. Герцкову с запросом о состоянии ар-

мейских резервов; оно датировано 11 августа, т. е. днём отъезда Кутузова из Петербурга в армию.

Драгоценнейшими экспонатами являются две записки-распоряжения главнокомандующего Д. С. Дохтурову, написанные карандашом на четвертушках бумаги во время самого Бородинского сражения. Среди автографов Кутузова имеются его письма, адресованные командирам ополчений и местным властям времени Тарутинского лагеря. Они говорят о напряжённой деятельности фельдмаршала по укреплению своей армии, которую он получил от своих предшественников в сильно расстроенном состоянии. Письма гражданским властям свидетельствуют о желании Кутузова поднять моральный дух народа; в них запечатлена твёрдая уверенность в благоприятном исходе войны несмотря на то, что они писались, когда армия Наполеона находилась в Москве. Из числа неопубликованных документов назовём распоряжения конца 1812 г., отмечающие первые замыслы плана военных действий за границами России, два письма Дохтурову, написанные в один и тот же день по вопросу о его награждении. Эти письма говорят об исключительно тёплом отношении Кутузова к своему испытанному боевому товарищу. Во втором, сугубо частном письме, написанном полностью рукой Кутузова, он осуждает формальное отношение царя к заслугам Дохтурова.

Богатый документальный материал имеется о П. И. Багратионе. Особенно выделяются в нём два объёмистых дела из походной канцелярии командующего второй армией, содержащие его переписку с Тормасовым и Платовым. На экспозиции представлены также многочисленные документы о Барклае де Толли, о руководителях партизанских отрядов и т. д. Значительны также и французские документы: экспонирован подлинный паспорт посланца Наполеона Нарбонна, датированный маем 1812 года. Любопытен современный французский документ, говорящий о численности наполеоновской армии на разных этапах войны, в нём останавливает внимание цифра личного состава армии противника на день Бородинского сражения, совпадающая с данными Кутузова, — 180 тыс. человек.

Для последовательного изложения событий войны 1812 г. большую помощь оказывают альбомы литографий двух офицеров наполеоновской армии — А. Адама и Фабер дю Фора. Первый состоял в корпусе Евгения Богарне, второй был артиллерийским офицером в корпусе Нея. Сделанные ими с натуры рисунки взаимно дополняют друг друга. Эти иллюстрации по своей достоверности могут рассматриваться как своеобразные документы войны, отражающие иногда те её стороны, которые слабо отражены в письменных источниках.

Воспроизведение подвигов русских солдат, сделанное рукой противника, приобретает особую значимость. На рисунке Фабер дю Фора изображён сражённый русский егерь. Когда армия Наполеона заняла Смоленск и против русского стрелка был направлен огонь многочисленных солдат,

егерь, оставшись один, посылал из-за реки патрон за патроном, пока они у него не иссякли. Он погиб, не оставив своего боевого поста.

Бородинскому сражению отведено значительное место. Литография русского художника Мартынова даёт обзор Бородинского поля с того места, откуда наблюдал за ходом сражения Кутузов, — с Горкинской батареи. Рисунки Фабер дю Фора отображают действия на нашем левом фланге; Адама — на правом и в центре.

Экспозиция даёт богатый материал о партизанской войне. Здесь выставлен подбор интереснейших портретов руководителей отрядов, в том числе первых наших партизан: Дорохова и Давыдова. Из портретов последнего особенно любопытны портрет работы Лангера и английская гравюра с оригинала Орловского, дающая знаменитого партизана на коне во главе своего отряда.

Экспозиция снабжена большим количеством карт и планов. По-новому составлен план Тарутинского сражения, на котором нанесены действия не только на реке Чернишине, но и под Фоминском, что позволяет более глубоко охарактеризовать замысел и исход сражения.

Второй раздел посвящён окончательному разгрому армии Наполеона. Здесь в обилии дан первоклассный вещевой материал, отбитый русскими или брошенный в поспешном бегстве наполеоновской армией. Брошенная постель Наполеона, отбитая под Вязьмой его личная кухня, взятый в бою под Красным жезл маршала Даву, маршальские мундиры и многие другие предметы говорят о степени разгрома противника.

Заграничные походы 1813—1815 гг. показаны не так детально и последовательно, как война 1812 г., что обусловлено ограниченностью места и тем обстоятельством, что эти походы сравнительно слабо освещены в современной нашей научной литературе.

Из военных действий 1813—1815 гг. музей выделил лишь наиболее значительные эпизоды. Кульмская операция раскрыта на целом комплексе экспонатов, помещённом в центре соответствующего раздела. Здесь можно видеть подлинный мундир Остерман-Толстого, в котором он был тяжело ранен, современную картину, изображающую пленение маршала Вандамма русскими войсками, большое изображение сражения при деревне Гисгюбель и другие экспонаты. Богатый комплекс материалов дан о действиях русских войск под Парижем и их пребывании в столице Франции. Ряд экспонатов говорит о ведущем значении России в антинаполеоновской коалиции. Об успехах русской армии свидетельствует длинный ряд ключей немецких, бельгийских и французских городов, занятых в 1813—1814 гг. русскими войсками.

На экспозиции представлен красочный материал по всем основным явлениям, объединяемым в понятие «аракчеевщина». Редкие и уникальные иллюстрации и документы показывают военную муштру, реакционные извращения в области предвещения,

военные поселения, здесь же даны и портреты «героев» этого мрачного направления правительственной политики во главе с Аракчеевым и патриархом Фотиом.

Особенно примечательны щиты, посвящённые состоянию исторических и экономических наук в первой четверти XIX века. Они построены на оригинальном и редком портретном, книжном и рукописном материале. Историки представлены Карамзиным, Калайдовичем, Каченовским, Востоковым, Олениным и другими деятелями. Демонстрируются издания ценнейших исторических материалов, осуществлённые при содействии Н. П. Румянцева. Экономисты представлены редкими или уникальными портретами Мордвинова, Н. И. Муравьёва, М. Г. Павлова, Н. И. Тургенева, К. Арсеньева и др.

Движение декабристов в большей своей части представлено портретами, из которых особенно ценны те, которые сделаны художником-декабристом Н. А. Бестужевым. В известном издании Зензинова «86 портретов» они появились в искажённом позднейшими перерисовками виде. Группировка портретов произведена по различным декабристским обществам.

Большой раздел новой экспозиции составляет тема экономики России первой половины XIX века. Эта тема в музее получила несколько расширительное толкование. В неё включается также культурно-бытовая характеристика основных социальных групп населения, так как в бытовых формах часто хорошо проявляются экономические процессы. Вместе с тем такое расширение материала позволило значительно обогатить экспозицию, которая в прежнее время в музее строилась на мало доходчивом, преимущественно научно-вспомогательном материале.

Первый экспозиционный комплекс относится к помещичьему хозяйству. Здесь прежде всего отмечаются попытки его рационализации. Широко известные в историко-экономической литературе хозяйства братьев Полторацких предстают в красочных конкретных образах из альбомов этих поместий. Дальше подробно характеризуются типичные поместья с их неподвижным, рутинным укладом хозяйства.

Убедительность экспозиции возрастает в силу её монографичности. Типичные дворян-

ские хозяйства описаны комплексно, как например поместье «Отрада», принадлежавшее Орловым. Оно представлено видами поместья и большими портретами его владельцев. Особенно ценна серия картин по куракинскому поместью Степановское, подробно раскрытая в специальном исследовании научного сотрудника музея А. Г. Введенской.

В показе крестьянского материала подчёркиваются те элементы в жизни крепостной деревни, которые способствовали разложению её патриархального уклада: развитие промыслов, отходничество, ростовщического капитала и т. д. Большая коллекция предметов резьбы по дереву даёт не только образцы высокохудожественного творчества крестьян Среднего Поволжья, но и иллюстрирует развитие крестьянских промыслов. Крепостной буржуазии посвящена подлинная обстановка крестьянина-скупщика промышленной полосы России в середине XIX века.

От темы торговли и промышленности экспозиция переходит к характеристике города как социально-экономического комплекса и сословно-административной организации. Собранный материал заставляет усомниться в распространённом мнении о полном упадке городской жизни в дореформенной России. Виды городов, таких, как Воронеж, Орёл, Москва и др., свидетельствуют о том, что города являлись центрами русской культуры.

Последняя тема экспозиции — крепостная металлургическая и металлообрабатывающая промышленность на Урале — обеспечивается материалом, который собирался музеем в советское время путём экспедиций. В орудиях труда хорошо воссоздаются основные звенья производственного процесса.

В центре зала помещены витрины с обильным количеством продукции отдельных отраслей производства.

Открывшиеся залы означают новый этап в экспозиционной работе музея.

Научные сотрудники музея стремились в своей последней экспозиции сочетать данные современной советской исторической науки с подлинно музейной формой показа.

П. Рындзюнский

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Правительство США создало специальную службу микрофильмирования документов государственных учреждений, архивохранилищ и библиотек побеждённых стран. Для руководства и координации этой работы создано два центра — в Лондоне и Токио¹. В обоих этих центрах созданы

¹ Вначале созданный на Гавайских островах, этот центр по мере передвижения американских войск был переведён на о. Гуам, затем — на Филиппины и, наконец, после капитуляции Японии, — в Токио.

специальные крупные лаборатории, в которых производится фотографическая обработка всех материалов, уменьшение их до нужных размеров и пр. Документы доставляются из побеждённых стран в оригиналах или в виде фотокопий. Специальные группы сотрудников с участием фотографов выезжают в важнейшие хранилища документов в побеждённых странах — Италии, Германии, Австрии, — отбирают и фотографируют материалы. Не ограничиваясь документами публического характера, американцы уделяют большое внимание техни-

военные поселения, здесь же даны и портреты «героев» этого мрачного направления правительственной политики во главе с Аракчеевым и патриархом Фотиом.

Особенно примечательны щиты, посвящённые состоянию исторических и экономических наук в первой четверти XIX века. Они построены на оригинальном и редком портретном, книжном и рукописном материале. Историки представлены Карамзиным, Калайдовичем, Каченовским, Востоковым, Олениным и другими деятелями. Демонстрируются издания ценнейших исторических материалов, осуществлённые при содействии Н. П. Румянцева. Экономисты представлены редкими или уникальными портретами Мордвинова, Н. И. Муравьёва, М. Г. Павлова, Н. И. Тургенева, К. Арсеньева и др.

Движение декабристов в большей своей части представлено портретами, из которых особенно ценны те, которые сделаны художником-декабристом Н. А. Бестужевым. В известном издании Зензинова «86 портретов» они появились в искажённом позднейшими перерисовками виде. Группировка портретов произведена по различным декабристским обществам.

Большой раздел новой экспозиции составляет тема экономики России первой половины XIX века. Эта тема в музее получила несколько расширительное толкование. В неё включается также культурно-бытовая характеристика основных социальных групп населения, так как в бытовых формах часто хорошо проявляются экономические процессы. Вместе с тем такое расширение материала позволило значительно обогатить экспозицию, которая в прежнее время в музее строилась на мало доходчивом, преимущественно научно-вспомогательном материале.

Первый экспозиционный комплекс относится к помещичьему хозяйству. Здесь прежде всего отмечаются попытки его рационализации. Широко известные в историко-экономической литературе хозяйства братьев Полторацких предстают в красочных конкретных образах из альбомов этих поместий. Дальше подробно характеризуются типичные поместья с их неподвижным, рутинным укладом хозяйства.

Убедительность экспозиции возрастает с силу её монографичности. Типичные дворян-

ские хозяйства описаны комплексно, как например поместье «Отрада», принадлежавшее Орловым. Оно представлено видами поместья и большими портретами его владельцев. Особенно ценна серия картин по куракинскому поместью Степановское, подробно раскрытая в специальном исследовании научного сотрудника музея А. Г. Введенской.

В показе крестьянского материала подчёркиваются те элементы в жизни крепостной деревни, которые способствовали разложению её патриархального уклада: развитие промыслов, отходничество, ростовщическое капитал и т. д. Большая коллекция предметов резьбы по дереву даёт не только образцы высокохудожественного творчества крестьян Среднего Поволжья, но и иллюстрирует развитие крестьянских промыслов. Крепостной буржуазии посвящена подлинная обстановка крестьянина-скупщика промышленной полосы России в середине XIX века.

От темы торговли и промышленности экспозиция переходит к характеристике города как социально-экономического комплекса и социально-административной организации. Собранный материал заставляет усомниться в распространённом мнении о полном упадке городской жизни в дореформенной России. Виды городов, таких, как Воронеж, Орёл, Москва и др., свидетельствуют о том, что города являлись центрами русской культуры.

Последняя тема экспозиции — крепостная металлургическая и металлообрабатывающая промышленность на Урале — обеспечивается материалом, который собирался музеем в советское время путём экспедиций. В орудиях труда хорошо воссоздаются основные звенья производственного процесса.

В центре зала помещены витрины с обильным количеством продукции отдельных отраслей производства.

Открывшиеся залы означают новый этап в экспозиционной работе музея.

Научные сотрудники музея стремились в своей последней экспозиции сочетать данные современной советской исторической науки с подлинно музейной формой показа.

П. Рындзюнский

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Правительство США создало специальную службу микрофильмирования документов государственных учреждений, архивохранилищ и библиотек побеждённых стран. Для руководства и координации этой работы создано два центра — в Лондоне и Токио¹. В обоих этих центрах созданы

¹ Вначале созданный на Гавайских островах, этот центр по мере передвижения американских войск был переведён на о. Гуам, затем — на Филиппины и, наконец, после капитуляции Японии, — в Токио.

специальные крупные лаборатории, в которых производится фотографическая обработка всех материалов, уменьшение их до нужных размеров и пр. Документы доставляются из побеждённых стран в оригиналах или в виде фотокопий. Специальные группы сотрудников с участием фотографов выезжают в важнейшие хранилища документов в побеждённых странах — Италии, Германии, Австрии, — отбирают и фотографируют материалы. Не ограничиваясь документами публичного характера, американцы уделяют большое внимание техни-

ческим материалам и снимают копии со всех представляющих интерес чертежей, моделей, расчётов и пр.

◆ 6—7 ноября 1945 г. в Индианополисе (штат Индиана, США) состоялась очередная (9-я) годовая конференция Американского архивного общества, созванная Американской ассоциацией локальной истории. В работе конференции приняли участие Историческое общество штата, библиотеки штата и др. На конференции были заслушаны доклады, посвящённые организации и работе местных архивов, вопросам хранения и обработки исторических документов и т. п.

◆ 18—20 апреля в Блумингтоне (штат Индиана, США) состоялась годовая конференция Исторической ассоциации бассейна Миссисипи. Центральным вопросом конференции явилось обсуждение вопроса о преподавании новой истории в школе и высших учебных заведениях. Подверглись изучению вопросы методики преподавания, самостоятельной и семинарской работы и т. п.

◆ Экспедиция учёных США в юго-восточной части Перу открыла развалины крупных поселений, до сих пор не известных науке. Открытие было сделано случайно. Участники американской этнографической экспедиции, работавшей в провинции Мадре де Диас (юго-восточное Перу), на обратном пути, в районе Кордильеры Вилькабамба, в провинции Урубамба (в 75 км к северо-западу от гор. Куско), услышали от местных жителей легенду о существовании грандиозных руин и древних людей в долине реки Урубамба. При ознакомлении с указанным местом учёные действительно обнаружили развалины, частично засыпанные землёй и скрытые разросшимися растениями. В результате более подробного ознакомления с этим участком было установлено существование большой группы древних поселений, раскинувшихся уступами по склону гор. Город занимает площадь в 36 кв. километров. Поскольку в составе экспедиции не было опытных археологов, раскопки пришлось ограничить очисткой некоторой части развалин от заносов, песка и растений, тщательной геологической разведкой, описанием, зарисовкой и фотографированием. Найденные ценные предметы быта переданы в музей г. Куско.

◆ В Латинской Америке начали выходить два новых журнала историко-демографического характера. Журнал «Afro-America», выходящий в Мексике, посвящён истории негров в Латинской Америке: работорговля, поселения негров, антропология, этнография. Журнал будет выходить два раза в год. Первый двойной номер вышел в конце 1945 года. Журнал «Boletín del Instituto indigenista nacional» является органом Гватемальского института по изучению народностей; он посвящён главным образом истории и этнографии Центральной Америки. Первый номер вышел в декабре 1945 года. Журнал будет выходить поквартально.

◆ В демократической Болгарии восстанавливается и развёртывается работа научных учреждений. Софийский народный археологический музей, несмотря на значительные трудности, организовал в 1945 г. серию раскопок. Первая экспедиция работала по раскопке древнейшего поселения близ села Михалич (в Свиленградеке). Здесь обнаружены остатки культуры бронзового века, весьма сходные с культурой древней Трои. Результаты этих раскопок дают материал для изучения древнейшей истории Юго-Восточной Европы. Раскопки в селе Пикюп (близ г. Тырново) были продолжением работ, начатых ещё в 1900—1901 г. французским археологом Сёр. Здесь сохранились развалины древнего города Николювие, основанного императором Траяном в начале II в. нашей эры. Очищено два зала древнего здания, обнаружены водопровод и мощёная улица. Третья группа археологов работала над раскопками и восстановлением древнейших болгарских столиц — Преславы и Плиски. Раскопан ряд древних храмовых сооружений, найдено значительное количество предметов домашнего быта и церковной утвари.

◆ В начале 1945 г. в Лондон прибыла серия официальных документов, относящихся к конференции Объединённых наций, состоявшейся в Сан-Франциско в апреле—июне 1945 года. Документы, занимающие по объёму около 3500 куб. футов, прибыли в Лондон для временного хранения. После того как постоянное местопребывание организации Объединённых наций было установлено в США, там приступили к строительству зданий для учреждений организации, и все архивы позднее будут свезены туда. Среди документов, прибывших в Лондон, находятся протоколы конференции, всех её комиссий и комитетов на всех официальных языках: русском, английском, французском, испанском и китайском. Все материалы напечатаны в нескольких экземплярах, кроме того засняты на фотоплёнках и микрофильмированы.

◆ В апреле 1946 г. исполнилось двадцать лет существования Палестинского института восточных наук. Институт создан по инициативе известного еврейского учёного-арабиста Джозефа Горовица. За двадцать лет существования института в его стенах создан ряд ценных трудов по истории арабов, арабской культуры и языка, например история арабской литературы (Никольсон), исследование о Коране (Ривлин) и др. Институтом выущен ряд капитальных публикаций: критическое издание истории ислама арабского учёного IX в. аль-Баладури; автобиография видного египетского философа Таха Гуссейна в переводе на еврейский язык и др. В институте успешно бок о бок трудятся арабские и еврейские учёные, шаг за шагом опровергая басню британских империалистов о непримиримом антагонизме арабского и еврейского народов в Палестине.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Кучкин А. — Советизация казахского аула (1926—1929 гг.)	3
Воледарский И. — Н. А. Серно-Соловьевич — выдающийся деятель русской революционной демократии	24
Коклев Г., проф. — Русско-кабардинские отношения в XVI—XVIII вв.	44
Зубок Л., проф. — Из истории американо-мексиканских отношений в 1920—1939 годах	61

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Лер-Сплавинский Т., проф. — О происхождении и прародные славяни	81
Кудрявцев Ф. — Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII—XX веках	85
Гофман Ц. — Первые коммунистические субботники (1919 г.)	91
Воронихин А. — К биографии Ермака	93
Арциховский А., проф. — Археологическая поездка на Балканы	100
Каждан А. — Греческие рукописи библиотеки им. В. И. Ленина	107
Житомирская С. — Коллекция иностранных автографов Библиотеки имени В. И. Ленина	103

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи

Люблинская А. — Ришелье в исторической литературе XIX—XX вв.	112
--	-----

Рецензии

Устигов Н. — Богоявленский С. Приказные судьи XVII в.	117
Черепнин М. — Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. I—II	119
Пичета В., проф. — «Учёные записки» Ярославского государственного педагогического института. Вып. VII (XVII)	120
Лясковский С. — Сборник «Судоподъём» № 1 (29), № 2 (30), 1945 год	123
Захарова М. — Мидлер Дж. Происхождение американской революции	125
Семёнов В., проф. — У. Холдер и Г. Левис. Левеллерские памфлеты, 1647—1653	129
Вронский Б. — Моргентау Г. Германия — наша проблема	130
Горянов Б. — Диль Ш. Большие проблемы византийской истории	133
Толмачев Г. — Петрушов А. Аграрные отношения в Германии	135

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Кунтиков Н., Евангулова М. — Заметка архивистов	144
Дядькин В. — К 25-летию существования Североосетинского государственного педагогического института имени К. Л. Хетагурова	144
Илларионов В. — В Горьковском педагогическом институте	145
Гимади Х. — Научная сессия по вопросам истории Татарской АССР	146
В. А. — Ленинградская сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР	147
В. А. — Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР	149
Мосина З. — Защита диссертации в Институте истории Академии наук СССР	151
Пичета В., проф. — Сектор славяноведения Института истории Академии наук СССР	153
Крастилевская А. — Дипломные работы по новой истории студентов исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова	154
Рындзюнский П. — Новая экспозиция по XIX веку в Государственном Историческом музее	155

Историческая наука за рубежом

CONTENTS:

ARTICLES: Kouchkin A. — The Period of Collectivization in Kazakhstan. Volodarsky I. — N. A. Serno-Solovievich. — An Eminent Personage of Russian Revolutionary Democracy. Kokiev G., Prof.—Russian-Kabardinian Relations in the XVI—XVIII Centuries. Zoubok L., Prof.—From the History of American-Mexican Relations in the period 1920—1939. INFORMATIONS, PUBLICATIONS, REVIEWS: Ler-Splavinsky T., Prof.—On the Origin and the Land of the Forefathers of the Slavs. Koudriavtzev F. — The Role, of Russian Culture in the Development of the Buryat-Mongolian People in the XVIII—XIX Centuries. Gofman Z. — The First Communist Subbotniks (1919). Voronikhin A. — Concerning the Biography of Yermak. Artzikhovskiy A., Prof. — The Archeological Expeditions to the Balkan Countries. Kazhdan A. — Greek Manuscripts of the Lenin Library. Jitomirskaya S. — A Collection of Foreign Autographs of the Lenin Library. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CRITICAL ARTICLES. BIBLIOGRAPHICAL NOTES. CALENDER OF EVENTS.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Koutchkine A. — La période de collectivisation au Kazakhstan. Volodarski I. — N. A. Serno-Solovievitch — personnage éminent de la démocratie révolutionnaire russe. Kokiev G., prof. — Rapports russo-kabardiens au XVI-ème—XVIII-ème ss. Zoubok L., prof. — Les rapports entre le Mexique et les Etats-Unis de 1920 à 1939. COMMUNICATIONS, PUBLICATIONS, NOTES: Ler-Splavinski. prof. — Des origines et de l'aire initiale des Slavs. Koudriavtzev F. — L'influence de la culture russe sur le développement du peuple Bouriate-Mongol aux XVIII-ème—XIX-èmes. Gofman C. — Les premiers „Samedi communistes“ (1919). Voronikhine A. — De nouveaux détails sur la biographie d'Ermak. Artzikhovski A., prof. — Un voyage archéologique aux Balkans. Kajdan A. — Manuscripts grecs de la bibliothèque Lénine. Jitomirskaja S. — Collection d'autographes étrangers de la bibliothèque Lénine. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CRITIQUE. NOTES BIBLIOGRAPHIQUES. CHRONIQUE.

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (отв. редактор), Е. Н. Гордецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Тел. Д 3-31-04.

А — 13085. Изд. № 706. Заказ № 2230. Тираж 33.600 экз.

Подписано к печати 28/XI 1946 г. 10 печ. л. 68.000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.